

ПЕТР СТОЛЫПИН

Дмитрий
Шабачник
Виктор
Воронин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Серьезное исследование известных историков Д. В. Табачника и В. Н. Воронина посвящено одной из наиболее знаковых фигур отечественной истории — великому государственнику и реформатору Петру Аркадьевичу Столыпину (1862–1911), сумевшему после жесткого подавления революции начать масштабное преобразование Российской империи. Авторы на основе большого количества архивных документов и воспоминаний современников воссоздают облик председателя Совета министров, уроки жизни и деятельности которого чрезвычайно актуальны для современной России. Особое внимание уделяется перипетиям бескомпромиссной борьбы главы правительства и министра внутренних дел с революционным террором, реализации программы системных реформ, направленных одновременно на укрепление государства и развития общественного самоуправления, попыткам достичь соглашения с либеральной оппозицией, политическим интригам и раскладу сил в правящей верхушке. Также подробно исследуется история загадочного убийства П. А. Столыпина агентом охранного отделения, являющегося до настоящего времени одним из наиболее таинственных политических покушений минувшего века.

Наряду с государственной деятельностью П. А. Столыпина авторы показывают и его сложный внутренний мир, а также рассказывают историю романтической любви к жене Ольге Борисовне Столыпиной (урожденной Нейдгардт).

-
- [Дмитрий Табачник](#)
    - [ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ](#)
    - [«ПРОСТОЙ И МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ...»](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
      - [Попытка создания коалиционного кабинета](#)
      - [В борьбе с «великими потрясениями»](#)
      - [«Возведение лесов»](#)
      - [Драма 3 июня](#)

- [«Путь созидательной работы»](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
  - [ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. СТОЛЫПИНА](#)
  - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
-

Дмитрий Табачник
Виктор Воронин
ПЕТР СТОЛЫПИН:
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РЕФОРМАТОРА

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей.

П. А. Столыпин

Меня вела моя вера...

*Из последнего письма П. А. Столыпина жене,
28 августа 1911 года*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ

Имя Петра Аркадьевича Столыпина, выдающегося государственного деятеля и реформатора, занимает особое место в отечественной истории. Этого человека, наделенного многими талантами, политика, обладавшего, несомненно, стратегическим мышлением, даром рассудительности и способностью точно проанализировать сложившуюся ситуацию, современники считали «консервативным либералом» и «либеральным консерватором».

С чем же связана столь неоднозначная и на первый взгляд противоречивая оценка его личности? Петр Аркадьевич выступал сторонником проведения последовательных и решительных, но в то же время гибких преобразований в самых разных сферах общественной жизни. Среди важнейших достижений Столыпина — знаменитая аграрная реформа, представлявшая собой настоящий национальный проект, целью которого было укрепление главного производительного социального класса Российской империи — крестьянства. Деятельность Столыпина сначала на посту министра внутренних дел, а потом и главы правительства вызывала ожесточенные споры и критику со стороны всех действовавших тогда политических сил. Далеко не все понимали и принимали проводимый им курс политического и экономического обновления России.

В данной книге Петр Аркадьевич предстает перед читателем как добрый христианин, волею Божией призванный к высокому и ответственному государственному служению. Будучи смелым человеком и активным политиком, Столыпин имел много недоброжелателей, но до конца своих дней всей душой оставался верен Христу, царю и Отечеству, являя собой пример жертвенной любви к Родине, искренней, самоотверженной и бескорыстной заботы о благе народа.

Считаю факт выхода книги важным событием в культурной жизни всех стран исторической Руси. Призываю читателей к серьезным размышлениям о нашем будущем и прошлом, обращение к которому делает нас рассудительнее и мудрее.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«ПРОСТОЙ И МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ...»

*Если бы были призраки, которые мешали бы мне,
то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков
я не знаю.*

П. А. Столыпин

Один из соратников Столыпина — Иван Иванович Тхоржевский, занимавший крайне важный для реализации аграрной реформы пост помощника начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия МВД, вошел в историю не только как видный государственный деятель императорской России, а потом и Белого движения. Он также являлся талантливым поэтом и переводчиком, в том числе автором прекрасных переводов Омара Хайяма. Памяти погибшего, подобно воину на поле брани, за «Веру, Царя и Отечество», заплатившего собственной жизнью за проводившуюся с нечеловеческой энергией политику коренного обновления всего строя государственной и общественной жизни империи, великого премьера-реформатора, он посвятил следующие поэтические строки:

Он — был из одного куска,
Как глыба цельного гранита.
И мысль его была ярка,
Неустрасима и открыта.
Уже забытою порой
Полубезумного шатанья
Вернул он к жизни — твердый строй,
Вернул он власти — обаянье.

В этих простых, лишенных ненужного пафоса словах точно и исчерпывающе характеризуется вся суть «эпохи Столыпина», вернувшей не только «твердый строй», но и «обаянье» власти. Именно «обаянье» — пусть данное определение и звучит несколько непривычно. Выскажем мысль — именно благодаря тому, что после смерти Столыпина власть

начала стремительно утрачивать «обаяние», стали возможны дальнейшие революционные потрясения (те самые «полубезумные шатанья»), под знаком которых прошла большая часть отечественной истории XX века и которые продолжают отбрасывать тень и на день сегодняшний.

Видимо, совмещение черт практического государственного деятеля и человека высокого искусства, подлинного творца сделало возможным то, что Тхоржевский ясно видел вещи как будто очевидные, но ускользавшие от внимания подавляющего большинства современников (как, впрочем, они ускользают и спустя столетие). Ведь именно Тхоржевскому принадлежат и следующие слова о Столыпине, но уже не оформленные в стихотворные строки, а написанные с позиции преданного сподвижника в деле великих преобразований: «Упрямый русский националист (понятно, что речь идет о национализме не этническом, а имперско-государственном, когда понятие нации носит политически-объединяющий характер. — *Авт.*), он был и упрямейшим, подтянутым западником: человеком чести, долга и дисциплины (здесь, как и далее, курсив наш. — *Авт.*). Он ненавидел русскую лень и русское бахвальство, штатское и военное. Столыпин твердо знал и помнил две основные вещи: 1) России надо было внутренне привести себя в порядок, подтянуться, окрепнуть, разбогатеть и 2) России ни в коем случае — еще долго! — не следовало воевать.

Благодаря Столыпину Россия в начале XX века вышла из смуты и вступила в полосу невиданного ранее хозяйственного расцвета и великодержавного роста. Перед такой заслугой — так ли существенны столыпинские ошибки, уклоны и перегибы!

Как человек и политик, П. Столыпин всегда был практическим реалистом, он трезво и просто разглядывал любое положение и внимательно искал из него выход. Зато раз приняв решение, шёл на его исполнение безбоязненно, до самого конца. И на наших глазах этот простой и мужественный образ честного реалиста был не только облечен героическим ореолом: он начинает уже обрастать светящейся легендой — в согласии с исторической правдой».

Не будем говорить о данной оценке основных положений столыпинской политики, хотя Тхоржевский здесь предельно точен. Во всяком случае очевидно, что исторически роль Столыпина чрезвычайно сходна с ролью Петра Великого, сумевшего точно так же, преодолев хаос и расхлябанность, выстроить великую державу и дать толчок ее дальнейшему развитию. Однако Столыпину действовать было несравненно труднее, чем создателю Российской империи. Для Петра Великого вопрос о методах действий, их оценке со стороны общественного мнения и

внешнего мира вообще не стоял, а глава правительства Николая II действовал в стране, вставшей (пусть вначале крайне неуверенно) на путь суверенного демократического развития. Более того, если для первого российского императора основным условием успешности реформ являлась в первую очередь максимально возможная концентрация реальной власти в своих руках, то сводить политику преобразований Столыпина только к фактору укрепления власти, серьезно пострадавшей в результате революции и террора (хотя, разумеется, это было обязательным условием для всех дальнейших его действий), было бы явной примитивизацией. Одной из важнейших составляющих столыпинского курса реформ было строительство институтов народного самоуправления, в том числе и передача ряда властных функций от центра к земствам. Да, зачастую Столыпин был вынужден действовать предельно жесткими и недемократическими методами, но делалось это не в целях сохранения утратившего эффективность управления авторитаризма, а, напротив, создания нового, построенного на идее свободного национального развития, общества.

Но всё же главное в словах Тхоржевского — не столько характеристика политического курса премьера, сколько видение его как личности, чье величие еще в полной мере не осознано. Заметим, что именно в данном контексте мы старались писать и данную книгу. И сейчас, в совершенно новой исторической обстановке, мы вновь и вновь возвращаемся к столыпинскому эксперименту, и возвращаемся отнюдь не только ради интереса к прошлому. Успех Столыпина (пусть и предельно быстро нивелированный его преемниками) и ныне указывает направления деятельности как в экономической сфере, так и в жизненно необходимом для успешного развития построении эффективной модели власти, передачи максимума ее функций на места и даже в геополитике, вечные законы которой действительно для всех времен.

Тхоржевский недаром применил к образу Столыпина эпитеты «мужественный» и «простой». И если первый самоочевиден (и даже, возможно, недостаточен для определения человека, занимавшего не один год две самые смертельно опасные должности в империи — министра внутренних дел и главы правительства), то второй требует некоторого пояснения. Дело в том, что Петр Аркадьевич был действительно прост как государственный деятель. Причем прост естественно, а не расчетливо, с целью получения большей популярности. Недаром у Тхоржевского «простота» неразрывно связана с такими понятиями, как честь и долг.

В представленной книге мы старались показать, что величие

Столыпина как государственного деятеля заключалось, прежде всего, в том, что он брал свою программу не из абстрактных теоретических построений, а «просто» — непосредственно из жизни. В первую очередь так создавалась (далеко не одномоментно) концепция аграрной реформы, ставшей одним из главных дел его жизни. Она строилась на очевидном для преобразователя России естественном чувстве собственности, о чем Столыпин говорил прямо: «Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности».

Кроме того, чрезвычайно значимо для понимания личности Столыпина и то, что, несмотря на многочисленные обвинения как политических врагов, так и завистников-«единомышленников», вопросы честолубия и карьеры были ему совершенно безразличны. Более того, власть он ни в коей мере не воспринимал как цель, а лишь как тяжкое бремя, и только чувство долга (неразрывное для него, как для потомка древних дворянских родов, урожденного Рюриковича, с чувством чести) заставляло нести это тяжкое бремя. Нести, не только ежечасно рискуя жизнью своей и близких, но и постоянно получая крайне болезненные удары по самолюбию и незаслуженные обвинения.

Не менее важно для нашего понимания Столыпина и его действий то, что он был подлинно православным политиком. Православным — отнюдь не в смысле декларирования внешнего обрядоверия. Вся его государственная деятельность была основана на христианском мировоззрении. Даже беспощадно казнить террористов он был вынужден не из чуждого ему чувства мести, а чтобы сохранить страну от пролития неизмеримо большего количества крови невинных людей. Именно глубокая вера помогла Столыпину выстоять в тяжелейших испытаниях, которые он при вступлении в должность министра внутренних дел считал непреодолимыми только силами человеческими. Но, несмотря на подобный пессимизм, Столыпин в своих практических действиях ни в коей мере не исходил из настроений исторической обреченности, а неизменно, при любых обстоятельствах действовал решительно, видя в этом свой долг государственного деятеля и православного христианина.

В числе немногих Столыпин впервые в истории сумел

противопоставить отлаженной и разрастающейся подобно раковой опухоли террористической системе свою решимость идти до конца и в конечном счете созданную им более действенную систему государственной борьбы с терроризмом. Время полностью подтвердило правоту этого пути, приобретшего особенную актуальность в эпоху глобального терроризма.

О глубине столыпинского самоотречения во имя высших интересов ярко свидетельствуют слова премьера, сказанные им в разгар революционного террора: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, устремляя уже взоры в вечность. А вечером, когда опять возвращаюсь в свою комнату, то благодарю Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания о близости смерти, как расплаты за свои убеждения. Порою, однако, я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

Да, замысел убийцы и стоящих за ним сил в конечном счете удался, и недаром на одном из возложенных на могилу траурных венков было написано: «Запугать тебя не могли, тебя предательски убили».

Однако Столыпин сумел в подлинном смысле «смертию смерть поправить», о чем свидетельствует востребованность его идей высшего порядка.

Председатель Совета министров полностью отдавал себе отчет во внутреннем тотально бездуховном содержании революции, которую необходимо было подавить не только физически, но и морально для дальнейшего обновления страны.

Отнюдь не случайным является то, что именно благодаря Столыпину в патриотической части русской интеллигенции созрело и выкристаллизовалось понимание бессодержательности и пагубности любой революции, какими бы красивыми лозунгами она ни маскировала свою отталкивающую сущность.

Именно под влиянием Столыпина, ставшего для страны не только государственным, но и нравственным лидером, оказалось возможным такое уникальное духовное явление, как сборник «Вехи», в котором лучшая и наиболее прозорливая часть интеллигенции выразила свое неприятие революционной лжи.

Без реализации столыпинского курса один из главных участников «Вех» Семен Франк никогда бы не смог дать исчерпывающего определения революционного миража, определения действительного для всех времен — от якобинцев до нынешних — срежиссированного умелыми внешними

кукловодами шоу подчас кровавых «цветных революций». Процитируем эти слова, значение которых со временем только возрастает: «Всякая революция обходится народу слишком дорого, не окупает своих издержек; в конце всякой революции общество, в результате неисчислимых бедствий и страданий анархии, оказывается в худшем положении, чем до нее, просто потому, что истощение, причиняемое революцией, всегда неизмеримо больше истощения, причиняемого самым тягостным общественным строем, и революционный беспорядок всегда хуже самого плохого порядка. Революция есть всегда чистое разрушение, а не творчество. Правда, на развалинах разрушенного, по окончании разрушения или даже одновременно с ним, начинают действовать и восстанавливающие творческие силы организма, но это суть силы не самой революции, а скрытые, сохраненные от разрушений живые силы; и то, что они творят, всегда совсем не похоже на то, к чему стремились силы революции, во имя чего затевалась и подготовлялась революция. Эти живые силы не порождены революцией и даже не освобождены ею; как всё живое, они имеют органические корни в прошлом, действовали уже при "старом порядке", и как бы затруднено ни было тогда их действие, оно во всяком случае не менее ослаблено разрушением и пустотой, причиненными революцией. Поэтому телеологически при обсуждении осмысленности действий, планомерно направленных на улучшение, всякая революция должна быть признана бессмыслицей и потому преступлением. Как бы тягостен ни был какой-либо сложившийся общественный порядок, как бы ни задерживал он творческого развития народной жизни, он имеет преимущество живого перед мертвым, бытия перед небытием; как бы медленно и болезненно ни шло произрастание новых форм жизни в лоне старого, сохранение этого лона всегда лучше отрыва от него и его разрушения».

Не вызывает сомнения, что современный политический, националистический и религиозный экстремизм, нынешняя псевдodemократическая смердяковщина являются прямыми наследниками революционного нигилизма начала прошлого века, которого сумел победить только такой подлинно великий государственный деятель как Столыпин, что особенно важно подчеркнуть — государственный деятель, исходивший во всех своих действиях не только из текущих интересов. Недаром среди своих предков он имел святого великомученика князя Михаила Черниговского. Столыпин понимал, что народ — это не только люди, ныне живущие. Это в равной степени и все ушедшие поколения, жившие на этой земле, и поколения, которым надо передать в будущем и землю, и цивилизационную ментальность, без которой земля становится

просто территорией.

Если же подняться до философско-онтологических обобщений, то очевидно, что борьба Столыпина с революционным разрушением во всех его видах является неотъемлемым элементом борьбы с глобальным хаосом. Можно сформулировать это положение еще шире — частью вечной борьбы бытия с небытием.

Именно в философском плане значение наследия Столыпина всё более возрастает сейчас, когда уже весь мир после краха биполярной модели планетарного равновесия постоянно балансирует на грани глобального хаоса.

Премьер отчетливо видел и в террористических актах, и в сладком тлене духовного разложения так называемого «серебряного века» признаки глобальной атаки на Традицию, как основу государственного и ментального бытия. И сейчас, когда мы вновь наблюдаем, насколько усилился разрушительный напор против Традиции в ее различных ипостасях, столыпинский опыт не может не быть не востребован.

Столыпин в свое время принял на себя основной удар сил глобального хаоса, целью которых было, как еще ранее пророчески писал великий философ-отшельник Константин Леонтьев, тотальное нивелирование культур, достижение окончательной унификации мира, что явится концом цивилизации как соцветия культур и традиций.

Председатель Совета министров абсолютно верно избрал единственно возможную модель сопротивления наступлению унифицированного зла — органическое сочетание мер силового и духовного сопротивления. Их синтез позволил ему сохранить страну, которая вскоре, несмотря на проигранную войну с Японией и перенесенные революционные потрясения, вновь заняла принадлежащее ей по праву место в мире.

Увы, как точно отметил один из активных проводников столыпинского курса Сергей Крыжановский: «Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покатилась под гору и сама Россия».

Но в конечном счете вера, долг и честь Столыпина оказались сильнее пуль и бомб боевиков-террористов, клеветы и непонимания поставленных им целей со стороны оппозиции, косности и нежелания преобразований большей части правящей верхушки. Великий реформатор исторически победил навсегда, пусть даже ему пришлось заплатить жизнью за преобразованную Россию. Он еще раз доказал непреложную для истории истину — только политика, основанная на подлинной вере, политика чести и долга, политика не во имя собственного честолюбия, а во имя народа

может быть действительно успешной.

Поэтому, погибший как солдат на посту, председатель Совета министров является в первую очередь символом исторического оптимизма и нашего грядущего духовного возрождения.

Глава первая

«DEO SPES MEA»

История не творится произвольными деяниями «великих людей», как то думали в доброе старое время. Но история не творится и какими-то безличными силами, выражающимися в деяниях и настроениях масс, как то думали лет 50 назад. История — это сплошная равнодействующая поступков множества личностей, каждая из коих складывается в зависимости от общественных и культурных условий, в которых ей довелось развиваться, и вкладывается в исторические события со своим удельным весом, зависящим от персональных свойств и общественного положения.

Н. С. Тимашев^{[\[1\]](#)}, из предисловия к книге М. П. Бок «Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине»

Очевидно, что тема родословной Столыпина заслуживает отдельного фундаментального исследования — настолько она интересна и неисчерпаема. Дворянский род Столыпиных восходит ко второй половине XVI века, и множество его представителей оставили заметный след в истории государства Российского.

Первое письменное упоминание о роде Столыпиных относится ко времени царствования Иоанна IV (более известного в истории как Иван Грозный), когда некий тверской дворянин «Второй Титович Столыпин» «подписался на поручной записи (письменное поручительство за кого-либо в том, что это лицо в назначенный срок «на суд станет». — *Авт.*) бояр и дворян по князю Охлябине». Именно этот Второй Титович Столыпин (о котором больше практически ничего, кроме упоминания в поручной записи, не ведомо) и стал первым известным нам предком будущего великого реформатора по отцовской линии. Однако официальная последовательная поколенная роспись рода Столыпиных начинается не с него, а с жившего уже в самом конце XVI века тверского дворянина Григория Столыпина, который и считается основателем дворянского рода.

Причина кроется, наиболее вероятно, в том, что во время Смутного времени множество документов о дворянских родах пропало в общей сумятице и безвластии, а восстановить их потом не представлялось возможным.

Сын Григория Столыпина Афанасий упоминается в источниках как муромский городской дворянин, у которого были поместье в 850 четвертей и жалованье в 25 рублей в Муромском уезде.

Род Столыпиных внесен в VI часть родословной книги Пензенской и Саратовской губерний, и в этих губерниях фамилия Столыпиных была всегда хорошо известна и пользовалась уважением. Кстати, именно данное обстоятельство, в определенной мере, способствовало успешной деятельности Столыпина на посту саратовского губернатора в годы революционного лихолетья. А в Никольском районе Пензенской области до наших дней сохранилось родовое село Петра Аркадьевича — Столыпино, носившее в советские времена «политкорректное» название Междуречье — с целью стирания в народе памяти о царском премьере.

Родственниками Столыпина были представители знаменитых дворянских родов Горчаковых, Лермонтовых (Михаил Юрьевич Лермонтов — троюродный брат Петра Аркадьевича Столыпина), Голицыных, Мордвиновых, Вяземских, Чаадаевых, Евреиновых, Дохтуровых, Оболенских, Шереметевых, Давыдовых, Сипягиных, Кочубеев, Лопухиных-Демидовых, Мещериновых и др.

Стоит хотя бы коротко сказать о некоторых наиболее выдающихся предках будущего премьера, и отнюдь не потому, что авторы придают излишне большое значение генеалогии и преувеличивают роль наследственности. Дело в том, что сам Петр Аркадьевич всегда помнил о своих служивых предках, гордился их заслугами перед Отечеством, и его становление в качестве государственного деятеля во многом обусловлено упомянутым фактором.

Можно практически безошибочно предположить, что все мужчины из дворянского рода Столыпиных участвовали в многочисленных войнах своего времени — тогда это была общая судьба всех дворян, жизнь которых отнюдь не казалась раем. Свои привилегии они неизменно оплачивали своей же кровью, и еще очень далеко было до современного Петру Аркадьевичу времени разложения российского дворянства, о котором коротко и точно сказал его соратник из Киева Василий Витальевич Шульгин: «Был класс, да съездился».

Однако, как правило, документов о воинской службе Столыпиных не сохранилось, и можно только предполагать, что, например, упоминавшийся

выше Второй Титович Столыпин не мог не участвовать в военных походах Ивана Грозного.

Документы о службе Столыпиных царю и Отечеству обнаруживаются начиная с внука Григория Столыпина — дворянина из города Муром Сильвестра Афанасьевича Столыпина, который принимал участие в войне с Польшей 1654–1656 годов. В 1672 году Сильвестр был пожалован в московские дворяне и получил грамоту на вотчину в 140 четвертей из 700 четвертей поместного оклада в Муромском уезде.

И после него все Столыпины служили Отчизне на военной или иной государственной службе, что уже подтверждается многочисленными документами.

Так, Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825) кроме того, что был популярным писателем, автором известных в его время произведений «Восточный моралист», «Нравоучительная повесть», «Отрывок», дослужился при императоре Александре I до сенатора. Его старшая сестра Елизавета (1773–1845) приходилась родной бабкой Михаилу Юрьевичу Лермонтову, а сын Алексей (1816–1856) был близким другом последнего.

Алексея Аркадьевича Столыпина (которого друзья обычно называли Монго) современники считали человеком незаурядным, и среди друзей Лермонтова он был наиболее интересной и значительной фигурой. Вот что писал о Монго историк литературы Павел Александрович Висковатов, автор первой биографии поэта и редактор его собрания сочинений: «Отменная храбрость этого человека была вне всякого подозрения. И так было велико уважение к этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпина, что, когда он однажды отказался от дуэли, на которую был вызван, никто в офицерском кругу не посмел сказать укорительного слова и этот отказ, без всяких пояснительных замечаний, был принят и уважен, что, конечно, не могло бы иметь места по отношению к другому лицу: такая была репутация этого человека. Он несколько раз вступал в военную службу и вновь выходил в отставку. По смерти Лермонтова, которому он закрыл глаза, Столыпин вскоре вышел в отставку и поступил вновь на службу в Крымскую кампанию в Белорусский гусарский полк, храбро дрался под Севастополем (там за выдающуюся храбрость он получил золотое оружие и был досрочно произведен в майоры. — *Авт.*), а по окончании войны вышел в отставку и скончался затем в 1856 году во Флоренции».

А вот что писал о своём друге сам Лермонтов:

Монго — повеса и корнет,

Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.

Согласно одной из версий, на роковой пятигорской дуэли Монго был секундантом поэта, и впоследствии многие его осуждали за то, что не сумел удержать от нее друга. Но официально зафиксированный в документах следствия как лермонтовский секундант князь Александр Илларионович Васильчиков считал, что Монго был бессилен тогда что-либо изменить в ходе событий. Как считал князь (преданный военному суду, но помилованный императором Николаем I): «Столыпин?! На каждого мудреца довольно простоты! При каждом несчастном событии недоумеваешь потом и думаешь, как было упущено то или другое, как недосмотрел, как допустил и т. д. Впрочем, *Столыпин серьезнее всех глядел на дело и предупреждал Лермонтова*, но он по большей части был под влиянием Михаила Юрьевича и при несколько индолентном^[2] характере вполне поддавался его влиянию».

Жена Аркадия Алексеевича Вера была дочерью выдающегося русского государственного деятеля, соратника Михаила Михайловича Сперанского графа Николая Семеновича Мордвинова (1754–1845), которого в определенном плане можно считать идейным предшественником Петра Аркадьевича в попытке реформирования

империи. Во всяком случае, сам Петр Аркадьевич хорошо знал о проектах мордвинских реформ и они явно наложили отпечаток (конечно, в применении к новой исторической обстановке) на его собственную стратегию преобразований.

Мордвин был одним из наиболее видных российских флотоводцев — он успешно командовал линейным кораблем «Георгий Победоносец», во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов — Лиманской флотилией, возглавлял осаду с моря, бомбардировку и штурм Очакова. Его легендарная личная храбрость поражала современников и, что показательное, проявлялась не только в бою. Мордвин был единственным членом Высшего уголовного суда, отказавшимся подписать смертный приговор руководителям мятежа на Сенатской площади, что явно потребовало не меньшего мужества, чем пребывание под турецкими ядрами.

На протяжении нескольких царствований Николай Семенович занимал видные административные должности — в том числе был председателем Черноморского адмиралтейского совета, членом Адмиралтейской коллегии, первым российским министром морских сил. Однако не менее, чем заслуги в развитии флота, важны попытки реформ, которые Мордвин пытался проводить на должностях члена Государственного совета и председателя Департамента государственной экономики, а впоследствии члена Финансового комитета и Комитета министров.

Мордвин, как впоследствии и Столыпин, был абсолютно убежден в том, что консервация устаревших социально-экономических отношений и политического строя обречет Россию на отставание от остальных великих держав и второстепенную роль в мире. Мордвина и Столыпина объединяло также и то, что реформы для них не являлись самоцелью — они считали, что любые преобразования должны укреплять, а не ослаблять государство (что, увы, неоднократно случалось в отечественной истории).

В экономической сфере Мордвин добивался превращения империи в индустриальную державу, что предполагалось достигнуть реализацией комплекса стратегических мер. Наиболее важные из них — освобождение крестьян без земли (что должно было дать рабочие руки для интенсивного развития индустрии), внедрение при государственной поддержке в производство последних научных достижений, финансовая реформа и всемерная поддержка российского предпринимательства (в том числе путем предоставления податных льгот). В области землепользования боевой адмирал был убежден, что управление казенными землями со стороны государства неэффективно и их следует передать представителям высшей аристократии для организации образцовых хозяйств.

Но одними экономическими реформами стратегия Мордвинова не ограничивалась — он считал, что родовитое дворянство должно обладать определенными политическими правами. Де-факто это являлось бы (при сохранении политической стабильности) переходом от самодержавия к установлению конституционной монархии по британскому образцу.

В общем, нельзя не заметить, что план мордвиновских реформ стал шагом к будущей столыпинской политике модернизации Российской империи, приведению ее в соответствие с вызовами времени. Общей, в значительной мере, была и нереализованность реформ: почти полная — мордвиновских и не доведенных до «увенчания здания» — столыпинских.

Двоюродный дед Петра Аркадьевича генерал-лейтенант Николай Алексеевич Столыпин (1781–1830) был одним из героев Отечественной войны 1812 года. Он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени (император Александр I своим рескриптом пожаловал его вместо более низкого — 4-й степени, к награждению которым Столыпина представил генерал Петр Христианович Витгенштейн) за сражение под Витебском, а в заграничных походах Николай Алексеевич отличился под Данцигом. В 1830 году, будучи севастопольским губернатором, во время чумного бунта генерал был захвачен при штурме губернаторского дома и потом обезумевшей толпой забит на улице дубинами и камнями. В этом факте нельзя не увидеть какой-то рок: так же — мученически — погиб еще один предок Столыпина — капитан в отставке Даниил Александрович Столыпин (1728–1773): он был зверски убит во время Пугачевского бунта в Краснослободске Пензенской губернии. Думается, Петр Аркадьевич не мог не вспоминать страшную смерть предков, когда выходил к предельно наэлектризованным демонстрациям в Саратове — тогда каждое неверное слово или движение могли стоить ему жизни.

Брат Николая Алексеевича Александр Алексеевич Столыпин хоть и не дослужился до генеральских чинов, но был храбрым офицером и состоял личным адъютантом Александра Васильевича Суворова во время Швейцарского похода.

Несколько выбивается из списка блестящих военачальников и офицеров прадед Петра Аркадьевича Алексей Емельянович Столыпин (1744–1810). Его увлечением было не военное дело, а коммерция. После службы в Лейб-кампанском корпусе и отставки в чине поручика Алексей Емельянович построил возле имения оборудованные по последнему слову техники винокуренные заводы и сумел получить (каким способом, можно только догадываться) крайне выгодные казенные подряды на поставки вина военному ведомству. Это сделало его владельцем крупнейшего состояния и

позволило завязать прочные связи в среде высшей придворной аристократии. Предприимчивого помещика избирают предводителем пензенского дворянства, а его прибылей хватает не только на покупку роскошных домов в Петербурге и Москве, сел в Пензенской губернии, но даже на такую прихоть, как содержание одного из лучших в России крепостных театров (позднее столыпинская труппа станет основой московского Малого театра). Деньги и связи дали возможность Алексею Емельяновичу доказать древность своего рода и внести его в VI часть дворянской родословной книги Пензенской губернии, что делало Столыпиных столбовыми дворянами (это было значительно престижнее просто потомственного дворянства).

Впрочем, подобная предприимчивость и равнодушие к государственной службе были явным исключением в роду Столыпиных. Дед Петра Аркадьевича Дмитрий Алексеевич (1785–1826) пошел по проторенному предками пути воина. После окончания Московского университетского благородного пансиона (где позднее обучался и Лермонтов) он проходит военную службу в лейб-гвардии конно-артиллерийской роте, где и получает первое офицерское звание. Впервые юный конноартиллерист отличается в битве под Аустерлицем, в которой проявляет выдающуюся личную храбрость. Но молодой офицер серьезно интересуется и вопросами военной теории, а его публикации используются для создания первого в Российской армии артиллерийского устава. После Отечественной войны Столыпин служит в Южной армии, где и получает генеральские эполеты. Встречаются утверждения о его близости в данный период к декабристам, однако документов на этот счет не существует, и можно предположить, что дело ограничивалось не более чем приятельскими отношениями с некоторыми заговорщиками. Во всяком случае, никаких официальных обвинений в адрес Столыпина после подавления военного мятежа выдвинуто не было, да и трудно представить, чтобы генерал с его понятиями о чести и верности присяге участвовал в заговоре.

Дед по матери Петра Аркадьевича генерал от артиллерии генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861) — одна из наиболее заметных фигур в военной истории России. Он был участником Отечественной войны (в том числе Бородинской битвы), Заграничного похода 1813–1814 годов (в том числе Битвы народов под Лейпцигом), польской войны 1830–1831 годов. Во время похода в Венгрию в 1849 году генерал Горчаков назначается начальником штаба действующей армии и проявляет незаурядные способности стратега. Во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов он сначала командует тремя

пехотными корпусами, действовавшими на Дунае и побережье Черного моря до Буга, а после их вывода из пределов Валахии и Молдавии (по предательскому требованию австрийского императора Франца Иосифа I, оставшегося на троне только благодаря вводу в 1849 году российских войск в Венгрию) назначается командовать Южной армией на северо-западном побережье Черного моря и реке Прут. После высадки войск антироссийской коалиции в Крыму генерал некоторое время командует Крымской армией, а в феврале — августе 1855 года руководит обороной Севастополя. С января 1856 года Горчаков — наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией. Согласно завещанию он был похоронен в Севастополе, героическая оборона которого была для генерала главным событием в наполненной сражениями и подвигами жизни.

Отец Петра Аркадьевича — Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) во многом повторил блестящую боевую биографию генерала Горчакова, также став генералом от артиллерии. Как офицер Генерального штаба он участвует в Венгерском походе и за боевые отличия досрочно получает капитанский чин, в Восточную войну сражается на Дунае и в Севастополе (где получает золотую саблю с надписью «За храбрость»). Кстати, в Севастополе Аркадий Столыпин становится другом тогда никому не известного молодого офицера-артиллериста Льва Толстого, и их закаленная в пороховом дыму дружба сохранится навсегда.

После Восточной войны начинается блестящая административная карьера Аркадия Дмитриевича. Сначала талантливого офицера-артиллериста император Александр II (вообще ценивший людей незаурядных) делает своим флигель-адъютантом, а в 1857 году назначает наказным атаманом Уральского казачьего войска. А. Столыпин много сделал для освоения этого тогда еще во многом дикого края и за отличие по службе в 1859 году награждается званием генерал-майора с оставлением в царской свите. В 1868 году наказной атаман становится генерал-лейтенантом с оставлением по конной артиллерии, а в следующем — оставляет военную службу и назначается шталмейстером двора (это было одно из самых высоких придворных званий). В это же время Столыпин продает подмосковное имение Середниково и переезжает в имение Колноберже под Ковно (сейчас Каунас, Литва). О том, как Аркадием Дмитриевичем было получено имение, дочь Петра Аркадьевича Мария фон Бок позже рассказывала следующее: «Его родственник Кушелев, проиграв ему в яхт-клубе значительную сумму денег, сказал: денег у меня столько свободных нет, а есть у меня небольшое имение в Литве, где-то около Кедайн (теперь Кедайняй), сам там никогда не был. Хочешь, возьми его

себе за долг. Так и стало принадлежать нашей семье милое Калнабярже, унаследованное потом моим отцом».

Через несколько лет, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, генерал вновь возвращается в строй. Как рассказывали очевидцы, когда император проезжал через Вильно и увидел на вокзале встречавшего его Столыпина в расшитом золотом шталмейстерском мундире, между ними произошел следующий диалог:

— Как грустно мне видеть тебя не в военной форме.

— Буду счастлив ее надеть, Ваше Величество.

— Тогда назначаю командовать корпусом действующей армии.

И вскоре Аркадий Дмитриевич отправляется на театр военных действий, где он особенно отметился во время взятия крепости Никополь, первым комендантом которой он и стал. Следует особо отметить, что на войне генерала сопровождала его супруга Наталия Михайловна Горчакова, самоотверженно исполнявшая в госпиталях обязанности сестры милосердия. После победы над турками Столыпин назначается генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, позже командует несколькими армейскими корпусами, а потом, до самой смерти, он был заведующим Дворцовой частью в Москве (то есть фактически комендантом Московского Кремля).

В общем, Петру Аркадьевичу было кем гордиться из своих родичей и было с кого брать пример в служении Отчизне. Остается добавить разве что еще только один штрих. Кого бы мы ни взяли из предков Столыпина, в подавляющем большинстве это были люди глубоко православные, для которых жизнь без веры была невозможна, а государственное служение одновременно считалось и служением Богу. Показателен в этом плане и фамильный герб рода Столыпиных, описание которого приведем из утвержденного указом императора Павла I «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи»: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней — голубое, изображен одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой — серебряную подкову, с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: "DEO SPES MEA"».

В переводе с латыни «DEO SPES MEA» значит «Бог — моя надежда». В самое тяжелое время именно вера помогала Столыпину не отчаиваться и выполнять свой долг несмотря ни на что.

Думается, что особую стойкость Столыпину придавало то, что по линии матери он был прямым потомком одного из первых и наиболее почитаемых русских святых — святого благоверного князя Михаила

Черниговского (мощи которого покоятся в Успенском соборе Московского Кремля). Петр Аркадьевич глубоко чтит своего святого предка из правящего рода Рюриковичей, который был для него образцом не только христианина, но и государственного деятеля.

В 1225 году Михаил был приглашен на княжение в Новгород, но правил там недолго и возвратился в Чернигов. На уговоры остаться он отвечал, что жители Чернигова и Новгорода — братья, и он будет укреплять связывающие их узы. С 1235 года Михаил занимал великокняжеский стол в Киеве и делал всё возможное для противостояния нашествию монголо-татар. В том числе он пытался добиться военной помощи у венгерского короля Белы IV, но тот остался равнодушным к мольбам братьев-христиан. Как, впрочем, остались равнодушны также германский император и папа римский, у которых в 1245 году безуспешно просил помощи киевский князь.

Не имевший достаточных сил для отпора захватчикам и лишенный поддержки Европы, князь, желая спасти своих людей от полного уничтожения, был вынужден в следующем году отправиться в Орду за ярлыком на великое княжение. Перед поездкой к Бату-хану духовник великого князя дал ему следующее наставление, которое Михаил обещал свято исполнить: «Если хочешь ехать, княже, не уподобляйся другим князьям: не проходи сквозь огни, не поклоняйся ни кусту, ни идолам их, ни пищи от них не принимай, ни питья их в уста не бери, но исповедуй веру христианскую, ибо не подобает христианам поклоняться твари, но только единому Господу нашему Иисусу Христу».

О том, что произошло в ханской ставке, хорошо известно не только из «Сказания об убиении в Орде князя Михаила и боярина его Федора», появившегося через несколько десятилетий после их мученической гибели (и потом имевшего множество редакций), но и из свидетельства итальянского путешественника монаха-францисканца Плано Карпини. Перед тем как допустить князя к Бату-хану, татары потребовали, чтобы он поклонился обожествляемым ими стихиям и прошел через очистительный огонь. Михаил категорически отказался это сделать, пояснив тем, что «христианин кланяется только Богу, Творцу мира, а не твари». Когда об этом доложили Бату-хану, он послал к Михаилу знатного татарина Елдегу передать свои слова: «Почто не исполняешь моего повеления, богам моим не кланяешься? Теперь сам выбирай: жизнь или смерть. Если исполнишь повеление мое, то жив будешь и княжение получишь. Если же не поклонись кусту, солнцу и идолам, то злою смертью умрешь». Михаил же отвечал на это: «Тебе, царю, кланяюсь, ибо поставлен ты на царство

свое от Бога. А тому, чему велишь мне, не стану кланяться!» И после этих слов сказал ему Елдега: «Знай, Михаил, что ты уже мертв».

Дальше, согласно «Сказанию», события развивались так: «Внук святого Михаила князь Борис стал говорить своему деду с плачем: "Господин, поклонись, сотвори волю цареву". И все бояре Борисовы, бывшие с ним, начали уговаривать князя: "Все за тебя епитимью примем, и со всею областью нашей, только исполни повеление царя!" Михаил же отвечал им: "Не хочу только по имени называться христианином, а поступать по-язычески". Боярин же его Федор, опасаясь, как бы не поддался князь на уговоры, напомнил ему наставления духовного отца их, а также вспомнил и евангельские слова: "Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее". И так отказался Михаил выполнять ханскую волю. Елдега же поехал рассказать о том хану.

На том месте находилось множество людей, как христиан, так и язычников, и все они слышали, что отвечал князь посланцу хана. Князь же Михаил и боярин Федор начали сами отпевать себя, а затем причастились Святых Тайн, которые передал им духовник их перед поездкой в Орду. В это время сказали Михаилу: "Княже, вот уже идут убивать вас. Поклонитесь и живыми останетесь!" И отвечали князь Михаил и боярин его Федор, словно едиными устами: "Не станем кланяться, не слушаем вас, не хотим славы мира сего". Окаянные же убийцы соскочили с коней и схватили святого князя Михаила, и растянули его за руки и за ноги, и стали бить кулаками против сердца, а затем бросили наземь и стали избивать ногами. Один же из убийц, бывший прежде христианином, а затем отвергшийся христианской веры, по имени Доман, родом из Черниговской губернии, вынул нож и отрезал голову святому князю и бросил ее прочь. А потом обратились убийцы к боярину Федору: "Поклонись богам нашим и жив останешься, и примешь княжение князя твоего". Федор же предпочел принять смерть, подобно своему князю. И тогда начали его мучить так же, как мучили прежде князя Михаила, а затем отрезали его честную главу. Случилось же это злое убийство 23 сентября. Тела обоих мучеников были брошены на съедение псам, и только спустя несколько дней христианам удалось укрыть их».

Добавим только, что есть какая-то мистика в том, что крест святого князя-мученика поколениями хранился в семье будущего первого полновластного главы правительства Российской империи Сергея Юльевича Витте, которого связывали со Столыпиным не только общие предки, но крайне сложные отношения. Как вспоминал граф Витте:

«Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я ее иначе не помню, как сидящую в кресле, вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10–12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился, — я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губ.

Когда они поженились, отец бабушки — Павел Васильевич Долгорукий — благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. Из истории известно, что Михаил Черниговский погиб, когда приехал к татарскому хану, который подходил с своею ордой к центру России — Москве. В орде было предложено Михаилу Черниговскому поклониться их идолам, от чего этот последний отказался, был там же казнен, вследствие чего и был провозглашен святым.

По преданиям, идя на смерть, он отдал находившийся у него крест боярам, приказав им передать этот крест его детям. Таким образом, крест этот постепенно переходил от отца к сыну в поколениях, идущих от Михаила Черниговского, т. е. по старшей линии Долгоруких и с окончанием этой линии Еленой Павловной — перешел к ее сыну, генералу Фадееву; так как генерал Фадеев не был женат, то крест от него перешел к моей матери, а от матери к моей тетке Фадеевой. В последнюю бытность мою в Одессе два года тому назад тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находится у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам, — с одной стороны — академику Кондакову, а с другой — директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе св. мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе кн. Долгоруких предания относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском ранее его казни, но с другой стороны они не решаются безусловно утверждать противное».

Остается только добавить, что Столыпин никогда не забывал о жертвенной стойкости своего святого предка, отдавшего жизнь за веру Христову. Он исполнял свой долг перед Родиной (а значит, в его понимании, и перед Богом), что давало силы претерпеть и преодолеть всё.

Глава вторая

ПО СТОПАМ ПРЕДКОВ

...правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности.

П. А. Столыпин

Родился Петр Столыпин 2 (14) апреля 1862 года в столице Королевства Саксония Дрездене, где в это время его мать находилась в гостях у родственников, и там же был крещен в местной православной церкви (крестным отцом был его двоюродный дед — генерал от инфантерии князь Горчаков, крестной матерью — вдова действительного тайного советника Кутайсова). Раннее детство мальчик провел в подмосковном Середникове, а потом до 1877 года — в Колноберже под Ковно, откуда семья иногда выезжала на отдых в Швейцарию. До двенадцати лет Петр получал домашнее образование в имении, но потом отец решил все-таки отдать его в гимназию. Специально для этого был куплен большой двухэтажный дом в Вильно, куда семья переехала из Колноберже. В 1874 году Петр выдержал испытание на поступление во второй класс виленской классической гимназии, в которой проучился пять лет.

Из Вильно семья переехала в Орел, где Аркадий Дмитриевич вступил в командование располагавшимся там армейским корпусом, и Петр перевелся в Орловскую классическую гимназию, которую успешно и закончил. О гимназических годах Столыпина известно немного, но, во всяком случае, его аттестат зрелости свидетельствует о том, что «зубрилой» он не был. При этом самые высокие оценки у будущего премьера были по точным наукам и иностранным языкам (в аттестате зрелости стоят следующие баллы: Закон Божий — 3, русский язык — 3, логика — 3, латинский язык — 3, греческий язык — 4, немецкий язык — 4, математика — 4, история — 4, география — 4, физика — 5, математика — 5), что сделало логичным выбор направления дальнейшего образования. Впрочем, есть версия, что данный выбор явился вынужденным. Согласно некоторым свидетельствам, Столыпин мечтал о военной карьере, но у него начала

сохнуть правая рука. Несмотря на проведение нескольких хирургических операций, улучшения не наступило, что делало невозможным поступление в военное училище.

Действительно, известно, что правая рука Столыпина была усохшей, но по другим данным, это являлось следствием позднейшего пулевого ранения, случившегося в студенческие годы на дуэли с князем Шаховским.

Но как бы то ни было, можно уверенно констатировать: на всех в дальнейшем занимаемых им постах Столыпин вел себя как солдат в бою, да и опасность его гражданской службы была никак не меньше военной (о чем свидетельствует как множество покушений, так и, в конце концов, смерть от руки террориста).

В 1881 году Петр поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (среди его однокурсников был и основатель гениального учения о ноосфере будущий академик Владимир Иванович Вернадский) и, в отличие от многих тогдашних студентов, учился с увлечением. Среди предметов, которым он отдавал предпочтение, были не только физика и математика, но и химия, биология, ботаника, зоология, агрономия (дипломная работа Столыпина посвящена табачным культурам, возделываемым в Южной России). Преподавателем физико-математического факультета в то время являлся и Дмитрий Иванович Менделеев. Сохранилось свидетельство о том, как великий химик принимал выпускной экзамен у Столыпина. Очень быстро проверка знаний перешла в ученый диспут на равных, пока наконец Дмитрий Иванович не спохватился: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно». Неудивительно, что в дипломе Петра Аркадьевича отмечалось, что он «показал на испытаниях отличные знания по анатомии человека, физиологии животных, зоологии, минералогии, ботанике».

Столыпин легко мог остаться в университете и сделать карьеру ученого, но предпочел выбрать внешне неромантический путь чиновника (который он считал одной из высших форм служения государству), поступив в октябре 1884 года на службу в Министерство внутренних дел. Хотя следует отметить, что тяга к науке у Столыпина осталась — об этом, в частности, свидетельствует то, что, уже будучи причисленным к МВД, он был утвержден советом Санкт-Петербургского университета кандидатом физико-математического факультета.

Можно предположить, почему из многих имперских государственных учреждений Столыпин выбрал именно МВД. В то время Министерство внутренних дел было отнюдь не министерством полиции с относительно

узкими полномочиями, а центральным органом в системе государственного управления, которому, в том числе, подчинялись и местные власти.

Но обстановка в МВД (впрочем, как и в любом другом государственном учреждении любой страны любого времени) не слишком способствовала сохранению подобного возвышенного представления о своей миссии. Столыпин не мог воплотить в министерстве свои чаяния о необходимых преобразованиях (а он уже тогда понимал, что Россия нуждается в проведении кардинальных реформ) — никаких скольконибудь серьезных поручений он в силу занимаемого положения получить не мог. А о том, чтобы предоставить всесильному министру внутренних дел Дмитрию Андреевичу Толстому (который был одним из наиболее приближенных лиц к императору Александру III) собственные соображения по тому или иному вопросу, не могло быть и речи. Впрочем, даже если бы такая возможность и была — в то время Петру Аркадьевичу это ничего бы не дало. Пока что он имел только общие представления о характере преобразований — до тщательно разработанной программы было еще очень и очень далеко. В итоге Столыпин так и остался причисленным к МВД, и его связь с министерством являлась формальной. Примерно такой, как ранее у Пушкина с МИДом...

Имея богатство и связи, Петр Аркадьевич без труда мог получить несравненно более престижную и обещающую большие карьерные перспективы должность по Министерству императорского двора и уделов, или МИДу, но предпочел министерство, в котором можно было заниматься только рутинной черновой работой. Когда же его надежды, связанные с работой в МВД, не оправдались, он не подумал искать легких карьерных путей, а решил перейти на работу в еще менее престижное ведомство. Правда, в 1888 году Столыпин получает придворное звание камер-юнкера, но это на его будущем продвижении по служебной лестнице никак не отразилось. Наиболее вероятно, что присвоение камер-юнкерства произошло по инициативе отца, желавшего таким образом ввести сына в придворные круги.

Проходит чуть более двух лет, и Столыпин подает прошение о переходе в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, куда и переходит в феврале 1886 года. Какими движущими мотивами был обусловлен подобный выбор, представляется очевидным. Петра Аркадьевича чрезвычайно интересовали вопросы перестройки системы земельных отношений, что впоследствии позволило ему создать целостную концепцию реформ в аграрной сфере. А Департамент земледелия и сельской промышленности был учреждением,

обладавшим огромным эксклюзивным объемом информации по земельному вопросу.

Не вызывает сомнения, что работа Столыпина в Министерстве государственных имуществ дала ему уникальные знания, без которых ему было бы значительно труднее реализовывать в будущем свою программу реформ. И в Департаменте земледелия он именно работал, а не просто числился, как ранее в МВД. В апреле 1886 года Столыпин получает чин коллежского секретаря, а в январе следующего года — назначается на свою первую руководящую должность: помощником столоначальника. Эта неблагодарная чиновничья работа много дала будущему главе правительства — и не только в плане ознакомления с ситуацией в сельском хозяйстве и его наиболее острыми проблемами. Петр Аркадьевич на основе личного опыта, почти с самого низа мог понять принципы функционирования государственного аппарата империи, без знания чего невозможно было осуществлять эффективное управление.

В департаменте молодой чиновник отвечал за систематизацию книг и публикаций прессы по сельскохозяйственной тематике и в 1887 году опубликовал «Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за 1886 г.».

Однако из столицы невозможно было узнать, как функционирует аппарат власти на местах, что было не менее важным, чем работа в центральных органах управления. Всё, что было можно, от работы в министерстве Столыпин взял — теперь он считал необходимым заняться практической работой непосредственно на земле. 28 февраля 1889 года Петр Аркадьевич подает прошение министру с просьбой разрешить переход в ковенские уездные предводители дворянства с оставлением причисленным к Министерству государственных имуществ. После удовлетворения данного ходатайства он 18 марта приказом виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора назначается уездным предводителем дворянства и одновременно возглавляет съезд мировых посредников. Через год Столыпин также становится почетным мировым судьей Ковенского уезда.

О представлении будущего главы правительства относительно задач мирового суда, а также о том, насколько высок был авторитет последнего в уезде (впрочем, как и во всей империи), красноречиво свидетельствует следующий отрывок из выступления Столыпина на праздновании юбилея ковенского съезда мировых судей: «В России умеют и привыкли говорить только члены судебного ведомства (более чем скромное заявление для человека, впоследствии получившего заслуженную славу одного из лучших

ораторов страны. — *Авт.*). Мы, люди служивые и помещики, умеем только писать и пахать. Поэтому попробую с грехом пополам выразить свою мысль сравнением из сельскохозяйственной жизни. Когда мы обрабатываем землю, то в процессе обработки участвуют три элемента: пассивный — сама почва и орудия обработки, плуг, активно же — пахарь — лицо, одухотворяющее работу своей мыслью, направляющее ее своей волей. Успех работы зависит от него, и он ведет хозяйство по пути сельскохозяйственной культуры. Нечто подобное мы видим и в деле народного правосудия. Народ, общество, судебные учреждения, закон представляют из себя элемент пассивный, пахарем же является судья,двигающий общество вперед по пути культуры нравственной. Разница тут в одном: земля в случае дурной ее обработки мстит неурожаем, но молчит, не ропщет, общество же без ропота неправосудия не переносит.

В течение службы моей представителем части здешнего общества в течение трети того периода, окончание которого мы сегодня празднуем, я ропота на правосудие не слышал!»

Необходимо сказать несколько слов о сути должности уездного предводителя дворянства. На самом деле название не совсем отвечало сущности: его полномочия отнюдь не ограничивались чисто дворянскими вопросами. Он одновременно руководил деятельностью уездного земского собрания, уездного училищного совета, уездного присутствия по воинской повинности, уездного съезда и других ключевых местных органов власти. Фактически уездный предводитель дворянства концентрировал в своих руках всю полноту власти и полностью руководил уездом, в том числе и образованными при предыдущем либеральном царствовании земствами. При этом контроль губернаторов над уездными предводителями дворянства был, как правило, достаточно условным — во всяком случае, они не считали нужным входить в подробности уездной жизни.

Таким образом, Столыпин получал почти неограниченные полномочия, и в его руках оказалось благополучие довольно крупного уезда. Конечно, он понимал, что назначением (в западных губерниях предводители дворянства не избирались, а назначались Петербургом) был обязан вовсе не своим личным достоинствам, а связям и влиянию отца. Понятно, что подобное положение никак не могло устраивать Петра Аркадьевича с его обостренным чувством гордости (которую не следует путать с гордыней) и он хотел всей своей работой доказать, что способен на самостоятельные достижения. Тем более было бы большим преувеличением считать, что местное дворянство находилось под управлением генерала Столыпина и было абсолютно безгласно — ряд его

представителей также пользовались серьезным влиянием в столице империи. Если бы Петр Аркадьевич не справился с управлением уездом, то дворянство добилось бы его смещения. Однако за годы управления уездом он получил общее признание не слишком лояльных к петербургским назначенцам польских дворян. К тому же невмешательство губернаторов сохранялось только при условии, что в уездах всё было в целом благополучно. При допущении серьезных промахов они быстро смещали неугодных предводителей (что неоднократно и случалось).

В дальнейшем сам Столыпин достаточно скромно характеризовал свою деятельность на посту уездного предводителя дворянства: «Служил себе просто, исполнял свои обязанности и не мудрил». Он и вправду не стремился к прожектерскому реформаторству на уездном уровне, а делал всё возможное, чтобы наладить эффективное управление в доверенном уезде. При этом подавляющее большинство ковенских помещиков и вообще образованных людей (за исключением офицерства и чиновников) составляли поляки, у которых русскому добиться признания было не так легко.

Столыпин справедливо полагал, что в деле управления не может быть мелочей. Например, считая чрезвычайно важным для улучшения жизни населения установление трезвого образа жизни, Петр Аркадьевич особое внимание уделял уездному попечительству о народной трезвости, которое он возглавлял. При этом он сделал всё возможное, чтобы установление народной трезвости не ограничивалось только проповедями и раздачей примитивных моралистических брошюр, как это практиковалось ранее. Столыпин видел, что пьянство в решающей мере обусловлено низким уровнем культуры и отсутствием для простых людей возможности с пользой провести свободное время. По его инициативе в Ковно был построен просторный двухэтажный «Народный дом», в котором был предусмотрен большой зал для устройства спектаклей, чтений и лекций. Понятно, что именно такие конкретные мероприятия, а не общие слова помогали бороться с проблемой пьянства, уже начавшей существенным образом негативно сказываться на состоянии страны.

Также уездный предводитель дворянства показывал пример эффективного управления и в качестве рядового помещика. Очень скоро его имение стало образцовым, что объяснялось как использованием новейшей сельскохозяйственной техники и технологий (например многопольного севооборота), так и найденным взаимопониманием с наемными работниками. Сельское хозяйство тогда стало подлинным увлечением Столыпина. Как вспоминала Мария фон Бок, ее отец целиком

погружался в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работах во фруктовых садах. Вот, например, яркая зарисовка, сохранившаяся навсегда в памяти дочери: «Мой отец в своей непромокаемой шведской куртке, в высоких сапогах, веселый и бодрый, большими шагами ходит по мокрым скользким дорогам, наблюдая за пахотой, распорядясь, порицая или хваля управляющего, приказчика, рабочих. Подолгу мы иногда стоим под дождем, любуясь, как плуг мягко разрезает жирную, блестящую землю».

Уже значительно позднее, будучи губернатором сначала в Гродно, а потом в Саратове, Столыпин изредка приезжал в Колноберже и отдавал детальные указания, что надо делать для получения большего урожая. На замечание одного из соседей-помещиков, что это, дескать, «не губернаторское дело», Петр Аркадьевич убежденно ответил: «Не губернаторское, а помещичье, значит, важное и нужное».

Советская (а ранее леволиберальная) историография хорошо поработала над тем, чтобы представить помещичье землевладение в России неким сплошным черным пятном, концентрировавшим в себе исключительно негативные моменты. Между тем многие помещичьи имения сыграли важную роль во внедрении в сельское хозяйство передовых методов хозяйствования, что давало ему значительный импульс развития. В отличие от традиционно косной крестьянской общины, многие помещики стремились сделать свои хозяйства образцовыми и максимально повысить их рентабельность за счет внедрения новых технологий. И если крестьянская община в лучшем случае с трудом могла себя прокормить, то в хорошо поставленных помещичьих хозяйствах добивались рекордных урожаев (которые и составляли основу российского зернового экспорта) и строили мощности по переработке мяса и молока. Другой вопрос, что таких имений в масштабах России было не так уж много, и Столыпин видел будущее аграрной сферы всё же не в крупных дворянских поместьях, а в крепком крестьянском хозяйстве, которое будет пользоваться широкой государственной поддержкой.

Но учитывая плохие, сильно переувлажненные почвы Ковенской губернии, Столыпин считал, что доминирующим в сельском хозяйстве региона должно стать не земледелие, а животноводство, что впоследствии и произошло.

При этом Столыпин в своей новаторской деятельности в области сельского хозяйства не ограничивался только развитием собственного имения. Он стремился, чтобы все остальные хозяйства уезда (а потом и губернии) не уступали Колноберже. С этой целью в 1900 году Столыпин организывает Ковенское сельскохозяйственное общество, которое не

только пропагандировало новейшие знания в области агрономии, но и имело склад новейших сельхозмашин, а также распространяло сортовые семена различных культур.

Кроме того, показательно, что Столыпин не ограничивался сугубо технологическими вопросами (при понимании всей их важности) — он осознавал, что не менее важно решение вопросов социальных. На заседании сельскохозяйственного общества Петр Аркадьевич выступает с подробными докладами, в которых проводится мысль о необходимости социальной защиты наемных работников, их пенсионном обеспечении, улучшении положения женщин-работниц. И это были не просто теоретические декларации, за которыми не стояло никакой конкретики. Наемные работники в имении Столыпина получали самую большую оплату в уезде, и Петр Аркадьевич обеспечивал им достойные условия труда. Как вспоминали местные жители, каждый год семья Столыпиных после сбора урожая организовывала так называемые «праздники рабочих», на которых раздавали подарки (одежду, сладости и др.) самим рабочим и их детям (детские подарки лично готовила Ольга Борисовна). Все служащие имения были искренне преданны Петру Аркадьевичу, а он ценил это и полагался на их верность. Некоторые из слуг сопровождали Столыпина во все места его службы, а один погиб во время покушения на Аптекарском острове в 1906 году.

О широте государственного кругозора Петра Аркадьевича свидетельствует и то, что мыслил он не узкими уездными категориями, а масштабом империи. Предводитель дворянства уже тогда неоднократно выступал с обоснованием того, что для дальнейшего развития России необходима широкая экспансия на новые внешние рынки (что, в свою очередь, было невозможно без повышения качества продукции). Вот его слова: «Открытие новых рынков сбыта создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства».

Столыпин был также убежден, что главным внешним рынком сбыта отечественных сельхозтоваров должна и далее оставаться Германия, а поставляемую туда продукцию из приграничных районов Министерство финансов должно освободить от ряда таможенных сборов. Это мнение во многом обусловило его будущую убежденность в том, что ухудшение экономических и политических отношений с Берлином является крайне нежелательным и может привести к катастрофическим последствиям.

11 марта 1902 года императорским указом Петр Аркадьевич был утвержден в звании члена-представителя сельского хозяйства Российского

сельскохозяйственного совета на текущий год, что явилось признанием авторитета Столыпина в вопросах сельского хозяйства.

Необходимо отдельно остановиться и на деятельности Столыпина в должности почетного мирового судьи по Ковенскому и Инсарскому судебным округам, должности в определенном смысле не менее важной, чем предводитель дворянства. Здесь он дополнительно подтвердил свою репутацию безупречно честного человека, для которого не имело значения ничего, кроме соблюдения закона.

Он избегал малейших действий, которые могли породить хотя бы мысль о его личной заинтересованности. Почти фантастически для нашего времени звучит, например, следующая история. Когда Петр Аркадьевич уже был губернским предводителем дворянства, он получал множество ходатайств с просьбами о строительстве шоссе на Ковно, кратчайший путь которого должен был проходить через принадлежавшие ему земли. В этом случае Столыпин получал бы компенсацию от казны, которая серьезно превышала стоимость отчуждаемой земли. Хотя шоссе действительно было жизненно необходимо для развития экономики края, Петр Аркадьевич категорически отказался ходатайствовать о его строительстве.

Все современники единогласно свидетельствовали и о том, что на всех занимаемых должностях Столыпин был абсолютно чужд протекционизму и nepотизму и во всех своих решениях (в том числе и кадровых назначениях) исходил исключительно из мотивов государственной пользы.

Можно констатировать, что работа Столыпина в Ковенском уезде была высоко оценена в Петербурге. И на этот раз связи и влияние отца были ни при чем. 24 апреля 1898 года Петр Аркадьевич был назначен (в западных губерниях губернских предводителей дворянства, как и уездных, боясь усиления польского влияния, также не избирали, а назначали) ковенским губернским предводителем дворянства именно за успешную работу в уезде, ставшую достаточно широко известной в бюрократических кругах.

Своеобразным подведением результатов своей работы в уезде (а также выражением принципа всей своей дальнейшей государственной деятельности) может служить прощальная речь Столыпина перед местными чиновниками, преподнесшими ему на память альбом со своими фотографиями: «Глядя на дорогие для меня лица ваши, я буду вспоминать, как все вы, товарищи мои, — мировые посредники, члены и делопроизводители отдельных присутствий, канцелярские чиновники, каждый в пределах своей работы, воодушевлены были любовью к делу и прилагали все усилия, чтобы *тот общий труд, который мы призваны были выполнять, не являлся бы исполнением одной формальности, а достигал*

бы своей цели, был бы закончен и полезен.

Вот эти общие наши условия и делали нашу работу легкой и приятной и оставят во мне навсегда приятную, светлую память и чувство глубокого удовлетворения».

Должность губернского предводителя дворянства была не менее ответственной, чем уездного. Хотя первый не обладал такой полнотой власти и полномочиями, как его уездный коллега, но назвать этот пост безвластным никак нельзя. Как и в уезде, полномочия губернского предводителя далеко не ограничивались только делами дворянского сословия. По своему положению он должен был председательствовать в местном земском собрании, что давало ему возможность управления земствами. По сути, губернский предводитель являлся правой рукой губернатора, получал обширный административный опыт, и недаром потом некоторых губернских предводителей назначали губернаторами.

Насколько можно судить, Столыпину назначение особой радости не доставило — он вообще был абсолютно чужд карьеристским мотивам. Любой пост для него означал, прежде всего, жертвенное служение, иного отношения он просто не понимал, что порождало у современников искреннее недоумение. Как говорил Петр Аркадьевич: «Это "чиновники" придают такое значение чинам, а я работаю в надежде принести пользу нашей родине, *и награда моя — видеть, когда мои начинания идут на благо ближним*». У Столыпина в жизни было совершенно иное представление о счастье, нежели богатство и карьера. Вот еще его слова: «Любовь и труд — вот залог счастья и жизни».

И это была не просто красивая фраза. Рюрикович Столыпин мог без труда получить любую почетную синекуру при дворе или любом министерстве. Но он предпочел заниматься малопрестижной тяжелой работой в заброшенном уголке империи, жизнь в котором ничем не походила на столичную.

Интересную зарисовку патриархальной жизни Ковно того времени оставила Мария фон Бок: «По бокам улиц тянулись деревянные тротуары, а рядом с ними текли ручейки грязной воды, через которые были перекинуты слегка горбатые мостики. Зимой по замерзшим ручейкам лихо носились на одном коньке уличные мальчишки. Как я им завидовала! И как досадовала на Эмму Ивановну, немку, сменившую няню Колабину, за то, что она, по непонятным мне тогда причинам, не позволяла присоединиться к ним. Улицы были мощены поразительно выпуклыми булыжниками, по которым тряслись и немилосердно шумели дрожки гарнизонных офицеров, большинство еще без резиновых шин. Так же тряслись и красные, как

бифштекс, щеки полковника Пыжова, когда он, к радости моей и всех гуляющих по бульвару, сам объезжал в шарабане вороного своего жеребца.

Все были знакомы друг с другом, если не лично, то всё же знали, кто это, и появление нового лица на улицах возбуждало толки и пересуды. Когда брали извозчика, тот спрашивал: "Домой прикажете или в гости изволите ехать?"

Лавочки были маленькие, убогие, и выставленные в окнах товары стояли там месяцами, покрытые густым слоем пыли.

Веселье в уличную жизнь вносили солдаты, часто проходившие по городу с музыкой, и еще больше парады на Соборной площади в торжественные дни высочайших праздников.

Из дома в старом городе, где мы поселились сначала, мы скоро переехали в маленький деревянный домик с большим садом на одной из боковых улиц центральной части города. Улица эта вообще не была мощена, и по городу ходил анекдот, что когда кто-нибудь нанимал извозчика, чтобы ехать к нам в осеннее или весеннее время, тот отвечал: "Если к Столыпиным желаете, лодку нанимайте, а не меня". И я хорошо помню громадную лужу перед нашими окнами».

О работе Столыпина губернским предводителем дворянства можно сказать примерно то же, что о предыдущей работе в уезде. Как и ранее, он не жалел ни сил, ни времени для максимального улучшения положения дел во всех вверенных ему сферах деятельности. Разница заключалась только в том, что в губернии он мог сосредоточиться на вопросах земского самоуправления, что только усилило его уверенность в актуальности для России кардинального реформирования системы власти, включая передачу максимума властных полномочий от центра на места. Также еще более укрепились уверенность Столыпина в необходимости дать крестьянам возможность свободно выходить из общины с закрепленной землей. Дополнительно этому способствовало то, что, будучи жителем приграничной губернии, он видел, на каком высоком уровне находится земледелие в соседней Германии с ее крупными современными хозяйствами и полным отсутствием рудиментарного института крестьянской общины.

Глава третья

ГРОДНЕНСКИЙ ГУБЕРНАТОР

...пребывание мое здесь, в Гродно, похоже было на прекрасный сон и как сон оно было слишком коротковременным.

П. А. Столыпин

Учитывая, что энергичный губернский предводитель дворянства был в то время, в отличие от эпохи Александра II, скорее исключением (большинство из них рассматривало свою должность больше как sineкуру), то не удивительно, что многолетняя успешная деятельность Столыпина в Ковенской губернии привлекала внимание руководства МВД. Руководители министерства тщательно пытались подыскать для назначения на ключевые посты в системе государственного управления людей энергичных и безупречно честных. Особенно активно процесс подбора новых кадров начался при новом министре внутренних дел Вячеславе Константиновиче фон Плеве, возглавившем в апреле 1902 года министерство после убийства своего предшественника Дмитрия Сергеевича Сипягина эсеровским боевиком Степаном Балмашевым. При этом Вячеслав Константинович, благодаря своим огромным возможностям, имел объективную информацию с мест и прекрасно знал положение дел в каждой губернии.

Здесь уместно сказать несколько слов о фон Плеве, который усердными стараниями сначала современной ему либерально-оппозиционной и революционной прессы, а потом и советской историографии был предельно демонизирован. Какие только обвинения не выдвигались в адрес одного из наиболее талантливых и прозорливых государственных деятелей России, но ни одно из них не имело хоть скольконибудь убедительных документальных подтверждений. Например, одним из самых страшных обвинений в адрес фон Плеве было обвинение в организации печально знаменитого кишиневского погрома 1903 года, когда было убито более 40 человек, несколько сот ранено и разрушено более 1500 домов. Но имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что обвинения власти (и в том числе лично министра внутренних дел) в

организации погрома являются сознательной клеветой. На самом деле погром стал возможен лишь благодаря растерянности местных властей, их боязни взять на себя ответственность за решительные действия против погромщиков. После того как в МВД была получена информация о массовом погроме (масштабы которого губернатор Рудольф Самойлович фон Раабен хотел скрыть от Петербурга), фон Плеве отдал приказ немедленно самыми суровыми методами прекратить насилие, что и было выполнено. И только благодаря принципиальной позиции министра внутренних дел виновные в бездействии власти понесли реальное наказание (в том числе были сняты с должностей губернатор, ряд полицейских и военных начальников). Что касается его отношения к погромам в целом, то как министр он предпринимал все необходимые меры, чтобы покончить с этим позорным явлением, и ни о какой причастности МВД к ним не могло быть и речи. Полную невиновность фон Плеве была вынуждена подтвердить даже Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, делавшая всё возможное, чтобы найти уличающие убитого министра документы.

Аналогична история с мифической фразой «нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удержать Россию от революции» и приписыванием фон Плеве ключевой роли в подготовке войны с Японией (ставшей прологом революции 1905 года). На самом деле министр внутренних дел никогда ничего подобного не произносил — фраза была просто выдумана Витте. Бывший премьер не отличался чистоплотностью при сведении счетов со своими врагами (к которым относил также и Столыпина), в том числе он сделал свои предельно субъективные мемуары орудием личной мести.

Также следует отметить, что фон Плеве совершил головокружительную карьеру только благодаря своим способностям. У него никогда не было высокопоставленных покровителей — лишь незаурядный ум, воля и решительность. Кроме того, как и Столыпина, фон Плеве отличала исключительная личная честность, что отмечали даже его враги.

Будущий министр родился в уездном городе Мещовске Калужской губернии в семье гимназического учителя из обрусевших немцев. После окончания юридического факультета Московского университета начал службу в прокуратуре, где снискал всеобщее уважение как своей принципиальностью и честностью, так и высоким профессионализмом. В 1879 году, без всякой протекции, фон Плеве назначается на чрезвычайно ответственный пост прокурора Петербургской судебной палаты, где, не

боясь покушения террористов, проявил решимость в борьбе с захлестнувшим Россию народовольческим террором. Уже тогда его работа была замечена императором Александром II, указавшим на фон Плеве министру внутренних дел (фактически в то время диктатору России) генералу от кавалерии генерал-адъютанту Михаилу Тариэловичу Лорис-Мелико-ву как на государственного деятеля с большим будущим.

После трагедии цареубийства 1 марта 1881 года фон Плеве был назначен исполняющим обязанности прокурора в Особом присутствии Правительствующего сената «для ведения дел о государственных преступлениях и о злодеянии 1 марта», а потом директором Департамента государственной полиции. Именно благодаря действиям фон Плеве были добиты остатки народовольческих организаций, и угроза революционного террора была ликвидирована на длительный период. В 1885 году фон Плеве становится товарищем министра внутренних дел. Последняя же его должность перед назначением главой МВД — министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского с оставлением в должности государственного секретаря.

Фон Плеве железной рукой подавлял революцию на всех занимаемых им постах, но при этом понимал, что одними репрессивными мерами ограничиваться нельзя. Он был сторонником проведения системных реформ, как в области управления, так и в социально-экономической сфере. Подобно Столыпину, фон Плеве понимал, что крестьянская община не давала подняться своим наиболее трудолюбивым и предприимчивым членам. Судя по всему, министр внутренних дел взял тот же курс, что позднее и Столыпин, — на содействие свободному выходу из общины всем желающим (хотя в целом поддерживал существование общины, считая необходимым лишь проведение ее некоторого реформирования). Фон Плеве сделал только первые шаги в направлении видоизменения общины, но уже отмена круговой поруки для ее членов серьезно облегчила создание крепких крестьянских хозяйств.

Другой составной частью реформаторского плана фон Плеве было резкое усиление полномочий губернаторов, до того слишком зависимых от указаний из Петербурга. При этом он крайне скептически смотрел на возможности земств, считая, что Россия не готова к широкому местному самоуправлению. Впрочем, схожими были убеждения и некоторых политических сторонников Столыпина (но, конечно, не его самого), относившихся к земствам с явной опаской, как к имеющим в своем составе слишком много радикальных элементов. Например, влиятельная газета «Киевлянин» (считавшаяся чем-то вроде столыпинского официоза) уже

значительно позже писала по этому вопросу: «Вообще, не следует в России строить слишком демократическое земство, ибо это означило бы загромоздить земское собрание малограмотным элементом... быть может, было бы целесообразно поручить часть представительства крестьянской земли русскому помещному землевладению и часть духовенству, ибо русское помещное землевладение и духовенство должны быть, и об этом никогда не следует забывать естественным представителям темной массы, хорошо чувствующей свои нужды, но не имеющей понятия о способах их защиты».

Реформаторскими были убеждения фон Плеве и в рабочем вопросе, постепенно приобретавшем всё более важное значение. Министр считал, что самодержавное государство, пользуясь своим, по его мнению, надклассовым характером, должно содействовать улучшению положения рабочих и ликвидации межклассового противостояния в целом.

Одновременно необходимым условием проведения любых реформ фон Плеве считал жесточайшее подавление любых революционных выступлений и беспощадную борьбу с терроризмом. Понятно, что и революционеры, и либеральная оппозиция ненавидели фон Плеве, и его смерть от бомбы эсеровского террориста Егора Созонова в 1904 году была ими встречена с открытым ликованием.

Чтобы получить о незаурядной личности фон Плеве более полное представление, приведем политическую и личностную характеристику главы МВД со стороны его соратника (назначенного управляющим земским отделом МВД) Владимира Иосифовича Гурко, которая, на наш взгляд, является наиболее объективной. По словам Гурко (ставшего товарищем министра внутренних дел уже при Столыпине): «Плеве отнюдь не был индифферентом, он искренне и глубоко любил Россию, глубоко задумывался над ее судьбами, сознавал всю тяжесть того кризиса, который она переживала, и добросовестно стремился найти выход из него. Убежденный сторонник сильной и неограниченной монархической власти, Плеве был того мнения, что ни русский народ в целом, ни, быть может, в особенности его интеллигентские слои недоразвились не только для самостоятельного управления государством, но даже до широкого участия в его строительстве. Русский народ — его серая земледельческая масса — ему представлялся в виде загадочного сфинкса, и он любил говорить, что будущее России зависит от того, насколько государственной власти удастся верно разгадать его затаенную сущность.

Задумываясь над будущими судьбами России, *Плеве, по-видимому, представлял себе, что вернейшим способом обеспечения ее спокойного и*

правильного развития является, прежде всего, усовершенствование правительственного механизма. Прямо он этого, однако, не высказывал, так как ум его, несомненно, постигал, что жизнь народов зависит от их органических свойств, а не от механических надстроек над нею. Но это положение, при всей его непреложности, было для него лишь теоретическим и умозрительным; реально он сосредоточивал свои помыслы именно на этой стороне народной жизни. При этом он вполне сознавал, что русский управительный механизм не успевал развиваться и совершенствоваться в соответствии с новыми, выдвигаемыми народной жизнью, потребностями. К личному составу администрации Плеве относился при этом критически. *Обладая природной, обостренной службой в прокуратуре и по департаменту полиции, способностью знать закулисную жизнь и всю подноготную большинства лиц, занимавших скольконибудь крупные должности в бюрократическом мире (в связи с этим понятно, почему его внимание привлек предводитель дворянства из Ковенской губернии. — Авт.), он не прочь был при случае рассказать про них какой-нибудь пикантный анекдот, из которого становилось ясно, что расценивает он их невысоко...*

Приобретенная Плеве репутация сурового и даже жестокого человека также отнюдь не справедлива. При внешней суровости, подчеркнутой величавости и некоторой замкнутости — экспансивности Витте в нем вовсе не было — он на деле отличался отзывчивостью к чужому горю; душевной черствости в нем совершенно не было. Подчиненных своих он, правда, считал нужным держать в некотором страхе, причем не мог воздержаться от едкого по их адресу юмора, почему вообще не пользовался в их среде симпатиями. *Однако людей, умевших ему отвечать и оберегавших собственное достоинство, он, безусловно, предпочитал людям подобострастным и по отношению к ним изменял свое отношение (еще один фактор, объясняющий, почему Столыпин был выделен фон Плеве. — Авт.). Низкопоклонством и хотя бы безответным выслушиванием его едких замечаний и сарказмов его нельзя было взять. Наоборот, таких людей он презирал, причем резкость его обращения с ними увеличивалась».*

Известно, что фон Плеве неизменно высоко отзывался о Столыпине. Единственное, что он отмечал, его склонность к «фразе и позе». Впрочем, вероятно, на неизменно саркастично настроенного министра такое впечатление произвело то, что Петр Аркадьевич в случае несогласия с указаниями начальства последовательно отстаивал свою точку зрения.

Вполне логично, что в апреле 1902 года, после ставшего шоковым для

России (ранее подавляющему большинству казалось, что опасность террора после уничтожения «Народной воли» больше никогда не вернется) убийства Сипягина, царь доверил МВД именно фон Плеве. Николай II не сомневался в том, что у того «не будут дрожать руки» в борьбе с вновь поднявшим голову революционным террором. В свою очередь, фон Плеве понимал, что времени у него для проведения эффективных мер крайне мало, поэтому следовало, насколько это было возможно в условиях забюрократизированной системы управления, расставить по губерниям людей, на которых мог опереться шеф МВД.

Исходя из вышесказанного, вполне понятны причины, почему новый министр внутренних дел правительственной телеграммой срочно вызвал в Петербург Столыпина из германского города Бад-Эльстер, где тот с семьей находился на отдыхе, и предложил ему должность гродненского губернатора (предыдущий губернатор Николай Петрович Урусов перед этим был назначен полтавским губернатором). Хотя для Столыпина это предложение явилось полной неожиданностью, он не сомневался и последовал сформулированному в «Капитанской дочке» принципу: «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Предводитель ковенского дворянства ясно видел, что империя вступила в эпоху новых потрясений, и считал, что не имеет морального права отказаться от назначения, сулившего ему как минимум лишь трудности и неудобства. И вот назначение свершилось. 30 мая 1902 года Николай II подписал указ следующего содержания: «Ковенскому Губернскому предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину Всемилоостивейше повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского губернатора, с оставлением в придворном звании». Так Столыпин стал самым молодым на то время губернатором в империи...

Для глубоко провинциального Гродно назначение нового губернатора из Рюриковичей, пользовавшегося уже определенной известностью в столице, стало незаурядным событием — его приезда ожидали со смешанным чувством надежды и страха. Вот как «Гродненские епархиальные ведомости» описывали приезд Столыпина во вверенную ему губернию: «21 июня в 3 часа пополудни изволил прибыть в г. Гродну к месту новой службы в должности губернатора Гродненской губернии бывший губернский предводитель дворянства Ковенской губернии, камергер Двора Его Императорского Величества Петр Аркадьевич Столыпин. С вокзала Его Превосходительство проследовал в кафедральный Софийский собор, где был встречен кафедральным протоиереем Н. Диковским, ключарем собора М. Белиной и церковным старостой.

Приложившись к местным святыням, г. губернатор изволил поинтересоваться историей собора, его святынями, его средствами и материальным обеспечением соборного причта. В тот же день Его Превосходительство посетил преосвященного Иоакима, епископа Гродненского и Брестского. Затем Его Преосвященство нанес визит губернатору в 5 часов вечера. 22 июня в 11 часов г. губернатор изволил принять православное городское духовенство во главе с кафедральным протоиереем и редактором "Гродненских епархиальных ведомостей" Николаем Диковским. В 12 часов того же дня в губернаторском доме состоялось представление Его Превосходительству инославного духовенства и служащих в гражданских учреждениях г. Гродны».

Заметим, что на упомянутой встрече в губернаторском доме Столыпин дал ясно понять присутствующим, что теперь в крае появилась твердая власть. Прочитируем ключевой тезис его речи: «Будучи назначен исполняющим должность гродненского губернатора, я, прежде всего, выражаю твердую уверенность, что мои с вами служебные отношения установятся в скором времени к обоюдному нашему удовольствию. Убежден в этом, так как полагаю, что *прислушиваясь к искренне высказанному верному мнению и относясь с уважением к мирному труду, начальник губернии тем самым приобретает право требовать неуклонного и добросовестного исполнения своих решений*. Что же касается ведомств, мне не подчиненных, то от представителей их я ожидаю помощи и содействия в общей нашей работе, состоящей в проведении здесь русских государственных начал».

Прежде чем рассказать о работе Столыпина в Гродно, зададимся вопросом: почему фон Плеве решил предложить Столыпину именно Гродненскую губернию? Думается, что его логика достаточно очевидна. Хотя губерния была одной из самых маленьких в империи (состояла только из девяти уездов), она входила в число наиболее проблемных в силу своего пестрого этнического состава. Чтобы справиться с ее управлением, губернатор уже должен был иметь определенный опыт руководства территорией со сложным этническим и конфессиональным составом.

Уроженец Гродненской губернии, известный белоэмигрантский публицист и философ, Иван Лукьянович Солоневич (автор известных книг «Россия в концлагере» и «Народная монархия»), чей отец при Столыпине редактировал «Гродненские губернские ведомости», оставил любопытную оценку положения в губернии перед приездом нового губернатора: «Край, сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русского там не было ничего. Наше белорусское

дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи — все они примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. *Народ остался без правящего слоя.* Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников... масса настроена революционно. Было очень трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова... и Милюкова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступит, то их, этих читателей, съедят...

Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он — помещик. И поместный пан Заглоба ему все-таки ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти или против нации, или против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский Виленский земельный банк с его лозунгом "Ни пяди земли холопу" запирали для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку». И следующий вывод Солоневича, почему крестьяне из Гродненской губернии были вынуждены переселяться за океан, так как «на просторах Российской Империи» для этого мужика места не нашлось: «... губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение».

Столыпин умело управлял в Ковенской губернии, где большую часть населения составляли поляки, а также литовцы, евреи, немцы. В Гродненской губернии поляки и евреи также составляли большой процент населения, а белорусы в значительной мере находились под католическим влиянием. По Первой Всеобщей российской переписи населения 1897 года Гродненская губерния по вероисповеданию делилась следующим образом: православные — 827724, католики — 384696, иудеи — 281303, протестанты — 13067, магометане — 3238. Национальности в губернии, согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, распределялись следующим образом: «Преобладающее население — главным образом белорусы, составляющее около 54 %; евреи, появившиеся здесь, как полагают, в первой половине XII века, составляют до 19 %; поляков (преимущественно Мазуров) немногим более 20 %, преимущественно в юго-зап. уездах, в особенности Белостокском и Вельском. Литовцы в числе нескольких тысяч человек живут в северной части губернии. Татары, переселенные в Литву великим князем Витовтом между 1395–1398 гг., ныне в числе 3273 д. об. п.

[3] встречаются всего чаще в Слонимском уезде. Значительная часть немцев живет в присоединенной от Пруссии части Белостокской области. Небольшое число голландцев... Некоторыми показываются еще бужане и ятвяги; но они совершенно слились с местным населением, от которого невозможно их отличить».

Однако польско-католическое влияние было несравненно сильнее, чем можно судить, исходя только из этих цифр. Если подавляющее большинство православных составляли простые крестьяне, то местные помещики почти полностью состояли из поляков-католиков.

Фон Плеве небезосновательно предполагал, что Столыпин в Гродненской губернии справится с польским вопросом не менее успешно, чем он это делал в Ковенской. Министр внутренних дел не ошибся — несмотря на то, что польское население было настроено оппозиционно по отношению к имперской власти, во время губернаторства Столыпина никаких серьезных проблем с поляками не было. И подобного результата губернатор достиг вовсе не репрессивными мерами, а взаимопониманием на основе общих интересов. Он сумел показать свое уважение к религии и национальным чувствам польского населения и убедить его в необходимости поддержания стабильности в губернии.

Конечно, Столыпин ни в коей мере не был полонофилом, просто он трезво смотрел на положение дел и видел, что политика государственного давления на польское население с целью заставить его отказаться от своей национально-культурной идентичности и веры предков может привести лишь к взрыву. Но он был и против односторонних уступок со стороны правительства, дающих возможность полонизировать западные губернии, о чем говорил недвусмысленно: «...судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды уже произведенный после смерти Екатерины Второй, повторился еще раз. По восшествии на престол император Александр Второй, по врожденному своему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того, чтобы продолжать политику проведения русских начал, которые уже начали получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления и влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти, со своей стороны, питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления полонизации края... В это время пробудились у поляков все

врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой императора Александра Второго, политикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием».

О том, насколько гродненский опыт Столыпина был отмечен в Петербурге, свидетельствует тот факт, что фон Плеве попросил губернатора оценить свой план изменения системы земского самоуправления в западных губерниях. Основой плана было то, что земские гласные должны были не избираться, а назначаться губернатором — таким образом правительство хотело нанести удар по польскому влиянию. Характерно, что Столыпин ответил своему непосредственному начальнику в довольно критическом ключе. Он не согласился с тем, что земских гласных следует назначать (что лишило бы тогда земское самоуправление всякого смысла), и предложил в качестве альтернативы создание так называемых «коллегий выборщиков», которые составляли бы жители губернии на основе определенного имущественного ценза. При этом Столыпин выступил категорически против каких-либо ограничений на основании вероисповедания и национальной принадлежности. Касалось это не только поляков-католиков, но и евреев, которых Столыпин впервые в России предложил сделать полноправными участниками местного самоуправления. Впрочем, миф об антисемитизме и ксенофобии Столыпина целенаправленно создавался его политическими противниками, а оттуда уже перекочевал в ряд исторических исследований, авторы которых не умели или не хотели работать с архивными первоисточниками.

Любопытно, что, согласно утверждению сына Столыпина, будучи главой правительства, Петр Аркадьевич разработал план предоставления Польше (под которой понималось объединение чисто польских земель по этнографическому признаку) независимости, которую он считал возможным дать к 1920 году. Правда, никаких письменных свидетельств подобных намерений (если они и были) не сохранилось. Как утверждал Аркадий Петрович: «Этот план мой шурин, муж моей сестры, видел в ящике письменного стола моего отца в нашем имении в Литве. Но на следующий день нагрянула государственная комиссия (по разбору бумаг после смерти. — *Авт.*) и всё это увезла, и план этот исчез». Так это было или нет, сейчас вряд ли возможно установить, но уже во время Первой мировой войны Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич выступил с декларацией аналогичного содержания.

В Гродно Столыпин с головой окунулся в повседневную напряженную работу, стараясь не упустить ничего, что нужно сделать для улучшения

жизни в губернии. О том, что Петр Аркадьевич в самом прямом смысле себя не щадил, говорит даже его рабочий график: он ложился спать в четыре часа утра, а в девять опять приступал к работе (этот режим он сохранил до конца жизни). Напряженного труда требовал Столыпин и от всех своих подчиненных, но несмотря на требовательность, пользовался их любовью. Одной из причин было то, что он всегда помнил о их нуждах и ценил людей честных, преданных делу. Например, Петр Аркадьевич обратился к своему непосредственному начальнику (хотя тот почти не вмешивался в дела губернии), виленскому, ковенскому и гродненскому генерал-губернатору генерал-адъютанту князю Петру Даниловичу Святополк-Мирскому (в августе 1904 года назначенному министром внутренних дел) со следующим ходатайством: «Первого сего декабря гродненский полицмейстер г. Гордынский подал в отставку. Как я уже докладывал Вашему Сиятельству, причиной отставки является утомление после 35 лет службы, из которых последние 19 лет г. Гордынский прослужил по полиции. *Зная его с самой хорошей стороны, как человека вполне честного и порядочного, чему доказательством служит полное отсутствие у него личных средств*, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, не сочтете ли Вы возможным в бытность свою в Петербурге подкрепить своим веским словом ходатайство мое о награждении г. Гордынского пенсией в полном размере получаемого им содержания. Официальное представление мое будет на этих днях представлено Вашему Сиятельству». Добавим, что ходатайств на получение каких-либо благ для себя или родственников Столыпин не писал никогда.

Сфера его забот как губернатора была чрезвычайно обширна. Например, он лично занялся проблемами образования, и по инициативе губернатора были открыты еврейское двухклассное народное училище (опять к вопросу об «антисемитизме» Столыпина!), ремесленное училище и приходское училище для девочек (губернатор считал крайне важным развитие образования для женщин), а для неимущих учеников мужской гимназии были учреждены именные стипендии семьи Столыпиных.

В отличие от ряда закоснелых ультраконсерваторов Столыпин не только не боялся поднятия образовательного уровня крестьянства, но и считал это необходимым для укрепления государства (в том числе развития сельского хозяйства). Одному из таких сторонников ограничения образования народа — князю Святополк-Четвертинскому он в Гродно резко ответил следующим образом: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. *Образование народа, правильно и разумно поставленное,*

никогда не приведет к анархии... Распространение сельскохозяйственных знаний зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе... и вы дадите большую обеспеченность земледельческому классу, самому консервативному в каждой стране».

Гродненская губерния стала и полигоном Столыпина, где он впервые попытался реализовать элементы своей будущей аграрной реформы. Этому способствовало то, что он по должности возглавил губернский комитет особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организованный по инициативе министра финансов Витте.

В комитете губернатор не ограничился лишь бумажной бюрократической работой, а начал последовательно проводить мероприятия по облегчению свободного выхода из общины всех желающих, закреплению за крестьянами земли и созданию системы хуторов. На одном из заседаний губернского комитета он тезисно обрисовал первоочередные меры по реформированию земельных отношений в губернии, и это выступление во многом схоже с позднейшими выступлениями Столыпина в Государственной думе. Приведем ключевое его положение: *«...главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности, в частности, следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполосности земель, разверстание сервитутов^[4]»*. Следует учесть, что Столыпин начал в губернии реализацию своей реформаторской программы без одобрения Петербурга. Более того, многие при дворе и в правительстве считали, что крестьянская община является фундаментом самодержавного строя, а ее разрушение выгодно только революционерам.

О направлении проводимых Столыпиным в губернии аграрных реформ (ориентированных на создание единоличных крепких хозяйств при помощи приобретения крестьянами земли через Крестьянский банк) свидетельствует объявление, опубликованное 6 августа 1902 года в «Гродненских губернских ведомостях»: «Гродненский губернатор объявляет:

1) что Крестьянский банк оказывает крестьянам содействие к приобретению в собственность земель лишь при условии добровольного согласия владельцев на продажу им сих земель и, что при отсутствии желания землевладельца продать свою землю крестьянам ходатайство последних об оказании Крестьянским банком содействия к приобретению земли не может иметь никакого значения;

2) что росписание^[5], утвержденное 3 декабря 1900 года Министерством финансов по соглашению с Министерствами внутренних дел и земледелия и государственных имуществ, определяет наибольшее количество земли, которое может быть приобретено крестьянами при содействии Крестьянского поземельного банка, не иначе как по взаимному соглашению крестьян с владельцами земли и

3) что прием и рассмотрение заявлений и выдача банком ссуд на покупку земель составляют предмет ведомства отделения банка, куда в случае согласия владельцев на продажу земли крестьянам последним и надлежит обращаться за всеми необходимыми для осуществления сведениями; все же обращения крестьян о содействии к покупке земли без предварительного соглашения с владельцами ее оставляются отделением банка без рассмотрения».

Обращает на себя внимание четкая позиция губернатора, делающая процесс продажи земли исключительно добровольным, возможным лишь при условии соглашения сторон. Это было принципиальное убеждение Столыпина, хотя он и понимал, что таким образом значительно замедляется процесс создания крепких крестьянских хозяйств.

Однако гродненский губернатор прекрасно отдавал себе отчет в том, что его мероприятия ни в коей мере не будут пользоваться популярностью у большинства крестьян, но это его не останавливало — для него важна была не дешевая популярность, а благо государства и народа. И он был категорически против того, чтобы откладывать аграрную реформу до тех пор, пока крестьяне не осознают ее необходимость. Петр Аркадьевич говорил: *«Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».*

Спокойное проведение реформ в губернии (пусть и в достаточно ограниченном масштабе) стало возможно и во многом благодаря тому, что губернатор жестко подавлял любые попытки революционных беспорядков и отстаивал необходимость самых строгих мер по отношению к революционерам. Так, он с возмущением писал генерал-губернатору о нерешительных действиях начальника губернского жандармского управления полковника Александра Бекнева и, наоборот, высоко оценивал решительные действия белостокского полицмейстера Петра Метленко во

время пресечения революционных выступлений в Белостоке: «Считаю долгом своим, помимо официального представления, донести Вам частным образом о белостокских событиях, так как некоторые побочные обстоятельства не могут найти места в официальной переписке.

Дело в том, что после выяснения на месте вице-губернатором всей картины происшедших беспорядков на место в Белосток выехал начальник губернского жандармского управления и прокурор окружного суда для производства дознания о виновности задержанных лиц в государственном преступлении. Так как в Белостоке всё было уже спокойно и делу был дан законный ход, я выехал на два дня в деревню для того, чтобы закончить перед выездом из Гродно свои дела по имению.

Вернувшись в пятницу днем, я к изумлению своему узнал, что полковник Бекнев, привлекиши, по соглашению с прокурором, 4 лиц по обвинению в государственном преступлении, всех остальных предложил полицмейстеру выпустить и привлечь по 38 ст. Улож[ения] о наказаниях.

Я немедленно вызвал к себе полковника Бекнева и из разговора с ним и прокурором убедился, что прокурор давал свое заключение исключительно с юридической точки зрения, совершенно оставив в стороне вопрос об административной репрессии. Полковник же Бекнев, видимо, совершенно упустил из виду существование в Белостоке положения усиленной охраны. Объясняет он свое распоряжение тем, что оно не служило препятствием полицмейстеру оставить своей властью под стражею задержанных лиц, тем более, что в своем предложении полицмейстеру об аресте он добавил, "если к тому не встретится препятствий", но переложить в данном случае ответственность на полицмейстера я не считаю возможным, так как он не имел права не исполнить предложения начальника жандармского управления, действовавшего по соглашению с прокурором.

Во всяком случае, как только я узнал об освобождении арестованных, я немедленно распорядился снова их арестовать и в субботу приказал лично явившемуся ко мне белостокскому полицмейстеру немедленно вернуться в Белосток и приложить все свое старание к успешному выполнению этого моего приказанья, после чего ждать окончательного распоряжения относительно арестованных, долженствующего воспоследовать со стороны Вашего Сиятельства.

Я считал невозможным медлить и потому распорядился, не сносаясь предварительно с Вашим Сиятельством, полагая, что предварительный арест не предрешит постановления Вашего по этому делу...

Причина, побудившая полковника Бекнева к снисходительности по

отношению к производившим беспорядки, заключается, по моему мнению, в его предположениях о том, что это соответствует "вениям Департамента полиции".

С своей стороны я нахожу, что меры строгости, принятые Вашим Сиятельством, безусловно необходимы и будут иметь прекрасное воздействие на население. Так как полицмейстером были переписаны и некоторые рабочие, бросавшие камни в полицию, то я приказал ему арестовать и их для представления Вашему Сиятельству о наложении на них наказания за нарушение обязательного постановления. Буду только ходатайствовать в представлении своем об установлении некоторой градации в сроке наказаний, соответственно степени виновности задержанных.

Кроме сего, усердно прошу, не найдете ли Вы возможным объявить в "Виленском вестнике" благодарность полицмейстеру Метленко за распорядительность и усердие.

Его личная отвага и храбрость, безусловно, достойны похвал, что касается его башибузукских приемов после прекращения беспорядков, то я ему уже объявил, что они, безусловно, недопустимы...»

Следует отметить, что Столыпин всегда, на всех занимаемых им постах, уделял первоочередное внимание вопросам поддержания правопорядка. Для него было абсолютно очевидно: при необеспечении твердого порядка и безопасности населения невозможны не только реформы, но и вообще скольконибудь эффективное управление. Например, он неоднократно объявлял личные благодарности полицейским за храбрость и распорядительность и издавал циркуляры по самым различным вопросам борьбы с криминалитетом. Так, губернатор подписал специальный циркуляр исправникам в связи с участвовавшими церковными кражами (что было ему, как глубоко верующему человеку, особенно больно). Приведем его текст, из которого ясно, насколько Столыпин вникал во все детали борьбы с преступностью: «В последнее время в селах Высочайше вверенной мне губернии стали повторяться очень часто ночные кражи из церквей. Кражи эти являются почти всегда результатом слабого надзора со стороны сельских караулов за неприкосновенностью церквей. Затем из поступающих ко мне ведомостей о происшествиях я усматриваю, что к розыску виновных в святотатствах не принимаются энергичные, своевременные и тактичные (обратим особое внимание именно на эту формулировку. — Авт.) меры и что со стороны начальников уездной полиции нет ни личной инициативы в делах розыска виновных по сим преступлениям, ни достаточного надзора за деятельностью приставов и

урядников по делам этой категории.

Ввиду сего поручаю гг. исправникам:

1) сделать распоряжение, чтобы сельские ночные караулы несли аккуратно обязанности по охране храмов; затем подтвердить приставам, полицейским, урядникам, сотским и десятским, чтобы они всегда наблюдали за выполнением ночными караулами своих обязанностей;

2) поручить приставам, чтобы они принимали энергичные меры к розыску преступников и дознание производили возможно обстоятельнее для выяснения личности совершивших кражу из церкви;

3) лично гг. исправникам наблюдать за ходом дознаний по сим делам и заботиться о раскрытии преступников и 4) *о каждой краже из церкви доносить мне немедленно по ее свершении отдельным рапортом с подробным изложением обстоятельств, ее сопровождавших и выяснявшихся при первоначальном производстве дознания.*

Я уверен, что гг. исправники отнесутся с серьезностью к сделанным мною указаниям и будут стремиться положить предел кражам из храмов».

Но пребывание Столыпина в Гродно длилось недолго (и можно поражаться, что он сумел сделать столь многое за столь короткое время!) — в феврале 1903 года фон Плеве вызвал его в Петербург и предложил отправиться губернатором в Саратов. Это было несомненное повышение — Саратовская губерния была значительно крупнее Гродненской, к тому же ее губернатор подчинялся не генерал-губернатору, а напрямую Петербургу. Несмотря на это Столыпин был не в восторге от сделанного предложения — он только начал реализовывать в Гродно свою программу преобразований и хотел довести ее до конца. Кроме того, семья уже обустроилась в Гродно, и ему не хотелось вновь перевозить жену и маленьких детей на новое место. Однако на его возражения министр резко заметил: «Меня Ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. *Я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии* и ожидаю от Вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

Это было сказано совершенно в стиле самого Столыпина, и понятно, что после этого гродненский губернатор немедленно дал согласие (вероятно, устыдившись своей минутной слабости). 26 марта 1903 года в Саратове появился новый губернатор.

И еще одна черта, характеризующая Петра Аркадьевича и как человека, и как государственного деятеля. Перед отъездом из Гродненской губернии он посчитал своим долгом лично написать генерал-губернатору о работавших в его подчинении чиновниках, в чьей порядочности и чьем

профессионализме он был уверен: «Покидая Гродненскую губернию, считаю нравственным долгом своим доложить Вашему Сиятельству о том, какие я имел предположения относительно дальнейшего служебного движения некоторых должностных лиц и замещения некоторых вакансий земских начальников при введении этого института в Гродненской губернии.

Прежде всего, не могу не обратить внимание Вашего Сиятельства на правителя моей канцелярии кн[язя] А. В. Оболенского. Близко ознакомившись с его нравственными и служебными качествами за время управления мною губернией, я могу смело аттестовать его за *честного, добросовестного и способного труженика*, с интересом относящегося к работе, получившего прекрасное воспитание в патриархальной, чисто русской, дворянской семье и вполне подготовленного к занятию самостоятельной и ответственной должности. Имея вместе с тем в виду, что кн[язь] Оболенский получил высшее образование и что в здешнем крае крайне важно вводить в непосредственное соприкосновение с местным землевладельческим элементом представителей администрации, воспитанных в традиции порядочности, я уже позволил себе ходатайствовать лично перед Вашим Сиятельством, вследствие чего смею надеяться, что служба кн[язя] Оболенского будет поощрена осуществлением тех надежд, которые были мною поданы ему при назначении на должность правителя.

В канцелярию мою младшим помощником правителя был мною приглашен молодой человек, также кончивший курс университета, с тем, чтобы подготовить его к занятию должности земского начальника. Это губернский секретарь Писарев, лично мне известный с очень хорошей стороны, почему я считал бы его вполне подходящим кандидатом на указанную должность.

Мною лично было также доложено Вашему Сиятельству, что состоящие при мне чиновниками особых поручений гг. Петерсон и Алябьев приняли эти должности при кн[язе] Урусове ввиду предполагавшегося в то время введения в скором времени в губернии института земских начальников и кн[язь] Урусов, передавая мне должность, сообщил мне, что им были обоим названным лицам обещаны места земских начальников. Вследствие сего, я был бы крайне признателен, если бы Ваше Сиятельство сочли возможным устроить их на указанную или другую соответствующую должность».

Забывая постоянно о себе, о благе окружающих он помнил всегда...

Глава четвертая

ВО ГЛАВЕ «ТРУДНОЙ ГУБЕРНИИ»

...время смуты — время решения, не раздумья.

П. А. Столыпин

Министр не случайно назвал Саратовскую губернию «трудной» (и то, что он поставил во главе ее Столыпина, было знаком особого доверия Петру Аркадьевичу и высокой оценки его работы в Гродно) — в ней не было болезненных польского и еврейского национальных вопросов, но и без этого она имела давнюю и прочную репутацию наиболее беспокойной во всей империи. Кроме традиционно сильного революционного движения губерния была особо известна частыми крестьянскими выступлениями, доставлявшими власти много хлопот. К началу XX века почти столько же хлопот начал доставлять рабочий вопрос, учитывая то, что Саратов был крупным индустриальным центром — в городе работали около 150 фабрик и заводов.

В связи с этим чрезвычайно интересно мнение одного из наиболее осведомленных в этом вопросе современников Столыпина — полковника Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) Александра Павловича Мартынова, занимавшего в течение шести лет пост начальника Саратовского охранного отделения: «В управлении (имеется в виду столичное жандармское управление. — *Авт.*) в то время дослуживал свой срок службы старый генерал А. И. Иванов, несколько лет до того отчисленный за какие-то упущения по службе от должности начальника Саратовского губернского жандармского управления. Он вынес от своей службы в Саратове довольно верное, как я потом убедился, убеждение, что Саратов — это закоренелое революционное гнездо, и уже впоследствии, в Петербурге на допросах, выяснив, что арестованный — уроженец Саратова, генерал бегал по нашим кабинетам и самодовольно вскрикивал: "Ну что, конечно, саратовец! Я так и знал!" В его устах слово "саратовец" звучало как "подлец"!

Как только генерал Иванов узнал о моем назначении в Саратов, он ворвался в мой кабинет и завопил: "В Саратов? Ну, батенька, не поздравляю! Да вас там убьют! Я саратовцев знаю!" Впрочем, этот припев

"вас там убьют" неизменно повторялся и другими, когда они узнавали о моем новом назначении».

Вероятно, примерно так же знакомые Столыпина восприняли и его назначение саратовским губернатором.

На новом месте Петр Аркадьевич сразу же произвел большое впечатление — во всех слоях общества почувствовали, что в губернии, наконец, появилась твердая власть. Даже его внешний вид поразил саратовцев, один из которых так описал губернатора: «Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон — придавали ему вид *достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии*».

Особенно людей впечатлило, что новый губернатор немедленно начал наводить порядок, что свидетельствовало о том, что он печется о нуждах народных не только на словах. Практически сразу последовал ряд увольнений коррумпированных и бездейственных чиновников на местах, что было воспринято в губернии с восторгом. Вот как сам Столыпин описывал посещение одного из уездов: «Мне пришлось в одной волости раскрыть такие злоупотребления, что я тут же, расследовав весь ужас, перенесенный крестьянами (последний губернатор, бывший в этой волости, Галкин-Врасский), тут же уволил вол[остного] писаря и земскому начальнику приказал до Нового года подать в отставку. Я выдержал хладнокровие до конца, но, уезжая из участка, понял, что такое *globe hystéries*^[6]. Крестьяне говорили: "Совість пропита, правда запродана"; *"ждали тебя, как царя"*. Ждали ведь они 25 лет, и я решил тут же на месте распорядиться, чтобы они знали, что могут доискаться правды. Конечно, такие ревизии задерживают в волостном правлении до S дня, но тут, чтобы водворить порядок, надо бы год не выходить из волостей. *Дайто мне Бог хоть немного очистить эти авгиевы конюшни*. Впрочем, такие злоупотребления, как найденные мною, к счастью, яркое исключение.

А в Царицыне меня ждали беспорядки в тюрьме. Начальство потеряло голову, и боялись меня пускать в тюрьму: революционные песни раздавались по всей тюрьме, и виновных начальство боялось наказать. Оказалось, что начальство просто трусило. Я два дня подряд просидел там по несколько часов, политические подолгу со мною разговаривали, обещались не петь и вести себя разумно — посадил в карцер всего только двух уголовных, и всё, кажется, успокоилось. А из Саратова уже прискакал прокурор Микулин, и хотел прискакать и тюремный инспектор. У страха глаза велики». Нетрудно представить, что измученный равнодушием власти народ действительно встречал Столыпина «как царя».

Как и раньше, особое внимание Петр Аркадьевич уделял улучшению жизни жителей губернии, и достигнутые им положительные результаты были очевидны. Особым его вниманием пользовалась сфера образования. Так, благодаря инициативе губернатора было получено царское разрешение на открытие в Саратове университета (начавшего свою деятельность в 1909 году), что сделать было очень непросто: в Петербурге настороженно относились к созданию новых высших учебных заведений, не без оснований считая, что те сразу же становятся центрами оппозиционного и непосредственно революционного движения.

Существенно увеличилось при новом главе губернии количество начальных и средних учебных заведений, а на их содержание стало выделяться значительно больше средств из казны. Еще раз отметим, что «реакционер» Столыпин, какие бы посты он ни занимал, считал необходимым развивать образование женщин и не случайно способствовал основанию в Саратове новой женской гимназии. Сам город при Столыпине начал бурно развиваться — губернатор сумел получить почти миллион рублей на устройство водопровода и мостовых (ни того ни другого раньше не было вообще), появилось газовое освещение, в несколько раз увеличилась протяженность телефонной сети.

Однако спокойно заниматься развитием губернии Петру Аркадьевичу не удалось — атмосфера в империи постоянно накалялась. После начала Русско-японской войны ситуация становилась всё более неуправляемой, что, разумеется, затронуло и Саратовскую губернию. Кстати, вскоре после начала военных действий, в марте 1904 года, Николай II посетил губернию и остался чрезвычайно доволен работой своего, пожалуй, самого энергичного губернатора. О состоявшейся встрече Столыпин написал, что император «был крайне ласков и разговорчив: говорил про губернию, про пробудившийся патриотизм». Также, по словам Петра Аркадьевича, Николай II «закончил уверенностью, что всё в губернии пойдет хорошо». Увы, подобный, не слишком обоснованный, оптимизм «хозяина земли Русской» не оправдался — дела в государстве в целом и в каждой ее губернии шли всё хуже и хуже.

Революция всё более становилась не устрашающим жупелом, а страшной, кровавой реальностью. Первые признаки грядущей бури чувствовались уже в сравнительно тихом 1903 году, и саратовский губернатор пытался сделать всё возможное, чтобы предотвратить массовые беспорядки, которые революционеры активно готовили. Одной из важнейших мер, предпринятой Столыпиным, стало издание в апреле 1903 года обязательного постановления следующего содержания: «1.

Воспрещаются повсеместно в пределах Саратовской губернии всякого рода сходы и собрания, не дозволенные установленным порядком, независимо от их цели и места.

2. Собравшиеся обязаны по первому требованию полиции разойтись.

3. Всякие вмешательства в действия чинов полиции при исправлении ими обязанностей по службе безусловно не допускаются.

4. Виновные в нарушении настоящего постановления подвергаются в административном порядке аресту до 3 месяцев или денежному взысканию до 500 руб.».

Подобные паллиативные (а в масштабах одной губернии они иными быть и не могли) меры, конечно, не могли потушить костер близкой революции и давали лишь кратковременный эффект. Уже в следующем году в Саратовской губернии начались серьезные революционные выступления, справиться с которыми при небольшом количестве войск на местах было очень не просто. Столыпину всё чаще приходилось ехать к восставшим лично. Как он писал жене уже в мае

1904 года: «Выезжаю в Аткарский уезд, где опять беспорядки. Думаю, что в один день покончу. Там крестьяне обыкновенно тихие и надеюсь обойтись без экзекуции. Скучно постоянно прерывать работу такими случаями». А вскоре губернатор радуется, что удалось всё уладить «без порки»: «Сейчас вернулся из Аткарского уезда и всё благополучно кончил.

Вместо одного места пришлось поехать в два, т. к. накануне моего приезда крестьяне по соседству разобрали самовольно весь хлеб из хлебозапасного магазина. Везде удалось выявить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам. Мои молодцы казачки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось обойтись арестами, без порки».

Но количество «таких случаев» только увеличивалось, несмотря на все предпринимаемые «молодцами казачками» меры.

Встреча с императором безусловно сыграла немалую роль в дальнейшем возвышении Столыпина. Царь обратил внимание на саратовского губернатора, сильно отличавшегося от большинства высших чиновников империи. И уже в декабре 1904 года Петр Аркадьевич получает свой первый генеральский чин — становится действительным статским советником. Показательно, что когда в июле 1905 года Николай II проезжал Поволжье, он захотел вновь встретиться со Столыпиным, и тот описывает новую встречу (прошедшую в царском поезде) почти восторженно: «Он меня принял одного в своем кабинете, и я никогда не видел его таким разговорчивым. Он меня обворожил своею ласкою. Расспрашивал про

крестьян, про земельный вопрос, про трудность управления. Обращался ко мне, например, так: "Ответьте мне, Столыпин, совершенно откровенно". Поездкою своею он очень доволен и сказал: "Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России". Но всего в письме и не напишешь. В заключение Государь мне сказал: *"Вы помните, когда я Вас отправлял в Саратовскую губернию, то сказал Вам, что даю Вам эту губернию 'поправить', а теперь говорю — продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени"*. Затем совершенно серьезно он обещал мне приехать в Саратовскую губернию и в Балашовский уезд (!!). Он отлично помнил, что старшина сказал ему — "Не тужи, Царь-батюшка".

Вообще эта аудиенция мне будет настолько же памятна, насколько была неожиданна. На всех станциях, где были встречные эшелоны, идущие на войну, Государь даже поздно вечером выходил и говорил с солдатами».

Однако, несмотря на царский оптимизм, положение всё более усугублялось и особенно ухудшилось после убийства в апреле 1904 года фон Плеве, в лице которого революция имела наиболее сильного противника. Осознавая необходимость проведения реформ, министр внутренних дел никогда бы не позволил разговаривать с властью с позиции силы и диктовать ей ультиматумы. Для фон Плеве не было сомнения в том, что реформы не могут проводиться при отсутствии твердой власти — пришедший ему на смену князь Святополк-Мирский считал, что власть сначала должна пойти навстречу либеральной оппозиции (возможно, учитывая догматическую ограниченность и нетерпимость последней, правильнее было бы назвать ее псевдолиберальной). Произнося правильные слова (с которыми, конечно, трудно поспорить) о том, что он положит в основу своей деятельности «искренно благожелательное и искренно доверчивое отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», Святополк-Мирский не имел никакой продуманной программы. Широко разрекламированная «эпоха доверия» и «весна» князя обернулась неконтролируемой эскалацией насилия и поставила империю на грань общей катастрофы. После Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, показавшего крах политики односторонних уступок, преемником Святополк-Мирского в МВД стал Александр Григорьевич Булыгин, но он бездумно продолжил политику своего предшественника.

Столыпин получал из Петербурга противоречивые указания, или их вовсе не было, в любом случае, сохранять порядок в губернии ему становилось всё тяжелее. В марте 1905 года царь выразил Петру

Аркадьевичу благодарность за успешное подавление беспорядков, но он даже не мог себе представить, каких усилий это стоило губернатору, действовавшему не столько грубой силой, сколько силой убеждения. К тому же Столыпин явно преувеличивал собственные возможности. Он полагал, что сможет справиться с беспорядками силами полиции и армии, имеющимися в его распоряжении, и считал, что не нужно присылать дополнительные воинские контингенты. Развитие событий в губернии показало, что в данном случае Столыпин ошибался: местная власть не сумела обойтись собственными силами и вскоре была вынуждена просить прислать дополнительные войска.

В дальнейшем обращения Столыпина в Петербург станут регулярными, они будут подобны приводимым ниже телеграммам санкт-петербургскому генерал-губернатору генералу Дмитрию Федоровичу Трепову и в Главный штаб:

24 октября 1905 года

«[В] городе сегодня порядок не нарушался. Из Пензы батальон *прибудет только завтра, такое непоправимое замедление лишило меня возможности принять [в] уездах предупредительные меры и сегодня сожжено и разграблено еще несколько имений, людей не убивают; использовал всевозможные наличные силы, чтобы отстоять несколько крупных опасных центров, дабы не создать новых очагов; разгромы начинаются еще в трех уездах — Балашове ком, Сердобском, Петровском; направляются все силы, [чтобы] локализовать распространение. Мариинское земледельческое училище укрепились, выкинуло красный флаг и приготовилось выдержать осаду. Послал вице-губернатора и войсковую часть и приказал силой взять виновных; телеграфировал командующим войсками о высылке необходимого количества войск, с прибытием которых надеюсь переловить и агитаторов; как только возможно будет выехать из города, не возбуждая опасности нового погрома, сам поеду [в] места беспорядков».*

25 октября 1905 года

«В Петровском у[езде] вспыхнуло движение, охватившее ранее с особою силою уезды Саратовский, Аткарский, Сердобский и Балашовский. Вчера ночью сожжены, разгромлены хутора: Аплечеева, Огарёва; банды грозят имениям герцога Лейхтенбергского, Ермолаева, Кожина. Войска Петровского у[езда] всего одна полусотня, одна рота. Завтра ночью рассчитываю на прибытие туда сотни из Самары. Самое опасное

положение [на] границе Балашовского и Сердобского уездов, где грабят, громят целый ряд имений, жгут мосты, громят железные дороги. В Аткарском у[езде], после взятия земледельческого училища, почти повсеместно водворен порядок, награбленное возвращается, но большинство учеников училища, разбежавшись по уездам, стали во главе банд совместно с крайними революционными элементами и выпущенными из тюрем задержанными во время летнего аграрного движения. В Саратовском у[езде] положение улучшается. Сегодня захвачена важная ириновская банда без кровопролития. В Балашовском у[езде] также разбита шайка, есть раненые. О положении и принятых мерах подробно телеграфировал ежедневно генералу Трепову, распорядился разъяснить манифест, который толкуется агитаторами как равное право всех на землю и отмена всякого начальства. *С прибытием достаточного количества войск движение удастся подавлять без жертв, но Казанский округ не может удовлетворить потребность; поэтому вновь ходатайствую [о] присылке полка пехоты и двух сотен кавалерии немедленно же из других округов».*

Ситуацию в Саратовской губернии особенно усугубило то, что начались выступления не только крайне левых, но и крайне правых. В октябре 1905 года черносотенцы организуют в Саратове еврейский погром, и Столыпин срочно выезжает для его немедленного прекращения. Прибыв в город, губернатор руководит ликвидацией погрома, в том числе лично разгоняя погромщиков (во время чего получает травму своей больной руки). И после этого без преувеличения героического поведения губернатора по защите еврейского населения местная оппозиционная пресса обвиняет его в «потворстве черной сотне»! Понятно, что это дало Петру Аркадьевичу полное моральное право назвать этих газетчиков «сворой, завладевшей общественным мнением».

Отметим, что и в дальнейшем Столыпин будет беспощадно бороться с погромами, которые он расценивал как вызов государственности в целом. Уже как глава правительства он в апреле 1907 года разослал губернаторам следующую циркулярную телеграмму, предупреждавшую их о личной ответственности за допущение еврейских погромов (наравне с бездействием власти при революционных выступлениях): «Ко мне поступают заявления о готовящихся будто бы во время праздников Пасхи еврейских погромах. Будучи вполне уверен, что властями на месте принимаются все меры для предотвращения каких бы то ни было насилий, предлагаю в видах успокоения населения огласить во всеобщее сведение

путем объявлений к населению, что всякая попытка к нарушению порядка будет немедленно пресечена полицейской и военной силой. В настоящее время я не допускаю и мысли о послаблениях администрации и ее твердости приписываю начинающее водворяться спокойствие в деревнях. Население должно проникнуться прочным убеждением, что законные власти несут обязательство прекращать беззакония незамедлительно и без колебаний, так как за допущение аграрных и других беспорядков, также еврейских погромов, сами власти ответят со всей строгостью закона».

А возвращаясь к саратовским событиям, отметим, что подавление организованного черносотенцами в Саратове еврейского погрома стало первым, но далеко не последним столкновением Столыпина с ультраправыми, которые ненавидели его не меньше революционеров. Будущий премьер считал, что их деятельность наносит такой же вред государству, как и выступления левых, а их так называемые «патриотические демонстрации» (как правило, заканчивавшиеся погромами) еще более дестабилизируют ситуацию. Думается, он мог бы дословно повторить слова профессора-экономиста Университета Святого Владимира и редактора «Киевлянина» Дмитрия Ивановича Пихно: «Есть Россия... Думать надо только об одном: как ей помочь... Как помочь этому государю, против которого они повели штурм... Как ему помочь. Ему помочь можно только одним: поддержать власти, им поставленные. Поддержать этого генерал-губернатора, полицию, войска, офицеров, армию... *Как же их поддержать? Только одним: соблюдайте порядок.* Вы хотите "по примеру их" манифестацию, патриотическую манифестацию... очень хорошие чувства ваши, святые чувства, — только одно плохо — что "по примеру их" вы хотите это делать. Какой же их пример? Начали с манифестации, а кончили залпами. *Так и вы кончите. Начнете крестным ходом, а кончите такими делами, что по вас же властям стрелять придется. И не в помощь вы будете, а еще страшно затрудните положение власти... потому что придется властям на два фронта, на две стороны бороться... И с ними и с вами.* Если хотите помочь, есть только один способ, один только... Способ простой, хотя и трудный: "все по местам". Все по местам. Вот вы парикмахер — за бритву. Вы торговец — за прилавки. Вы чиновник — за службу. Вы рабочий — за молот».

Губернатор также делал всё возможное, чтобы не допустить расправ крестьян (среди которых в начале революционных беспорядков сторонники монархии составляли большинство) с представителями левой интеллигенции. Будучи категорическим противником любых неправовых действий, Столыпин был твердо уверен в том, что силовая борьба с

революцией и ее деятелями — дело исключительно государственного аппарата, и подобные отвратительные эксцессы со стороны лояльной части населения объективно играют на руку дальнейшему нарастанию анархии и развалу империи.

Особенно важно для Столыпина было защитить земских служащих, которых он старался всеми силами привлечь на сторону власти. Он понимал, что во многом антиправительственные настроения значительной части интеллигенции обусловлены и ошибками самой власти — неэффективной, не отвечавшей требованиям современности, не имеющей стратегической программы динамического развития России. Саратовский губернатор стремился всеми доступными ему методами лишить революционеров поддержки в кругах земской интеллигенции, что явилось бы важной победой законной власти в деле успокоения страны. Не менее важно для него было и объяснить крестьянам, что не может быть никакой коллективной ответственности как по национальному, так и по социальному признаку, что действовать таким образом — значит уподобляться кровавым маньякам революционного террора. С этой целью он даже издал в марте 1905 года специальный циркуляр в защиту земцев, которых губернатор пытался представить «верными слугами царя» (это при том, что их почти поголовная оппозиционность секретом ни для кого не являлась) и одновременно обещал интеллигенции определенное участие в «улучшении государственного благоустройства».

Приведем текст этого чрезвычайно любопытного документа, показывающего не только приверженность Столыпина идее построения правового государства, но и его стратегическое мышление, понимание конечной необходимости консолидации общества: «За последнее время до меня доходят сведения о возникновении в некоторых частях губернии среди населения брожения и возбуждения против учителей, врачей, ветеринаров и других земских работников. Объясняется это, по-видимому, распространенным в народе слухом о том, что эти лица — враги царя. Сеют смуту и занимаются революционной пропагандой.

Распространяемые злонамеренными лицами в селах революционные воззвания и листки, видимо, дают пищу этим слухам, плодят кривотолки и способствуют возбуждению народа против лиц, являющихся часто самоотверженными работниками на пользу народную (зачастую одновременно и пользу революционную. — *Авт.*). Явление это особенно печально в настоящее время, когда всякое междоусобие и внутренние распри ведут к ослаблению жизненных, творческих сил страны, подъем которых так необходим в переживаемые нами тяжелые времена.

Государь в знаменательных государственных актах от 18 минувшего февраля сам призывает все духовные и умственные силы России к служению отечеству: не только излюбленные, избранные от населения люди будут участвовать в предварительном рассмотрении законопроектов, но учреждения и частные лица могут доводить до царя предположения об улучшении государственного благоустройства. Всё, что в России мыслит, призвано сплотиться вокруг престола.

В такую минуту рознь в разных слоях населения, недоверие народных масс к культурным силам, которыми мы так бедны, было бы новым и крупным бедствием.

Приглашаю гг. земских начальников объяснить населению, что земский врач, учитель и прочие земские работники — такие же царские слуги, как и остальные служащие, что всякое огульное обвинение определенного разряда людей бессмысленно и преступно и что обнаружение отдельных злоумышленных лиц, сеющих смуту, влечет за собой их личную ответственность, но не может набросить тень на целое учреждение или корпорацию.

Чинам полиции предписываю всеми мерами оберегать спокойствие работы, законом возложенной на земских служащих, стараться рассеивать вздорные слухи и о всем, вызывающем тревогу местных жителей, немедленно доносить мне.

В заключение напоминаю, что мы ждем холеру. Всячески надо стараться внушить населению, что врачи и студенты-медики, которые будут приглашены в случае появления холеры, рискуют своей жизнью для спасения ближнего, самоотверженно жертвуют собой, делают святое, великое дело, и что население обязано в силу этого само ограждать их от нелепых и злонамеренных наветов, не раз уже парализовавших деятельность врачей во время серьезных эпидемий». (Можно не сомневаться, что Столыпин хорошо помнил трагическую гибель в 1830 году своего двоюродного деда во время чумного бунта в Севастополе.)

Причем вышеприведенный циркуляр отнюдь не был единственным. Столыпин, имя которого уже стало одиозным для саратовской оппозиционной интеллигенции, делал всё возможное для ее защиты от волн революционной бури (которая, вполне ожидаемо, повлекла за собой и ответную контрреволюционную бурю). Буквально через несколько дней после опубликования циркуляра губернатор подписывает следующий ответ на обращение к нему земцев, уже начавших всерьез опасаться за свою жизнь: «Т. к. до меня и раньше начали доходить слухи о некотором брожении среди населения, то относительно отдельных фактов

расследования уже проводятся.

Я вместе с сим даю указания гг. земским начальникам и исправникам относительно зоркого наблюдения за всем происходящим в деревне с тем, чтобы спокойная деятельность местных земских работников — учителей, ветеринаров, врачей и пр. — была всемерно ограждена. Считаю при этом излишним оговорить, что ссылка управы на поощрение полицией разрушительных инстинктов толпы представляется мне ни на чем не основанной и едва ли правдоподобной (земцы традиционно обвинили полицию в организации насилий со стороны монархически настроенных крестьян. Подобные обвинения были столь же «достоверны», как и обвинения властей в организации еврейских погромов. — *Авт.*). Неправильные действия отдельного десятника, стражника и даже полицейского чиновника всегда возможны, будут расследованы и получат должное возмездие, но обобщать такие явления было бы весьма неосторожно и даже опасно. Что касается проповедей духовенства, то преосвященный Гермоген (саратовский епископ. — *Авт.*) высказал мне, что все усилия духовных лиц прилагаются и будут прилагаться к проповеди мира и любви, с пояснениями народу греховности мер насильственных и разрушительных. При этом, конечно, и духовенство, и гражданские власти обязаны пояснять и поясняют населению преступность революционных воззваний и листов, распространяемых за последнее время в большом количестве в деревнях. Я полагаю, что земские интеллигентные работники, особенно учителя, действуя в том же направлении, могут оказать существенную услугу делу успокоения населения, возбуждение которого в настоящую тяжелую историческую минуту, переживаемую Россией, особенно преступно. Что касается земского врачебного персонала и студентов-медиков, то к пояснению населению их высокой самоотверженной миссии мной будут приняты соответствующие меры».

Подобная позиция Столыпина выражалась и во вполне определенных (и весьма нелицеприятных) указаниях губернской полиции, как, например, в нижеприведенном предписании аткарскому уездному исправнику, написанному после выступлений крестьян-монархистов против левых земских учителей: «Из сведений, собранных относительно происшествия в слободе Елани Аткарского уезда 11 минувшего февраля, мною усматривается, что в означенный день толпа крестьян дважды являлась в местную школу с целью потребовать прекращения занятий на повторительных курсах и удаления учителя. Ни в первый, ни во второй свой приход толпа не встретила никакого противодействия со стороны полиции, которая, по объяснению станового пристава, отсутствовавшего к

тому же в то время из Елани, не была осведомлена о происходящем в слободе.

Вследствие сего предписываю Вашему Высокоблагородию разъяснить подведомственным Вам чинам полиции, что неосведомленность о положении вещей в подведомственном им районе составляет уже крупный проступок, т. к. они обязаны принимать все законные меры к охранению порядка и пресекать всякие попытки к нарушению его, отнюдь не ожидая особых предупреждений и приглашений на место происшествия от посторонних.

В данном случае полиция имела тем более возможность знать о намерениях некоторой части крестьян относительно повторительных курсов, что накануне в слободе состоялся многолюдный сход, обсуждавший этот именно вопрос и постановивший просить о закрытии курсов и удалении учителя.

Наконец, если полиция по оплошности не успела предупредить первое появление толпы, она имела полную возможность не допустить толпу вторично, задержать до вытрезвления пьяных, если таковые были в толпе, и привлечь зачинщиков к ответственности.

Обращаю на это Ваше внимание и предписываю внушить еще раз всем чинам аткарской полиции, что *всякое бесчинство, независимо от причины его возникновения, должно быть немедленно прекращаемо, что малейшая попытка насилия толпы над отдельными лицами, не предупрежденная полицией, будет вменена ей в вину.* Еланскому же становому приставу бездействие его ставлю на вид».

Уже позднее, возглавляя МВД, а потом и Совет министров, Столыпин неоднократно подвергался, без преувеличения, бешеным нападкам крайне правых, которые делали всё возможное, чтобы устранить его от власти. Дошло до того, что они ставили ему в вину «недостаточно энергичную» борьбу с революцией в Саратовской губернии!

Сразу же после ликвидации еврейского погрома начались беспорядки в селе Малиновка, которые произвели гнетущее впечатление на губернатора не только из-за кровопролития (которое уже, в общем, стало достаточно привычным), но и из-за осквернения святыни со стороны крестьян, которых он считал хранителями православной веры. Он с ужасом писал: «Вчера в селе Малиновка осквернили Божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца». Но одновременно события в Малиновке показали, что при ударе по вере реагируют и оказывают сопротивление даже ранее революционизированные слои населения. После кощунства в Малиновке

крестьяне сами забили насмерть перед церковью более сорока причастных к этому человек, а троих руководителей передали властям.

Однако попытки Столыпина сохранить порядок в губернии всё более напоминали тушение пожара на торфяных болотах. За 1905 год в губернии произошло почти 900 крупных аграрных беспорядков и было сожжено более 40 процентов помещичьих усадеб. Можно было загасить один очаг беспорядков, но тут же, словно из-под земли, в других местах вырывались новые языки пламени. И если в 1904 году речь шла о выступлениях крестьян, часть из которых имела стихийный или полустихийный характер, то в следующем году в губернии начался целенаправленный террор со стороны эсеров и анархистов по отношению к представителям власти. Летом сам губернатор несколько раз чудом избегает неминуемой смерти. В самом центре Саратова, на Театральной площади в него бросают бомбу, а при поездке в Балашовский уезд эсеровский боевик трижды почти вплотную стреляет в губернатора. В Столыпина также стреляют из засады во время поездки по губернии, но после этого он лишь иронически замечает: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов».

Петр Аркадьевич оставался равнодушным к угрозам его жизни, хотя смерть неоднократно была буквально в шаге от него. Например, однажды, когда губернатор пытался успокоить возбужденную толпу, стоящий прямо перед ним человек вдруг вынул из кармана револьвер и направил на него. Столыпин, у которого на лице при этом не дрогнул ни один мускул, глядя в упор на хозяина револьвера, распахнул пальто и просто сказал:

— Стреляй!

И поразительно, но революционер в растерянности опустил оружие, и револьвер вывалился у него из рук.

Многократно отказываясь от охраны, Столыпин не только показывал презрение к смерти и отвагу. Этим он хотел продемонстрировать, что представитель высшей власти не может позволить показать свой страх перед террористами. Психологически это полностью идентично его словам, которые он позже произнес в Государственной думе: «Не запугаете!»

В этом отношении характерен другой случай, уже петербургского периода. Как-то Столыпин с детьми плыл по Неве на катере, и мост, под которым они проплывали, переходила шумная демонстрация с красными флагами. Насмерть перепуганные дети спрятались под лавку, и отец им наставительно сказал: «Когда в нас стреляют, дети, — прятаться нельзя».

Лишь по указанию из Петербурга Столыпин в конце 1905 года разрешает охране сопровождать себя, но и то это было больше символически. Но, возможно, Петр Аркадьевич слишком самоуверенно

заявлял: «Революционеры знают, что если хоть один волос падет с моей головы, народ их всех перережет».

Наружная полиция, жандармы, охранное отделение были растеряны и, несмотря на жесткие указания губернатора, не могли справиться с волной террора. Хотя Столыпин, конечно, понимал, что это не их вина — при всем желании нельзя было покончить с революционным террором в одной губернии, когда он захлестывал всю империю.

И вот новый акт террора, произведший на губернатора особенно тяжелое впечатление. 22 ноября 1905 года прямо в губернаторском доме эсеровская террористка Анастасия Биценко убивает присланного для помощи в организации подавления аграрных беспорядков бывшего военного министра генерал-адъютанта Виктора Викторовича Сахарова. Это ей удалось без малейших усилий. Убийца просто пришла на прием к генералу (досмотреть ее никто и не подумал!) и выстрелила в него несколько раз из браунинга. Последние слова боевого генерала, участника Русско-турецкой войны, были: «Не успел...» Показательно для характеристики «кровожадности» тогдашнего строя то, что террористка избежала смертной казни и свою заслуженную пулю получила уже во время сталинского Большого террора в 1938 году «за принадлежность к эсеровской террористической организации»...

Эта смерть еще и потому была так тяжела для Столыпина, что он надеялся на генерала Сахарова как на военачальника, который лично на себя возьмет командование войсками при подавлении беспорядков. Как откровенно писал Петр Аркадьевич: «Я рад приезду Сахарова — *всё это кровопролитие не будет на моей ответственности* (Столыпин имеет в виду именно моральную ответственность. От обычной он никогда не бегал. — Авт.). *А еще много прольется крови*».

И при всем этом Столыпин остается на своем посту, хотя еще в марте 1905 года у него была прекрасная возможность покинуть беспокойную губернию и занять в Петербурге престижное и значительно более высокооплачиваемое место. Министр финансов (и будущий премьер) Владимир Николаевич Коковцов предложил саратовскому губернатору возглавить Крестьянский банк. Почему именно Столыпину — понятно. Петр Аркадьевич неоднократно говорил о необходимых изменениях в аграрной сфере и особое внимание при этом отводил Крестьянскому банку, который должен кредитовать создание самостоятельных крепких хозяйств. Столыпин был вызван в Петербург и о разговоре с Коковцовым оставил подробную запись: «Вот существо его и моей речей: я остановился на Вас, сказал он, так как слышал о Вашей деятельности и энергии, доложил

Государю, назвав 2 имени, и Государь сказал, что выбор Вас будет самый лучший, так как у Вас твердо определенные взгляды и богатая энергия. Булыгин отпускает Вас неохотно и сказал, что решение вопроса зависит исключительно от Вас, решайте. Я ответил, что был удивлен предложением, хотел бы знать, что он от меня ждет, что я человек идеи, что служить делу, которому не верю, я не пойду, что я желаю знать, узко ли кредитное учреждение Крестьянский банк или государственно землеустроительное и затем, что я хочу выяснить еще у министра внутренних] дел вопрос, насколько удобен уход мой в тяжелый для губернии момент.

На это он мне сказал, что он смотрит на Крестьянский банк довольно широко, хотя не увлекается мыслью, что банк может разрешить вопрос о землепользовании крестьян во всем объеме, тем более, что теперь война и нет денег, но что если он наметил меня, то оттого, что желает подойти к разрешению этого вопроса. Если бы было иначе, я взял бы одного из жаждущих этого места: Авраама ради Исаака, Исаака ради Иакова и т. д., ничего нет легче. В смысле самостоятельности на мой вопрос, не обращаюсь ли я в подмастерье, он мне ответил, что я буду хозяином дела, самая легкая и отдаленная подчиненность мне, министру, доклад раз в неделю, я, дескать, начальнического тона никогда не принимаю, о всех спорных вопросах всегда сталкиваемся...

На мое сомнение, что, уйдя из своего министерства, я сжигаю корабли и, если мне тут не понравится, то опять труден будет переход в губернаторы, он ответил — Вас с такою неохотою отпускают, что всегда радостно примут обратно. Наконец, он сказал, что если заручится моим согласием, то согласен даже дать мне самых тяжелых 2–3 месяца еще погубернаторствовать в Саратове».

В конце концов, от предложения Коковцова, столь недвусмысленно обещавшего Столыпину почти полную свободу действий, губернатор отказался. Хотя не вызывает сомнения, что предложение руководить Крестьянским поземельным банком и попытаться с этой позиции начать аграрную реформу было для Петра Аркадьевича чрезвычайно соблазнительно. Представляется, что причиной отказа стали два фактора. Во-первых, провести земельную реформу только с помощью одного поземельного банка было невозможно — для этого необходимы были значительно более широкие полномочия. Во-вторых, Столыпин не хотел уезжать из губернии, положение в которой становилось всё более тяжелым, и чтобы кто-то мог даже подумать, что он испугался покушений и бросил занимаемый пост в трудное время.

А положение в Саратовской губернии, несмотря на энергичные действия губернатора, продолжало и далее ухудшаться. Революционные выступления стали явлением хроническим, и у Столыпина уже не оставалось времени ни на что, кроме наведения хотя бы самого минимального порядка. Но при этом благодаря его стараниям положение в Саратовской губернии было всё же лучше, чем в соседних. Столыпин даже помогал с помощью подчиненных ему войск справиться с беспорядками в Самарской губернии, за что был удостоен Высочайшей благодарности.

Вот только некоторые факты революционного брожения, о которых писал Петр Аркадьевич (особенно отмечая подыгрывание революционерам со стороны либеральной оппозиции, дошедшей в своем антиправительственном раже до лишения населения медицинской помощи):

30 июня 1905 года

«Про уезд лучше не писать... две усадьбы сожжены и разграблены, так что пахать можно. Это у барона Ховена и Киндяковых. Крестьяне хотят идти жечь и грабить дальше, но посланные мною драгуны остановили движение своим появлением. На мои вопросы: "знать не знаем и ведать не ведаем".

Соседние деревни террориз[иро]ваны, т. к. и их хотят жечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле успеваешь посылать войска, которых мало и долго ли еще можно рассчитывать на войска после Потемкина (речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». — Авт.)?

А господа земцы готовят сюрпризы: врачи Балашовского уезда решили, что недовольны тем, что я не исполнил их требования, и все с 15 июля выходят в отставку — бросают больницы, амбулатории, уходят и все 40 фельдшеров. К ним присоединяются 3 уезда, а затем, вероятно, вся губерния.

Я не теряю самообладания и надеюсь на Бога. В этом деле я прав и думаю, что большинство благоразумных] людей осудит врачей и они провалятся. Само селение, я думаю, обернется против них и им не удастся сыграть в руку революции. Я прошу еще полк казаков в губернию и *не теряю надежды поддержать порядок*».

1 июля 1905 года

«Сегодня долго беседовал с членом управы Сумароковым и мягко

высказал ему, что гнусно пользоваться ложью и клеветой на губернатора, чтобы вызвать забастовку и возбудить население. Он лепетал, что это направлено не против меня, что мне отдадут должное, но что правительство ведет двойную игру, и что нужно с ним бороться, и доктора избрали такой прием, как способ борьбы».

2 июля 1905 года

«15 июля экстренное земское собрание, а через 3 дня я хочу выехать в Сердобский и Петровский уезды — там брожение.

Мне посылают еще полк казаков. Эти, думается, надежны и я спокойнее».

3 июля 1905 года

«В губернии крупного за последние дни ничего не было, кроме забастовок в имениях и угроз, но мне посылают еще казаков. Теперь острый вопрос с докторами — эта докторская драма должна разрешиться до 15-го июля. Я послал весьма умеренный ответ, в котором отмечаю, что различаю два течения — прогрессивное и разрушительное и борюсь только против последнего и не верю, что враги хотят подать руку элементам разрушения и насилия, и, несмотря на какие бы то ни было угрозы, я свой долг исполню и сохраню порядок и спокойствие, которых властно требует общество для проведения реформ. Вместе с тем я готовлю туда врачей (нашел уже четверых), надеюсь, что несколько человек получу из Петербурга и пошлю их в уезды с сестрами милосердия.

Бог поможет мне, надеюсь выйти и из этого затруднения».

14 июля 1905 года

«Грустно всё это ужасно. Думаю завтра сказать, открывая земское собрание, откровенное слово, теперь не время молчать. Но, вероятно, не успею подготовиться, так как весь день и вечер тормозят по неотложным делам и телеграммы о беспорядках и поджогах с разных сторон губернии».

15 октября 1905 года

«...из толпы стреляли в казаков, ранили двух лошадей и прочее известное тебе из газет. В Саратове магазины заперты, на улицах патрули».

28 октября 1905 года

«Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми

помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало и они прибывают медленно. *Пугачевщина*}. В городе всё спокойно, я теперь безопаснее, чем когда-либо, т. к. *чувствую, что на мне всё держится* (Столыпин это отмечает явно не с радостью, просто констатирует факт. — Авт.) *и что, если меня тронут, возобновится удвоенный погром.*

В уезд выведу, конечно, только с войсками, — теперь иначе нет смысла.

До чего мы дошли. Убытки — десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб.

Шайки вполне организованы».

29 октября 1905 года

«Напрягаю все силы моей памяти и разума, чтобы всё сделать для удержания мятежа, охватившего всю почти губернию. Всё жгут, грабят, помещики посажены, некоторые] в арестантские, мятежниками, стреляют, бросают какие-то бомбы. Крестьяне кое-где сами возмущаются и сегодня в одном селе перерезали 40 агитаторов.

Приходится солдатам стрелять, хотя редко, но я должен это делать, чтобы остановить течение. Войск совсем мало. Господи, помоги!

В уезд не могу ехать, т. к. все нити в моих руках и выпустить их не могу».

30 октября 1905 года

«Околоточные дежурят и ночью. И вся работа бесплодна. *Пугачевщина* растет — всё жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаяк лица, переодетые в мундиры с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорожный] путь. Приезжает от Государя ген[ерал]-ад[ъютант] Сахаров. Но чем он нам поможет, когда нужны войска — до их прихода, если придут, всё будет уничтожено... Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет. Я, к сожалению, не могу выехать из города, так как все нити в моих руках».

Особо отметим замечание Столыпина о том, что терроризированы не только помещики, но и крестьяне, не желавшие участвовать в насилии. Понимание неоднородности деревни и наличия в ней элементов, которые станут надежной опорой власти при разрушении общины, были в скором будущем положены в основу Столыпинских реформ. Аграрные беспорядки

в губернии еще раз подтвердили его убеждение, что крестьянская община является не основой монархии, а главным тормозом развития государства и объективно способствует дальнейшему революционизированию и маргинализации крестьянства.

Не менее важно для понимания будущего столыпинского курса то, что Петр Аркадьевич еще в Саратове подчеркивал готовность сотрудничать со всеми конструктивными (или могущими быть таковыми) силами общества. В дальнейшем подобный настрой помог ему привлечь на свою сторону значительную часть ранее оппозиционной либеральной общественности. Столыпин был известен как сторонник самых решительных действий при пресечении революционных беспорядков, но одновременно отмечал, что *«надо очень считаться с общественным настроением — в начале революций надо, наравне с твердостью, уметь вселить доверие всех слоев, не перешедших еще открыто на сторону противников правительства»*.

И это было отнюдь не проявлением слабости. При необходимости Столыпин проявлял крайнюю жесткость, не обращая внимания на газетную истерику, или на то, какое впечатление это произведет в обществе. Например, характерны его действия, описанные министру внутренних дел в телеграмме от 16 октября 1906 года: «Сегодня [в] загородной роще близ товарной станции собралась толпа рабочих и интеллигентов до трех тысяч человек, между которыми вооруженные ружьями, револьверами, кольями и кистенями. Решено было двинуться на город для вооруженной демонстрации и [с] песнями революционного содержания. Произведен выстрел по направлению приближавшегося железнодорожного жандарма. Были еще выстрелы [в] воздух. Все пути [в] город заграждены были заблаговременно размещенными [в] нескольких пунктах войсками. Увидя войска, демонстранты решили отложить демонстрацию на завтра. Сегодня вечером прибыли из Пензы два батальона, завтра у меня достаточно силы, чтобы дать охрану всем фабрикам и заводам, желающим начать работу. *Депутация городских и земских гласных обратилась ко мне с просьбой не прибегать к силе, считая демонстрацию безвредной. Ответил, что приму самые крайние меры, но никакого шествия и демонстрации не допущу*».

Столыпин знал, что если не будет применять силу (что, в свою очередь, влекло за собой неизбежные жертвы), тогда прольется гораздо больше крови, в том числе ни в чем не повинных мирных обывателей. И здесь ему очень помогала глубокая вера, благодаря которой он сумел перенести самые тяжелые испытания. У Петра Аркадьевича были все основания написать следующие, проникнутые православным духом, строки: *«Я совершенно спокоен, уповаю на Бога, который нас никогда не*

оставлял. Я думаю, что проливаемая кровь не падет на меня».

А пролить крови Столыпину пришлось еще немало... 26 апреля 1906 года он, совершенно неожиданно для всех, становится министром внутренних дел Российской империи.

Глава пятая

«ЖРЕБИЙ БРОШЕН...»

Прямой путь безжалостен, как сама логика!

П. А. Столыпин

Назначение состоялось следующим образом. 25 апреля 1906 года вместе с председателем Совета министров Иваном Логгиновичем Горемыкиным Петр Аркадьевич Столыпин находился на царской аудиенции, в ходе которой рассказал о подавлении беспорядков в губернии. На следующий день Столыпина вызвали к императору, и ему было предложено занять пост министра внутренних дел. Совершенно не ожидавший подобного предложения, он попытался отказаться, но Николай II просто приказал (ниже приведены подробности разговора в изложении самого Столыпина). Разумеется, после этого Петр Аркадьевич возражать не мог.

Свое назначение он принял с чувством, близким к обреченности, видя, в каком катастрофическом состоянии находится страна, и не веря, что в человеческих силах что-либо изменить. Единственная надежда Столыпина была на Бога, о чем новоназначенный министр внутренних дел не стеснялся говорить прямо. Непосредственно 26 апреля он писал не только о надежде исключительно на Божью помощь, но и о том, что планирует пробыть министром не более трех-четырех месяцев (что вновь опровергает обвинения недоброжелателей в том, что Столыпин был, прежде всего, честолюбивым карьеристом): «Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. *Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает...*

Я задаюсь одним — пробыть министром 3–4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как прошло дело — вчера получаю приказание в 6 ч[ас]. вечера явиться

в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня. *Я откровенно и прямо высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна, что взять накануне Думы губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе — значит обречь министерство на неуспех.* Говорил ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимо сохранить порядок. Государь возразил мне, что не хочет министра из случайного думского большинства, всё сказанное мною обдумал уже со всех сторон. Я спросил его, думал ли он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе, он ответил, что и это приходило ему в голову. Я изложил тогда ему мою программу, сказал, что говорю в присутствии Горемыкина как премьера, и спросил, одобряется ли всё мною предложенное, на что, после нескольких дополнительных вопросов, получил утвердительный ответ.

В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я ему исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только, если он, как Государь, прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему и жду его приговора. Он с секунду промолчал и сказал: "Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас — это на пользу России". Говоря это, он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал: "Повинуюсь Вам", — и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да, вероятно, у меня были слезы на глазах. Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся душа страшно настроена, обозлена Основными законами, изданными помимо Думы, до формирования кабинета, и будут крупные скандалы».

В мемуаристике и позднейших исторических исследованиях назначение Столыпина вызвало много споров о том, кто именно способствовал его назначению, и при этом назывались разные фамилии высших сановников. Думается, что ответ здесь лежит на поверхности — царь уже ранее достаточно хорошо знал Петра Аркадьевича. Этой же точки зрения придерживался и его брат — известный журналист Аркадий Столыпин, написавший в своих воспоминаниях, что самодержец действовал «по своему личному почину». Николаю II не особенно были нужны чьи-то дополнительные рекомендации, он высоко оценивал столыпинскую энергию и личную храбрость Петра Аркадьевича при подавлении революционных выступлений в «трудной» Саратовской и в соседней Самарской губерниях. Показательно, что незадолго до

назначения, в январе 1906 года, царь послал Столыпину письменную благодарность (что являлось высшей формой выражения монаршего благоволения): «Осведомившись через Министра Вн. Дел о проявленной вами примерной распорядительности, выразившейся в посылке по личной инициативе отряда войск для подавления беспорядков в пределах Новоузенского уезда Самарской губернии, и издавна ценя вашу верную службу, объявляю вам мою сердечную благодарность».

Так что спрашивается, нужна ли была после подобной монаршей благодарности Столыпину рекомендация обер-прокурора Синода князя Александра Дмитриевича Оболенского, как, например, утверждал первый биограф Петра Аркадьевича (его книга «П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности» вышла уже в 1912 году) кадетский публицист Александр Соломонович Изгоев? Не более убедительны и другие построения, приписывающие лоббирование назначения Столыпина управляющему Кабинетом Его Величества князю Николаю Дмитриевичу Оболенскому или даже шурина Столыпина Дмитрию Борисовичу Нейдгардту. Последний к этому времени был смещен с должности одесского градоначальника за бездействие власти во время еврейского погрома в Одессе в октябре 1905 года (это очень ярко показывает «правдоподобность» утверждений, что погромы организовывались «по приказу из Петербурга»).

Прекрасно информированный видный думец-октябрист Аполлон Васильевич Еропкин был также абсолютно уверен, что никакая протекция не сыграла роли в назначении Столыпина министром внутренних дел. Вот его слова: «В то время, когда я путешествовал по Саратовской губернии, Петр Аркадьевич был еще жив и невредим. Вполне понятно, что Саратовская губерния полна рассказами о своем любимом Губернаторе, призванном прямо из Саратова на пост первого Министра Империи.

Говорят, что когда Столыпина вызвали по телеграфу в Петербург с предложением ему портфеля Министра Внутренних Дел, то он, как бы предчувствуя свою тяжелую долю и тяжкий крест, не высказал особой радости.

"Необходимо знать, — говорил тогда Столыпин, — откуда идет это предложение: если из Совета Министров, то я постараюсь вернуться в Саратов; если же из Царского Села, тогда, конечно, я подчинюсь желанию и воле Монарха".

И он подчинился этому желанию. Когда я спрашивал саратовцев, чем, собственно, объясняется такое необычайное назначение из Губернаторов прямо в Министры, а вскоре и в Премьеры? Быть может, здесь действовали какие-либо придворные связи и влияния? То указывались такие лица, как

например, родственник покойного Нейдгардт, или бывший Министр Дурново, земляк Петра Аркадьевича по Саратовской губернии; и для меня становилось ясно, что едва ли связи могли иметь здесь решающее влияние.

Но то необычайное, что рассказывают об этом необычайном Губернаторе, всего вернее указывало на необычайное предопределение и всей карьеры Петра Аркадьевича.

Как известно, Саратовская губерния наиболее пострадала от аграрных беспорядков; некоторые местности некоторых уездов, как например, знаменитого Балашовского, были выжжены и разгромлены сплошь: помещичьих усадеб совсем не осталось.

П. А. появлялся среди бушующей толпы без всякой стражи; и он умел умиротворять эту толпу своим мужеством и своим обаянием...

Но революционное время было время больших контрастов: вспомним, как газеты передавали о том, что в том же Балашовском уезде чины Земской Управы с известным общественным деятелем, а потом членом Государственной Думы во главе, нашли себе спасение от озверевшей толпы на чердаке; из этого высокого убежища их также выручил Губернатор Столыпин; и уже на этот раз толпа буйствовала вовсе не о земле, а за "веру, Царя и отечество", ибо народу показалось, что речи ораторов на митинге оскорбляют эти святыни.

Очень может быть, что в Петербурге знали о всех этих необычных качествах, о находчивости, о мужестве Саратовского Губернатора; быть может, в этом смысле оказано было какое-либо влияние при выборе нового Министра Внутренних Дел; но это не есть влияние связей, а влияние собственного таланта».

Можно было бы предположить, что некоторую роль в назначении сыграли влиятельный министр императорского двора и уделов барон Владимир Борисович Фредерикс, который был другом покойного Аркадия Дмитриевича Столыпина, однако известно, что барон почти не вмешивался в царские назначения и уж, во всяком случае, никак не мог повлиять на решение вопроса о ключевой должности министра внутренних дел.

Несомненно, некоторую роль в назначении Столыпина сыграл Горемыкин (к нему царь относился с нескрываемой симпатией, о чем свидетельствует и повторное назначение Ивана Логгиновича председателем Совета министров в 1914 году). Это подтверждают слова Николая II: «Спасибо старику-Горемыкину, что он в трудное время порекомендовал мне Столыпина». Впрочем, подавляющее большинство современников сходились во мнении, что последний император, как правило, воспринимал лишь те советы, которые совпадали с уже сформировавшимся у него

мнением.

И конечно, мнение товарища министра внутренних дел в 1906–1911 годах Сергея Ефимовича Крыжановского о том, что «достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку Провидения», может основываться лишь на личных комплексах и зависти. Представьте только, насколько тяжело было Столыпину в кругу высшей столичной бюрократии, если подобную откровенную ложь написал человек, считавшийся его близким соратником!

Однако примитивно было бы считать, что Столыпина назначили министром только как деятеля, проявившего недюжинную энергию и отвагу в борьбе с революционными выступлениями (что, прежде всего, и ценил в нем Горемыкин). К этому времени среди военных и гражданских властей империи уже проявились деятели, ничем в этом отношении не уступавшие саратовскому губернатору. Столыпинская твердость в борьбе с террором была, несомненно, важным фактором при принятии решения о назначении, но далеко не единственным (о чем подробнее мы скажем ниже). Важно отметить, что предшественник Столыпина на посту министра внутренних дел Петр Николаевич Дурново отнюдь не был безвольным оппортунистом, боявшимся принять на себя ответственность.

Кстати, когда говорят, что заслуга подавления революции 1905–1907 годов принадлежит исключительно Столыпину, — это не соответствует действительности (да он и не нуждается в чужих лаврах). Бывший саратовский губернатор занял пост министра в крайне тяжелый момент, но всё же его деятельность была бы заведомо обречена на неудачу, если бы не решительные действия предшественника. Отметим, что в начале своей работы во главе МВД Дурново был преисполнен уверенности, что с революцией удастся справиться преимущественно ненасильственными методами, и стремился наладить сотрудничество с либеральной оппозицией, о чем яркие воспоминания оставил начальник Санкт-Петербургского охранного отделения в 1905–1909 годах, жандармский генерал-лейтенант Александр Васильевич Герасимов: «О нем сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур, *но отнюдь не человек, отрицавший необходимость для России больших преобразований.* В старой России подобного типа человеком был Победоносцев. Дурново же был человеком совсем иным. Тогда *мне приходилось выслушивать от него определенно либеральные заявления. Во*

всяком случае, в октябре 1905 года он пришел к власти с настроениями, ни в чем существенно не отличающимися от настроений Трепова, Витте и других творцов Манифеста 17 октября».

Тогда Россия получила шанс на установление понимания между властью и лидерами либеральной общественности, но последние отвергли протянутую Дурново руку, мечтая получить всю власть целиком. Отказ оппозиции от сотрудничества заставил Дурново полностью пересмотреть свою первоначальную программу и прибегнуть к жестким, преимущественно силовым методам. Он дает приказ на арест Петербургского совета рабочих депутатов (который всё более начинал становиться «вторым правительством»), наводит порядок на железных дорогах, восстанавливает почтово-телеграфную связь, предпринимает комплекс мер по противодействию террору. Еще раз подчеркнем: Дурново, как и Столыпин, не боялся отвечать за «непопулярные меры». В одной из телеграмм губернаторам он прямо указывал: «Примите самые энергичные меры борьбы с революцией, не останавливайтесь ни перед чем. *Помните! Всю ответственность я беру на себя*».

Однако в своей деятельности Дурново сразу же сталкивается с противодействием премьера Витте, что было обусловлено двумя основными причинами. Витте вообще органически не терпел вокруг себя сильных и самостоятельных личностей (при этом подозревал Дурново, возможно небезосновательно, в желании самому возглавить правительство), но не менее важны были и их принципиальные политические разногласия. Сергей Юльевич последовательно делал ставку на достижение согласия с либеральной оппозицией (некоторые политические противники подозревали его даже в намерении стать «президентом Российской республики»), и министр внутренних дел, выступавший к этому времени против такого курса, ему крайне мешал. Противостояние министра и премьера достигло такой степени, что царю было необходимо сделать окончательный выбор — чей политический курс он выбирает.

Заметим, мнение о вредящем делу гипертрофированном честолюбии премьера (незаурядности дарований которого он в полной мере отдавал должное) разделял и Столыпин. Как считал Петр Аркадьевич, «человек он (Витте) очень умный и достаточно сильный, чтобы спасти Россию, которую, думаю, можно еще удержать на краю пропасти. Но боюсь, что он этого не сделает, так как, насколько я его понял, это человек, думающий больше всего о себе, а потом уже о Родине. *Родина же требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной*

выгоде омрачает душу и парализует всю работу». После этих слов, которые отнюдь не были предназначены для печати, понятна необоснованность мнения лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова, явно приписывавшего Столыпину свои собственные черты честолюбивого политика: «П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее "великих потрясений". В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте. *Он был призван не на покой, а на проявление твердой власти* (вот в этом глава Партии народной свободы, безусловно, прав. — Авт.); власть он любил, к ней он стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать».

Вопрос разногласий между Витте и Дурново Николай II решил в характерном для себя стиле. В отставку были отправлены обе противостоящие стороны. Место премьера занял Горемыкин, настроенный исключительно на исполнение любых царских указаний (Столыпин говорил, что у премьера «преоригинальнейший способ мышления; он просто не признает никакого единого правительства и *говорит, что всё правительство — в одном царе: что он скажет, то и будет нами исполнено, а пока от него нет ясного указания, мы должны ждать и терпеть*»), а МВД возглавил Столыпин, в твердости которого при подавлении революции не было ни малейших сомнений. Что касается основного вопроса — отношений с I Думой (ставшей центром деятельности всей оппозиции), то император к этому времени еще не принял определенного решения и оставлял за собой свободу маневра. Во всяком случае, Столыпин при всей своей декларируемой жесткости не был всё же для Думы настолько неприемлемой фигурой, как Дурново, давно уже сжегший за собой все мосты в отношениях с оппозиционными думцами. Именно в этом заключается одна из главных причин назначения царем Столыпина на МВД.

Как уже указывалось, Петр Аркадьевич не верил, что в условиях постоянной неопределенности царской позиции по ключевым вопросам государственной жизни и, особенно, неэффективности существовавших механизмов государственного управления сможет достичь успеха, но не считал для себя возможным уклониться от исполнения долга. Его позицию в этом отношении ярко иллюстрирует следующее высказывание: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой

ответит: "Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым"».

Новый глава МВД был в этом высказывании предельно откровенен. Несмотря на всё несовершенство государственной системы Российской империи, ее несоответствие вызовам времени, он исполнял службу часового, готового защитить вверенный пост ценой собственной жизни.

Правда, Столыпину пришлось непосредственно заниматься всеми вопросами МВД, продолжавшего оставаться наиболее важным органом в системе государственного управления, очень недолго — до июля 1906 года. Хотя, став председателем Совета министров, он и остался одновременно министром внутренних дел, но колоссальная занятость на посту главы правительства не давала ему возможности постоянно заниматься всеми текущими делами министерства (что впоследствии, возможно, стало главной причиной его смерти). Но в течение нескольких месяцев ежедневного руководства МВД Столыпин занимался самым широким кругом вопросов — от тонкостей полицейской службы и земских проблем до политических вопросов стратегического характера.

Хотя Петр Аркадьевич и не был профессионалом в вопросах политического сыска (данное направление работы в условиях революционного кризиса в силу понятных причин являлось в действиях МВД абсолютно приоритетным), его как руководителя очень высоко оценивали даже наиболее опытные жандармские деятели. Он сделал всё возможное, чтобы вникнуть в совершенно новую для него сферу деятельности, и считал своей опорой не просто профессионалов, но людей, имевших гражданское мужество не приукрашивать свои донесения о положении дел. Например, генерал Герасимов, имевший заслуженную репутацию не только одного из наиболее авторитетных охранников империи, но и человека, который никогда не боялся отстаивать собственную позицию перед самым высоким начальством, писал о своем патроне: «Работа под руководством последнего принадлежит к самым светлым, самым лучшим моментам моей жизни... Уже во время первого свидания Столыпин произвел на меня самое чарующее впечатление как ясностью своих взглядов, так и смелостью и решительностью выводов. Он знал обо мне от Дурново и потребовал, чтобы я представился ему немедленно после вступления его в должность. Прием длился, наверное, около часа. Я сделал обстоятельный доклад о положении дел в революционных партиях. Столыпин просил меня сноситься с ним по всем делам, касающимся политической полиции, непосредственно, минуя Департамент полиции. Он хотел, чтобы я делал ему доклады по

возможности каждый день. И действительно, почти ежедневно после 12 часов ночи я приезжал к нему с докладом, и если меня не было, он обычно звонил и справлялся о причинах моего отсутствия. "Для вас, — заявил он мне в первую встречу, — если будет что-то экстренное, я дома во всякое время дня и ночи"».

Другой незаурядный профессионал политического сыска — жандармский полковник Павел Павлович Заварзин (возглавлявший при Столыпине сначала Варшавское, а потом Московское охранное отделение) отзывался о своем бывшем начальнике не менее восторженно, и при всей безыскусности его характеристики, она одна из наиболее точных: «...я был вызван в Петербург для личного доклада министру внутренних дел П. А. Столыпину.

В назначенный час я был приглашен в кабинет министра, который в это время, по желанию Государя, проживал с семьей в Зимнем дворце^[7]. Навстречу мне из-за стола поднялся высокого роста брюнет с черною небольшою бородою и спокойно смотревшими на меня карими глазами. Заметное утомление министра сказывалось иногда в его позе. П. А. Столыпин слушал мой доклад с большим вниманием, ни разу не перебив, и лишь от поры до времени делал заметки. Затем он задал мне ряд вопросов, входя в детали и способ выполнения его указаний.

Беседуя с П. А. Столыпиным, я был поражен его колоссальной памятью, способностью быстро ориентироваться в мыслях собеседника и логичностью выводов в широком государственном масштабе.

Оппозиционная работа Польского коло^[8], содействие ему русских левых кругов Государственной думы, противодействие отделению Холмщины^[9], террор в Привислянском крае являлись для министра фактами, затрагивающими государственные интересы, вызывающими необходимость принятия решительных и твердых мер.

В заключение мне был дан ряд общих и частных указаний, затем, пожелавши мне успеха, премьер сказал: "Поляки сильно любят свою Польшу и народ, почему им многое удастся в борьбе с нами. Мы тоже с Вами преисполнены такими чувствами и потому не будем жертвовать интересами своей родины..."

П. А. Столыпин на горизонте русской государственности являлся выдающимся деятелем, значению которого история, несомненно, должна будет уделить особое место. Строгий законник, отнюдь не жестокий по натуре человек, верующий христианин, он всеми силами стремился избавить родину от тех "великих потрясений", которыми ей угрожали и

революционные партии, и радикальные круги общественности.

Революционеры сознавали, что с такою крупной величиной, как Столыпин, бороться им не под силу, почему прибегали к обычному для них в таком случае выходу (Заварзин до конца своих дней считал, что убийство Столыпина в Киеве было организовано революционерами. — Авт.).».

А один из близких сотрудников министра — редактор правительственной газеты «Россия» действительный статский советник Сергей Николаевич Сыромятников впервые сравнил его с Отто фон Бисмарком (впоследствии слова о «русском Бисмарке» в качестве характеристики Столыпина станут общим местом): «Если Бисмарка называли железным канцлером за его политику, то *гораздо правильнее можно назвать Столыпина железным министром* за его силу воли и за его самообладание. Иногда только загорались его глаза, когда он слышал о какой-нибудь вопиющей несправедливости».

Но, несмотря на общепринятое представление о том, что для Столыпина основным было силовое подавление революционных выступлений, этим его работа в МВД далеко не исчерпывалась. При всей важности вопроса борьбы с революционным террором для министра внутренних дел (фактически министра всей внутренней политики) крайне важно было все-таки попытаться достигнуть понимания с либеральной оппозицией и объединиться вместе с ней против радикальных революционных элементов.

Столыпин не понимал отсутствия скольконибудь четкого курса у Горемыкина и считал, что тот представляет ситуацию императору в неоправданно оптимистическом ключе. По мнению шефа МВД, другого выхода в сложившейся ситуации, как роспуск не желавшей идти ни на какие компромиссы с властью I Думы, не было. Например, Коковцов так характеризовал позицию преемника Дурново: «Горемыкин как-то неохотно реагировал на заявления некоторых министров... что нечего больше ждать (имеется в виду роспуск I Думы. — Авт.), ибо иначе может быть уже поздно. Он не выражал личного своего мнения, но давал ясно понять, что нужно ждать прямых указаний государя, которого он и министр внутренних дел (явный показатель особой роли Столыпина в правительстве. — Авт.) осведомляют обо всем, что происходит.

Гораздо более определенным было положение дел в глазах министра внутренних дел Столыпина. Мы продолжали часто видеться с ним на заседаниях Совета, и каждый раз он говорил мне, что роспуск Думы близок, что государь, как он замечает, часто очень нервничает, а Горемыкин старается его успокоить постоянными ссылками на то, что ничего

особенного не произойдет. Но он думает, что *государю не нравится неясность положения правительства в этом жгучем вопросе*, его личное мнение сводится к тому, что государь только и ждет, чтобы правительство заняло ясную позицию, и в таком случае мы не встретим в нем колебаний. Ссылаясь на то, что он лично недостаточно знает характер государя и часто замечает, что тот как-то уклоняется от прямых ответов на его вопросы, Столыпин всё спрашивал меня, как вести себя в Царском Селе, следует ли ему брать на себя инициативу или лучше действовать через Горемыкина».

Но Петр Аркадьевич всё же не считал, что роспуск Думы сам по себе решит все вопросы и будет автоматически означать установление стабильности в империи. Он чувствовал себя, по его собственным словам, «первым в России конституционным министром внутренних дел». Министр считал, что сначала надо попытаться договориться с кадетами (игравшими ключевую роль в либеральной оппозиции) о создании коалиционного правительства, и с этой целью, после получения согласия Николая II, начал конфиденциальные переговоры с Милюковым и наиболее видными лидерами либеральной оппозиции Дмитрием Николаевичем Шиповым, графом Петром Александровичем Гейденом, князем Евгением Николаевичем Трубецким и рядом других.

Впрочем, эти встречи заведомо не могли принести результата. Большинство деятелей либеральной оппозиции были уверены в своей скорой победе и считали, что с правительством договариваться не имеет никакого смысла. Тот же Милюков, вспоминая о встрече с министром внутренних дел, писал вполне откровенно: «Я застал у Столыпина, как бы в роли делегата от другого лагеря, А. П. Извольского (министр иностранных дел Александр Петрович Извольский. — *Авт.*). Но в Совете министров Извольский не имел влияния — и присутствовал в качестве благородного свидетеля. Он всё время молчал в течение нашей беседы со Столыпиным. *А в намерения Столыпина не входило дать мне возможность высказаться по существу. Он только выискивал материал для составления обвинительного акта (необъективность данного суждения Милюкова очевидна. — Авт.).* О каком, собственно, новом министерстве идет речь, "коалиционном" или "чисто кадетском", прямо не говорилось. Но обиняками Столыпин скоро выяснил, что участие Извольского в будущем министерстве возможно, а участие его, Столыпина, как премьера или министра внутренних дел, безусловно исключено. Я помню его иронические вопросы: понимаю ли я, что министр внутренних дел есть в то же время и шеф жандармов, а, следовательно, заведует функциями, непривычными для к. д. (сокращенное название от «конституционных

демократов». — *Авт.*)?

Я ответил, тоже полуиронически, что элементарные функции власти прекрасно известны кадетам, но характер выполнения этих функций может быть различен сравнительно с существующим, в зависимости от общего направления правительственной деятельности. Я прибавил при этом, что о поведении к. д. в правительстве не следует судить по их роли в оппозиции. И. В. Гессен (Иосиф Владимирович Гессен — юрист и публицист, депутат II Думы, один из лидеров кадетов. — *Авт.*) по этому поводу приводит мою фразу: "Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль, и его за пятак не примут". Едва ли я мог говорить в таком циническом тоне со Столыпиным (уж кого-кого, но Гессена трудно заподозрить в антипатии к Милюкову. — *Авт.*).

На вопросах программы Столыпин останавливался очень бегло. Но он, например, заинтересовался вопросом, включаю ли я министров военного, морского и двора в число министров, подлежащих назначению к. д. Я ответил ему, как и Трепову, что в область прерогативы монарха мы вмешиваться не намерены.

Результат этой беседы оказался именно таким, как я и ожидал. По позднему официальному заявлению, "разговор этот был немедленно доложен его величеству с заключением министра внутренних дел о том, что выполнение желаний к. д. партии могло бы лишь самым губительным образом отразиться на интересах России, каковое заключение было его величеством всецело одобрено". Очевидно, для этого вывода меня и приглашали "по поручению государя" и по изволению Столыпина.

А. П. Извольский, видимо, не случайно спустился вместе со мной с верхнего этажа дачи, где происходила беседа, и предложил подвезти меня в своем экипаже. По дороге он успел сказать мне, что понимает Столыпина, который не знаком с европейскими политическими порядками, но что сам он отлично сознает значение политических требований прогрессивных кругов, не разделяет взглядов Столыпина и чувствует себя гораздо ближе к нашим мнениям о своевременности коренной политической реформы, которая сблизит нас с Европой и облегчит миссию Министерства иностранных дел за границей (Извольский явно предусмотрительно хотел сохранить контакт с кадетами, учитывая, что в то время их приход к власти казался вполне возможным. — *Авт.*)».

Глава конституционных демократов не рассказал о еще одной важной составляющей части его беседы со Столыпиным, хотя она во многом объясняет дальнейшие действия министра. Когда Петр Аркадьевич высказал вполне обоснованное мнение о том, что передача должности

министра внутренних дел кадетам будет иметь катастрофические последствия, так как сейчас необходимо принимать самые жесткие меры, то Милюков отмел это предостережение:

— Этого мы не боимся. Правительство определенно заявит революционным партиям, что они имеют такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых правительство им не позволит. Досюда — и ни шагу дальше (интересно, вспоминал ли Павел Николаевич о своих самоуверенных заявлениях в 1917 году, когда Временное правительство продемонстрировало полную беспомощность перед анархией и развалом государства? — *Авт.*)! А если бы революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьезных и решительных мер. *Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства* (слова Милюкова хорошо показывают, насколько соответствует истине трафаретное представление о «кровавом самодержавии» и принципиально отвергавших насилие либеральных оппозиционеров. — *Авт.*).

После этого, рассказывая о прошедшей встрече, Столыпин произнес:

— Толку из всех этих переговоров не выйдет. Однако в последних словах Милюкова имеется мысль. *Гильотины не гильотины, а о чрезвычайных мерах подумать можно.*

Милюков тогда не смог понять, что минимальные уступки со стороны оппозиции могли привести к достижению исторической договоренности и созданию коалиционного правительства. Это было тем более реально, что не только Столыпин считал возможным создание «правительства общественного доверия». Как вспоминал Коковцов: «Столыпин был далеко не один, кому улыбалась тогда идея правительства из "людей, облеченных общественным доверием". Он видел неудачный состав правительства, в котором работал сам. *Он разделял мнение многих о том, что привлечение людей иного состава в аппарат центрального правительства может отчасти удовлетворить общественное мнение и примирить его с правительством.* Он считал, что среди выдающихся представителей нашей "общественной интеллигенции" нет недостатка в людях, готовых пойти на страданий путь служения родине в рядах правительства и способных отрешиться от своей партийной политической окраски, *он честно и охотно готов был протянуть им руку и звал на путь совместной работы*».

Важно отметить, что Коковцов категорически отмел утверждения недругов Столыпина о том, что министр внутренних дел инициировал переговоры с кадетами, якобы с целью сместить Горемыкина и самому

возглавить коалиционное правительство: «...передать всю власть в руки оппозиционных элементов, стремящихся не только захватить власть, но и идти затем к государственному перевороту и коренной ломке только что принятых основных законов — этого никогда не было в его голове, не с такой целью вел он переговоры с общественными деятелями, как об этом пишет в своих воспоминаниях Д. Н. Шипов...

Нужно не знать бесспорного личного благородства Столыпина, чтобы допустить мысль о том, что он находил возможным передать власть Партии народной свободы, оставаясь во главе правительства, что он не понимал простой истины: он сам попадает в плен организованной партии, которую сам же обвинял в нескрываемом стремлении только к власти и даже более того — к уничтожению монархии».

В словах Коковцова следует уточнить два важных момента. Когда он говорит о том, что Столыпин был против передачи всей власти кадетам, то это не значит, что с ними не велись переговоры об этом по другой линии. Не кто иной, как дворцовый комендант Трепов в панике перед революцией предлагал Николаю II сформировать чисто кадетское правительство. Столыпин был категорически против этого плана, справедливо расценивая его не как компромисс с оппозицией, а как полную капитуляцию перед ней. О треповских планах и позиции Столыпина, уже находясь в эмиграции, глава ПНС вспоминал следующее: «Царь продолжал оставаться в нерешительности, скрывая, по обычаю, свое настоящее мнение или, быть может, его еще не имея. На одном очередном докладе Коковцов был удивлен словами царя, что "с разных сторон он слышит, что дело не так плохо" в Думе и что она "постепенно втянется в работу". Царь ссылаясь при этом на "отголоски думских разговоров"; но эти отголоски распространились довольно широко. В английском клубе высказывался в этом духе великий князь Николай Михайлович. В непосредственной близости к царю любимый и уважаемый им бар. Фредерике, министр двора, передавал царю мнение Д. Ф. Трепова, назначенного дворцовым комендантом.

Коковцов уже встревожился и посоветовал Столыпину "поближе присмотреться к обоим". Уже в начале мая у него был с Треповым любопытный разговор во дворце. Трепов спросил его: "Как он относится к идее министерства, ответственного перед Думой и составленного из людей, пользующихся общественным доверием?" На возражения Коковцова Трепов, смотря на него в упор, спросил: "Вы полагаете, что ответственное министерство равносильно полному захвату власти и изъятию ее из рук монарха, претворением его в простую декорацию?" Это и было, конечно,

как видно из приведенных цитат, мнение сторонников роспуска. Но Коковцов, вероятно рассерженный, пошел дальше в своем ответе. Он "допускает и большее: замену монархии совершенно иною формою государственного устройства", т. е., очевидно, республикой. К сожалению, этот интересный обмен мнениями оборвался, так как кругом стояла публика.

Коковцов и Столыпин чуяли недоброе (не только «чуяли», но и активно противодействовали треповским планам. — *Авт.*). Трепов, действительно, уже за свой страх, начал предварительные разведки. Его поддерживал зять, ген. А. А. Мосолов (Александр Александрович Мосолов в 1900–1916 годах занимал должность начальника канцелярии Министерства императорского двора и уделов. — *Авт.*), человек умный и наблюдательный, хорошо видевший слабые стороны режима и впоследствии поведавший публике о своих мрачных прогнозах... независимо от бесед со мной и другими к. д., и Д. Ф. Трепов не дремал, и противники Думы занимались своим "зорким наблюдением" не только над Думой, но и над сторонниками ее сохранения. Столыпин попробовал поговорить со стариком Фредериксом. Но "у него такой сумбур в голове, что просто его понять нельзя", сообщил он Коковцову. Он обещал Коковцову "непременно говорить" и с Треповым, "ввиду влияния Трепова на государя". Но из этого, кажется, ничего не вышло. Трепов вел свою линию. В результате своих разведок он уже успел составить примерный список членов министерства доверия, куда включил и меня (без моего ведома, конечно). Он довел этот список до сведения царя, а Николай II сообщил этот "любопытный документ" Коковцову, не называя автора».

Несколько дополним Милюкова и приведем упомянутый им треповский проект состава будущего правительства (он интересен тем, что подтверждает — дворцовый комендант, в отличие от Столыпина, готовился к передаче всей полноты власти во внутренней политике либеральной оппозиции): председатель Совета министров — Сергей Андреевич Муромцев (видный юрист, председатель I Думы, был близок к умеренным кадетам), министр внутренних дел — Милюков или Иван Ильич Петрункевич (видный кадет, депутат I Думы), министр юстиции — Владимир Дмитриевич Набоков (видный юрист и криминалист, товарищ председателя ЦК ПНС, депутат I Думы) или Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (видный юрист, депутат I Думы, лидер Партии демократических реформ, образованной рядом бывших правых кадетов), министр иностранных дел — Милюков или Извольский, министр финансов — Михаил Яковлевич Герценштейн (экономист, видный кадет, депутат I

Думы), министр земледелия — Николай Николаевич Львов (депутат I Думы, умеренный кадет, в знак протеста против радикальной позиции ЦК ПНС вышел из думской фракции кадетов), государственный контролер — Шипов, министры военный, морской, министр императорского двора и уделов — «по усмотрению Его Величества».

Об упомянутых Коковцовым воспоминаниях Шилова и их авторе следует сказать отдельно. Шипов стоял правее кадетов. Возглавляя умеренный «Союз 17 октября», он выступал за сотрудничество с властью на основе положений царского манифеста о даровании свобод и уважении прав Думы. Министр внутренних дел был уверен, что столь авторитетный общественный деятель (особо влиятельный среди земцев) умеренного направления будет оказывать сдерживающее влияние на кадетов, стремившихся получить «всё и сразу». В этом его поддерживал и Извольский, на тот момент наиболее политически близкий Столыпину член горемыкинского кабинета: «Очень важно было бы включить в министерство Шилова, так как он пользуется большим влиянием среди известных социальных кругов, которые весьма разнообразны по своим политическим симпатиям, и так как он олицетворяет собою движение, имеющее только немногих представителей в Думе, но чрезвычайно влиятельное среди членов земства».

А вот что сам Шипов вспоминал о предыстории переговоров со Столыпиным, которые в случае успеха могли бы изменить дальнейшую историю России: «Всё более и более обостряющиеся отношения между правительством и Государственной думой и вызывающее положение, занимаемое последней, говорил Н. Н. Львов, приводят П. А. Столыпина к убеждению в необходимости роспуска Думы. Но, приходя к такому заключению, П. А. Столыпин оценивает всё значение этого опасного шага и признает, что он не может быть сделан настоящим правительством с И. Л. Горемыкиным во главе, не пользующимся надлежащим авторитетом, и полагает, что *роспуск Думы должен быть произведен обновленным правительством, имеющим во главе общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества, и таковым лицом П. Л. считает меня.* Государь одобряет предположения П. А. Столыпина и поручил ему со мной переговорить».

Как видим, Шипов определенно утверждает, что Столыпин перед началом переговоров был уже убежден, что Государственная дума должна быть распущена. Да, несомненно, глава МВД считал такой вариант событий наиболее желательным. Но представляется всё же, что именно провал переговоров о создании коалиционного правительства заставил его

окончательно прийти к этому убеждению. Министр более не сомневался, что это единственная возможность избежать дальнейших потрясений, и отстаивает данную позицию в правительстве и перед колеблющимся императором. Мы об этом можем говорить уверенно — в отличие от суждения Львова (не обладавшего всей полнотой информации о раскладе сил в Совете министров) — есть свидетельство Извольского о позиции, занятой Столыпиным на заседании правительства во время обсуждения вопроса об отношениях с парламентом: «Как можно было ожидать, Дума с самого начала не только приняла враждебную позицию по отношению к правительству, но и ясно показала стремление расширить права, дарованные манифестом 1905 года.

Впервые это обнаружилось в проекте ответа на тронную речь, составленном в комиссии из тридцати трех членов Думы, целиком принадлежащих к оппозиции.

Этот ответ включал в себя все пункты программы кадетской партии с требованиями уничтожения Государственного совета, установления ответственности министров перед Думой, всеобщего голосования, отмены исключительных законов, права собраний, свободы печати, полной свободы совести, отмены сословных привилегий и т. д. Аграрный вопрос разрешался очень радикально, путем передачи крестьянам всех кабинетских и монастырских земель, а также путем принудительной экспроприации части земель, принадлежащих частным собственникам.

В дальнейшем намечались принципы полной амнистии по политическим и религиозным преступлениям.

Обсуждение проекта ответа заняло неделю и закончилось особенно бурным ночным заседанием, в котором лучшие ораторы кадетской партии — Петрункевич и Родичев (Федор Измайлович Родичев — депутат I Думы, член ЦК ПНС) — произнесли пламенные речи, упрекая правительство за жестокое подавление революционного движения и требуя немедленного освобождения арестованных в связи с последними событиями.

Ответ на тронную речь был единодушно принят присутствовавшими в заседании членами Думы, а небольшая группа октябристов и консерваторов покинула зал, не осмеливаясь голосовать против.

Принятие этого ответа, несомненно, знаменовало собой стремление Думы присвоить себе права Учредительного собрания и принудить власть пересмотреть манифест 1905 года самым радикальным образом.

Это вызвало чрезвычайное раздражение в правительственных кругах и сопровождалось спорами между представителями народа и монархической власти о способе, которым ответ должен быть представлен императору. Он

отказался принять депутацию, выбранную для этой цели Думой, и известил председателя, что может принять адрес не иначе как только через министра императорского двора. Депутаты сочли это оскорбительным для себя, так как они употребили величайшие усилия, чтобы облечь свои требования в наиболее корректные и даже проникнутые духом лояльности к личности государя формы. Благодаря благоразумному воздействию на Думу со стороны некоторых кадетских лидеров она не настаивала на своей точке зрения. Указывая, что она не будет спорить о форме передачи адреса императору, и, отмечая, что предложенный способ передачи одинаков и для Государственного совета, Дума решила отнестись к этому как к простой формальности, требуемой императорским двором.

Но вскоре антагонизм между Думой и правительством снова обнаружился весьма резко, когда в первый раз на трибуне появился Горемыкин, чтобы в ответ на адрес огласить декларацию министерства, которая объявляла абсолютное *non possumus* (переводится с латыни «мы не можем» — из «Деяний апостольских» (4, 20). Выражение, примененное папой Климентом VII для ответа на требование короля Англии Генриха VIII развести его с супругой Екатериной. Применяется иносказательно в качестве формулы категорического отказа. — Авт.).

Министерская декларация явилась предметом длительных прений в Совете Министров; со своей стороны, *я не только горячо протестовал против содержания декларации, но выражал сомнение в праве дачи ответа Думе со стороны правительства. Ссылаясь на практику других парламентов, я пытался убедить моих коллег, что кабинет как таковой не призван вмешиваться в диалог между государем и народным представительством, и что единственным последствием подобного вмешательства явилось бы провоцирование конфликта с Думой, весьма опасного и бесплодного в данный момент. Я указывал далее, что было бы хорошо представить на рассмотрение Думы возможно большее количество законопроектов, что создало бы деловые дебаты и устранило бы все покушения со стороны депутатов на расширение прав Думы.*

Мои указания, которые были поддержаны только одним Столыпиным (это еще раз подтверждает то, что министр внутренних дел до самого последнего момента пытался избежать эскалации конфликта с Государственной думой. — Авт.), не встретили сочувствия со стороны других коллег, и 26 мая Горемыкин в сопровождении всех членов кабинета с большой помпой отправился в Думу для чтения своей декларации».

Добавим следующее — имевший исчерпывающую информацию о позиции всех членов правительства министр иностранных дел считал, что

именно Столыпин был одним из немногих членов правительства, пользовавшихся симпатиями думцев, и таким образом представляется крайне маловероятной его заведомая нацеленность на роспуск I Думы. По мнению Извольского: *«Последствия этого не замедлили сказаться. Ввиду презрительной позиции, занятой правительством по отношению к Думе, и за отсутствием материала для практической работы Дума повела политику всевозможных запросов министрам по разнообразным поводам. Таких запросов было более трехсот, и каждый из них давал повод для ожесточеннейших нападков на правительство, как, например, по вопросу о смертной казни, о провокационных действиях тайной полиции и в особенности об антиеврейских погромах, в организации которых обвинялось правительство. Только один Столыпин принимал вызов и импонировал Думе своим спокойным мужеством и искренностью своих ответов; другие министры или ничего не отвечали, или посылали своих помощников, которые еще больше раздражали депутатов. В некоторых случаях представители правительства покидали залы заседаний с величайшей поспешностью, сопровождаемые насмешками и оскорблениями со стороны депутатов... Только Столыпин и Коковцов старались придать серьезный и достойный характер заседаниям, ясно и компетентно докладывая о делах своих ведомств, но они привлекали лишь поверхностное внимание своих коллег».*

Есть и другое, не менее важное свидетельство по этому вопросу. Лидер октябристов Александр Иванович Гучков оставил детальное описание переговоров со Столыпиным (проходивших в присутствии Извольского, полностью разделявшего позицию Столыпина): «П. А. Столыпин, повторив то, что мне уже было сообщено Н. Н. Львовым, очень резко отозвался о неработоспособности Государственной думы, о выступлениях ее отдельных членов, доказывал необходимость ее роспуска и просил меня высказать мое отношение к этому предположению. Я сказал, что, согласно моим убеждениям и моему пониманию современного положения, роспуск Думы в настоящее время представляется мне актом несправедливым и даже с политической точки зрения преступным, и добавил, что, во всяком случае, не считаю возможным принять участие в его осуществлении... Всё высказанное мной относительно роспуска Думы, вступая в противоречие с сложившимся уже у П. А. Столыпина определенным мнением, видимо производило на него неприятное впечатление, и он перевел речь на вопрос об образовании коалиционного правительства под моим председательством. В состав коалиционного правительства, по его предположению, должны были войти приглашенные мной общественные

деятели и представители бюрократических кругов, в лице некоторых членов настоящего кабинета, причем в числе последних, кроме министров двора, военного и морского, П. А. дал понять, что он имеет в виду себя и А. П. Извольского. Я выразил сомнение, чтобы образованный указанным путем коалиционный кабинет мог пользоваться надлежащим авторитетом в глазах народного представительства и создать необходимое взаимодействие между правительством и Государственной думой. Оставляя в стороне вопрос об участии в обновленном кабинете представителей старого государственного строя и того впечатления, которое это участие может оказать на Думу, я говорил, что не могу рассчитывать на согласие вступить в состав предполагаемого кабинета представителей руководящего большинства Государственной думы, а без их участия кабинет не может найти необходимую ему опору в народном представительстве... Затем я указал, что при данном составе Думы во вновь образуемый должны быть непременно привлечены представители конституционно-демократической партии, а для этого поручение образования кабинета следовало бы возложить на одного из лидеров этой партии. А. П. Извольский, по-видимому, выслушивал мои заявления сочувственно, не возражал на них и лишь высказал предположение, что мне удастся убедить представителей к.-д. партии войти в состав коалиционного правительства и, обращаясь к П. А. Столыпину, сказал "что касается нашего участия, то вопрос этот мы должны предоставить вполне свободному решению Дмитрия Николаевича". П.А.Столыпин, сделав вид, будто и он присоединяется к последним словам А. П. Извольского, возражал на высказанное мной по существу, не считал возможным и слишком рискованным образование кабинета из представителей партии к.-д.».

Переговоры с лидерами либеральной оппозиции всё более убеждали Столыпина, что последним необходим не разумный компромисс при формировании коалиционного правительства, а только полная капитуляция власти. Тем не менее он предпринимает последнюю попытку достичь соглашения с кадетами — через графа Гейдена и Шилова министр внутренних дел предложил Милюкову возглавить коалиционное правительство. Однако лидер ПНС продолжал настаивать на чисто кадетском кабинете, что было априори неприемлемо. Одновременно думские оппозиционеры сами делали всё возможное, чтобы максимально углубить противостояние с правительством. Принятая парламентским большинством программа государственных реформ включала заведомо неприемлемые как для кабинета Горемыкина, так и для императора пункты:

ответственность министров перед Думой, упразднение Государственного совета, отчуждение частновладельческих земель.

Понятно, почему у Витте были все основания охарактеризовать I Думу «Думой общественного увлечения и государственной неопытности».

В ответ на конфронтационную позицию Думы Горемыкин сделал заявление, означавшее конец попыток правительства наладить сотрудничество с парламентом и фактически предрешавшее его роспуск: «Высказанные Думой пожелания частью выходят за пределы ее компетенции, частью не разделяются правительством, а аграрная реформа, основанная на принудительном отчуждении частновладельческих земель, является безусловно недопустимой».

Столыпин теперь уже без всяких оговорок активно отстаивал ту точку зрения, что иного пути остановить революционизирование страны, чем роспуск Думы, нет, и показательным было его заявление министру финансов: «Теперь нам недолго ждать, так как я твердо решил доложить государю на этих же днях, что *так дальше нельзя продолжать, если мы не хотим, чтобы нас окончательно захлестнула революционная волна, идущая на этот раз не из подполья, а совершенно открыто из Думы под лозунгом народной воли*». И особо следует подчеркнуть, что в зависимости от принятого решения Столыпин ставил вопрос своего дальнейшего пребывания в составе правительства: «*Если государь не разделит моего взгляда, я буду просить его сложить с меня непосильную при таком колеблющемся настроении ответственность*».

Как вспоминал Коковцов: «Не раз он показывал мне наиболее существенные из донесений губернаторов и нисколько не скрывал, что необходимость роспуска Думы становится всё более и более неотложной...

На мой вопрос, рассчитывает ли он провести роспуск Думы без особых потрясений и волнений и как смотрит он на возможность поддерживать порядок в провинции, он ответил совершенно спокойным тоном, что за Петербург и Москву он совершенно уверен, но думает, что и в губерниях не произойдет ничего особенного. Из самой Думы до него доходят голоса, что многие люди начинают там понимать, какую опасную игру затеяли народные представители, и в числе главарей даже кадетской партии есть такие, которые согласны на роспуск, так как они начинают понимать, что разбуженный ими зверь может и их самих смять в нужную минуту».

Столыпин знал, что готовятся новые вооруженные восстания в Кронштадте, Свеаборге и других местах, и понимал, что больше времени на колебания не остается. Государственная власть не выдержала бы

совместного натиска революционных радикалов и подыгрывавшей им Думы, ряд членов которой в той или иной степени были связаны с подготовкой вооруженных выступлений.

На заседании Совета министров министр внутренних дел инициировал единогласно поддержанное всеми членами правительства обращение к императору распустить Государственную думу. Одновременно совершенно измученный Горемыкин, понимавший, что он не сможет «железной рукой» подавить революционные выступления, заявил, что с роспуском парламента уходит в отставку. Премьер поставил вопрос об образовании нового кабинета, что также было поддержано всеми министрами.

После этого Столыпин (уже вместе с Горемыкиным получивший согласие царя на роспуск Думы) вызвал начальника столичного охранного отделения и поставил ему задание обеспечить безопасный роспуск Думы:

— Теперь ваше дело! Вы обещали, что восстания не будет. Примите все меры к тому, чтобы это обещание оправдалось.

Чтобы избежать возможности эксцессов со стороны думцев (а как показало последовавшее после роспуска Выборгское воззвание, они были более чем возможны), министр внутренних дел сообщил председателю I Думы Муромцеву, что собирается выступить в Думе в понедельник 9 июля. Когда успокоенные думцы покинули Таврический дворец, здание по приказу Столыпина было оцеплено войсками, входы в него были блокированы, а вечером 8 июля газетам было разослано официальное правительственное сообщение о роспуске Государственной думы.

К десяти вечера 8 июля министры собрались у Горемыкина, и началось томительное ожидание фельдъегеря с царским указом о роспуске I Думы. Но время близилось к полночи, однако Высочайший указ всё не привозили. Нервную обстановку этого ожидания и последующие события ярко описал генерал Герасимов, находившийся у премьера вместе с членами правительства: «Столыпин нервничал. Беспокойство передавалось даже Горемыкину. Около полуночи Горемыкин решил позвонить Трепову. С квартиры последнего ответили, что он — у Царя. Телефон перевели в канцелярию Царя. Позвали Трепова. Горемыкин попросил его сообщить, подписан ли указ. Сухо, с явным неудовольствием в голосе (вспомним, что дворцовый комендант до последнего отстаивал создание чисто кадетского правительства. — *Авт.*), Трепов ответил:

— Относительно указа мне ничего не известно.

Этот ответ только усилил тревогу. Горемыкин говорил:

— Не может быть, чтобы Государь изменил свое решение. Он мне совершенно твердо и определенно обещал и дал полномочие предпринять

нужные шаги.

Но это не успокаивало. Попросили секретаря позвонить в походную канцелярию Царя и узнать, не выехал ли фельдъегерь... Из походной канцелярии ответили, что фельдъегерь не выезжал. Тревога усилилась. Горемыкин уже поднял вопрос о том, как быть, как отменить принятые меры. Вывести военный караул из Таврического дворца было еще можно, хотя это, конечно, стало бы известно и поставило бы правительство в очень неприятное положение. Но как убедить газеты не печатать официального сообщения о роспуске Государственной думы? Сидели как на похоронах. Наконец, уже на рассвете вошел дежурный секретарь и радостно сообщил: "Прибыл только что фельдъегерь", — и передал Горемыкину пакет. Иван Логгинович торопливо вскрыл его, развернул его и радостно заявил:

— Слава Богу, подписаны.

Все облегченно вздохнули. Это были указы о роспуске Думы и о назначении Столыпина».

Позднее один из кадетских лидеров — Василий Алексеевич Маклаков следующим образом оценил роспуск I Думы: «Первая дума претендовала на то, чтобы ее воля считалась выше закона... *победа правительства над думой оказалась победой конституционных начал, и Столыпин мог бы продолжить то дело, которому Дума не сумела служить*».

И еще... Нельзя не задаться чрезвычайно важным вопросом: знал ли Столыпин о том, что одновременно с роспуском I Думы он в этот же драматический день — 8 июля 1906 года будет назначен председателем Совета министров? Можно уверенно ответить на этот вопрос отрицательно — для него назначение было не менее неожиданным, чем для остальных членов кабинета. Об этом, в частности, свидетельствует (объясняя, в том числе, и мотивы, вынудившие министра внутренних дел согласиться на новое назначение) и Извольский, оставленный Столыпиным министром иностранных дел и в новом правительстве: «*Решение императора не только распустить Думу, но в то же самое время поставить Столыпина во главе правительства вместо Горемыкина было поистине coup de theatre* (неожиданное событие. — Авт.), которого никто не ожидал и меньше всего сам Горемыкин. Это нужно отнести на счет личной инициативы Николая II, который надеялся этим путем ослабить впечатление, связанное с роспуском Думы. В действительности это назначение было полумерой: оно не удовлетворило никого. Партии оппозиции, не исключая и умеренных либералов, рассматривали этот акт как прелюдию к полному уничтожению манифеста 1905 года, в то время как реакционеры, раздраженные отставкой Горемыкина, которого они считали жертвой,

враждебно относились к назначению человека, связанного, по их мнению, с либеральным движением.

Что касается Столыпина, он был застигнут врасплох. Он работал вместе со мной, с величайшей искренностью подготавливая образование коалиционного кабинета, в котором он был готов занять второстепенное место под руководством человека, пользующегося доверием Думы, но он не считал себя достойным принять роль главы правительства. Момент был слишком критический, чтобы с его стороны было проявлено какое-либо колебание, и после аудиенции у императора на следующий день после роспуска он не имел другого выбора, как принять тяжелую обязанность, возложенную на него. В то же самое время он принял ее при условии, что два министра, Стишинский (Александр Семенович Стишинский — главноуправляющий землеустройством и земледелием, сторонник сохранения крестьянской общины. — Авт.) и Ширинский-Шихматов (Алексей Александрович Ширинский-Шихматов — обер-прокурор Святейшего синода. — Авт.), которые были наиболее одиозны благодаря их реакционным настроениям, будут уволены в отставку. Он также удержал за собой право изменить в дальнейшем состав кабинета, введя в него членов Думы и Государственного совета в соответствии с нашим общим планом».

Остается только добавить, что Столыпин оказался прав и роспуск I Думы действительно прошел практически безболезненно. Ни одного вооруженного выступления или скольконибудь крупной забастовки не произошло. Правда, 108 депутатов распущенного первого российского парламента выехали в Выборг (на территории Великого княжества Финляндского имперская полиция не могла арестовать лишенных депутатской неприкосновенности думцев без согласия местных властей) и 9 июля выпустили воззвание с призывом к населению оказать гражданское неповиновение властям: «Граждане! Стойте крепко за поправные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег».

Однако никакого отклика в стране Выборгское воззвание не вызвало и Столыпин имел все основания насмешливо охарактеризовать его как «детскую игру».

Отметим также, что политика Столыпина в отношении парламента всех созывов расценивалась многими современными ему политиками и журналистами как образец государственного подхода. На следующий день после смерти главы правительства «Новое время» поместило на эту тему материал, который, на наш взгляд, исчерпывающе объясняет позицию премьера по отношению к Государственной думе, без чего нельзя в полной мере понять всю столыпинскую политику реформ. Прочитируем эту интереснейшую статью: «Столыпин выдвинулся и определился в Думе. Но, в то же время, он в значительной степени определил собой Государственную думу. Если Государственная дума в настоящее время работает и законодательствует, то этим она, до известной степени, обязана Столыпину. Столыпин интуитивно "чувствовал" Государственную думу. С самого первого же выступления основной тон был взят им совершенно правильно. Если вчитаться в ту первую речь, которую он произнес по запросу о действиях чинов охранного отделения, то мы найдем в ней целый ряд мелких черточек, в точности соответствующих тому облику большого государственного деятеля, который в последующие годы укрепился, развился и сделался популярным в России, но который в Первой государственной думе не был иным, чем во Второй и Третьей.

"...Оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю". Относительно действий Булатовского, царицынского полицмейстера и калязинской полиции расследование "передано в руки суда"; и если суд "обнаружит злоупотребления, то министерство не преминет распорядиться соответственным образом". Всякое упущение в области служебного долга "не останется без самых тяжелых последствий для виновных". Но каковы бы ни были проступки и преступления отдельных подчиненных органов управления, правительство не пойдет навстречу тем депутатам, которые сознательно стремятся дезорганизовать государство. "Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие". "Бездействие власти ведет к анархии; правительство не может быть аппаратом бессилия". На правительстве лежит "святая обязанность ограждать спокойствие и законность".

Все меры, принимаемые в этом направлении, "знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ". Но как же будет действовать правительство, если в его распоряжении еще нет реформированных законов?

Очевидно, что для него имеется только один исход: "применять существующие законы впредь до создания новых". "Нельзя сказать

часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым".

Итак, программа намечается в высшей степени просто и отчетливо. Для того, чтобы провести необходимые реформы, нужно, прежде всего, утвердить порядок. Порядок же создается в государстве только тогда, когда власть проявляет свою волю, когда она умеет действовать и распоряжаться. Никакие посторонние соображения не могут остановить власть в проведении тех мер, которые, по ее мнению, должны обеспечить порядок. Дебатирует ли Государственная дума шумливым образом о препятствиях, будто бы чинимых местной администрацией тем лицам, которые поехали оказывать продовольственную помощь голодающим, — ответ приходит сам собой, простой и естественный. Криками о человеколюбивой цели нельзя смутить ту власть, которая знает, чего она хочет: "насколько нелепо было бы ставить препятствие частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было бы и бездействовать по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных". Под каким бы предлогом ни проводилось то стремление захватить исполнительную власть, которое является естественным последствием парализования власти существующей, — министр внутренних дел, сознавая свою правоту, не будет смущаться: "носитель законной власти, он на такие выходки отвечать не будет".

Все эти тезисы кажутся в настоящее время простыми и само собой разумеющимися. Но если вспомнить, в какой именно период они были произнесены, то мы поймем, что человек, говоривший их, проявлял большую степень государственной зрелости. В те дни в России было очень много безотчетного увлечения Государственной думою, увлечения почти что мистического. Люди, претендовавшие на всестороннее знакомство с всемирной историей и готовившиеся занять министерские посты, разделяли всеобщее опьянение. Они наивно думали, что молодая, только что созданная Государственная дума силой тех речей, которые будут в ней произноситься, переменит движение жизни и из дореформенной России сразу сделает утопическое государство, в коем будут осуществлены и абсолютные политические свободы, и безусловное социальное равенство. Выступить в этот момент с трезвым словом, показать истинные пределы законодательной власти, наметить ее соотношение к власти исполнительной и, главное, наметить для исполнительной власти те основные идеи, вне которых она не может ни работать, ни существовать:

для всего этого требовался широкий ум, ясное понимание политического момента, глубокое проникновение в основные проблемы государственного властвования. Во Второй думе П. А. Столыпин выступает уже не с принципиальными афоризмами, а с подробной и строго продуманной программой реальной государственной деятельности.

Впоследствии многие из его политических противников, с Милюковым во главе, обвиняли председателя Совета министров в том, что во Второй думе он будто бы выставлял программу иную, не ту, с какой он явился впоследствии в Думу третью. Но ближайшее рассмотрение обоих документов доказывает, что — за малыми исключениями — все основные пункты политического *credo* намечены были перед Думой кадетски-революционной совершенно так же, как и впоследствии перед Думой националистически-октябристской. Правительство готово работать с Думой. "Его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в правительстве сотрудника". Но правительство это, очевидно, сознает свой долг: оно должно восстановить в России порядок и спокойствие; "оно должно быть и будет правительством стойким и чисто русским". Что же будет делать это правительство? Правительство будет создавать материальные нормы, "имеющие воплотить в себе реформы нового времени". "Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое".

Для этого правительство должно разработать законопроекты о свободе вероисповедания, о неприкосновенности личности, об общественном самоуправлении, о губернских органах управления, о преобразовании суда, о гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, о поднятии народного образования. Но основная задача, "задача громадного значения", первая задача, которую должно решить государство, есть забота о крестьянстве. Необходимо "содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным обеспечить себе безбедное существование путем занятия земледельческим промыслом". Эту задачу правительство считает настолько важной, что оно даже приступило к осуществлению ее, не дожидаясь созыва Второй думы. "Правительство не могло медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения в России". К тому же, "на правительстве, решившем не допускать крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам на

законный выход в их нужде". Правительство ведет, значит, успокоение и реформы — совершенно параллельно. Оно не отступает ни на шаг от возлагаемой на него государственностью обязанности обеспечить гражданский порядок; но оно сознает и свой нравственный долг намечать те органические пути развития общественной жизни, путем постепенного упрочения которых беспорядки сделаются ненужными.

Реформы и порядок. Таковы два мотива, проходящие через все думские речи Столыпина. Реформы, может быть, не очень казовые, но зато прочные. Реформы, на которых трудно снискать себе быструю популярность, которые представляют собой "продолжительную черную работу", но без которых невозможно создание истинно свободной России. Путь этот скромн, но он хорош тем, что ведет не к "великим потрясениям", а к "великой России". Ибо аграрный вопрос нужно не "разрешить, а разрешать", хотя бы для этого потребовались десятилетия.

Крестьянин должен сделаться личным собственником. Как мелкий земельный владелец он явится составным элементом будущей мелкой земской единицы.

"Основываясь на трудолюбии и обладая чувством собственного достоинства, он внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток". "Вот тогда, тогда только — писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей, из чувства государственности и патриотизма".

Но, занимаясь реформой, правительство именно не должно забывать своей обязанности по сохранению порядка. "Когда в нескольких верстах от столицы и от царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше, когда начинал царить ужас и террор: тогда правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыв, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, — или действовать и отстоять то, что ей было вверено". Нападки оппозиции, рассчитанные на то, чтобы вызвать у правительства "паралич воли и мысли", "сводятся к двум словам: руки вверх". На эти два слова правительство "с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить двумя словами: не запугаете". И затем шел прекрасный призыв, обращенный к Государственной думе во имя успокоения и умиротворения страны: "Мы хотим верить, господа, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит всех нас встать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение". Покуда это слово не

будет сказано, покуда государство будет находиться в опасности, "оно обязано будет принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада". "Это всегда было, это всегда есть и всегда будет". "Государственная необходимость может довести до диктатуры". Она становится выше права, "когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества".

Только тогда, когда реформы пойдут параллельно с успокоением страны, они явятся выражением истинных нужд государства, а не отзвуком беспочвенных социалистических идей. "Наши реформы для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах". Такими национальными началами является прежде всего царская власть. Царская власть является хранительницей русского государства; она олицетворяет его силу и цельность; если быть России — то лишь при усилиях всех сынов ее оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегавшую ее от распада. К этой исконно русской власти, к нашим русским корням, к нашему русскому стволу "нельзя прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок". "Пусть расцветет наш родной цветок, расцветет и развернется под взаимодействием Верховной Власти и дарованного ею представительного строя". Вторым исконным русским началом является развитие земщины. На низах должны быть созданы "крепкие люди земли, связанные с государственною властью". Им может быть передана часть государственных обязанностей; часть государственного тягла. Но в самоуправлении могут участвовать не только те, кто "сплотился общенациональным элементом". "Станьте на ту точку зрения, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же, как носили его когда-то римские граждане, и вы получите все права". Русским же человеком может быть только тот, кто желает "обновить, просветить и возвеличить родину", кто предан "не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию".

Этими словами человека, который на деле подтвердил, что он не на жизнь, а на смерть предан Царю, мы можем закончить наш краткий очерк. Деятельность Столыпина в Третьей думе — его выступления по финляндскому вопросу, по Амурской железной дороге, по реорганизации флота и по другим более второстепенным вопросам — настолько еще свежи в памяти публики, что в настоящее время мы не считаем нужным к ним возвращаться.

Что бы ни говорили враги Столыпина, он первый дал в Государственной думе верный тон для взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью; он первый начертал ту

программу обновления строя, которую он неуклонно проводил до последнего дня своей жизни и которая, надо полагать, будет осуществляться и впредь. Ибо для человека, погибшего трагической смертью на своем посту, не может и не должно быть лучшего признания заслуг, как если преемники его вдохновятся заветами, выработанными во время государственной бури и оправдавшими себя в той сравнительно тихой гавани, куда П. А. Столыпин привел Россию».

Глава шестая

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ

Мы — рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку, и как бы привлекателен, как бы соблазнителен ни был приветливый берег, но если на дороге к нему есть подводные камни, то курс мы будем держать стороною; мы — межевщики, которым доверены межевые признаки, и если они утрачиваются, мы будем на это указывать; мы — часовые, поставленные для охраны демаркационной линии, и свои ли, чужие ли будут ее нарушать, мы не будем малодушно отворачиваться в сторону.

П. А. Столыпин

Попытка создания коалиционного кабинета

Закономерно возникает вопрос: почему Столыпин был выбран Николаем II для назначения на пост главы правительства? Кстати, для психологической характеристики премьера характерно то, что он сам стремился, скорее, преуменьшить свое значение как государственного деятеля. Например, считал вполне нормальным в частном письме охарактеризовать свое государственное и политическое значение, по меньшей мере, излишне скромно: «Никогда я себя не переоценивал, государственного опыта никакого не имел, помимо воли выдвинут событиями и не имею даже достаточно умения, чтобы объединить своих товарищей и сглаживать создающиеся меж ними шероховатости».

С одной стороны, ответ как будто очевиден — как министр внутренних дел он проявил импонировавшую Николаю II решительность в борьбе с революцией и террором. Однако не все было так просто — его роль во главе Совета министров не должна была, по царскому мнению, ограничиваться только сугубо силовыми, карательными функциями. В принципе, эта логика была совершенно идентичной той, которой руководствовался самодержец, когда Столыпин назначался руководить МВД.

Хотя царь и пошел на роспуск Думы, но он не согласился с мнением ряда правых, считавших, что следует полностью отказаться от парламентаризма и вернуть ситуацию, существовавшую до Манифеста 17 октября 1905 года. Заявленной им еще при открытии I Думы позиции, несмотря на все неприятие деятельности думских революционеров, Николай II придерживался и далее: «...я буду неуклонно покровительствовать учреждениям, которые я даровал, будучи заранее уверенным в том, что вы приложите все силы, чтобы служить родине, удовлетворить нужды столь близких моему сердцу крестьян и обеспечить народу развитие его благосостояния, всегда памятуя, что действительное благосостояние государства заключается не только в свободе, но также и в порядке, основанном на принципах конституции».

Подобной же позиции придерживался и министр внутренних дел, считавший, что возвращение к самодержавному прошлому уже невозможно. Показательно, что Витте принадлежит и такая неожиданная характеристика Столыпина: *«Галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских*

собраний». Даже Милюков был вынужден сделать некое полупризнание: «Столыпин выступал в двойном облике — *либерала* и крайнего националиста (возникает закономерный вопрос: если Столыпин действительно был «крайним националистом», то почему его так люто ненавидели черносотенцы? — *Авт.*)».

Для подобных характеристик были все основания. Столыпин прекрасно понимал всё значение парламентаризма и гражданского общества для строительства новой России и стремился обеспечить для всех политических партий, независимо от исповедуемой ими идеологии, нормальные условия для деятельности. Так, он отправил губернаторам и градоначальникам секретный циркуляр, призванный положить конец межпартийному насилию: «В последнее время стали учащаться случаи террористических посягательств на членов некоторых легализированных политических обществ на почве партийной вражды, каковое обстоятельство может повлечь за собою массовые выступления междоусобного характера и потому на означенное явление должно быть обращено особое внимание местной администрации. В видах предупреждения описанных преступных посягательств надлежит усилить негласное наблюдение со стороны розыскных органов и, кроме того, принять меры к тому, чтобы об упомянутых террористических актах назначались со стороны полиции и судебной власти самые энергические расследования для обнаружения виновных и быстрого предания суду с применением к обвиняемым высшей меры пресечения во время дознания и следствия.

Об изложенном имею честь сообщить для надлежащих с Вашей стороны распоряжений».

Понятно, что подобная позиция Столыпина была выгодна всем политическим партиям. Конечно, за исключением ультралевых и ультраправых экстремистов, для которых политика и насилие были неразделимы. Последним было четко указано, что власть больше не будет терпеть насилия в политической борьбе.

Несмотря на всю свою беспощадность к революционным выступлениям и террору, Столыпин мог эффективнее любого другого деятеля из царского окружения контактировать с либеральной оппозицией, и недаром именно он перед роспуском Думы вел переговоры с Шиповым, Милюковым и графом Гейденом. Причем дело было далеко не только в способностях Петра Аркадьевича как переговорщика (хотя они, несомненно, присутствовали). Столыпин не скрывал, что при любом развитии событий он считает введение парламентаризма в России

необратимым, более того — необходимым для ее дальнейшего развития. Для него дискуссионен был вопрос не существования Государственной думы, а лишь ее объема полномочий, в том числе отношений с Советом министров. Столыпин даже во время наибольшего конфликта с либеральной оппозицией стремился не к бездумному реваншу, как ультраправые и многие правые (которые, подобно Бурбонам периода Реставрации, ничего не забыли и ничему не научились), а налаживанию сотрудничества. Чрезвычайно показательно, что условием (немедленно принятым Николаем II) согласия на назначение премьером Столыпин поставил разрешение предлагать к вхождению в правительство избранных им общественных деятелей.

Еще один показательный пример... Столыпин не только не прибегал к репрессиям против кадетской партии (неизменно выступавшей в авангарде борьбы против его политического курса), но и вынужден был постоянно одергивать чересчур ретивые местные власти. Например, в циркулярном письме губернаторам от 27 июня 1906 года министр внутренних дел указывал на недопустимость ограничения прав политических партий и общественных организаций, причем он подчеркнуто не проводил разницы между ними в зависимости от отношения к власти: «По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, *местная губернская администрация препятствует проявлению свободной деятельности отделений некоторых обществ*, возникших до 4 марта сего года и представивших, во исполнение отдела VII Временных правил об обществах и союзах 4 марта, своевременно свои уставы, с правом открытия отделений, С.-Петербургскому градоначальнику для регистрации. Так, *в некоторых местностях губернаторы запрещают деятельность отделений Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы)*, в других Союза Русского народа и Лиги образования.

Вследствие сего и во избежание дальнейших недоразумений считаю долгом указать Вашему Превосходительству, что С.-Петербургское городское по делам об обществах присутствие еще не открыло своих действий ввиду встреченных С.-Петербургским градоначальником сомнений при его образовании и что вопрос этот находится в настоящее время на рассмотрении Правительствующего Сената.

Принимая во внимание, что названные общества в точности выполнили требования закона 4 марта и что задержка регистрации их уставов происходит не по их вине, *эти общества, с отделениями, должны считаться законно существующими и имеющими право действовать на тонном основании уставов, представленных С.-Петербургскому*

градоначальнику, если при регистрации не произойдет каких-либо изменений этих уставов или они будут признаны не подлежащими регистрации.

Об этом уведомляю Ваше Превосходительство для сведения и руководства как в отношении указанных обществ, так и в отношении других, возникших ранее 4 марта, регистрация которых в С.-Петербурге задерживается по тем же основаниям».

А вот его телеграмма от 14 июля 1906 года в Феодосию временному военному генерал-губернатору, также доказывающая, что Столыпин принципиально не желал применять репрессий по отношению к кадетам, а напротив, делал всё необходимое для защиты их прав в соответствии с Манифестом 17 октября: «К открытию отделения Партии народной свободы ввиду циркуляра моего 27 июня № 24, разъясняющего законность существования партии, препятствий нет. Собрания можно разрешить лишь не вызывающие опасения для общественного спокойствия».

Столыпин, в отличие от многих правых деятелей, четко различал революционеров-разрушителей и либеральную оппозицию. Если первых он считал необходимым подавлять любыми средствами, то со второй хотел договариваться. При этом Петр Аркадьевич считал главной бедой либеральной оппозиции, мешавшей ей конструктивно взаимодействовать с властью во благо страны, то, что она не могла (да и не хотела) провести для себя непереступимую грань с разрушителями, желавшими не реформирования общественного строя, а полного разрушения государства. Не менее негативным фактором, по мнению Столыпина, было и то, что оппозиционеры не понимали огромной важности исторической преемственности власти, в связи с чем видели свою цель не в реформах, а в разрушении складывавшегося веками государственного устройства. Показательно, что в этом с ним были согласны и наиболее прозорливые оппозиционеры (хотя большинство и признало столыпинскую правоту спустя годы, многие уже в эмиграции). Чрезвычайно созвучными убеждению Столыпина в этом вопросе звучат размышления Маклакова, считавшегося в кадетском ЦК наиболее склонным к диалогу с правительством: «Слабость Освободительного Движения была в том, что под одним словом "долой" оно объединяло направления между собой несогласные не только в конечных целях своих, но, главное, в средствах, которыми нужно было достигать ближайших к этим целям этапов. Разномыслия в конечных целях (конституционная монархия, республика, социализм) были менее важны; до них было еще далеко, а пока можно было видеть друг в друге "попутчиков". Опаснее было разномыслие в

средствах, которыми сейчас нужно было идти, чтобы лишить власть самодержца ее надзаконности и разделить ее с представительством. *Освободительное Движение оказалось слишком равнодушно к той грани, которая должна была отделять эволюцию государства от бедствий всякой революции...* Такое отношение к основному вопросу объяснялось и отсутствием опыта у нашей общественности. Она недостаточно сознавала, что жизнь на месте всё равно не может стоять, что при сопротивлении населения власть непременно будет меняться, хотя бы и слишком медленно по настроению современников, что поэтому *всегда целесообразнее содействовать таким ее изменениям, чем добиваться ее падения.* Ведь даже при реставрациях многое из нового сохраняется потому, что уже сделалось фактом (так и Столыпин считал введение парламентаризма необратимым, в первую очередь потому, что оно «сделалось фактом». — Авт.). *В этом заключается неистребимое преимущество существующей исторической власти. Поэтому при самых радикальных реформах разумнее прежнюю власть реформировать, но сохранять, не увлекаясь мечтой начать всё строить на "расчищенном месте"; привычка населения к существующей власти составляет ее главную силу».*

Известно, что еще при премьерстве Горемыкина Столыпин вел активные переговоры с Советом объединенного дворянства, выступавшего за сворачивание реформ. Тогда ими была согласована общая позиция, базировавшаяся на следующих пунктах: роспуск Государственной думы, введение «скорорешительных судов», прекращение переговоров с либеральными деятелями о вхождении их в Совет министров, изменение избирательного закона. Перед роспуском I Думы Столыпину было крайне важно заручиться поддержкой влиятельных правых организаций, а среди последних близкий к самому Николаю II Совет объединенного дворянства занимал ведущее место. Однако требование прекратить переговоры с лидерами либеральной оппозиции он изначально выполнять не собирался, понимая, что так или иначе для стабилизации ситуации в империи договариваться придется.

Переговоры возобновились практически сразу же после назначения Столыпина премьером, и показательно, что лидеры либеральной оппозиции, несмотря на их возмущение произошедшим роспуском парламента, без малейших колебаний пошли на новые негласные контакты. Глава правительства встречался с Милюковым, графом Гейденом, Шиповым, князем Георгием Евгеньевичем Львовым и некоторыми другими ведущими оппозиционными деятелями. Премьер вновь поднял вопрос о их вхождении в правительство, но в ответ получил заведомо неприемлемые

условия: предоставление общественным деятелям половины мест в кабинете (в том числе пост министра внутренних дел) и немедленная приостановка смертных казней (и это в разгар революционного террора!).

О том, как проходили переговоры, свидетельствует Извольский, который, как и ранее, играл роль главного помощника премьера в контактах с либеральной оппозицией: «В согласии с планом, изложенным ранее в докладной записке императору, он имел в виду образование коалиционного кабинета, в котором были бы представлены главные партии, исключая те группы, которые были явно революционно настроены.

Несмотря на позицию, занятую кадетами, Столыпин не оставил мысли пригласить в состав кабинета Милюкова, который не был пойман в Выборгской ловушке (подписавшие воззвание были осуждены на трехмесячное тюремное заключение, что лишало их права на избрание в Государственную думу. Милюков был одним из авторов Выборгского воззвания, но так как не был депутатом, то его не подписал и благодаря этому получил возможность продолжать политическую деятельность. — Авт.).

На следующий день после своего назначения он начал приводить в исполнение свой проект, предложив мне оставить за собой портфель министра иностранных дел в новом кабинете и *продолжать участвовать в переговорах, которые он намеревался вести с лицами, выбранными им для замещения различных министерских постов.*

Столыпин занимал в то время дачу, расположенную на одном из островов Невы. Этот дом принадлежал государству и служил летней резиденцией для министра внутренних дел. Он был чрезвычайно скромнен по виду, но имел прекрасный сад. Всякий, кто живет в Петербурге летом, может вспомнить особую прелесть островов на Неве с их виллами, которые отражаются в спокойной поверхности реки.

Я жил в это время во дворце Министерства иностранных дел и каждый день поздно вечером отправлялся на дачу Столыпина совещаться с ним и беседовать с различными политическими лидерами, которые там собирались. Эти собеседования затягивались иногда допоздна, и я живо вспоминаю мои поездки по островам в чудесные белые июльские ночи.

Милюков вспомнит, несомненно, как после одной из бесед, в которой он принимал участие, не имея своего экипажа, чтобы вернуться в город, он принял мое предложение поехать вместе со мной.

Был ранний час утра. Мы ехали в открытой коляске и по всей обратной дороге нас обгоняли многочисленные экипажи, возвращавшиеся из увеселительных мест. Я подумал о странном впечатлении, которое может

производить появление министра иностранных дел в четыре часа утра в одном экипаже рядом с лидером кадетов, который только что вернулся из Выборга и которого все имели основание считать заключенным в тюрьму. Я поделился своими мыслями с моим спутником, который ответил, что он думает о том же самом и что мы оба подвергаемся риску быть серьезно скомпрометированными — он в глазах оппозиции, а я в глазах консерваторов. Но делать было нечего, и мы от души посмеялись над положением, которое, правда, не имело неприятных последствий. К счастью, никто из офицеров и молодых дипломатов, с которыми я обменялся приветствиями, не узнал Милюкова, и, таким образом, наша поездка не получила огласки.

Попытка создания коалиционного кабинета не имела успеха. После двухнедельных переговоров и вопреки усилиям Столыпина различные лица, к которым он обращался с предложением вступить в министерство, один за другим отклоняли это предложение...

Какова была причина неудачи Столыпина?

Нужно с самого начала отметить, что "ошибка" Столыпина, так же как и моя, заключалась в том, что мы оба пытались создать коалиционный кабинет вместо кабинета чисто кадетского...

Часто до последнего времени я задумывался над этим вопросом и всегда приходил к одному и тому же заключению, что я и Столыпин были правы. Не нужно забывать, что в этот период, который мы рассматривали, даже кабинет, возглавляемый Столыпиным, но с участием элементов, не являющихся строго бюрократическими, казался новшеством, опасным для императора, который согласился на это с большим неудовольствием.

Тем не менее, создание такого кабинета означало бы большой шаг вперед и открыло бы дорогу к дальнейшим мероприятиям для создания конституционного кабинета, в то время как немедленное создание кадетского кабинета, напротив, привело бы, несомненно, к конфликту между верховной властью и новым правительством, которое потребовало бы с самого начала проведения радикальных реформ, на что император никогда не дал бы согласия.

Отказывая в своем сотрудничестве Столыпину, умеренные либералы вроде князя Львова, графа Гейдена и других делали серьезную ошибку и показывали, насколько несовершенны еще политические партии в России, подчиняющиеся влиянию преходящих страстей. Действительной причиной их отказа было то, что роспуск Думы вызвал во всех либеральных кругах, даже в самых умеренных, чувство раздражения, и, следовательно, все приглашаемые лица боялись потерять свой престиж и свое влияние в

стране в случае, если бы они вошли теперь же в правительство».

Столыпин конечно же прекрасно понимал перечисленные Извольским мотивы отказа лидеров либеральной оппозиции от сотрудничества с властью (не говоря уже о вхождении в коалиционное правительство), но это не заставило его оставить надежды на достижение соглашения, что он и попытался сделать вновь после избрания II Думы.

В борьбе с «великими потрясениями»

Однако наряду с попыткой достичь взаимопонимания с либеральной оппозицией еще важнее было окончательно подавить революцию и установить в стране порядок (хотя бы прекратить ежедневное кровопролитие). Между тем хотя роспуск Государственной думы прошел практически безболезненно, но это отнюдь не означало, что революционные выступления прекратились. Столыпин возглавил правительство в критическое для страны время, и ему пришлось проявить еще большую храбрость и решительность при принятии решений, чем на всех предыдущих должностях.

Нельзя не согласиться с оценкой ситуации в стране, которую дал уже упоминавшийся начальник Саратовского охранного отделения полковник Мартынов, розыскник-практик, имевший в силу занимаемого служебного поста полное представление о действительном положении дел: «Историки революции 1905 года обычно приурочивают крушение ее к провалу Декабрьского восстания в Москве. Революция именно тогда, по их описанию, потерпела крах. В некотором историческом аспекте это определение можно считать правильным, но на практике революционного движения в России крах отразился не в полной мере. Взбудораженное, революционно настроенное общество выделяло еще достаточно много активного отребья, которое, как это всегда бывает в бушующей стихии, пробивалось наверх, стараясь овладеть положением и, во всяком случае, продолжать смуту.

В провинции это было особенно заметно. *Слабая административная власть на местах — во многих случаях растерявшаяся от непривычно трудного положения, — непрерывные террористические удары по ней, несовершенство розыскного аппарата (особенно в провинции) и стремление разбитой в столице революции поднять население против власти и потому направляющей активистов в ту же провинцию, — всё это, вместе взятое, отнюдь не создавало впечатления краха революции. Еще летом 1906 года, ко времени моего приезда в Саратов, революция никак не казалась раздавленной, и ее крах видим был, очевидно, только историкам.*

Я, по крайней мере, его совершенно не наблюдал... Сыпались соответствующие циркуляры. В августе 1906 года я, например, получил циркулярное письмо от директора Департамента полиции (конечно, "весьма секретное") с предложением озаботиться "на всякий случай"

подысканием в городе надежного места и лиц, у которых можно было бы в случае открытых беспорядков крупного размера спрятать наиболее важную часть секретной переписки охранного отделения (более чем характерный для понимания ситуации в империи штрих. — *Авт.*)».

18 июля начался вооруженный мятеж в Свеаборгской крепости под лозунгом созыва Учредительного собрания, 20 июля вспыхнуло восстание в Ревеле на крейсере «Память Азова» (который сразу решил «нанести визит» и в столицу) и совсем рядом с Петербургом — в Кронштадте. Положение стало по-настоящему угрожающим...

Сыромятников вспоминал, что в эти дни, явившись к премьеру утром, застал его в халате. «Вы нездоровы?» — спросил редактор «России». «Нет, — отвечал Столыпин, — мне сообщили ночью, что какой-то крейсер идет бомбардировать Петербург. Я звонил по телефону целую ночь, пока удалось найти батарею и поставить ее при входе в Неву, чтобы расстрелять его. По счастью, крейсер ушел в море. Но я не спал всю ночь».

Но еще более важным для Столыпина, чем подавить вооруженные восстания, было справиться с размахом революционного террора, против которого оказались бессильны артиллерийские батареи и верные присяге лейб-гвардейские полки. Революционный террор был в первую очередь направлен против государственных служащих с целью их деморализации. Это должно было сделать империю беззащитной перед нашествием революционных «бесов», как будто сошедших со страниц провидческого романа Достоевского. С октября 1905-го по октябрь 1906 года было убито и ранено 3611 государственных служащих, по состоянию на конец 1907 года (то есть ко времени, когда Столыпин сумел подавить массовый террор) их число возросло до более чем 4500. Только в Варшаве (не слишком выделявшейся размахом террора на общем фоне) за 1906 год было убито террористами 83 полицейских и военных и 96 получили ранения.

Наибольшие потери, конечно, несло ведомство Столыпина — только в период с октября 1905 года по конец апреля 1906 года террористами был убит и ранен 671 служащий МВД.

Любой чиновник, не боявшийся выполнять свой долг, становился потенциальной жертвой террористов, что даже породило анекдоты из области черного юмора.

Вот, например, такой: «Его Превосходительство генерал-губернатор принимал вчера у себя во дворце поздравления от подведомственных ему чинов по случаю трехнедельного благополучного правления его краем». Не менее показателен для характеристики общественной атмосферы и ходивший среди газетчиков следующий шуточный диалог: «Секретарь

газеты: "Биография нового генерал-губернатора лежит в запасе уже третий день. Разобрать?" Редактор: "Оставьте. Сразу пустим в некролог"».

Даже в декабре 1906 года, когда волна террора пошла на спад, директор Департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич счел возможным подать на рассмотрение министру внутренних дел проект шифротелеграммы высшим чинам местного управления (по словам директора Департамента полиции, «соизволение на которую, быть может, ныне своевременно») следующего содержания: «Г.г. Генерал-губернаторам, Губернаторам, Градоначальникам, копия Наместнику [на Кавказе]. Ввиду усилившегося террора против высших должностных лиц Государь Император при всеподданнейшем моем по сему предмету докладе изволил выразить пожелание, чтобы означенные представители власти избегали посещения таких мест и собраний, присутствие в коих не является исполнением существа прямых обязанностей службы, и командировали бы вместо себя представителей, если нахождение их необходимо по свойству собрания или торжества». Правда, Столыпин отреагировал на подобное предложение негативно и запретил вносить таким образом деморализацию в аппарат управления на местах: «Это могло бы вызвать панику среди Губ[ернато]ров. Надо просто повторить им предостережение — примите некоторое время усиленные предосторожности».

Жертвами покушений становились государственные служащие всех рангов — от простых городских до высших гражданских и военных чинов империи. Даже дворников маньяки террора убивали за малейшую помощь полиции или только за подозрение в этом. Разумеется, руководивший подавлением революции Столыпин стал главным объектом охоты со стороны террористов, с полным основанием считавших его единственной сильной фигурой в государственном руководстве. Они были убеждены, что смерть Столыпина будет означать победу революции.

Наибольшая опасность исходила от самой влиятельной революционной партии — Партии социалистов-революционеров (ПСР) и ее Боевой организации (БО), о чем генерал Герасимов был хорошо осведомлен через своего секретного сотрудника Евно Фишелевича Азефа, возглавлявшего эту самую БО. Как вспоминал бывший начальник столичного охранного отделения: «Уже в июне месяце 1906 года центральный комитет Партии социалистов-революционеров, убедившись в том, что правительство не идет на уступки Государственной думе, принял секретное решение о возобновлении террора (после избрания I Думы эсеры лицемерно заявили о приостановке террористической деятельности, хотя реально это касалось лишь террористических актов против высших

государственных деятелей, так называемого «центрального террора». На местах чиновников и полицейских продолжали убивать, но формально «без партийной санкции». — *Авт.*) и сразу поставил на очередь организацию убийства П. А. Столыпина (показателен приоритет ПСР. Не царя, а именно премьера. — *Авт.*). Азеф держал меня в курсе всех разговоров по этому вопросу в Центральном комитете. Между прочим, он справлялся о моем мнении, — как должен он, Азеф, поступить в случае, если ему предложат взять на себя руководство подготовкой этого покушения. Мои указания сводились к тому, что он должен всячески возражать против возобновления террора, но, если его старания в этом отношении не увенчаются успехом, он не должен отказываться от сделанного ему предложения — конечно для того, чтобы расстроить это покушение. Так всё и произошло... никто из боевиков не решился бы проявить свою собственную инициативу без ведома руководителя Боевой организации. В последней царила строжайшая дисциплина, введенная Азефом, — таким образом, мы имели максимальную уверенность, что нам удастся расстроить все планы боевиков, без того, чтобы они могли причинить какую-нибудь реальную опасность П. А. Столыпину, против которого удар направлялся. Столыпин после моего доклада, несколько поколебавшись, ибо он естественно опасался каких-нибудь промахов со стороны наблюдения, всё же одобрил весь этот план: не подвергая арестам революционеров, держать их под постоянным контролем и систематически расстраивать все их начинания».

Нельзя не отдать должное ювелирной работе охранного отделения, однако понятно, что оно одно не только не могло справиться с валом террора, но даже защитить премьера от всех покушений, опасность которых исходила далеко не только от БО ПСР.

12 августа 1906 года председатель Совета министров едва не пал жертвой покушения на своей даче на Аптекарском острове, во время которого погибло 27 человек и 33 было тяжело ранено (в том числе его четырнадцатилетняя дочь и трехлетний сын). Террористический акт осуществил только образовавшийся «Союз социалистов-революционеров максималистов» (из числа наиболее экстремистски настроенных, даже по революционным меркам, бывших членов ПСР), отличавшийся от БО ПСР ускоренной подготовкой терактов с минимальным количеством участников.

В этот день председатель Совета министров проводил прием посетителей. Легко попасть на этот прием мог, записавшись прямо на месте, любой российский гражданин, независимо от национальности, вероисповедания, социального положения. Переодетые в жандармскую форму террористы сумели добежать до дверей приемной (хотя они сразу

вызвали подозрение тем, что на них были каски старого образца) и там бросили портфель со спрятанной в нем бомбой. Страшную картину разрушений и гибели невинных людей оставила Мария фон Бок: «Большая часть дачи взлетела на воздух. Послышались душераздирающие крики раненых, стоны умирающих и пронзительный крик раненых лошадей, привезших преступников. Загорелись деревянные части здания, с грохотом посыпались каменные...

Сами революционеры, Замятин (генерал А. Н. Замятин вел запись на прием. — *Авт.*) и швейцар были разорваны в клочья... Взрыв был такой силы, что на находящейся по другую сторону Невки фабрике не осталось ни одного целого стекла в окнах.

Единственная комната во всем доме, которая совсем не пострадала, был кабинет моего отца.

В момент взрыва папа сидел за письменным столом. Несмотря на две закрытые двери между кабинетом и местом взрыва, громадная бронзовая чернильница поднялась со стола на воздух и перелетела через голову моего отца, залив его чернилами. Ничего другого в кабинете взрыв не повредил, и среди десятков убитых и раненых в комнатах рядом и наверху, папа, волею Божьей, остался цел и невредим.

Рядом с кабинетом, в гостиной, не уцелело буквально ни одной вещи, ни одной стены, ни потолка, но на своем месте остался стоять маленький столик с нетронутой и даже непокрытой пылью фотографией в рамке. Таких непонятных явлений при взрыве было много. Один из спасенных, представлявших папа, рассказывал потом мне, как он до взрыва подошел к знакомому губернатору и только успел начать с ним говорить, как увидел своего собеседника без головы.

Наташа (дочь Столыпина. — *Авт.*) и Адя (сын Столыпина Аркадий. — *Авт.*), находившиеся, как было сказано, в момент взрыва на балконе над подъездом, были выброшены на Набережную. Наташа попала под ноги лошадей, запряженных в полуразрушенное ландо убийц. Ее прикрыла какая-то доска, которую топтали бесновавшиеся от боли лошади. Тут ее нашел какой-то солдат. Была она без сознания. Когда ее солдат поднял, она открыла глаза и сказала:

— Это сон? — и сразу, очнувшись, и поняв всё. — Что, папа жив? — Узнав, что он жив и невредим, она прибавила: — Слава Богу, что я ранена, а не он, — и впала в забытьё. Адю нашли вблизи от Наташи под обломками разрушенного балкона».

Николай II сразу же послал Столыпину телеграмму с выражением поддержки, на которую тот ответил словами, которые можно считать

концентрированным выражением его политической и нравственной программы: «Получив милостивую телеграмму Вашего Императорского Величества, имею счастье всеподданнейше доложить, что жизнь моя принадлежит Вам, Государь; что все помыслы, стремления мои — благо России; что молитва моя ко Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству *вывести нашу несчастную Родину на путь законности, спокойствия и порядка.*

Вашего Императорского Величества

Верноподданный

Петр Столыпин

13 августа 1906 г.».

Взрыв на Аптекарском острове был направлен не только против Столыпина, трудно было придумать больший вызов власти в целом. Перед премьером окончательно встал вопрос — или он, невзирая на истерики либеральной оппозиции и контролируемой ею прессы, подавит революционный террор любыми средствами, или силы разрушения и ненависти победят.

И при подавлении террора вопрос был не в недостатке решительности власти. Еще будучи министром внутренних дел, Столыпин назначил на места смелых и решительных людей. Но их деятельность не могла быть достаточно эффективной по причине несовершенства судебной системы, позволявшей многим террористам и руководителям оставаться безнаказанными или получать сравнительно незначительные наказания. В большинстве случаев, когда суд считал улики недостаточными (а для адвокатов обычно не составляло труда убедить в этом суд), дело заканчивалось административной высылкой, что только содействовало распространению по империи революционного огня.

Видный деятель Департамента полиции (длительное время руководивший сначала его Особым отделом, а потом Заграничной агентурой) действительный статский советник Леонид Александрович Ратаев тогда имел все основания с горечью констатировать: *«Последние судебные приговоры по политическим процессам прямо наводят ужас, ибо через несколько месяцев все осужденные, отбыв определенное им тюремное заключение, вступят вновь на путь революционной деятельности с удвоенной энергией. При чтении подобных приговоров прямо-таки руки опускаются и всякая энергия падает... Какая же польза тратить деньги на розыск и задержание людей, которых в лучшем случае посадят на несколько месяцев в тюрьму, а затем выпустят на свободу и предоставят возможность приняться за прежнюю работу?»*

Столыпину было очевидно, что обычное правосудие не в силах справиться с террором, и следует прибегнуть к временным экстраординарным мерам. И в сложившейся ситуации председатель Совета министров пришел к нелегкому, но единственно возможному решению, о котором говорилось в правительственном сообщении от 24 августа 1906 года, подготовленном под личным руководством премьера: «За последние годы революционное движение проявляется с чрезвычайным напряжением. С весны этого года оно особенно усилилось. Почти не проходит дня без какого-либо нового злодеяния. Военные мятежи в Севастополе, в Свеаборге, в Ревельском порте и в Кронштадте, убийства должностных лиц и полицейских чинов, нападения, грабежи следуют один за другим. За одно нынешнее лето из числа высших должностных лиц убиты командир Черноморского флота Чухнин, Самарский губернатор Блок, Временный Варшавский генерал-губернатор, генерал от кавалерии Вонлярлярский, помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал Маркграфский и командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Мин. Независимо от сего, произведен ряд возмутительных, сопровождавшихся многочисленными жертвами, покушений на должностных лиц, каковы, например, покушения в Севастополе на коменданта крепости Неплюева и на председателя Совета министров на Аптекарском острове. Наконец, *полиция каждодневно терпит громадный урон убитыми и ранеными.*

Преступления эти ясно доказывают, что революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства. Встревоженные этим население и общественные группы обращают свои взоры к правительству и ждут авторитетного заявления как о причинах, угнетающих общественное сознание злодеяний, так и об отношении к ним государственной власти.

Ввиду этого правительство считает необходимым заявить, что еще до роспуска Государственной думы революционные круги деятельно готовили, с одной стороны, вооруженное восстание, которое должно было, по их расчетам, осуществиться при помощи войска и флота, с другой же — всеобщее аграрное движение, обещавшее, будто бы, объять всю страну. Революционный натиск должен был быть поддержан проникшими в Государственную думу представителями крайних партий, стремившимися к захвату исполнительной власти и превращению Думы в Учредительное собрание. Успех дела в народе обеспечивался, по мнению революционеров,

объездами сельских местностей и устною проповедью неприкосновенных членов Думы, из сочувствовавших их учению. В то же время имелось в виду путем всеобщей забастовки приостановить всю экономическую жизнь страны.

После роспуска Государственной думы, быстрого подавления Кронштадтского и Свеаборгского мятежей, неудачи задуманной общей забастовки и принятия решительных мер против аграрных беспорядков крайние революционные группы, желая ослабить впечатление неудачи их замыслов и не допускать творческую работу правительства, решили, путем уничтожения высших должностных лиц, произвести впечатление в стране, а на правительство навести панику. *Хотя такие отдельные террористические акты знаменуют скорее бессилие революции в деле осуществления движения общего, чем успех ее, но вся обстановка подобных преступлений, по жестокости своей, располагает общество к смятению и тревоге более даже, чем длительное революционное движение.*

В чем при таких обстоятельствах должна заключаться обязанность правительства и что оно должно предпринять? Ответ на это может быть один: цели и задачи правительства не могут меняться в зависимости от злого умысла преступников: *можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которою одушевлено правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться.*

Преступная деятельность, несомненно, затрудняет достижение конечной цели, но так как эта цель не может быть поставлена в зависимость от явлений случайных, то здравый государственный разум указывает на необходимость устранить препятствия, напрячь все силы и идти вперед к решению намеченных задач. Из этого ясно, что *злодейства должны пресекаться без колебаний, что если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу.* Долг государства остановить поднявшуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения всё уничтожающие противообщественные элементы. В видах борьбы с ними местным властям даны самые определенные указания: за нерешительность по отношению к ослушникам Царской воли на них ляжет тяжелая ответственность. Администрация употребит все усилия, все предоставленные ей законом средства, чтобы остановить проповедь насилия и проявления ее на деле. Если разрушительной пропаганде удастся вызвать среди темной части

населения аграрные беспорядки, то они будут остановлены вооруженною силою и ответственность за жертвы ляжет на подстрекателей.

Наряду с сим правительство не могло не обратить внимание на то, что и обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено к обстоятельствам настоящего времени и не дает возможности достаточно быстрой репрессии за преступления, выходящие из ряда обыкновенных. Поэтому признано необходимым издать временные правила о военно-полевом суде для суждения обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны. По этим правилам судопроизводство и приведение приговора в исполнение значительно приближаются к моменту совершения преступления. Независимо от сего, ввиду развивающегося за последнее время нового тягчайшего вида преступления — пропаганды в войсках — изданы также временные правила об усилении наказуемости за этого рода преступления. Таким образом, болезнь, которую переживает наше Отечество, вызвала необходимость приспособления к ней государственного организма, с целью побороть зло без ущерба для жизненности государства.

Все эти мероприятия, необходимые для обеспечения свободы жить и трудиться, являются, однако, лишь средством, а не целью.

Они, несомненно, поглощают значительную часть времени и труда, которые были бы без этого посвящены государственной работе по вопросам, предуказанным с высоты Престола, но было бы величайшею ошибкою видеть в ограждении государства от преступных покушений единственную задачу государственной власти, забывая о глубоких причинах, породивших уродливые явления».

Статья 87 Основных законов Российской империи предоставляла возможность Совету министров выпускать срочные указы в отсутствие законодательных учреждений. Пользуясь этим положением, правительство в срочном порядке приняло закон о военно-полевых судах. Согласно данному закону, в местностях, объявленных на военном положении (а из 87 губерний военное положение было объявлено в 82) или на положении чрезвычайной охраны, губернаторы или представители военных властей должны были передавать в военно-полевые суды обвиняемых в совершении террористических актов, политическом бандитизме, нападении на представителей властей, производство и хранение взрывных устройств и оружия. Следует отметить, что в перечне компетенции военно-полевых судов не было ни одной статьи, которую (даже при возможном «излишнем рвении» на местах) можно было использовать против представителей либеральной оппозиции и вообще любых противников строя, не

прибегавших в своей борьбе с ним к террору. Более того, Столыпин понимал опасность злоупотребления властью и делал всё возможное, чтобы свести подобные проявления к минимуму. Так, по инициативе председателя Совета министров был подготовлен «Проект исключительного положения», который детально определял критерии, согласно которым военное положение могло вводиться в той или иной местности. Не менее важно, что был разработан и новый полицейский устав, защищавший права граждан от неправомерных действий полиции.

Фактически именно введение военно-полевых судов позволило Столыпину покончить с террором. При этом слушание в военно-полевых судах отнюдь не было судилищем с игнорированием норм права. Дела там, как правило, рассматривались хотя и в порядке упрощенного судопроизводства, но со всей тщательностью и объективностью.

Как инструмент борьбы с террором они были, конечно, несравненно действеннее гражданских. Принципиальное отличие заключалось в том, что в военно-полевых судах дела рассматривались не позже 24 часов после ареста обвиняемого, приговор выносился не позже чем за 48 часов и приводился в исполнение в течение суток. Вначале осужденные военно-полевыми судами имели право подавать прошение о помиловании, но 7 декабря 1906 года Военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения». Жестокое время диктовало жестокие законы, и премьер имел все основания назвать введение военно-полевых судов «необходимой обороной». Но подчеркнем — это были именно законы, а не бессудная расправа, по образцу действий террористов-революционеров.

Другого выхода у Столыпина тогда просто не было. Показательно, что Витте, выливший на Столыпина ушаты грязи именно за введение военно-полевых судов и якобы излишнюю жестокость, будучи у власти, сам действовал в подавлении революционных выступлений без каких-либо сантиментов. Например, он писал императору про недостаточно, по его мнению, энергичные действия военных властей в подавлении революционных выступлений в Сибири и полосе отчуждения КВЖД. Это при том, что карательные экспедиции генералов Павла Карловича Ренненкампа и Александра Николаевича Меллер-Закомельского получили известность именно своей решительностью и жестокостью! Тем не менее председатель Совета министров призывал к новым расправам: «Генерал Меллер-Закомельский доносит, что Чита сдалась без боя. Но неужели всё дело этим и кончится? Позволяю себе всеподданнейше доложить, что, по моему мнению, *необходимо немедленно судить военным судом всех виновных и прежде всего Губернатора ген. Холщевникова*». Однако не

только военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант Иван Васильевич Холщевников вызвал неудовольствие премьера своей мнимой «мягкостью». Не меньший гнев он испытывает и в отношении другого «либерала» в погонах — генерала от инфантерии Николая Петровича Линевича. О нем председатель Совета министров писал царю в схожих выражениях, обвиняя в неоправданной мягкости по отношению к арестованным членам стачечного комитета на КВЖД. В отношении последних Витте вновь предлагает ту же меру, за которую клеймил впоследствии Столыпин: «Не соизволите ли повелеть *судить на месте военным судом* виновных?» И у Николая II были все основания заметить, что Витте, подчеркнуто декларировавший при начале руководства правительством свой либерализм, «резко изменился» и «*он хочет всех вешать и расстреливать*».

Кадеты также неоднократно и ожесточенно критиковали Столыпина, как за само введение института военно-полевых судов, так и за то, что они были введены в чрезвычайно-указном порядке. Уже позднее, отвечая на обличения Маклакова во II Думе, премьер четко изложил свое видение вопроса и убеждение в том, что действия правительства были не только возможными, но и неизбежными в сложившейся ситуации: «Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?»

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованны, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках *на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства*.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же

принцип, — я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. *Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно.*

Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, — оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать.

Вот возникают два вопроса. Может ли правительство, в сила ли оно оградить жизнь и собственность русского гражданина обычными способами, применением обыкновенных законов? Но может быть и другой вопрос. Надо себя спросить, не является ли такой исключительный закон преградой для естественного течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло?

На первый вопрос, господа, ответ не труден, он ясен из бывших тут

прений. К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел еще на убыль и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям. Второй вопрос сложнее: что будет, если противоправительственному течению дать естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление группы социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют программы этих партий. На заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный — избирательную программу российской социальной рабочей партии (имеется в виду РСДРП. — *Авт.*). Я читаю в ней: "Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю". В окончательном тезисе я прочитываю: "Чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было созвано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им, — в стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой". Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе (имеется в виду I конференция РСДРП. — *Авт.*) перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: "Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении рамками Думы для многих основных законов, не санкционированных народной волей". Затем резолюция окончательная: "Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее, административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем, съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание".

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не

менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?

Вдумавшись в этот вопрос, всесторонне его взвешивая, *правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить, что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие.* Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство, его приукрашение».

Необходимо отметить, что кадеты (не говоря уже о левых партиях), осуждая правительство за казни террористов, категорически отказывались хотя бы формально выступить с осуждением революционного террора, ежедневно собиравшего обильную кровавую жатву. Хотя кадеты и не так часто называли, подобно депутатам-трудовикам I Думы, террористов «возвышенными людьми... честнейшими и самоотверженнейшими», но постоянно морально и политически оправдывали антиправительственный террор. Например, «противник насилия власти» Милюков, не стесняясь, де-факто восхвалял убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и превозносил его убийцу.

В отличие от левых и кадетов, для которых цель неизменно служила оправданием применяемых средств, даже в условиях беспощадной борьбы с революционным террором Столыпин не принимал беззакония. Когда до него дошли сведения о случаях насилия над заключенными революционерами и применении к ним избиений для получения необходимых полиции сведений, он отреагировал немедленно: губернаторам и градоначальникам была послана следующая циркулярная телеграмма, возлагавшая на них личный контроль за прекращением нарушения закона: «В Министерство Внутренних Дел поступили сведения о нескольких случаях допущения чинами тюремной администрации и полиции насилия над заключенными, причем эта противозаконная мера применялась иногда при допросах с целью вынудить откровенные показания от арестованных.

Подобные факты с несомненностью свидетельствуют об отсутствии должного надзора за действиями означенных административных чинов со стороны Начальников губерний, последствием чего и являются

приведенные злоупотребления властью.

Признавая вполне соответственным применение самых решительных мер, включительно до действия оружием, для подавления беспорядков и при сопротивлении власти, я однако совершенно не допускаю возможности насилия над лицами задержанными, ввиду него предлагаю Вашему... внушить эти мои указания всем подведомственным Вам должностным лицам, в непосредственное ведение коих поступают арестованные, и принять все меры к искоренению всяких насилий в отношении арестантов, с тем, чтобы указанный мною принцип был строго проведен в жизнь не посредством формальной передачи настоящего моего распоряжения по инстанциям, а путем личного с Вашей стороны руководства действиями исполнительных чинов».

Введенные Столыпиным военно-полевые суды вынесли всего 1102 смертных приговора (а реально казнено было почти вдвое меньше — 683 человека). Цифра казненных выглядит более чем скромно по сравнению с приводившимися выше цифрами жертв террористической вакханалии со стороны защитников государства и просто мирных жителей. И когда с помощью чрезвычайных мер Столыпин сбил волну террора, то он не сделал попытки продлить действие закона о военно-полевых судах, который прекратил свое действие 20 апреля 1907 года. Категория дел, которые ранее рассматривались военно-полевыми судами, передавалась в военно-окружные суды, в которых не было упрощенного судопроизводства. Впрочем, военно-окружные суды тоже внесли свой вклад в окончательное уничтожение терроризма — с 1907 по 1909 год они вынесли 4232 смертных приговора террористам, из которых были приведены в исполнение 1824.

После апреля 1907 года военно-полевые суды имели право лишь на рассмотрение дел военнослужащих и число осужденных (в основном это были организаторы военных бунтов и убийцы командного состава) свелось к минимуму — например, в год смерти Столыпина они осудили всего 58 человек.

Столыпину, как человеку глубоко верующему, было тяжело идти на пролитие крови, но он понимал, что другого выхода, чтобы спасти Россию от террора, не было. И он глубоко верил, что необходимость жестких мер против террора будет понята и принята большинством населения. По словам премьера: «Россия сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить труднобольного». В связи с этим представляется очень точным мнение Шульгина, также считавшего, что насилие, несмотря на его

объективную государственную необходимость, внушало Столыпину отвращение: «П. А. Столыпин был несомненно добрый человек, которому внушала отвращение всякая жестокость, способный до глубины сердца пожалеть всякого, даже врага, как только враг становился безвредным и жалким. В этом отношении глубоко характерно отношение его к человеку, который нанес ему смертельную рану: "Он мне показался таким бедным и жалким, этот еврейчик, подбежавший ко мне... Несчастный, быть может, он думал, что совершает подвиг..." Это великодушие и жалость к своему убийце ясно показывают, какой мягкой, почти женственной была душа Столыпина и как бесконечно тяжело давались ему суровые меры, которыми ему пришлось остановить революционное движение. Но он понимал, что несвоевременная жалость есть величайшая жестокость, ибо та жалость понимается как трусость, окрыляет надежды, заставляет бунт с еще большей свирепостью бросаться на власть, и тогда приходится нагромождать горы трупов там, где можно было бы обойтись единицами. Он сурово наказывал, чтобы скорее можно было бы пожалеть... Он был русский человек... Сильный и добрый...»

Внутренне отторгая пролитие крови, Столыпин тем не менее считал, что наиболее опасным в России является проявление слабости, о чем говорил неоднократно. Например, вот характерные для него слова: «Допущенная в одних случаях снисходительность в других может порождать мысль о неуместности строгой кары, которая превращается как бы в излишнюю жестокость». Сам он, несмотря на все душевные терзания, слабости, никогда не проявлял и при любых обстоятельствах брал на себя ответственность за самые жесткие решения по противодействию террору и подавлению беспорядков. Для Столыпина ответственность вообще была само собой разумеющимся качеством государственного деятеля. По словам Петра Аркадьевича: «Нет большего греха для государственного человека, чем малодушие. Ответственность — величайшее счастье моей жизни!» А уже после подавления первого, наиболее опасного революционного вала сам Столыпин исчерпывающе объяснил Государственной думе мотивы своей вынужденной жестокости: «Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в

Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но... принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одной целью — сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II».

Дополнительную твердость Столыпину прибавляла не только вера, но и то, что он чувствовал свою ответственность перед будущими поколениями. По словам Петра Аркадьевича: «Мы будущими поколениями будем привлечены к ответу. Мы ответим за то, что пали духом, впали в бездействие, в какую-то старческую беспомощность, утратили веру в русский народ!»

И, преодолевая отвращение к пролитию крови, столь естественное для каждого христианина, председатель Совета министров умел быть беспощадным. Он понимал, что в смертельной борьбе за сохранение государства нельзя руководствоваться заповедями всепрощения. Об этом, например, свидетельствует история с покушением на выдающегося флотоводца и государственного деятеля генерал-адъютанта адмирала Федора Васильевича Дубасова (прославившегося на всю Россию своими воинскими подвигами еще в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов). Его люто ненавидели революционеры за решительное подавление кровавых беспорядков в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях и в особенности Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Будучи московским генерал-губернатором, он не растерялся перед принявшим массовый характер революционным насилием — объявил губернию на положении чрезвычайной охраны и настоял на присылке дополнительных воинских подкреплений. Он также сформировал отряды добровольцев (которых можно обоснованно считать первой Белой гвардией), оказавшие большую помощь войскам и полиции. При этом генерал-губернатор делал всё возможное, чтобы при наведении порядка было пролито как можно меньше крови. Дубасов запретил артиллерийский обстрел домов и обещал прощение вовлеченным революционерами в восстание рабочим в случае добровольной ими сдачи оружия. Излишне говорить, насколько это отличалось от действий «героев революции», убивавших из-за угла солдат

и городских и расстреливавших попавших в их руки белых добровольцев. Сам Дубасов неоднократно рисковал жизнью при подавлении восстания и считал абсолютно естественным, что генерал-губернатор должен являться для подчиненных примером. «Всякий человек должен исполнять свой долг», — писал он без всяких эмоций, с простотой спартанца.

Неслучайно после подавления восстания Дубасов стал любимцем москвичей, в полной мере отдававших себе отчет в том, что его решительные действия сохранили тысячи жизней.

Эсеры после поражения мятежа в Москве приговорили адмирала к смерти, и за ним началась настоящая охота. Два покушения на Дубасова Департамент полиции смог предотвратить благодаря полученным агентурным сведениям, но 23 апреля 1906 года эсеровским боевиком Борисом Вноровским в коляску адмирала была брошена бомба. Тогда погиб самоотверженно заслонивший генерал-губернатора своим телом его адъютант граф Сергей Николаевич Коновницын, а сам Дубасов был ранен (от охраны он неоднократно с презрением отказывался, считая, что стыдно бояться бандитов-террористов). После полученного ранения Дубасов не смог больше исполнять служебные обязанности и ушел с поста московского генерал-губернатора, но это не остановило террористов.

2 декабря 1906 года на Дубасова было произведено покушение боевиками из «Летучего боевого отряда» ПСР. Во время прогулки в Таврическом саду эсеры Воробьев и Березин произвели в него 13 выстрелов, а двое других бросили бомбу с начинкой из мелко порезанных гвоздей. При этом эсеровским «борцам за народное счастье» было совершенно безразлично то, что в саду было множество женщин с маленькими детьми.

Террористы были схвачены на месте преступления и приговорены к смертной казни, но получивший ранение Дубасов обратился к императору с просьбой о их помиловании. Он оставался прежде всего воином и не мог принять казнь уже безоружных врагов, пусть только что и хотевших отнять у него жизнь. Столыпин, как председатель Совета министров, в свою очередь, не мог позволить себе такого внешне красивого, но государственно вредного благородства и написал Николаю II, почему не может быть удовлетворено ходатайство его генерал-адъютанта: «Если долг генерал-адъютанта Дубасова побудил его просить милости для покушавшихся на его жизнь, то мой долг ответить на вопрос Ваш: "что Вы думаете?" всеподданнейшею просьбой возвратить мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве

мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня Вами же, Государь. Долг этот, ответственность перед Вашим Величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови, благость Вашего Величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговоры, — сердце цареве — в руках Божьих, — но да не будет это плодом случайного порыва потерпевшего!»

Но все-таки, учитывая особую чувствительность для себя этой темы, Столыпин крайне болезненно реагировал на любые попытки представить его в качестве бездушного палача. На всю Россию прогремел скандал, связанный с оскорблением главы правительства депутатом III Думы Федором Измаиловичем Родичевым 17 ноября 1907 года. События в этот день в Таврическом дворце развивались следующим образом. Еще в марте, на заседании II Думы крайне правый депутат Виктор Митрофанович Пуришкевич (получивший заслуженную репутацию главного думского скандалиста) выступил с речью в поддержку военно-полевых судов, в которой была такая фраза: «А где убийцы, все ли они вздернуты и получили муравьевский галстук (генерал от инфантерии граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский был либеральными кругами назван «вешателем» за жестокое усмирение Польского восстания 1863 года. — Авт.)?» А то, что произошло на заседании в ноябре, описывает репортаж думского корреспондента самой тиражной тогда в России газеты «Новое время»: «После небольшого перерыва на трибуну поднялся г. Родичев. Он... перешел на гражданские мотивы о патриотизме, национализме и заканчивал защитой польских интересов.

Слова оратора: "Мы, любящие свое отечество... мы, защищающие порядок..." — вызвали смех на скамьях крайней правой, и оттуда часто слышались напоминания о Выборгском воззвании.

Выкрики с мест, не прекращавшиеся несмотря на неоднократные замечания председателя, видимо еще сильнее взвинчивали г. Родичева; он становился всё более и более резким, теряя самообладание, злоупотреблял жестикуляцией — и, не находя подходящих выражений, выбрасывал неудачные афоризмы.

Когда г. Родичев, вспоминая выражения Пуришкевича о "муравьевском воротнике", сказал, что потомки его назовут "столыпинским галстуком" (согласно стенограмме заседания дословно было сказано: «В то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только

одно средство видели, один палладиум в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком». — *Авт.*), зал в одно мгновение преобразился. Казалось, что по скамьям прошел электрический ток.

Депутаты бежали со своих мест, кричали, стучали пюпитрами; возгласы и выражения негодования сливались в невероятный шум, за которым почти не слышно было ни отдельных голосов, ни звонка председателя.

Полукруг перед трибуной мгновенно наполнился депутатами, а сидевшие позади оказались в первых рядах.

— Долой, вон, долой!

— Нечестно, подло!.. Вы оскорбили представителя Государя...

— Мерзко, недостойно члена Думы, недостойно высокого собрания...

Крики неслись со всех сторон.

Октябристы, — умеренные, правые — все столпились около трибуны, к которой тянулись десятки рук, и казалось, что зарвавшегося, забывшегося г. Родичева моментально силою стащат с трибуны.

Несколько человек уже стояло за пюпитрами секретарей, а г. Пуришкевич порывался бросить в г. Родичева стаканом.

Н. А. Хомяков (Николай Алексеевич Хомяков — один из лидеров октябристов, председатель III Думы. — *Авт.*) начал было звонить, но, когда увидел, до какой степени разгорелись страсти, покинул трибуну и прервал заседание. За председателем удалились и остальные члены президиума.

Взволнованный, бледный П. А. Столыпин при первых криках встал со своего места и, окруженный министрами, вышел из зала почти одновременно с Н. А. Хомяковым.

За председателем Совета министров тотчас же поспешило несколько депутатов.

Родичев всё еще стоял на трибуне, краснел, бледнел, пробовал что-то говорить и затем будто замер, видя, что его выходкой возмущена почти вся Дума, за исключением, может быть, небольшой кучки лиц.

Во время перерыва стало известно, что председатель Совета министров, взволнованный неожиданным оскорблением, потребовал у г. Родичева удовлетворения (то есть вызвал его на дуэль. — *Авт.*).

В комнату председателя Думы Н. А. Хомякова явились двое министров, г. Харитонов (государственный контролер. — *Авт.*) и г. Кауфман (министр народного просвещения. — *Авт.*), и просили передать об этом г. Родичеву, который не заставил себя ждать.

Извинение происходило в присутствии министров, Н. А. Хомякова и

саратовского депутата Н. Н. Львова.

Г. Родичев признавался, что он совершенно не имел в виду оскорбить главу кабинета, что он искренне раскаивается в своих выражениях, которые не так были поняты, и просит его извинить.

— Я вас прощаю, — сказал П. А. Столыпин, и объяснение был окончено.

П. А. Столыпин, как передают, был при этом крайне взволнован, а г. Родичев казался совершенно подавленным. Известие о том, что председатель Совета министров принял извинение, быстро облетело залы и внесло первое успокоение».

Остается добавить только то, что Столыпин, по свидетельствам очевидцев, с презрением смотрел на извиняющегося Родичева и больше никогда не подавал ему руки.

И, несмотря на то, что кадеты в критике Столыпина не останавливались ни перед чем, не кто иной, как председатель Совета министров, предпринял все необходимые меры, когда в октябре 1906 года получил от Милюкова письмо об угрозах ему со стороны крайне правых. Он немедленно прислал главе ПНС лаконичный, но предельно конкретный ответ:

«Милостивый Государь Павел Николаевич.

Только что получил Ваше письмо и тотчас же отдал распоряжение по Департаменту полиции о немедленном принятии мер к охранению Вас и профессора] Гессена (имеется в виду ранее упомянутый один из ведущих деятелей кадетской партии и соредактор ее официоза, газеты «Речь». — *Авт.*) от нападения.

Такое же категорическое распоряжение будет сделано и по градоначальству».

«Возведение лесов»

Подавление революционного террора было важно для Столыпина еще и потому, что только в стране, где каждодневно не лились потоки крови, можно было проводить системные реформы. Это свое убеждение он пытался донести и до сознания большинства депутатов Государственной думы: «В настоящее время так легко искажают цели и задачи нашей внутренней политики... но я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый труд и сила на борьбу с разъедающей язвой революции — конечно, не цель, а средство, средство дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что и в законодательное учреждение были попытки бросать бомбы! А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой. Ведь изнеможенное, изболевшееся народное тело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собой отпадут и исключительные положения, и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты Престола, и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России. И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда».

Неслучайно программа мер борьбы с революционным насилием была обнародована Столыпиным 24 августа 1906 года одновременно с

программой радикальных реформ в самых различных сферах, о которых говорилось не менее конкретно и особенно подчеркивалось, что правительство для их проведения не будет ожидать, пока полностью будет подавлен террор: *«Правительство не может, как это требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо. Не соответствовало бы обстоятельствам и интересам России и другое, предлагаемое противниками первого мнения, решение: обратиться исключительно к проведению в жизнь освободительных реформ, рассчитывая на то, что крамола в этом случае сама собой прекратится, потеряв всякий свой смысл. Мнение это не может быть принято уже потому, что революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своею обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя. Таким образом, путь правительства ясен: оградить порядок и решительными мерами охранить население от революционных проявлений и, вместе с тем, напряжением всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе.*

Обращаясь к способам достижения последней цели, правительство сознает, что перед ним стоят вопросы разного порядка. Одни подлежат разрешению Государственной думы и Государственного совета, и по этим вопросам высшая администрация обязана подготовить вполне разработанные законопроекты, которые служили бы основанием для суждения в законодательных учреждениях. На это должен быть использован весь промежуток времени до созыва Государственной думы. Другие, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены в жизнь немедленно. Это такие вопросы, которые вытекают из начал, возвещенных в Высочайших Манифестах, частичное разрешение которых не может связать свободы действия будущих законодательных учреждений и направление которых уже предрешено. На первом месте в ряду этих задач стоит вопрос земельный и землеустроительный. Практический почин в этом вопросе дан Высочайшим повелением о передаче Крестьянскому поземельному банку удельных оброчных статей. Последующими распоряжениями правительство даст возможность местным землеустроительным комиссиям ныне же фактически начать устройство быта малоземельных крестьян как использованием во всех местностях, где

существует земельная нужда, наличного земельного запаса, так и облегчением в этом отношении частной самостоятельности крестьян. Реальная работа на местах даст богатый материал будущей Государственной думе в этом в высшей степени сложном вопросе.

Ныне также будут проведены некоторые неотложные мероприятия в смысле гражданского равноправия и свободы вероисповедания. Предложено отменить отжившие ограничения, стесняющие крестьян и старообрядцев, с определением прав последних точными законодательными постановлениями. Равным образом и в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести, почему предрешение их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений. Расширение сети народных школ, в связи с планом введения всеобщего обучения и улучшения материального обеспечения народных учителей, уже намечено правительством к ближайшему осуществлению путем внесения на этот предмет в смету будущего года 5 1/2 миллионов рублей.

Насколько широка область подготовляемых законопроектов для представления в будущую Государственную думу, видно из того, что независимо от работ по замене существующих временных правил о собраниях, союзах и печати постоянными законоположениями, правительство разрабатывает в настоящее время целый ряд вопросов первостепенного государственного значения; важнейшие из них следующие:

- 1) о свободе вероисповедания;
- 2) о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии, в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения;
- 3) об улучшении крестьянского землевладения;
- 4) об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании;
- 5) о реформе местного управления, которое предполагается организовать таким образом, чтобы губернские и уездные административные учреждения были поставлены в непосредственную связь с преобразованными органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу;
- 6) о введении земского самоуправления в Прибалтийском, а также Северо-и Юго-Западном крае;

7) о введении земского и городского самоуправления в губерниях Царства Польского;

8) о преобразовании местных судов;

9) о реформе средней и высшей школы;

10) о подоходном налоге;

11) о полицейской реформе, направленной, между прочим, к слиянию общей и жандармской полиции;

12) о мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия, с объединением нынешних различных видов исключительной охраны в одном законе.

Наконец, рядом с этим, деятельно продолжаются подготовительные работы по предстоящему, согласно Высшему повелению, созыву Всероссийского Поместного церковного собора.

Поставив себе целью безусловное поддержание и упрочение порядка и одновременное приготовление и проведение необходимых преобразований и твердо надеясь на успешность работы будущих сессий законодательных учреждений, правительство вправе рассчитывать на сочувствие благоразумной части общества, жаждущей успокоения, а не разрушения и распада государства. Со своей стороны, *правительство считает для себя обязательным не стеснять свободно высказываемого общественного мнения, будь то печатным словом или путем общественных собраний*. Но если этими способами разумного проявления общественного сознания воспользуются для проведения идей революционных, то правительство, не колеблясь, должно будет и впредь предъявлять своим агентам безусловные требования всеми законными мерами ограждать население от обращения орудия просвещения и прогресса в способ пропаганды разрушения и насилия».

Как видим, сугубо экономические реформы (и в первую очередь наиважнейшая для государственного развития — аграрная) органично сочетались в правительственной программе с реформами по демократизации государственного управления. Это еще раз свидетельствовало о том, что Столыпин ни в коей мере не собирался идти по пути бездумной реставрации и отменять огромные изменения в жизни страны, прошедшие после Манифеста 17 октября 1905 года.

Очевидно, что особое значение премьер уделял реформам, которые призваны были защитить гарантированные Манифестом права и свободы российских граждан. Неслучайно первое место в столыпинском списке занимают вопросы обеспечения свободы вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданского равноправия. Особо

отметим правительственное обещание о созыве Всероссийского Поместного церковного собора. Петр Аркадьевич давно считал, что мертвящее синодальное управление разрушительным образом действует на Церковь, которая (что для Столыпина было очевидно) единственная могла обеспечить сохранение в народе морали и нравственности. Премьер специально писал по этому поводу императору, особенно подчеркивая недопустимость внесения в церковную жизнь политики (как это потом и произошло при Временном правительстве): «Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому делу человека сильной воли и сильного духа (перед реформой церковного управления Столыпин считал необходимым назначить понимающего проблемы Церкви обер-прокурора Святейшего Синода, который смог бы подготовить проведение исторического Поместного собора по возрождению патриаршества. — Авт.). Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для Церкви и России.

Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало с политикою или партийностью! Поэтому весьма важен выбор минуты для таких перемен».

Подчеркнем, что у премьера было абсолютно четкое видение, как сохранить веротерпимость с поддержкой и укреплением православной церкви в стране, являющейся основой всей православно-славянской цивилизации. Этой теме было специально посвящено его выступление в Государственной думе 22 мая 1909 года (получившее полное одобрение подавляющего большинства депутатов), ключевые моменты которого целесообразно привести: «Напомню вам, прежде всего, что начало религиозной свободы в России положено тремя актами Монаршего волеизъявления: Указом 12 декабря 1904 года, Указом 17 апреля 1905 года и Указом 17 октября 1905 года. Утруждать вас повторением содержания этих актов, хорошо всем известных, я не буду; упомянул же я о них потому, что значение, чрезвычайное значение их содержания породило необходимость, после их издания, в некоторых действиях со стороны правительства — в сторону изменения многих из существующих уголовных и гражданских норм. Не говоря о целом ряде административных стеснений, противоречащих принципу вероисповедной свободы, которые тогда же были отменены, в том же административном порядке, в котором они были изданы, осталась еще обширная область действующего законодательства, требующая изменений и дополнений в законодательном порядке, сообразно возведенным Монархом новым началам.

Дарование свободы вероисповедания, молитвы по велениям совести каждого вызвало, конечно, необходимость отменить требование закона о согласии гражданской власти на переход из одного вероисповедания в другое, требование разрешения совершать богослужения, богомоления, сооружать необходимые для этого молитвенные здания. Вместе с тем явилась необходимость определения условий образования и действий религиозных сообществ, определения отношения государства к разным исповеданиям и к свободе совести, причем все эти преобразования не могли получить осуществления вне вопроса о тех преимуществах, которые сохранены основными законами за Православной Церковью.

На правительство, на законодательные учреждения легла, таким образом, обязанность пересмотреть нормы, регулирующие в настоящее время вступление в вероисповедание и выход из него, регулирующие вероисповедную проповедь, регулирующие способ осуществления вероисповедания, наконец, устанавливающие те или другие политические или гражданские ограничения, вытекающие из вероисповедного состояния. Но, *вступая в область верования, в область совести, правительство, скажу даже государство, должно действовать крайне бережно, крайне осторожно* (это было, пожалуй, основой политики Столыпина в религиозной сфере. — *Авт.*)... не всегда в этой области чисто гражданские отношения строго отграничены от церковных, и часто они тесно между собою переплетаются. Отсюда возникает вопрос: какое же участие в установлении нового вероисповедного порядка в стране должна принимать церковь господствующая, Православная Церковь?

Я оставляю в стороне инославные, иноверные исповедные вопросы, скажем, вопрос о переходе католика в лютеранство и обратно или о смешанных браках между протестантами, магометанами и евреями, которые допущены и существующими законами. Православная Церковь в этих вопросах не заинтересована, и я думаю, что мало кто в настоящее время будет держаться той точки зрения, в силу которой Святейший правительствующий синод в 30-х годах XVIII века ведал делами католического, лютеранского и даже еврейского духовенства. Но Православная Церковь сильно затронута в тех вопросах, которые касаются отношения государства к православной вере, к Православной Церкви и даже к другим вероучениям, поскольку они соприкасаются с православием, например, в вопросе о смешанных браках. И вот, поскольку можно судить по современной прессе, по доходящим до правительства и до общества партийным политическим откликам, и в настоящее время существует, между прочим, мнение, что все вопросы, связанные с Церковью, подлежат

самостоятельному единоличному вершительству Церкви.

Оговариваюсь, что это не есть мнение, высказанное Святейшим правительствующим синодом, но это мнение, должен сказать, имеет за собою некоторый как бы исторический прецедент. Вспомним, господа, времена патриаршества, вспомним положение патриарха в московский период русского государства, подведомственный ему приказ, суды, темницы. Конечно, внешние признаки патриаршей власти имеют мало отношения к затронутому мною вопросу, они принадлежат скорее к области исторического воспоминания, но, повторяю, всё же существует мнение о том, что Церковь должна сама определять свои права, свое положение в государстве. Поэтому мнение это обходить молчанием не приходится.

На чем основано это мнение или, скорее, откуда оно выводится, я скажу дальше. Но ранее этого позвольте мне обратиться к вопросу о том, какое же было отношение государства к церковному законодательству в течение двух последних столетий? Какой в этом отношении сложился порядок со времени учреждения Святейшего синода? После уничтожения патриаршества, после уничтожения поместных соборов к Святейшему правительствующему синоду всецело перешла вся руководственно соборная власть. С этого времени в вопросах догмата, в вопросах канонических Святейший правительствующий синод действует совершенно автономно. Не стесняется Синод государственной властью и в вопросах церковного законодательства, восходящего непосредственно на одобрение Монарха и касающегося внутреннего управления, внутреннего устройства Церкви. К этой области относятся, например, синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академий, до семинарий, учебных духовных комитетов, касающееся церковных старост и много других еще вопросов.

Но независимо от этого, вполне самостоятельного церковного законодательства Святейший синод со времени его учреждения принимает живое участие также и в общей законодательной жизни страны, связывающей Церковь с другими сторонами государственного строя, государственного управления. В этом отношении в большинстве случаев создавался такой обиход: если какой-либо законопроект возникал в Святейшем синоде, то последний через обер-прокурора Святейшего синода запрашивал заключение заинтересованных ведомств. Если же законодательная инициатива возникала в том или другом министерстве, то министерство запрашивало со своей стороны заключение обер-прокурора Святейшего синода, но после этого всегда, во всех случаях, после разработки законопроекта, он поступал на государственное утверждение в

общем законодательном порядке.

Я не буду приводить в доказательство этого положения много примеров из истории церковно-гражданского законодательства минувшего века, так как она *изобилует скорее случаями излишнего и, скажу даже, неправильного вмешательства государственной власти в церковное законодательство* (Столыпин был категорическим и принципиальным противником подобного подхода. — Авт.); вспомним, например, случай о перенесении на ревизию в Государственный совет дела о браках в 6-й степени родства, причем мнение Государственного совета получило силу закона. Но я считаю необходимым указать на то, что все законодательные постановления в области взаимодействия господствующей церкви и признанных инославных и иноверных исповеданий всегда проходили в общем законодательном порядке и что провозглашение свободы вероисповедания последовало в порядке Высочайшего указа Правительствующему сенату, основанного на Высочайше одобренных суждениях Комитета министров.

Обращение к прошлому показывает, таким образом, что естественное развитие взаимоотношений Церкви и государства повело к полной самостоятельности Церкви в вопросах догмата, в вопросах канонических, к нестеснению Церкви государством в области церковного законодательства, ведающего церковное устройство и церковное управление, и к оставлению за собой государством полной свободы в деле определения отношений Церкви к государству.

Наука государственного права вполне подтверждает правильность такого порядка вещей.

...законный путь я уже указывал и повторяю: заключается он в том, что государство, не вмешиваясь ни в канонические, ни в догматические вопросы, не стесняя самостоятельности Церкви в церковном законодательстве, оставляет за собою и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан. Но и в последнем вопросе правительство должно прилагать все усилия для того, чтобы согласовать интересы вероисповедной свободы и общегосударственные интересы с интересами господствующей первенствующей церкви, и с этой целью должно входить с нею по этим вопросам в предварительные сношения...

Как вам известно, Святейший синод высказал пожелание, чтобы законопроект был дополнен правилами о том, что уклоняющийся от православия обязан подвергаться увещанию в течение 40 дней, с тем,

чтобы переход в иное вероисповедание мог состояться лишь после представления удостоверения о безуспешности увещания. Правительство в свой законопроект такого правила не включало (что вызвало множество обвинений в адрес Столыпина со стороны его противников справа. — *Авт.*), так как на него нет указаний в Указе 17 апреля...

Но возникает вопрос, не должно ли государство в порядке содействия господствующей церкви установить какие-нибудь карательные нормы или гражданские ограничения для тех лиц, относительно которых увещание оказалось безуспешным. Но едва ли, господа, *дело исключительно пастырского, исключительно нравственного воздействия возможно связывать с какими-либо карательными мерами, едва ли эти карательные меры соответствовали бы и духу начал вероисповедной свободы.*

Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, получивши от прихожанина заявление о желании перейти из православия в другое вероисповедание, обязана немедленно сообщить об этом приходскому священнику; для меня очевидно, что в силу существующих уже законов гражданская власть должна ограждать от всякого насилия, от всяких оскорблений священнослужителя, исполняющего свой долг увещания, но для меня совершенно так же очевидно и бесспорно, что *какие бы то ни было принудительные меры по отношению к уклоняющемуся противоречили бы духу начал свободы верования.*

Поэтому правильно решила комиссия, когда постановила не присваивать общим законодательным учреждениям права регулировать чисто церковные вопросы, когда в процессе отпадения от православия она вставила промежуточный срок, который может быть, а по мне и должен быть, заполнен в порядке законодательства церковного...

Если совершенно бесспорно, что раз провозглашена свобода верования, то отпадает надобность всякого разрешения гражданской власти на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, что в нашем законодательстве не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество (уже 14 декабря 1906 года уничтожена статья 185, карающая за отпадение от христианства в нехристианство), то величайшему сомнению должно быть подвергнуто предложение комиссии о необходимости провозглашения в самом законе свободы перехода из христианства в нехристианство.

Я должен сказать, что включение в законопроект правила о возможности такого перехода для лиц, ближайшие предки которых исповедовали нехристианскую веру, совершенно не соответствует тому принципу, который только что был тут приведен докладчиком. Вникнем в

соображение комиссии.

Комиссия, как я понял из слов докладчика, находит, во-первых, что раз переход из христианства в нехристианство не наказуем, то неузаконение такого перехода было бы актом недостойного государства лицемерия. Во-вторых, комиссия находит, что было бы стеснительно для свободы совести лиц, отпавших в нехристианство, исполнять некоторые христианские таинства и обряды, необходимые в нашем гражданском обиходе, например, брак, крещение, погребение. В-третьих, по мнению комиссии, самое исполнение этих таинств и обрядов было бы не чем иным, как узаконенным кощунством. Наконец, по мнению комиссии, сама Церковь должна отлучать от себя лиц, отрекшихся от Христа...

И мне кажется, что оспаривать эти принципы невозможно — они теоретически совершенно правильны. Но, господа, прямолинейная теоретичность ведет иногда к самым неожиданным последствиям, и сама думская комиссия не довела до конца этого принципа (голоса слева: это верно), не пошла до конца по избранному ею пути и впала, как мне кажется, сама с собой в некоторые противоречия. Ведь в действительности, господа, гораздо больше лиц, которые себя признают совершенно неверующими, чем таких, которые решатся перейти в магометанство, буддизм или еврейство. И все соображения комиссии относительно лиц, перешедших в нехристианство, могут быть отнесены полностью к лицам, заявляющим себя неверующими. Ведь и эти лица точно так же кощунствуют, совершая таинство, ведь они точно так же должны были бы быть отлучены от Церкви.

Между тем, комиссия совершенно правильно признает, что у нас невозможно признание принципа невероисповедности, *Konfessionslosigkeit*. С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, не знающих открытого признания перехода из христианства в нехристианство, с другой — комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип вне вероисповедного состояния. Однако торжество теории одинаково опасно и в том, и в другом случае: везде, господа, во всех государствах принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь.

Это подтверждается изучением всех иностранных законодательств. Возьмем на выдержку прусское законодательство: и оно ставит некоторые преграды свободе совести и свободе вероисповедания; оно требует, во-первых, предварительного заявления о переходе в другое вероисповедание, оно требует, затем, и уплаты со стороны отпадающего в продолжение двух

лет повинностей в пользу той общины, от которой он отпадает. В школьном законодательстве прусское государство требует церковного обучения всех детей, даже не принадлежащих ни к какому исповеданию. Австрия не признаёт браков между христианами и нехристианами. Наконец, в стране свободы совести, в Швейцарии, эта свобода совести подвергнута также некоторым стеснениям. Не говорю уже о том, что в Швейцарии не дозволяется сооружать монастырей, не допущена проповедь иезуитов...

Но поражает в Швейцарии то, что тогда, когда в некоторых кантонах совершенно изгнан из школ Закон Божий, в других кантонах школьное обучение строго конфессионально. В Люцерне, например, всё школьное обучение отдано в руки католического духовенства, а так как там существует обязательность обучения, то, как кажется, образование юношества в Люцерне не находится в строгом соответствии с принципом свободы совести.

Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, — у нас наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории?.. *Народ наш усерден к Церкви и веротерпим, но веротерпимость не есть еще равнодушие.*

Не думайте, господа, что этот вопрос, вопрос простой, доступный совести каждого, я хотел бы затемнить непристойными, скажу прямо, в этом деле совести приемами какого-то дутого пафоса. Я не хотел бы взывать даже к вашему чувству, хотя бы чувству религиозному. Но я полагаю, что в этом деле, в деле совести, мы все, господа, должны подняться в область духа. В это дело нельзя примешивать и политических соображений. Мне только что тут говорили, что вероисповедные законы поставлены на очередь в Государственной думе по соображениям свойства политического. На этом, мол, вопросе скажется, полевело или поправело правительство. Но неужели забывают, господа, что наше правительство не может уклоняться то влево, то вправо, что наше правительство может идти только одним путем, путем прямым, указанным Государем и еще недавно названным им, недавно всенародно им признанным незыблемым?

Вот и теперь мы стоим перед великим вопросом проведения в жизнь высоких начал Указа 17 апреля и Манифеста 17 октября. Определяя способы выполнения этой задачи, вы, господа, не можете стать на путь соображений партийных и политических. Вы будете руководствоваться, я в этом уверен, как теперь, так не раз и в будущем, при проведении других реформ, соображениями иного порядка, соображениями о том, как

преобразовать, как улучшить наш быт сообразно новым началам, не нанося ущерба жизненной основе нашего государства, душе народной, объединившей и объединяющей миллионы русских (фактически выражение политического *credo* Столыпина. — Авт.).

Вы все, господа, и верующие, и неверующие, бывали в нашей захолустной деревне, бывали в деревенской церкви. Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздающиеся в церкви слова для этого молящегося люда — слова божественные. И народ, ищущий утешений в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает... *наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства*».

Показательно, что даже аграрная реформа виделась Столыпиным не изолированно, как сугубо экономическая мера, но и как инструмент создания подлинного свободного гражданина, для которого естественным стало бы уважение к чужой собственности. И об этом глава правительства, которого политические оппоненты не уставали обвинять в «реакционности», говорил прямо: *«Правительство желает видеть крестьянина богатым, достаточным, а где достаток — там и просвещение, там и настоящая свобода. Для этого надо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, соли земли русской, освободиться от нынешних тисков, избавить его от кабалы отживающего общинного строя, дать ему власть над землей... Землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Отсутствие у крестьян своей земли и подрывает их уважение ко всякой чужой собственности*».

Подчеркнем — обнародованная кабинетом Столыпина масштабная программа не была только декларацией. Она немедленно начала претворяться в жизнь по большинству упомянутых главой правительства направлений. Особенное внимание было уделено реализации земельной реформы, которую премьер видел центральной в программе своих преобразований, и Совет министров немедленно подал на утверждение императору свои предложения о первоочередных мерах. Столыпин обоснованно считал, что сначала следует использовать резерв казенных земель, продажа которых крепким хозяевам станет первым этапом аграрной реформы. Предложения председателя Совета министров были одобрены высочайшим указом 27 августа 1906 года.

Приведем текст этого важнейшего документа, ставшего началом великой Столыпинской реформы. Реформы, направленной на освобождение крестьян от общинных кандалов и предоставлявшей все возможности для создания самостоятельных крепких хозяйств (важным элементом чего была и переселенческая политика): «Признав необходимым предназначить свободные казенные земли в пределах Европейской России для обеспечения нуждающихся в земле крестьян и одобрив представленный Нам по сему предмету Особый журнал Совета министров, повелеваем:

I. В изменение и дополнение подлежащих узаконений, на основании статьи 87 свода Основных государственных законов, издания 1906 года, постановить нижеследующие правила:

1. Для обеспечения нуждающихся крестьян землею, к продаже им предназначаются принадлежащие казне в пределах Европейской России:

а) земельные оброчные статьи, по мере прекращения арендных на них договоров, и

б) те из лесных угодий, которые главноуправляющий землеустройством и земледелием признает возможным назначить к отчуждению без ущерба для нужд местного населения и интересов лесоохранения и правильного лесного хозяйства.

2. Из состава угодий, подлежащих продаже крестьянам, исключаются:

а) участки, отведенные или необходимые для отвода церквям, школам, сельскохозяйственным училищам, опытным и показательным учреждениям, под фабрики, промышленные заведения, лесоразведение, разработку ископаемых, а равно участки, предназначенные для иных государственных или общественных надобностей;

б) те части казенных земель, которые заняты ценными строениями, садами или представляют собою угодья, не отвечающие обычным условиям крестьянского хозяйства, и

в) те земли, которые землеустроительные учреждения признают необходимым, в интересах местного населения, временно сохранить в его пользовании в виде арендных статей.

3. Земли продаются по цене, определяемой по капитализации средней доходности в данной местности соответственных угодий, применительно к правилам, установленным для оценки земель Крестьянским поземельным банком. Сроки уплаты и размеры годовых платежей... порядок их взыскания, а также, в случае надобности, льготы в их взносе устанавливаются на тех же основаниях, как и для лиц, приобретающих землю при помощи Крестьянского банка.

4. На землеустроительные комиссии возлагается определение в

каждом отдельном случае, в зависимости от местных условий и хозяйственного положения покупателей, какое количество земли может быть продано отдельным домохозяевам, товариществам крестьян или сельским обществам.

5. Количество продаваемой земли не должно превышать по расчету на одного домохозяина, вместе с его наделной и ранее купленной им землей, определенного размера, устанавливаемого для отдельных местностей Комитетом по землеустроительным делам, по представлениям уездных землеустроительных комиссий.

6. Определение продажных цен и предоставление льгот по платежам, на указанных в статье 3 настоящих правил основаниях, а равно разрешение всех ходатайств по сдаче земли в аренду — предоставляется тем же землеустроительным комиссиям. При несогласии местных управлений земледелия и государственных имуществ на установленные комиссиями цены и предоставляемые покупателям и арендаторам льготы, дела эти поступают на разрешение губернских комиссий, а где последние не образованы — Комитета по землеустроительным делам.

7. На лиц, переселяющихся на покупаемые земли или переносящих на них свою усадебную оседлость, распространяются льготы по получению ссуд на хозяйственное устройство и бесплатному отпуску из казенных дан лесного материала для построек, установленные для переселяющихся в Сибирь.

8. Правом покупки и арендования казенных земель, на основании настоящих правил, пользуются также земледельцы других сословий, по быту своему не отличающиеся от крестьян.

9. На проданные земли выдаются установленным порядком данные, которые освобождаются от гербового сбора, а равно от платежа крепостных и канцелярской актовой пошлин. Равным образом, освобождаются от гербового сбора арендные договоры и всякие бумаги, акты и документы, составляемые по поводу продажи или сдачи в аренду земельных участков на основании настоящих правил.

10. По мере открытия землеустроительных комиссий, применение правил о порядке образования переселенческих участков в Северо-и Юго-Восточных губерниях Европейской России в соответствующих местностях прекращается, а чины временных партий для образования упомянутых участков обращаются, в составе землеустроительных партий, к выполнению землеотводных работ, предусмотренных настоящими правилами.

11. Действие этих правил не распространяется на переселенческие

участки Европейской России, отведенные уже переселенцам сполна или частью, либо зачисленные за ними на основании узаконений о переселениях в пределах Европейской России.

12. В развитие сих главных оснований определение подробных условий продажи и сдачи казенных земель в аренду предоставляется Комитету по землеустроительным делам.

II. Поручить министру финансов, по соглашению с государственным контролером, выработать и представить на законодательное рассмотрение проект правил по вопросу о том, какое назначение следует дать суммам, поступающим от приобретения казенных земель в погашение их капитальной стоимости...

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение».

Необходимо отметить, что и в дальнейшем переселенческая политика была в центре внимания Столыпина, понимавшего всё ее огромное как экономическое, так и геополитическое значение (заселение малонаселенных окраин значительно укрепляло позиции империи на Востоке). А в августе — сентябре 1910 года специально с целью изучения переселенческой политики премьер совершил поездку по Западной Сибири и Поволжью, результатом которой стала формулировка им следующих необходимых мер с целью повышения ее эффективности: «1. Необходимо отводить наделы старожилам и переселенцам Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность. Только право собственности на землю даст прочность крестьянским хозяйствам и послужит основанием для последующего правильного разверстания земель между отдельными владельцами. Вместе с тем, собственность и связанная с нею свобода распоряжения землей значительно облегчат последующий переход земель, отводившихся до сих пор с чрезвычайной щедростью, так что владельцы не могли обрабатывать и половины своих обширных наделов, — в руки новых пришельцев. Это поднимет и общий уровень использования производительных сил Сибири...

2. Необходимо достигнуть постепенного объединения правительственной политики до Урала и за Урал. С этой целью необходимо последовательно проводить, по возможности, при самом отводе наделов переселенцам и старожилам Сибири, начало покровительства мелкой единоличной собственности на землю. Вместе с этим необходимо теперь же развить и упорядочить начавшееся в Сибири, по почину самого населения, дело внутринадельного размежевания на землях, уже отведенных в надел старожилам и переселенцам в прежнее время.

3. В лучших сибирских районах своевременно перейти к продаже земель переселенцам. Нельзя по всей Азиатской России отводить и лучшие, и худшие земли одинаково даром. Нужно сообразовать условия получения участков с трудностью их заселения и с различными естественными и экономическими свойствами отдельных сибирских районов. Правильная расценка и продажа лучших земель, при единовременном усилении правительственной помощи в суровых местностях, — наиболее верное средство достигнуть планомерного и прочного заселения Сибири. Продажу участков казенной земли переселенцам производить на льготных началах, применительно к правилам Крестьянского Банка, соответственно дополнив пересматриваемый теперь в законодательных учреждениях указ 27-го августа 1906 года о предоставлении для устройства крестьян казенной земли в Европейской России.

4. Желательно восстановить свободу ходачества, так как приемы искусственного ограничения ходачества и предварительного распределения участков между ходоками, как показал опыт, не достигают цели. Вместе с тем желательно ограничить льготы по железнодорожному проезду переселенцев и ходоков, сообразовав размеры этих льгот с различием условий выхода и водворения переселенцев в отдельных местностях.

5. Денежные ссуды переселенцам на домообзаводство следует сообразовать не с большей или меньшей бедностью отдельных переселенцев, которая не поддается учету, а с большей или меньшей трудностью заселения данного района. Допускаемые теперь размеры ссуд (не свыше 165 р. на семью) в тайге недостаточны, тогда как на Алтае чрезмерны. Действующий ссудный закон необходимо изменить, основав его на мысли о порайонных нормах денежных ссуд и приблизив условия выдачи ссуд к действительным условиям водворения (расчистка тайги и пр.).

6. Необходимо создать и развить агрономическую помощь переселенцам. В новых непривычных условиях переселенцы часто беспомощны: нужно помочь им выяснить наиболее подходящие и выгодные для каждой местности отрасли земледельческого и вообще сельскохозяйственного промысла и развивать в Сибири не одно только земледелие, но и скотоводство, овцеводство, культуру промышленных растений. Для правильной постановки агрономической помощи настоятельно требуется скорейшее открытие на месте, в Сибири, сельскохозяйственных учебных заведений, которые могли бы готовить нужных деятелей. Кроме того, действительного успеха агрономических мероприятий можно ожидать лишь в связи с развитием среди переселенцев

и старожилов Сибири начал правильного разверстания и единоличного владения землей, как необходимой основы прочных улучшений в хозяйстве.

7. Рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обеспечить образование за Уралом также частной земельной собственности. Мысль эта уже была выражена в законе 8-го июня 1901 г., не получившем, однако, применения. Между тем потребность в образовании частновладельческих хозяйств в Сибири становится все более настоятельной. Соседство более крупных и более культурных хозяйств, чем обычные переселенческие, может помочь общему поднятию сельского хозяйства за Уралом, внести в него разнообразие и улучшенные приемы и дать крестьянскому населению подсобные заработки. Кроме того, развитие частной собственности имеет и общее культурно-политическое значение: оно может дать приток сюда свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо правильно поставить и земское, и городское хозяйство.

8. Следует продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами, как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятий земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства, и облегчением аренды киргизских земель переселенцами; от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность.

9. Нужно озаботиться обеспечением сбыта сибирскому хлебу и другим продуктам сибирского хозяйства. С этой целью желательно: 1) провести южно-сибирскую магистраль Уральск — Семипалатинск, с выходом на Ачинск или на Новониколаевск, 2) связать водным каналом (Чусовая — Решетка) и шлюзованием рек бассейна Камы и Иртыша и 3) постепенно отменить челябинский перелом тарифа.

Сбыту сибирского хлеба на Дальний Восток могло бы тоже помочь, при предстоящем пересмотре торговых договоров с Китаем, обложение ввозною пошлиной маньчжурского хлеба. Еще большее значение мера эта имела бы для развития хлебопашества в самом Приамурье и ближайших к нему местностях Восточной Сибири; между тем, создать выгоду там земледельческого промысла — единственный способ привлечь туда широкий поток переселенцев и прочно закрепить за нами эту окраину.

10. Необходимо вообще расширить и углубить постановку переселенческого дела, привести переселенческие организации в соответствие с государственным значением прочного заселения Сибири и, в связи с этим, усилить и кредиты переселенческой сметы».

В теснейшей связи с переселенческой политикой стоял и вопрос сооружения Амурской железной дороги, без которой геополитические и военные позиции России на Дальнем Востоке не могли быть достаточно прочными (последнее было ярко продемонстрировано благодаря Русско-японской войне, и недаром сооружение БАМа преемственно стало одной из важнейших государственных задач уже в советский период). При этом премьеру приходилось преодолевать сопротивление значительной части думцев, считавших, что запрошенные правительством средства на сооружение Амурской железной дороги слишком велики и значимость данного строительства значительно преувеличивается. Поэтому 31 марта 1908 года Столыпин выступил в парламенте с речью, послужившей изменению точки зрения оппонентов сооружения Амурской железной дороги. Прочитав наиболее важные фрагменты этого выступления, ставшего исторической вехой в деле освоения Дальнего Востока: «...позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно всё напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем, правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по-видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России губительна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей, и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается?

Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годовая температура ниже нуля...

Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой *gouverner c'est prévoir*, "управлять — это предвидеть".

Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. "Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, — говорил Менделеев, — что Солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде". Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении Военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки

казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой (насколько прав Столыпин, можно понять, вспомнив битву под Москвой в 1941 году, когда победа была одержана благодаря вовремя прибывшим новым кадровым дивизиям с Дальнего Востока. — Авт.). *Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения.* Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. *Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главной нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами...*

С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии.

Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье

Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящего от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не трудно ее восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии — это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы — толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

...оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры; эти русские пионеры построят дорогу, они

осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано... вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом.

Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит (как известно, реально СССР утратил КВЖД значительно раньше. — *Авт.*). Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 Портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238 000 000 рублей; тут ее исчислили в несколько большей цифре, но даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6 %, то и то на уплату процентов потребуются 15–16 млн рублей в год. На покрытие же убытков — правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, — если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придется точно так же уплачивать 5–6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 рублей в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет

силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться... Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины.

Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и укреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый.

Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

Возвращаясь к указу от 27 августа 1906 года, следует констатировать, что фактически он стал началом грандиозной аграрной реформы, но было понятно, что поставленную премьером задачу создания класса крепких хозяев невозможно решить только с помощью перераспределения казенных земель, размер которых был достаточно ограничен. То же самое относилось и к помещичьему землевладению, которое в начале XX века уже не играло видной роли в сельском хозяйстве, и даже при его ликвидации (на чем настаивали как левые, так и кадеты) невозможно было таким образом решить вопрос обеспечения всех желающих крестьян землей для ведения самостоятельного хозяйства.

Заметим, что Столыпину было так же трудно добиться от императора согласия на отчуждение удельных земель, составлявших значительную часть земельного фонда, который мог быть использован для создания крепких единоличных хозяйств. Об этом, в частности, свидетельствует и

Гурко: «Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этой целью к великому князю Владимиру Александровичу и его супруге Марии Павловне, и сколь неохотно они выразили свое согласие». Обратим особое внимание — для достижения своей цели Столыпин не побоялся просить у царя пожертвовать собственностью императорской фамилии!

Единственная возможность провести полноценную аграрную реформу заключалась в предоставлении права свободного выхода из крестьянской общины всем желающим с предоставлением неразделенного земельного участка. Но премьер сразу же столкнулся с чрезвычайно активным сопротивлением своим планам. Причем против ликвидации общины категорически выступали не только левые (считавшие ее основой будущего социалистического строя), но и многие правые, в том числе находившиеся в ближайшем царском окружении. Они, наоборот, считали консервативную крестьянскую общину основой государственного устройства и наиболее надежной опорой престола.

У Столыпина же были совершенно иные представления о том, кто может быть надежным союзником государства. Он категорически отвергал мнение многих правых и крайне правых, что это — неэффективная крестьянская община. Столыпин, напротив, был глубоко уверен, что только свободный хозяин на своей земле может быть подлинной опорой государства и власти. Об этом премьер говорил не только публично, но проводил данную точку зрения и на заседаниях правительства, пытаясь донести это свое убеждение до его членов. Например, секретный журнал Совета министров от 13 июня 1907 года содержит следующее подробное объяснение, почему правительству необходимо всеми силами создавать влиятельный класс крепких земельных собственников: *«Крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия; и если бы правительству удалось проведением в жизнь своих землеустроительных мероприятий достигнуть своей цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз навсегда был бы положен конец».*

Показательно, что далее в секретном журнале особо подчеркивается, какие катастрофические последствия имел бы провал аграрной реформы: «...неисчислимы были бы по огромной важности своей последствия неудачи этой попытки правительства осуществить на сотнях тысяч десятин принятые им начала землеустройства. Такая неудача на многие годы

дискредитировала бы, а может быть, и окончательно похоронила бы все землеустроительные начинания правительства, являющиеся ныне, можно сказать, центром и как бы осью всей нашей внутренней политики. Неудача вызвала бы всеобщее ликование в лагере социалистов и революционеров и страшно поднял бы престиж их в глазах крестьян».

Сила аргументов Столыпина была настолько убедительна, что он сумел сделать своими сторонниками ряд влиятельных лидеров правых. Последние начали со своей стороны оказывать давление на Николая II с целью принятия им предложений премьера в полном объеме и в первую очередь ликвидации общины как рудиментарного института, не дающего подняться наиболее трудолюбивой и предприимчивой части крестьянства. Особо в этом плане следует отметить написанную в июне 1906 года докладную записку царю лидера умеренно правого Всероссийского национального союза Петра Николаевича Балашева. В данной конфиденциальной записке он фактически повторял мысли Столыпина: «Дайте, Государь, крестьянам их земли в полную собственность, наделите их новой землей из государственных имуществ и из частных владений на основании полюбовной частной сделки, усильте переселение, удешевите кредит, а главное — повелите приступить немедленно к разверстанию земли между новыми полными ее собственниками, и тогда дело настолько займет крестьян и удовлетворит главную их потребность и желание, что они сами откажутся от общения с революционной партией».

В октябре, по настоянию Столыпина, Николай II подписал указ, ставший следующей важной вехой на пути аграрной реформы. Высочайшим указом были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, снят ряд ограничений свободы передвижения крестьян и избрания ими места жительства, признана возможность проведения семейных разделов, расширены права земств в управлении.

Понимая всю грандиозную важность реформирования системы земельных отношений и преодолевая ожесточенное сопротивление большинства царского окружения, премьер всё же сумел добиться от Николая II одобрения своей программы в полном объеме. Результатом этого стало подписание императором «Именного Высочайшего Указа Правительствующему Сенату 9 ноября 1906 года о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», делавшего выход из общины полностью свободным (что было для последней смертельным ударом). Земельный надел становился теперь собственностью не семьи, а единоличного хозяина, и провозглашался приоритет единоличного

владения землей над правом пользования.

С тем, что инициированный Столыпиным царский указ сделал реформу практически необратимой, соглашался даже Витте, относившийся к ней не менее критически, чем к самому Столыпину. Сергей Юльевич вынужден был признать, что «когда такой закон продержится полгода, и в соответствии с ним начнется переделка землеустройства, то ясно, что после этого идти в обратном направлении почти невозможно. Во всяком случае, это породит целый хаос».

Будущее полностью подтвердило слова экс-премьера. Правые еще не раз предпринимали попытки свернуть Столыпинскую реформу, и в первую очередь их атаке подвергался исторический указ от 9 ноября 1906 года. Наиболее серьезное наступление против аграрной реформы произошло через три года, когда указ обсуждался в Государственном совете. Противники реформы справа попытались добиться ее отмены или внесения таких изменений, которые бы полностью выхолостили содержание. Но время ими было уже безвозвратно упущено, что вынуждены были признать даже большинство лидеров правых. Например, экс-премьер Горемыкин с горечью констатировал: «Этот закон действует в продолжение трех лет и, в силу этого закона, успели устроить свое землевладение сотни тысяч крестьян. Существенно изменить его уже поздно и это внесло бы опасную неустойчивость и путаницу во все дело крестьянского землеустройства... теперь нельзя не принять его в законодательном порядке: снявши голову, по волосам не плачут». И несмотря на попытки ряда влиятельных членов Государственного совета «отыграть» назад Столыпинскую реформу — они потерпели сокрушительное поражение.

Как уже указывалось, важнейшей составной частью аграрной реформы Столыпин видел поддерживаемое правительством массовое переселенческое движение в районы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, где было большое количество свободных неосвоенных земель. И он лично тщательно следил, чтобы переселенческое движение получало всю возможную поддержку властей, вникая в проблемы переселения в каждую из местностей. Как пример приведем подготовленный Столыпиным высочайший указ (причем принятый в чрезвычайно-указном порядке) от 19 сентября 1906 года, регулирующий все мельчайшие детали для содействия массовому переселению безземельных крестьян на свободные земли Алтайского края: «Законом 31 мая 1899 года повелели Мы произвести поземельное устройство водворившихся в Алтайском округе, на землях кабинета Нашего, крестьян и инородцев с передачею отведенных им земель в собственность казны, за установленное законом вознаграждение.

Ныне признали Мы необходимым облегчить возможность водворения на незаселенных еще землях названного округа переселенцев из внутренних губерний.

Ожидая, что издаваемые с этой целью правила, в связи с повелениями Нашими от 12 и 27 минувшего августа о передаче части удельных земель Крестьянскому банку и о предназначении свободных казенных земель в Европейской России для устройства переселенцев, послужат к дальнейшему обеспечению нуждающихся в земле крестьян, повелеваем:

В изменение и дополнение подлежащих узаконений, на основании статьи 87 Свода Основных государственных законов, издания 1906 года, постановить нижеследующие правила:

1. Все незаселенные, но пригодные к заселению земли Алтайского округа передаются, по мере образования на них переселенческих участков, в собственность казны и поступают в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для водворения переселенцев. Права на недра означенных земель сохраняются за кабинетом на основаниях, действующим законом указанных.

2. В переселенческие участки обращаются:

а) свободные земли;

б) оброчные статьи, по мере прекращения арендных на них договоров, и

в) земельные излишки, остающиеся за кабинетом от поземельного устройства старожилов.

3. В состав переселенческих участков не могут быть включаемы:

а) ценные, защитные и водоохранные лесные дачи;

б) земли и леса, отведенные или необходимые для отвода кабинетским и частным горнозаводским предприятиям, фабрикам, заводам и другим промышленным заведениям, а также для разработки ископаемых, для сельскохозяйственных училищ, церквей, школ, опытных и показательных учреждений;

в) земли, предназначенные под лесоразведение и на иные государственные или общественные надобности;

г) земли, занятые ценными сооружениями, строениями, садами, или представляющие собою угодья, не отвечающие обычным условиям крестьянского хозяйства, и

д) те оброчные статьи, которые признано будет необходимым, в интересах местного населения, временно сохранить в его пользовании.

4. Предоставляемые переселенцам земли поступают в их постоянное пользование и облагаются оброчною податью на общих основаниях с

переселенческими участками, образованными из казенных земель.

5. На лиц, водворяемых в Алтайском округе, распространяются все льготы, установленные для крестьян, переселяющихся на казенные земли.

6. Ближайший порядок передачи в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия обращаемых под переселение земель кабинета устанавливается министром Императорского Двора, по соглашению с главноуправляющим землеустройством и земледелием, на которого возлагаются также все распоряжения по образованию на этих землях переселенческих участков и водворению переселенцев.

7. За передаваемые в казну кабинетские земли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать кабинету вознаграждение в размере двадцати двух копеек с десятины удобной земли, ежегодно, в течение 49 лет. Уплата сего вознаграждения начинается с 1 января следующего года по истечении первого пятилетия со времени таковой передачи.

8. В смету Главного управления землеустройства и земледелия, начиная с 1907 г., вносятся необходимые кредиты на расходы по переселению в Алтайский округ.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение».

Об эффективности действий премьера свидетельствовало, в том числе, то, что даже далеко не доведенная до конца Столыпинская реформа неузнаваемо преобразовала до того дикие и малонаселенные окраины. Хотя Столыпин вовсе не пытался скрыть от царя то, что переселение, при всех его несомненных успехах, проходит не так гладко, как хотелось бы. В частности о том, что в некоторых местах Сибири, из-за непонимания властями сущности реформы, проходит искусственное насаждение общины, председатель Совета министров говорил без малейшего приукрашивания: *«Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Куландинска), которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев — в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю, элемент — крепко монархический, с правильным, чистым, русским мирозерцанием. "Мы верим в Бога, верим в Государя, просим: дайте нам церковь, дайте школу" — вот общий крик всех сибирских переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величеству, везде просили передать царю-батюшке о любви народной. Я*

уже телеграфировал об этом Вашему Величеству и прошу разрешить передать населению через губернаторов Высочайшую Вашу благодарность.

Но утешительное настоящее не должно заслонить от нас осложнений в будущем. А осложнения эти мы сами себе готовим: расточительно, даром, раздаем крестьянам, наравне с заемною землею, и землю, стоящую уже теперь до 100рублей за десятину; искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности, в виде заимок; не подумали еще о насаждении частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет.

Всё это и многое другое — вопросы срочно-настоятельные».

Нельзя не отметить и следующий факт. Удивительно, но никто, как из современников, так и историков, не отметил главное качество земельной реформы. Вся гениальность аграрных преобразований Столыпина заключалась в том, что они не были кабинетными, как у левых и кадетских «народолюбцев». Фактически премьер лишь ясно увидел тенденции, которые существовали и до него. И ранее наиболее успешные хозяева всеми силами старались избавиться от оков общины, давивших на корню всякую инициативу, и до Столыпина безземельные крестьяне стремились уехать на неосвоенные земли окраин, где существовала возможность основать свое хозяйство. Просто ранее всё это делалось собственными силами, без скольконибудь серьезной государственной поддержки.

Кстати, сам Столыпин никогда не озабочивался вопросом своего приоритета относительно концепции аграрной реформы. Премьер несколько не скрывал, что она являлась естественным завершением действий многих государственных деятелей империи (хотя целостная концепция реформы земельных отношений была впервые предложена именно Петром Аркадьевичем). Мы уже писали о действиях фон Плеве относительно облегчения выхода крестьян из общины, но следует отметить, что в этом же направлении (пусть и не слишком активно) пытался действовать и Витте. В 1904 году он направил Николаю II специальную записку, посвященную крестьянскому вопросу, в которой предлагал реализовать следующие меры: ликвидировать обособленность крестьян от других сословий (в том числе путем унификации общего и сельского правопорядка) и предоставить право свободного выхода из общины. Правда, в отличие от Столыпина, Витте не считал аграрную реформу центральным вопросом государственной политики и свои предложения тогда скольконибудь активно перед императором не отстаивал. Но уже в январе 1906 года Сергей Юльевич вновь обратился к самодержцу с докладом о первоочередных мерах по подавлению

революции, в котором вернулся к вопросу реформирования аграрной сферы. Он вновь настаивал на проведении массовой переселенческой политики, облегчении свободного выхода из общины, признании наделных земель собственностью их владельцев.

Если же говорить о некоторой преемственности курсов Витте и Столыпина, то она заключалась в их общем стремлении сосредоточить в руках главы правительства максимальное количество полномочий и ликвидировать систему неподотчетности ряда министров, отчитывавшихся лично перед самодержцем. Понятно, что в перспективе подобная позиция объективно приводила к установлению не самодержавной, а конституционной монархии. В целом же не вызывает сомнения, что каких-либо принципиальных политических разногласий между Витте и Столыпиным не было. Можно не сомневаться, что, останься Сергей Юльевич у власти, он проводил бы примерно ту же политику, что и Столыпин. И констатация данного факта нисколько не умаляет величия фигуры премьера-реформатора, который с невиданной активностью делал то, что являлось абсолютно необходимым для дальнейшего развития империи.

И только ненависть, а ни в коей мере не объективность, заставила Витте назвать Столыпинскую реформу «идейным плагиатом». Впрочем, о какой объективности Сергея Юльевича можно говорить после его характеристик Столыпина: «средних умственных качеств и среднего таланта», «неискренний, лживый, беспринципный». Или вот следующий продукт зависти и злобы Витте к великому премьеру-реформатору: «В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... Столыпин развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратил ее в свой департамент».

Но вернемся к вопросу аграрной реформы... Один из лучших кадетских ораторов Андрей Иванович Шингарев подверг премьера резким нападкам в Государственной думе за разрушение общины. Основным содержанием его обвинений было то, что это делается исключительно под давлением чиновников (хотя сам Столыпин подчеркивал: «...закон не призван учить крестьян, ни навязывать им какой-либо теории, хотя бы эти теории признавались законодателем совершенными»), благодаря чему «отец идет против сына, и сын пойдет против отца». Стоит привести ключевые положения шингаревской речи, учитывая, что в ней полностью

сконцентрированы все основные возражения против Столыпинской земельной реформы со стороны либеральной оппозиции (в этом вопросе удивительно сходящейся с противниками Столыпина справа): «Указ проводится в жизнь очень тяжело. Вы знаете, что *выдел в очень многих местах идет с понуждением; вы знаете, что общества не соглашаются с этим выделом; приходится выделять и укреплять в личную собственность отдельных домохозяев вопреки воле обществ властью земских начальников. Чрезвычайно трудно думать, что институт личной собственности насаждается у освобожденных крестьян административным принуждением. В этом источник отравы этого закона, и никогда ничто, исшедшее из принуждения, не может быть воспринято населением и сознательно им усвоено: всегда начнется отрицательное отношение именно в силу элемента принуждения.* А между тем данными, собранными многими частными лицами, данными, опубликованными по 7 губерниям Дроздовым, указывается, что в Тамбовской губернии 85 % выделяется и укрепляется земскими начальниками вопреки воле общества. В Рязанской губернии — 84 %, в Тульской — 71, в Орловской — 68, в Курской — 51, в Калужской — 17 %. В целом ряде центральных губерний, таким образом, огромное большинство выделяющихся выделяется вопреки обществу. Судите сами, какой психологический момент вносится в сельское общество между однообщественниками, которые против воли товарищей вышли; какой элемент раздора, смуты, вражды и столкновения внесен в крестьянский мир; какое страшное разлагающее, разъединяющее начало внесено в деревню. Здесь мы не раз от крестьян услышим, как обостряются отношения, какая вражда и злоба существует между той и другой группой населения. Так ли насаждают, гг., земледельческую культуру? Сравните, каким образом идёт разграничение коммасаии, раскрепощение чересполосицы в Германии? Медленным путем, осторожными мероприятиями. Нам же за два года действия Указа понадобилось *наспех пень результаты, благие результаты с пылу, с жару, пень как блины, а между тем такая поспешность в серьезном громадном вопросе вредит самому существу дела, разрушает те разумные принципы, которые, несомненно, в нем содержатся.* Позвольте, гг., обратить ваше внимание на то, что в применении этого Указа существует целая путаница. Если вы обратите внимание на Свод Законов и распоряжений по землеустройству, на ту солидную книжку, которая нам роздана, вы там найдете 44 циркуляра по этому поводу, 137 примечаний к статьям этого законопроекта. Вы узнаете с мест, что целый ряд тяжких недоразумений разыгрывается по

этому поводу; вы знаете, гг., что даже организованы были заседания членов Канцелярии Второго Департамента Правительствующего Сената, под председательством Обер-Прокурора Тютрюмова, в марте месяце этого года 8, 13, 22, 28 числа; целый ряд заседаний, где в протоколах этих заседаний — они у меня в руках, я не буду подробно их цитировать — вы увидите, как трудно было объединять мнения деятелей Правительствующего Сената. Для толкования этого Указа понадобился целый ряд заседаний: настолько полон он противоречий и недомолвок. Мы знаем, гг., что землеустроительный отдел внес проект о временных правилах в Совет Министров, что хотят в порядке Верховного управления, административным путем провести эти временные толкования Указа в целом ряде препятствий, которые он встретил. Вновь мимо Думы пройдет почти законодательное дело в расширении толкования этих статей — так трудно оказалось их применять. Гг., на местах дело доходит до очень серьезных и грозных явлений. На днях закончился первый судебный процесс по столкновению крестьян с администрацией на почве Указа 9 ноября. Дело идет о с. Подберезьи, Казанской губернии; там, гг., суд присудил к десяти годам каторги четырех крестьян, 12 оправдал, 19 — к 4 годам тюрьмы. Там, гг., разыгралась уже тяжелая драма на почве непонимания закона, неясности его, столкновения интересов отдельных членов с интересами общими. И вот, при таком запутанном применении Указа на местах, о чем подробно будут говорить другие, что же мы, собственно говоря, видим в самом Указе? Знаем ли мы, как он применяется, есть ли у нас данные, есть ли у нас об этом сведения? Гг., Указ действует два года — два года издан вне Думы, — вы осведомлены о его результатах, *знаете ли вы точную цифру выделенных, приписанных, укрепленных в личную собственность по отдельным местам с принуждением, без принуждения, продавших свой надел?* Знаете ли вы это, гг.? Были ли такие документы представлены в записке в комиссию? Нет, были частные сообщения, отдельные цифры, проверить которые трудно при устных сообщениях; систематического материала, сводки данных за эти два года, как он действует, не было перед комиссией, нет и у нас в настоящее время. Очень может быть, что данные частных лиц ошибочны, может быть, они не совсем соответствуют действительности; скажу больше — может быть, они во многих частях не совсем соответствуют действительности. Но что сделано для того, чтобы дать хорошие, нормальные данные? Данные, вы знаете, публикуются у нас и в "Правительственном Вестнике", и в сообщениях земского отдела. Эти данные, которые публикуются в грубых, валовых цифрах, наводят на

большие сомнения... Но, спрашиваю вас, что же было сделано для того, чтобы представить точно проверенные данные, которыми мы могли бы пользоваться, за два года, когда жил и действовал Указ 9 ноября, что сделано для того, чтобы эти данные могли служить для нас руководством, чтобы мы могли критиковать, чтобы мы, как Фома неверный, вложили бы персты в эту болящую рану русской жизни? Для этого не сделано почти ничего. И вот, гг., когда частные лица, и мы в том числе, предприняли опрос с мест, мы получили целый ряд указаний; я, правда, получил сравнительно мало ответов — 22, я не позволю себе затруднять ваше внимание подробным перечислением того материала, который я получил, это сделают другие мои товарищи, у которых имеется свой материал, из своих же ответов я позволю себе обратить ваше внимание только на одно явление — на продажу укрепленных в личную собственность участков. Вы знаете, гг., что почти все, и в том числе представитель Министерства внутренних дел, который еще в 1905 г. предвидел это, опасались продажи выделенных в собственность участков; вы знаете, что уходили из общины или стародушники, у которых земли больше, чем полагается по убыли семьи, и они пожелали урвать из общины, или уходили те, которые бросали общину, переселялись, или те, которые порвали с деревней давно, люди города, не ведущие своего хозяйства, которые хотят разорвать с деревней, продать свои участки, навсегда уйти и урвать часть денег, или уходили те, которые малосостоятельны, немощны, слабы, желающие получить скольконибудь денег, продав свои владения в силу нужды своим односельчанам и, получив гроши, навсегда, на вечное время и себя и свою семью обездолив земель. Вот, гг., я интересовался вопросом о продаже надельной земли и этот вопрос ставил много раз в комиссии — всей массы данных не было представлено или представлены были данные неполные, — не раз указывал в комиссии, и здесь будет говорить мой товарищ, что такие скупки идут. Вот часть ответов, имеющихся у меня: Днепровский уезд Таврической губернии — случаи скупки наделов отдельными лицами наблюдаются весьма часто; вот, Козлов — выделенная земля, бывало, продавалась в Козловском уезде по 45 рублей за десятину, тогда как средняя цена этой земли не ниже 185 рублей за десятину; вот данные Вологодской губернии Вологодского уезда, где целый ряд случаев продажи приведен по цене ниже рыночной; вот данные Огорковской волости Грязовецкого уезда, где 4/2 десятины проданы за 200 рублей и цена во многих случаях падает до 50 рублей. Вот сведения об уездном съезде Челябинска, где 15-десятинный надел, 4 десятины пашни, 6 десятин леса, 2 десятины покоса проданы за 400 рублей. Я боюсь перечислять все остальные, здесь много таких

ответов; в 12 ответах есть данные о продаже участков. Позвольте сказать только о Тверской губернии Кашинского уезда: здесь было два случая продажи. Продавали богатые и бедные, порвавшие связь с деревней. Известны случаи продажи по очень дешевой цене, 25 рублей за десятину. Гг., в том же Кашинском уезде было издано циркулярное спешное предложение губернатора в уездный съезд немедленно собрать и представить к 10 сентября сведения о продаже наделной земли, укрепленной в личную собственность. Положение тревожное: на местах чувствуется, что многие лица, укрепленные и выделенные не в целях землеустройства, а в целях ликвидации и продажи, навсегда обезземеливают себя. Нарастает грозный вопрос об этих обезземеленных, как с ними справится наша будущая Россия. А между тем на этот вопрос, самый больной вопрос, полный ответ по всем местам до сих пор еще не опубликован. Я был бы очень благодарен тому, кто разбил бы мои сомнения, кто доказал бы, что этих случаев продажи мало, что они только начинаются, но, гг., ведь только начинается за два года применение Указа, а что будет в будущем, а что будет в том будущем, когда масса лиц обезземелится, когда сельское частное хозяйство, не очень у нас хорошо обставленное и без большого капитала, не в состоянии будет поглотить обезземеленную массу? Что будет тогда? Куда денутся эти несчастные обезземеленные люди, когда в городах, совершенно переполненных у нас безработными, нет работы? Мне говорил докладчик, что промышленность разовьется. Гг., промышленность в России без нынешних рынков, в России, ослабленной невзгодами, в России без флота, без торговых рынков на стороне, при несчастном состоянии русских внутренних рынков, при нищете сельского населения, как тут может жить и развиваться промышленность? Гг., в Указе 9 ноября самое болезненное место — это его механическое однообразное применение на всей обширной площади Европейской России. Масса различных оттенков землевладения, всё игнорируется им, всё стрижется под одну гребенку, все различия, все невероятно сложные различия местной жизни, уклада, всё идет насмарку, всех хотят выштамповать по одному образцу, и в этом я вижу его особо слабое место. Нельзя насильственно бумажным, законодательным путем регулировать хозяйственно-земельные отношения; они складываются долгим историческим путем, они складываются долгой культурой, они соответствуют культурно-правовой жизни государства, и здесь бумажное разрешение или чрезвычайно близоруко и безрезультатно, или очень опасно, раз желают применять его путем принуждения и силы. Говорят, что силы не хотят применять. Тот же самый Гурко (товарищ

министра внутренних дел. — Авт.) осуждал применение силы очень резко. "Стремиться к насильственному проведению в этой области даже испытанных по своим благим последствиям в других странах порядков возможно лишь с крайней осмотрительностью". "Это есть святая святых, — говорил он в комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности, — святая святых всякого народа, в которую народ не допустит грубого вторжения и прикасаться к которой можно лишь с чрезвычайной осторожностью, бережливостью, с крайней постепенностью". То же самое подтверждал и Председатель Совета Министров... Итак, руководители и родоначальники Указа не хотят применения силы, не хотят применения принуждения, не желают вторгаться во внутреннюю жизнь, святая святых, народа. Гг., а что делается на местах? *Л эти вечные понуждения земских начальников: торопитесь, выделяйте, укрепляйте. Л эти увольнения земских начальников, где Указ идет медленно, а весь этот ряд мер: спешите скорее закрепить.* Всё то, что делается в этом вопросе, разве же это не грубое вторжение в святая святых народной души? Тот же Указ, гг., касается вопроса о семейной собственности; я буду здесь очень краток; я не буду ни защищать институт семейной собственности, ни его осуждать, я скажу, что он существует; он подкреплён длинным рядом решений не только Правительствующего Сената, но и целым рядом почтенных исследований обычного права русской деревни. Передо мной, гг., труды редакционной комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах, Т.V. Здесь вы можете найти на каждой странице целый ряд указаний на солидных исследователей об институте семейной собственности и об обычном праве... здесь упоминается о работе А. И. Лыкошина (имеется в виду товарищ министра внутренних дел Александр Иванович Лыкошин. — Авт.), о семейном праве — всё говорит за то, что этот институт сжился с народной жизнью; он там имеется. Хорош он или дурен — вопрос другой; его трудно вырвать; к нему нужно прикасаться осторожно и бережливо. Что делает Указ? Он и на этот институт накладывает свою тяжелую руку; он его разрешает одним взмахом пера, объявляя, что владение землей личное, семья не имеет права. Гг., те, которые знают деревню, те знают, как трудно там меняются взгляды и мысли. Отец выделил свой участок; продал его, завещал одному сыну, обездолив других, почему-нибудь спустил участок. Что вносит он в семью? Обездоленные дети, оставшиеся без земли, что скажут они отцу? Раз, гг., право личной собственности существует, случаи такие возможны. И вот обычное деревенское право, которое меняется медленно и долгим, сложным путем, вы хотите сразу, как гордиев узел, разрубить семейную

собственность, и больше ничего. Смута внесена в деревню; смута внесена в сельское общество, и еще большая смута внедряется в самую семью, где отец идет против сына и сын пойдет против отца. Так сразу, быстро, вне законодательного учреждения, по Указу, изданному вне Думы, идти нельзя. Гг., я останавливаюсь в своей критике частей Указа 9 ноября; я перехожу к той заключительной части своей речи, которая касается всего Указа. Он уже действует; он уже захватил больной вопрос; он применяется. Я не могу сказать, что то, что он захватил, совершенно ненужно и это надо вычеркнуть; я не могу сказать, что надо оставить пустое место на нем, его отклонить. *Нет, гг., вы знаете, что мы вовсе не желаем закреплять людей в общине, мы вовсе не желаем какого-нибудь нового принуждения; мы говорим: пускай, пускай идет этот выдел, пускай это делается, пускай община подвергается исторической эволюции; мы не желаем ни стеснять, ни разрушать; мы желаем предоставить народу, самому народу, разрешать этот вопрос на местах так, как он разрешался историей».*

Как видим, у Шингарева наличествуют три основных аргумента — Столыпинская реформа проведена в чрезвычайно-указном порядке, «слишком молниеносно», она прервала некий естественный исторический процесс саморазрешения земельного вопроса, на который намекает оратор, и главный аргумент — она проводится насильно и не приемлется большинством крестьянства.

Набор кадетских аргументов против аграрной реформы полностью изобличает как лицемерие, так и необоснованность обвинений обличителей Столыпина. Для его противников долгое время общим местом было утверждение, что земельный вопрос приобрел такую остроту, что требует немедленного решения. Но как только премьер действительно начал его решать в срочном порядке, не дожидаясь утверждения Государственной думой и Государственным советом (а там он мог бы обсуждаться, при отсутствии политического консенсуса, неопределенно долгое время), правительство начало резко критиковаться. Из этой же категории положение о том, что был прерван некий естественный исторический процесс.

Но, несомненно, основополагающий антистолыпинский довод — это то, что аграрная реформа внедряется с помощью насилия государственного аппарата. Можно было бы долго, на основе многочисленных фактов, опровергать данное утверждение Шингарева, но думается, что это лучше всего сделал присутствовавший на думском заседании упомянутый в выступлении товарищ министра внутренних дел Лыкошин. В ответном выступлении он без малейших усилий продемонстрировал всю

надуманность обвинений кадетов: «Ведь согласитесь, господа, не могли же земские начальники принудить 700 000 крестьян-домохозяев заявить об укреплении вопреки их воле. *Ведь значит, есть же какой-то внутренний стимул укрепляться, есть же, значит, у крестьян стремление к личной собственности...* Наивно было бы думать, будто какие-либо внешние меры могут заставить крестьян идти навстречу землеустроительным начинаниям правительства».

Лыкошин также опровергнул и другое обвинение в адрес премьера — о том, что якобы Столыпинская реформа ориентирована исключительно на наиболее зажиточные слои крестьянства и окончательно добывает неимущих. Александр Иванович следующим образом пояснил, что правительство понимало под знаменитым определением «ставка на сильных»: «Тут очень много, между прочим, говорили о выражении "ставка на сильных", и оно понималось в том смысле, что сильные это — кулаки, новая буржуазия и т. д. Я понимаю это в другом смысле. Я понимаю, что "ставка на сильных" — это ставка вообще на духовные и материальные силы русского народа (что, конечно, ни в коей мере не отменяло то, что Столыпин считал крепких хозяев главным двигателем своей реформы. — *Авт.*)».

Пожалуй, для окончательного понимания того, кто все-таки лучше знал нужды крестьян, следует сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Шингарева. Считаясь в кадетской партии главным специалистом по аграрному вопросу, он закономерно стал во Временном правительстве первого состава министром земледелия. Там Шингареву была предоставлена возможность показать, что он эффективнее Столыпина будет отстаивать интересы крестьянства. Однако его работа была не более успешной, чем Временного правительства в целом. В ноябре 1917 года — в день предполагавшегося открытия Всероссийского Учредительного собрания — Андрей Иванович был «превентивно» арестован по постановлению Петроградского Военно-революционного комитета. А 6 января 1918 года, вместе с другим видным кадетом — Федором Федоровичем Кокошюшым, — он был убит в Мариинской тюремной больнице бандой матросов и солдат, среди которых наверняка были бывшие крестьяне, не оценившие попечение о них конституционных демократов.

Однако тогда, несмотря на ожесточенное сопротивление кадетов и правых, на сторону Столыпина встало большинство Государственной думы и Государственного совета, и 14 июня 1910 года аграрная реформа стала законом. И ее плоды появились достаточно быстро. Назовем лишь

некоторые цифры — только в 1907–1911 годах вышли из общины и стали самостоятельными хозяевами более 2,5 миллиона крестьян (что составляет около четверти от общего количества всех крестьян-общинников), урожаи возросли с прежних 30–40 пудов с десятины до 52,7 пуда ржи, 61 пуда озимой пшеницы, 59 пудов ячменя, 54,5 пуда овса. Уже в 1909 году и только в Европу пошло на экспорт свыше 314 миллионов пудов пшеницы, что было больше, чем у главных экспортеров зерна США и Аргентины вместе взятых (266 миллионов пудов).

Смерть Столыпина резко затормозила темп проведения всего комплекса аграрных реформ, что консервировало недовольство среди крестьянства и стало одной из основных причин обвала февраля 1917 года. Разлагавшаяся община осталась и продолжала отравлять своим гниением всё государство, а кровно заинтересованный в защите существующего государственного строя многочисленный класс собственников-земледельцев в целом так и не был создан. Неудивительно, что в час испытаний на защиту императора и империи выйти было некому.

И нельзя не согласиться с наблюдением в прошлом видного меньшевика, а потом известного историка русского зарубежья Сергея Германовича Пушкарева, точно заметившего, что сталинская коллективизация окончательно подтвердила правоту Столыпинской аграрной реформы: «Минуло пятьдесят лет со времени издания Столыпинского аграрного закона, получившего впоследствии название "ставки на сильных"... Столыпинская аграрная реформа имела своей основной целью предоставить широкой массе российского крестьянства то положение "полноправных свободных сельских обывателей", которое было им обещано, но не вполне осуществлено "Положением" 19 февраля 1861 года, принесшим крестьянству освобождение от крепостной зависимости.

Столыпинская эпоха действительно внесла в бедную и серую массу крестьян-общинников основы и возможности "нового социально-экономического крестьянского строя".

Правильность основного принципа Столыпинской аграрной политики, т. е. предоставление крестьянину права свободного распоряжения его земельным имуществом, была проверена трагическим опытом революции. После захвата власти большевики, в союзе с левыми социалистами-революционерами, принялись усердно проводить в жизнь "эсеровскую" программу так называемой "социализации земли". Изданный 19 февраля (4 марта) 1918 года декрет "О социализации земли" (подписанный председателем Совнаркома Ульяновым-Лениным и народным комиссаром земледелия левым эсером Колетаевым) постановлял: "Всякая

собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Социалистической Республики отменяется навсегда"; земля "переходит в пользование всего трудового народа" и распределяется между трудящимися на "уравнительно-трудовых началах", с запрещением земельной аренды и применения наемного труда (совхозы должны были играть лишь роль "образцовых ферм или опытных и показательных полей"). При этом в задачи земельных отделов входило "развитие коллективного хозяйства в земледелии, в целях перехода к социалистическому хозяйству".

Известно, что первоначальная ленинская попытка ускоренного перехода "к социалистическому хозяйству" в деревне потерпела полную неудачу. Она вызвала жестокую междоусобную вражду между крестьянской массой и ленинскими "комбедами" ("комитетами бедноты"), внесла полное расстройство в процесс сельскохозяйственного производства и вызвала жестокий голод в городах.

Напуганный результатами так называемого "военного коммунизма", Ленин в 1921 году (после Кронштадтского восстания) объявил свой пресловутый НЭП. В деревне НЭП означал, в значительной степени, возврат к принципам Столыпинской аграрной политики. В 1922 году "в целях создания правильного, устойчивого и приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям трудового пользования землею, необходимого для восстановления и развития сельского хозяйства", был издан новый "закон о трудовом землепользовании", который совершенно отрекался от прежних принципов "социализации". Новый закон предоставлял крестьянству самому избирать способ землепользования: а) общинный (с уравнительными переделами земли); б) "участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чресполосных, отрубных или хуторских участков)" и в) товарищеский (артели и коммуны). "При полных переделах и разверстках земель в обществе, любое число хозяйств, а также и отдельные дворы, имеют право выходить из общества без его на то согласия и требовать выдела земли к одним местам в таком размере, какой им причитается по производящемуся переделу". Расставаясь с идеей о всеобщем земельном "поравнении", новый закон постановил: "Дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями в обязательном порядке прекращается". Далее закон позволял "трудовую аренду земли" на срок до 3 или до 6 лет (вскоре срок был увеличен до 12 лет) и применение "вспомогательного наемного труда в трудовых земледельческих хозяйствах". Новые положения аграрного законодательства были подробно развиты в "Земельном кодексе" 1923 года.

Получившие некоторую свободу хозяйственной деятельности русские крестьяне быстро оправились от тяжелой разрухи и стали производить достаточное количество сельскохозяйственных продуктов не только для собственного потребления, но и для снабжения городского рынка. Несколько миллионов трудовых крестьянских хозяйств своим усиленным трудом и предприимчивостью достигли сравнительно высокого уровня зажиточности, но этот подъем новой крестьянской "буржуазии" представлял политическую опасность для коммунистической диктатуры, и потому Сталин, пришедший к власти, произвел в 1929—30 гг. зверскую "ликвидацию кулачества, как класса", а остальную крестьянскую массу насильственно загнал в колхозы.

Можно сказать, что *Столыпин готовил для русских крестьян экономическую будущность американских фермеров; злая мачеха история, вместо этого, принесла им колхозное рабство».*

Драма 3 июня

Хотя Россия в 1907 году еще формально оставалась самодержавной монархией, управлять империей, тем более реализовывать программу масштабных реформ, без Государственной думы стало уже невозможно. Конечно, можно было действовать в чрезвычайно-указном порядке, но Столыпин понимал всю крайнюю нежелательность подобных действий, пусть у него иногда и не было иного выхода. Но чтобы руководить страной подобным образом постоянно, необходимо было идти на полную отмену молодого российского парламентаризма, что, по мнению председателя Совета министров, было и невыполнимо, и противоречило государственным интересам. При всем негативном отношении к деструктивной антигосударственной деятельности I Думы Столыпин считал, что развитой парламентаризм должен стать важной составной частью обновленного общественного строя, базирующегося на законности, соблюдении прав личности и уважении права собственности.

Иницилируя роспуск I Думы, Столыпин хотел получить парламент, который выполнял бы роль партнера исполнительной власти в успокоении страны и проведении системных реформ. Понятно, что премьер делал со своей стороны всё возможное, чтобы ее состав был бы максимально лояльным к власти. С этой целью Столыпин инициировал специальные разъяснения Сената, исключившие из числа избирателей наименее имущие группы городского населения и крестьян (учитывая, что ими наиболее легко манипулировали экстремисты), что должно было сделать будущий состав парламента значительно менее оппозиционным. Однако нет оснований утверждать, что Столыпин каким-либо образом пытался сфальсифицировать выборы — его действия ни в коей мере не нарушали действовавшего законодательства. Было вполне естественно, что власть после революционного кровопролития попыталась поставить преграду проникновению в Думу людей, связанных с терроризмом или как минимум относившихся к нему с явным или скрытым одобрением.

Конечно, на местах далеко не все губернаторы были так щепетильны в отношении законности при проведении выборов, но всё же никто из них на серьезные нарушения, зная позицию председателя Совета министров, не шел. Свое мнение относительно избирательного процесса и линии поведения местных властей Столыпин предельно четко и откровенно изложил в циркулярном указании губернаторам, которое (что знаково) было

им сразу же опубликовано для общего сведения: «С наступлением начала выборов некоторые политические партии, с целью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространением среди населения своих взглядов и убеждений путем печати и собраний, но стремятся представить в искаженном свете действия и намерения правительства для проведения на выборах лиц, враждебно к нему настроенных. *Вам как представителю власти, не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы. Подтверждаю неоднократные указания мои на обязанность вашу ограждать полную свободу выборов, пресекая лишь самым решительным образом попытки использовать публичные собрания для агитации революционной.*

Но, ограничив этим вмешательство администрации в выборную кампанию, считаю нужным указать вам на необходимость широкого опровержения всех ложных слухов, представляющих в извращенном виде действия и виды правительства. Ясно и определенно поставленная программа правительства известна Вашему Превосходительству. Обнародованная 24 августа, она не нуждается в повторении. Но от вас, как от представителя правительственной власти на месте, должны исходить авторитетные указания на неизменность правительственной политики, не могущей поддаваться каким-либо колебаниям вследствие обстоятельств случайных и проходящих.

В ряду этих вопросов на первом месте стоит отношение правительства к Государственной думе. Призванная Государем служить основой законодательного строя в Империи, являясь важнейшим фактором воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы, *Государственная дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление согласованной плодотворной творческой работы.* При настоящем бурном течении общественной жизни правительство сознает громадную трудность безошибочной постановки и решения вопросов, связанных с изменением правовых и социальных норм, и в критике своих предположений, так же, как в детальном и практическом обсуждении предположений Думы, — оно видит залог успеха в деле преобразования государства. Относясь с полным уважением к правам Государственной думы в области законодательства, бюджета и запросов, правительство будет неуклонно держаться во всех своих действиях существующих законов, так как лишь строгим выполнением и подчинением законам как правительство, так и Дума могут сохранить Монаршее доверие, наличность которого одна обеспечивает возможность их совместной работы. *Установив всю злонамеренность*

толков о желании правительства созвать Думу лишь с целью ее неперемennого роспуска и возвращения к прежним, осужденным Государем порядкам, надлежит иметь на местах ясное представление о предположениях правительства в области ближайшего законодательства (обратим внимание, что и здесь Столыпин не упускает возможности максимально широко осведомить население о программе своих реформ. — Авт.). Приближение органов самоуправления к населению в виде установления всесословной волости как мелкой земской единицы, привлечение большего числа лиц к задачам самоуправления посредством уменьшения цензовых норм и расширение компетенции органов самоуправления будут предложены правительством в целях создания устойчивых самоуправляющихся ячеек, основы децентрализации. При введении подоходного налога правительство предполагает подкрепить средства земств и городов, передав им части некоторых казенных поступлений. Вместе с тем, введение местных выборных судей и объединение административной власти в губернии и уезде довершит упрочение устойчивого местного уклада. Но главнейшею, неустанною заботою правительства будет улучшение земельного быта крестьян. Не только создание земельного фонда и справедливая, на посильных условиях передача земель этого разряда крестьянам, но предоставление каждому трудолюбивому, энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный труд, не нарушая чужих прав, к законно приобретенной им земле — будут предметом предложений правительства в области землеустройства. Не менее важны подготавливаемые правительством законопроекты в области рабочего, школьного и административного законодательства.

Приведенное краткое перечисление дает лишь приблизительное понятие о той громадной работе переустройства, совершить которое является для Государственной думы, Государственного совета и правительства историческою обязанностью (символично то, что Столыпин особо подчеркивает партнерскую роль парламента в проведении реформ. — Авт.).

Переустройство это должно иметь основою укрепление и упорядочение начал истинной свободы и порядка, возведенных с высоты Престола.

Ввиду этого правительство твердо и последовательно будет преследовать нарушителей права, прекращать со всей строгостью возникающие беспорядки и стоять на страже спокойствия страны, применяя, до полного ее успокоения, все находящиеся в его распоряжении

законные средства».

Крайне неблагоприятные для Столыпина итоги выборов во II Думу подтвердили то, что власть (к тому времени уже достаточно окрепшая и имевшая немало возможностей влияния) серьезно в избирательный процесс не вмешивалась. Состав парламента оказался еще более антиправительственным, чем предшествующий. Успокоение в стране пока еще было, в значительной степени, внешним, и в сознании немалого количества избирателей остался революционный дурман, а значит, и доверие к направленной против правительства Столыпина разрушительной демагогии революционеров. Из 518 депутатов II Думы было: социал-демократов — 65, эсеров — 37, народных социалистов — 16, трудовиков — 104, кадетов — 98, правых и октябристов — 54, автономистов — 76, беспартийных — 50, казачья группа насчитывала 17, партия демократических реформ — 1 депутат.

Таким образом, левые радикалы составили около 43 процентов членов новоизбранного парламента, что давало им широчайшие возможности для антиправительственной деятельности. Поддерживавшие (пусть и не во всём и с рядом оговорок) Столыпина правые и октябристы хотя и увеличили свое представительство (что свидетельствовало о растущей поддержке курса премьера), но, тем не менее, полученные ими 10 процентов не давали возможности создать проправительственное большинство. Также особо следует отметить, что сильно снизилось представительство в Думе кадетов (упустивших возможность создания коалиционного правительства), потерявших целых 80 мест.

Было достаточно очевидно, что у премьера практически не было ни малейших шансов на установление взаимодействия с парламентом. Тем не менее Столыпин сделал всё от него зависящее, чтобы заручиться поддержкой Государственной думы в проведении политики реформ. Единственной надеждой председателя Совета министров было то, что разногласия между различными оппозиционными фракциями позволят ему лавировать и добиваться принятия нужных решений. В общем, другого выхода у него не оставалось, что было очевидным даже для иностранных наблюдателей. Так, влиятельная немецкая газета «*Tagliche Rundschau*» тогда писала: *«У г. Столыпина нет правительственного большинства, но зато большинство, выступающее против него, распалось в вопросе о тактике. Государственная дума, по-видимому, решила относиться к г. Столыпину с доверием (это, конечно, очень сильное преувеличение. — Авт.). Без преувеличения можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь,*

которого ждет Царь для спасения России».

6 марта Столыпин впервые выступает во II Думе, причем с программной речью, в которой была детально разъяснена вся правительственная политика реформ. Эта речь стала важнейшим из всех выступлений председателя Совета министров за весь период его государственной деятельности, и, в силу ее особой значимости, остановимся на ней подробнее.

Первая часть речи премьера была посвящена законодательной работе, и из сказанного было совершенно очевидно, что Столыпин всё же рассчитывал на сотрудничество с Государственной думой, а не взял изначально курс на ее роспуск. Не менее значимо, что глава кабинета прямо заявил о необходимости построения правового государства путем принятия новых законов, что не могло быть реализовано без взаимодействия с парламентом: «В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общюю мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые

министерство (имеется в виду МВД. — Авт.) вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — *создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.*

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц».

Далее Столыпин дал объяснение необходимости принятия ряда крайне необходимых для проведения аграрной реформы срочных законов в чрезвычайно-указном порядке и призвал Думу их утвердить. Слова премьера были настолько аргументированы, что сами по себе опровергали все обвинения в его адрес относительно «игнорирования» парламента: «Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. *Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.*

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское

благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога наделных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета».

Потом Столыпин перешел к важнейшим законам, вносимым им на рассмотрение II Думы в обычном порядке, и символично, что все они касаются защиты прав граждан и внедрения в государственную жизнь, как ранее сформулировал Петр Аркадьевич, «начал подлинной свободы». Особо отметим, что в связи с этим председатель Совета министров заявил о необходимости пересмотра всего законодательства империи: «Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свободы слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свободы совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру всё действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года...

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения,

которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить».

«Началам подлинной свободы» служила и задуманная Столыпиным масштабная реформа по децентрализации управления, которую он считал необходимым начать претворять в жизнь после окончательного успокоения страны. Реформа так и осталась неосуществленной, но не вызывает сомнения, что она полностью изменила бы весь облик чрезмерно забюрократизированной империи. Сын Столыпина Аркадий Петрович писал следующее о планах отца в этом вопросе: «...совсем неосуществленное, преобразование касалось децентрализации — разделения Империи на области, располагающие правами самоуправления, при наличии в этих областях представительных учреждений.

Согласно намерениям П. А. Столыпина, реформа должна была быть осуществлена в областях, представлявших однородное целое, если не всегда в этническом, то по крайней мере в экономическом и бытовом отношении.

Составление проекта о децентрализации мой отец поручил Крыжановскому в 1907 году. Вот что Сергей Ефимович пишет о смысле этой реформы в своих воспоминаниях: "Децентрализация открывала простор местным творческим силам и, что имело немалое значение, давала возможность применять в разных местностях разные системы выборов, приспособленные к особенностям их общественного строя".

Согласно проекту, значительная часть Империи должна была быть разделена на одиннадцать областей. В каждой из них — областное земское собрание и областное правительственное управление. Туда должны были быть привлечены местные деятели. Областные земские собрания, образуемые на общих основаниях, привитых для земских выборов, получали широкое право местного законодательства по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения. На первых порах реформа должна была коснуться одиннадцати областей: Прибалтийской и Северо-Западной областей, Польши, Правобережной и Левобережной Украины, Московской области, Верхнего и Нижнего Поволжья, Северной России (две области), Степной области (Западная Сибирь). Остальные части Империи — Казачьи области, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым и Кавказ — пока оставались вне введения областного управления.

Проект этот был в 1909 году представлен на рассмотрение Императора с обстоятельно мотивированным на этот счет докладом П. А. Столыпина. Но, как это бывало порой, реакция Царя была двойственной и

нерешительной.

Предлагаемым преобразованиям он выразил свое полное одобрение, но решил отложить этот вопрос до того, как окончательно выяснятся результаты сотрудничества правительства с Третьей думой. Оттяжка оказалась равносильной отказу. Убийство моего отца положило конец этому замыслу.

Даже в случае безоговорочной поддержки Царем децентрализация заняла бы много времени и натолкнулась бы, вероятно, на ряд препятствий в наших законодательных палатах. Как пишет Крыжановский, "в последние годы его жизни мысли эти очень пленяли Столыпина. Но говорить о них громко он не решался и, кажется, кроме Кривошеина, да и то лишь впоследствии, никто в тайну их посвящен не был".

А времени терять было нельзя. В ожидании децентрализации надлежало произвести реорганизацию администрации и полиции Империи. Проект этих преобразований был составлен Крыжановским, по поручению Столыпина, в 1907–1908 годах.

Реорганизация администрации соответствовала политическим и социальным требованиям того времени. Состав наших чиновников, служивших в провинции, увеличивался количественно, но не качественно. А между тем, с развитием промышленности и техники на местах возникали всё новые задачи. Это было чувствительно особенно на окраинах государства. Поэтому в проекте предлагалось "ограничение русификационной политики и привлечение к управлению окраинами местных элементов".

Преградой к реорганизации на самых низах государственного здания являлась сословная иерархия. Во главе уездов стояли уездные предводители дворянства. Но, по причинам обеднения дворянства еще в конце прошлого столетия, многим предводителям приходилось служить в городах и появляться в своих уездах изредка. Связь между уездом и дворянством была подорвана. А между тем крепили и добивались права голоса другие слои населения: промышленники и купцы, городская интеллигенция, крестьяне-собственники и т. д. Учитывая это, в проекте предлагалось вместо предводителей дворянства поставить во главе уездов уездных начальников из местной среды, назначенных министром внутренних дел.

Ступенью выше проект предполагал объединение дотоле разрозненного управления в губерниях под руководством губернаторов. Архаическое раздробление властей в губерниях способствовало в 1905 году распространению смуты. Усиление власти губернатора должно было

предотвратить повторение таких событий.

Параллельно с этим был разработан проект реорганизации полиции.

Численность ее в те времена была далеко недостаточной. Сообразуясь с размерами страны, *она была в пять раз малочисленнее, чем во Франции, и в семь раз малочисленнее, чем в Великобритании* (что убедительно демонстрирует лживость тезиса о том, что Российская империя была якобы "полицейским государством").

В области технических средств для борьбы с беспорядками наша полиция находилась в отсталом состоянии. Это привело к роковым последствиям в пору революционных волнений 1905 года, а затем и в пору февральской революции.

По словам Крыжановского, "проекты эти получили окончательную редакцию под личным руководством Столыпина, чему он придавал с полным основанием весьма крупное значение".

Настала пора практического осуществления. Ранее, чем представить проекты в законодательные палаты, решено было их рассмотреть в недавно созданном Совете по делам местного хозяйства, по выражению П. А. Столыпина — в "Преддумии". В нем участвовал, наряду с чиновниками, ряд представителей нашей интеллигенции. И тут зачинателей преобразования постигло разочарование. Проект натолкнулся на резкую оппозицию значительного числа членов этого Совета. Как пишет Крыжановский, "оппозиция эта велась, главным образом, за кулисами, вне заседаний Совета, так как против цифр спорить было нельзя. А цифры были оглушающие".

Итак, это преобразование было остановлено на полном ходу. До рассмотрения проектов в Государственной думе дело не дошло. А преемники моего отца отложили это дело в долгий ящик. *Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно неприспособленным к новым требованиям, выдвинутым жизнью. Государству и народу пришлось тяжело за это поплатиться, когда настали грозные времена».*

Выделим еще один момент в выступлении Столыпина, характеризующий его как прозорливого государственного деятеля, понимающего необходимость сохранения государством духовной основы. Говоря о необходимости законодательного закрепления начал веротерпимости, глава правительства одновременно отметил следующее: «...правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить, что *многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в*

основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучении. Поэтому, с целью проведения в жизнь высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.».

Столыпин также сделал особенный акцент на необходимости коренного расширения прав местного самоуправления, что являлось не только составной частью проводимой аграрной реформы, но и в целом важнейшим шагом к демократизации всей жизни в империи: «Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства.

Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но *нем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессловная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой*

административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы наделной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость наделных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом, земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими наделными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предполагается ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться *реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейской.*

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно *министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.*

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве *строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса*

землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается истари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы».

Трудно переоценить значение предлагаемых Столыпиным нововведений. Предложенная им в качестве первичной земской единицы бессословная волость не только становилась основой для создания новой системы самоуправления, в которой большинство полномочий переходило к органам местного самоуправления (но при этом не было угрозы анархии, учитывая, что оставался государственный надзор за законностью действий местного самоуправления). Это также означало окончательный отход от системы классовых привилегий в направлении создания общества гражданского равноправия.

О всей серьезности намерений Столыпина по кардинальному расширению прав местного самоуправления свидетельствует и то, что он заявил о коренном реформировании системы органов государственного управления на местах (в том числе ее оптимизации) и судебной реформе (создание системы местных судов с избираемыми населением судьями, что было неразрывно связано с расширением прав земств): «Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей,

причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего Сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра II, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного

освобождения и т. п. Наряду с этим предположено введение в полном объеме нового уголовного уложения, но согласование его со всеми изданными за последнее время законоположениями».

Обратим внимание на значение еще некоторых преобразований, предлагаемых Столыпиным в данном фрагменте выступления. Совершенно очевидно, что отмена давно себя изжившего института земских начальников имела принципиальное значение для расширения прав местного самоуправления (что показывает «обоснованность» обвинений в адрес премьера о его желании управлять страной исключительно силовыми и административными методами). Также показательны предлагаемые председателем Совета министров меры, призванные максимально защитить права населения от возможного административного произвола. Именно в этом контексте следует рассматривать предложение о передаче дознаний по политическим делам от полиции следственной власти, допущение защиты на предварительном следствии и допущение состязательного начала в обряде предания суду.

Но всё же не вызывает сомнения, что именно аграрная реформа является для Столыпина «альфой и омегой» плана преобразования империи. И он предлагает Государственной думе детальный план масштабной (в том числе законопроектной) работы в этом направлении, подчеркнув, что правительство вносит *«наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости»*.

Далее председатель Совета министров переходит к конкретике предложений в сфере аграрных преобразований: «Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, *содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование*.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелья главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 млн десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 млн десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путём широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов ограничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов».

Неразрывными с аграрной реформой видел Столыпин и меры по улучшению положения рабочих. Это было для премьера тем более ясно, что он не только считал абсолютно необходимым интенсивный рост промышленности, но и понимал — разрушение общины неминуемо приведет к тому, что миллионы крестьян хлынут в города на фабрично-заводское производство. Председатель Совета министров представил следующую программу, жизненно необходимую для быстрейшего увеличения промышленного производства (и, следовательно, повышения обороноспособности): «Рассматривая рабочее движение как естественное

стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить».

Чрезвычайно характерно для Столыпина то, что он, указав на всю важность реформ экономического и политического характера, одновременно отметил приоритетность реформы образования. Понимая, что именно образование является фундаментом самого государства и общества, премьер отметил: *«Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдаёт себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней.* Особые заботы Министерства народного

просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей Министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи. 2) В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством. 3) В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил».

Не вызывает сомнения, что предлагаемая Столыпиным реформа народного просвещения не менее значима, чем аграрная — ее успешное завершение поставило бы Россию в один ряд с наиболее развитыми странами. Выделим ключевые моменты столыпинской образовательной реформы: общедоступность образования, обязательность определенного государством уровня образования, развитие системы профессионально-технического обучения и главное — создание единой системы низшей, средней и высшей школы. Фактически он предложил построить новую эффективную модель отечественного образования, которая тогда нигде не имела полноценных аналогов.

Подчеркнем, что Столыпин считал крайне важным введение всеобщего обязательного начального обучения — это должно было значительно повысить уровень в лучшем случае малограмотной или же вообще неграмотной крестьянской массы. Глава правительства прекрасно осознавал, что имеющее хотя бы начальное образование крестьянство является обязательным условием дальнейшего развития России как передовой державы. С этой целью под личным контролем премьера Министерством народного просвещения был подготовлен законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», который в случае его принятия должен был в перспективе полностью изменить облик страны. Тогда новые поколения соответствовали бы проводимым коренным преобразованиям в экономической и политической сферах — Столыпин недаром подчеркивал, что «сначала гражданин, потом гражданственность». Приведем текст этого тщательнейшим образом

выписанного важнейшего документа, который по значению ничем не уступал аграрной реформе: «1. Всем детям обоего пола должна быть предоставлена возможность, по достижении школьного возраста, пройти полный курс обучения в правильно организованной школе.

2. Забота об открытии достаточного числа училищ, соответственно числу детей школьного возраста, лежит на учреждениях местного самоуправления, при этом расчеты относительно числа необходимых школ делаются применительно к четырем возрастным группам: 8, 9, 10 и 11 лет.

3. Нормальная продолжительность обучения в начальной школе — 4 года.

4. Нормальным числом детей в начальной школе на одного учителя признается — 50.

5. Нормальным районом, который должна обслуживать одна школа, признается местность с трехверстным радиусом.

6. На обязанность учреждений местного самоуправления возлагается в двухгодичный, со дня вступления в законную силу настоящих положений, срок составление школьной сети и плана ее осуществления для достижения всеобщности обучения в данной местности, с указанием предельного для сего срока и ожидаемых из местных источников средств для выполнения школьной сети.

Примечание. В разработке школьной сети участвуют местные органы церковно-школьного управления.

7. Для включения в школьную сеть училище, рассчитанное на четыре возрастные группы, должно удовлетворять следующим требованиям: иметь законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание, быть обеспеченным соответствующим школьным и гигиеническим потребностям помещением, учебными книгами и пособиями и доставлять детям бесплатное обучение.

8. Означенные (п. 6) школьная сеть и план ее выполнения представляются местными органами самоуправления установленным порядком в Министерство народного просвещения, которое, предварительно утверждения означенных сети и плана, сносится с Министерством внутренних дел. В случае одобрения сих планов и сетей, Министерство народного просвещения отпускает, в пределах ассигнуемых по смете сего министерства кредитов, на каждую входящую в сеть школу, открытую или подлежащую открытию в течение ближайшего учебного года, пособие на минимальное вознаграждение учителей и законоучителей по действительному их числу в означенных школах, считая по 360 руб. учителю и 60 руб. законоучителю. При этом общий размер пособия

училищам в данном районе не должен превышать суммы по расчету 390 руб. на 50 детей школьного возраста.

Примечание. Церковно-приходские школы, вошедшие в школьную сеть, как открытые, так и подлежащие открытию в течение ближайшего учебного года, получают пособие от казны на равных основаниях со школами, состоящими в ведомстве Министерства народного просвещения, из кредита, ассигнуемого по финансовой смете Святейшего Синода; школы же церковно-приходские, не вошедшие в сеть в тех местностях, для коих она утверждена, могут содержаться лишь на местные средства.

9. Прочие расходы, как по содержанию и устройству помещений для училищ, так и по увеличению оклада учащимся, в зависимости от местных условий, устанавливаются учредителями училищ и относятся на местные источники.

10. Получение пособия от Министерства народного просвещения не стесняет прав учредителей училищ в деле заведования школой. Местному самоуправлению предоставляется организация и ближайшее заведование начальными школами, под руководством и надзором Министерства народного просвещения.

11. Сословным и иным законным организациям и частным лицам, если содержимые ими школы входят в общую школьную сеть, Министерство народного просвещения дает пособие, в случае признания в том необходимости, по вышеуказанному расчету (п. 8) на тех же основаниях, как и учреждениям общественного самоуправления.

12. Впредь до получения и утверждения школьных сетей и планов введения всеобщего обучения от местных самоуправлений, Министерство народного просвещения распределяет ассигнованный по его смете кредит, по соображению с местными нуждами и требованиями, применительно к изложенным положениям, имея в виду осуществление всеобщего обучения в данной местности».

Однако эта важнейшая реформа Столыпина (впрочем, как и ряд других) не была реализована. И отнюдь не по вине премьера. Законопроект был внесен в Думу еще в 1907 году, получил одобрение, но у Государственного совета были замечания (совершенно не принципиального характера), которые парламент счел неприемлемыми. В итоге, уже после смерти премьера, в 1912 году Государственный совет окончательно отклонил законопроект, и всеобщее начальное обучение в Российской империи так и не было введено. За политическими и личными амбициями и левые в Думе, и правые в Государственном совете забывали об интересах народа...

Особо остановимся на том, что Столыпин обещал провести реформу высшей школы на началах царского указа от 27 августа 1905 года. Имелись в виду высочайше утвержденные «Временные правила об управлении учебными заведениями Министерства народного просвещения» (17 сентября 1905 года они были также распространены и на высшие учебные заведения других ведомств). «Временными правилами» профессорским коллегиям возвращалось право избрания ректора и его помощника (проректора), деканов и секретарей факультетов. Ректору также переходила в подчинение и «инспекция студентов» (де-факто полиция высшего учебного заведения), ранее управлявшаяся попечителями учебных округов.

Однако «Временные правила» действовали лишь до октября 1905 года. В первую очередь университетской автономией воспользовались революционные партии, сделавшие высшие учебные заведения площадкой для антиправительственных митингов. Полиция здесь была совершенно бессильна — она не могла войти без разрешения ректоров, а последние вполне отдавали себе отчет, что за подобное разрешение могут заплатить жизнью — террористы в отношении ученых мужей никаких сантиментов не испытывали. В конечном итоге это привело к тому, что 14 октября правительство временно закрыло высшие учебные заведения, а после возобновления их деятельности «Временные правила» фактически не применялись.

Возвращение к уважению автономии высших учебных заведений, предпринятое правительством Столыпина, было необходимым не только для дальнейшего развития высшей школы. Одновременно премьер демонстрировал, что Совет министров настолько уверен в своих силах, необратимости поражения революции и успокоения страны, что не боится полноценной университетской автономии. Но при этом правительство предприняло необходимые меры для недопущения использования высших учебных заведений в интересах революционных партий. С этой целью были подготовлены следующие правила, которые были утверждены императором: «Совет министров полагал:

I. Относительно образования студенческих организаций и устройства в стенах высших учебных заведений собраний постановить следующие правила:

1. Студентам высших учебных заведений разрешается образовывать организации, преследующие цели, не противные существующим узаконениям и правилам. Уставы таких организаций утверждаются советом университета или соответствующе ему в других высших учебных заведениях коллегиальною или единоличною властью.

2. Организации, не имеющие утвержденных установленным порядком (ст. 1) уставов, признаются незаконными.

3. Постановления, исходящие от студенческих организаций, уставы коих не утверждены (ст. 2), не могут быть принимаемы органами управления высших учебных заведений ни к сведению, ни к обсуждению, ни к разрешению.

4. Никакие отдельные студенческие кружки, общества и иные организации не могут быть признаваемы в качестве представительных органов всех студентов данного учебного заведения, и учебное начальство (советы, ректоры, директора, деканы, профессора и др.) ни в какие сношения с такими организациями по вопросам, заявляемым от лица всего студенчества, не вступает.

5. В стенах высших учебных заведений допускается в установленном порядке устройство: а) публичных собраний и б) частных собраний студентов данного учебного заведения.

6. Публичные собрания (ст. 5, п. а) могут быть только учебного характера или такие, которые разрешены действующими уставами учебных заведений или изданными о таковых собраниях правилами [Имен. Выс. указ 4 марта 1906 г. (27480), отд. III, ст. 1]. Публичные собрания, уставами учебных заведений не предусмотренные, должны быть устраиваемы с соблюдением указанного в означенных правилах (там же, отд. III, ст. 5—15) порядка.

7. На частных собраниях студентов (ст. 5, п. б) разрешается присутствовать исключительно учащимся данного учебного заведения. Разрешения на устройство частных собраний студентов выдаются ректором, директором или, по их уполномочию, проректором или помощником директора. Студенты, испрашивающие разрешения на собрания этого рода, расписываются в получении разрешения в особой книге и считаются устроителями собрания. Книга эта хранится у того начальствующего лица, коим выдается разрешение на собрание.

8. О разрешенных частных собраниях студентов, с обозначением предмета, места и времени собрания, вносится немедленно в особую книгу, хранящуюся в канцелярии учебного заведения. Книга эта должна быть предъявляема чинам полиции, на то уполномоченным, по первому их требованию.

9. В случае возникающих сомнений в законности собрания или получения сведений о последовавшем на оном нарушении порядка, полиция имеет право удостовериться в сем, при посредстве командированных на собрания полицейских чинов, с одновременным уведомлением об этом

начальства учебного заведения, и, в случае нарушения собранием требований закона или действующих правил, принимает все нужные меры к восстановлению порядка и к привлечению виновных к законной ответственности.

10. Устроители и участники частных собраний студентов за нарушение установленных для сего учебным начальством правил привлекаются к ответственности в дисциплинарном порядке; в случае же совершения устроителями или участниками студенческих собраний деяний, предусмотренных уголовным законом, означенные лица привлекаются полицией к судебной ответственности на общем основании.

11. За разрешение собраний и студенческих организаций с нарушением настоящих правил виновные в том начальствующие лица привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

12. Проступки студентов, нарушающих установленные для высших учебных заведений их советами или соответствующими им органами правила, подлежат ведению профессорского дисциплинарного суда, причем порядок рассмотрения этих дел определяется инструкциями, издание коих возлагается на советы университетов и соответствующие им органы других высших учебных заведений.

II. Поручить министрам и главноуправляющим отдельными частями, имеющими в своем ведении высшие учебные заведения, озаботиться: 1) изданием, по взаимному между собою соглашению, единообразных правил относительно выдачи учащимся бесплатных взамен паспортов (Уст. пасп., изд. 1903 г., ст. 20) свидетельств, с тем, чтобы последние выдавались на срок, не более полугода, и для проживания исключительно в той местности, где находится данное учебное заведение, и 2) использованием сумм, отпускавшихся на содержание в высших учебных заведениях инспекции, где таковая упразднена, на усиление в означенных заведениях способов надзора и охраны».

Был тут и не менее важный аспект, который можно расценить как спланированный Столыпиным удар по кадетской партии с целью ее максимальной нейтрализации. ПНС вполне обоснованно называли «партией профессоров». Действительно, преподаватели высшей школы составляли костяк кадетского руководства (достаточно вспомнить бывшего приват-доцента Московского университета видного историка Милюкова). В первом составе ее ЦК из 54 членов 22 преподавали в высших учебных заведениях. Демонстрация понимания государственной поддержки и уважения автономии высшей школы должна была ослабить влияние кадетов в академической среде, способствовать ее переходу на

проправительственные позиции.

И, в значительной степени, план Столыпина удался (хотя, конечно, этому способствовал целый ряд его действий, а не только возобновление автономии высших учебных заведений). Свидетельством этому являлся и вышедший в 1908 году сборник статей виднейших философов и публицистов о русской интеллигенции «Вехи». Он знаменовал собой переход значительной части либеральной интеллигенции: в философском плане — на позиции поддержки исторической преемственности власти и отрицания идеи революционного разрушения, а в практическом — к той или иной форме сотрудничества с правительством Столыпина в стабилизации ситуации в стране и проведении курса реформ.

Для понимания масштаба идейной эволюции, произошедшей с либеральной интеллигенцией (ранее неизменно оппозиционной власти), процитируем отрывок из напечатанной в сборнике программной статьи выдающегося философа и бывшего приват-доцента Петербургского университета Петра Бернгардовича Струве (кстати, автора принятого I съездом РСДРП в 1898 году «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии») «Интеллигенция и революция». Струве особенно подчеркивает, что одной из главных причин революции является нигилистическая безрелигиозность русской интеллигенции, которую Столыпин также считал крайне опасной для будущего России: *«В момент государственного преобразования 1905 года отщепенские идеи и отщепенское настроение всецело владели широкими кругами русских образованных людей. Исторически, веками слагавшаяся власть должна была пойти насмарку тотчас после сделанной ею уступки, в принципе решавшей вопрос о русской конституции. Речь шла о том, чтобы, по подлинному выражению социал-демократической публицистики того времени, "последним пинком раздавить гадину". И такие заявления делались тогда, когда еще не было создано народное представительство, когда действительное настроение всего народа и, главное, степень его подготовки к политической жизни, его политическая выдержка никому еще не были известны. Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы. Достаточно указать на то, что ни в одной великой революции идея низвержения монархии не являлась наперед выброшенным лозунгом. И в Англии XVII века, и во Франции XVIII века ниспровержение монархии получилось в силу рокового сцепления фактов, которых никто не предвидел, никто не призывал, никто не "делал"»*.

Чужой революционный опыт дает наилучший комментарий к нашему русскому. Интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты, которые говорили далекими голосами, сливавшимися в какой-то гул. Вместо того чтобы этот гул претворить систематической воспитательной работой в сознательные членораздельные звуки национальной личности, интеллигенция прицепила к этому гулу свои короткие книжные формулы. Когда гул стих, формулы повисли в воздухе.

В ту борьбу с исторической русской государственностью и с "буржуазным" социальным строем, которая после 17 октября была поведена с еще большею страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана — религиозной идеи.

Религиозность или безрелигиозность интеллигенции, по-видимому, не имеет отношения к политике. Однако только по-видимому. Не случайно, что русская интеллигенция, будучи безрелигиозной в том неформальном смысле, который мы отстаиваем, в то же время была мечтательна, неделовита, легкомысленна в политике... Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения, — словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания. Это противоречие, конечно, свойственно по существу всякому окрашенному материализмом и позитивизмом радикализму. Но ни над одной живой исторической силой оно не тяготело и не тяготеет в такой мере, как над русской интеллигенцией. Радикализм или максимализм может находить себе оправдание только в религиозной идее, в поклонении и служении какому-нибудь высшему началу. Впервые, религиозная идея способна смягчить углы такого радикализма, его жесткость и жестокость.

Но, кроме того, и это самое важное, религиозный радикализм апеллирует к внутреннему существу человека, ибо с религиозной точки зрения проблема внешнего устройства жизни есть нечто второстепенное. Поэтому, как бы решительно ни ставил религиозный радикализм политическую и социальную проблему, он не может не видеть в ней проблемы воспитания человека. Пусть воспитание это совершается путем непосредственного общения человека с Богом, путем, так сказать, надчеловеческим, но все-таки это есть воспитание и совершенствование человека, обращающееся к нему самому, к его внутренним силам, к его чувству ответственности.

Наоборот, безрелигиозный максимализм, в какой бы то ни было форме, *отмечает* проблему воспитания в политике и в социальном

строительстве, заменяя его внешним устройством жизни.

Говоря о том, что русская интеллигенция идейно отрицала или отрицает личный подвиг и личную ответственность, мы, по-видимому, приходим в противоречие со всей фактической историей служения интеллигенции народу, с фактами героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение. Но нужно понять, что фактическое упражнение самоотверженности не означает вовсе признания идеи личной ответственности как начала, управляющего личной и общественной жизнью. Когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу, т. е. ко всякому лицу, независимо от его происхождения и социального положения. Аскетизм и подвижничество интеллигенции, полагавшей свои силы на служение народу, несмотря на всю свою привлекательность, были, таким образом, лишены принципиального морального значения и воспитательной силы.

Это обнаружилось с полной ясностью в революции. Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач. А так как народ состоит из людей, движущихся интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская идеология должна была дать вовсе не идеалистический плод. *Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнузданность и деморализацию.*

Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия. Предъявляя самые радикальные требования, во имя их призывая народ к действиям, наша радикальная интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение. Но возбуждение быстро сыграло свою роль и не могло больше ничего дать. Когда оно спало, момент был пропущен и воцарилась реакция. Дело, однако, вовсе не в том только, что пропущен был момент.

В настоящее время отвратительное торжество реакции побуждает многих забывать или замалчивать ошибки пережитой нами революции. Не может быть ничего более опасного, чем такое забвение, ничего более легкомысленного, чем такое замалчивание. Такому отношению, которое нельзя назвать иначе как политическим импрессионизмом, необходимо противопоставить поднимающийся над впечатлениями текущего момента анализ морального существа того политического кризиса, через который прошла страна со своей интеллигенцией во главе.

Чем вложились народные массы в этот кризис? Тем же, чем они влагались в революционное движение XVII и XVIII веков, своими социальными страданиями и стихийно выраставшими из них социальными требованиями, своими инстинктами, аппетитами и ненавистями. Религиозных идей не было никаких. Это была почва, чрезвычайно благодатная для интеллигентского безрелигиозного радикализма, и он начал оперировать на этой почве с уверенностью, достойною лучшего применения.

Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что "прогресс" общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению.

Политическое легкомыслие и неделовитость присоединились к этой основной моральной ошибке. Если интеллигенция обладала формой религиозности без ее содержания, то ее "позитивизм", наоборот, был чем-то совершенно бесформенным. То были "положительные", "научные" идеи без всякой истинной положительности, без знания жизни и людей, "эмпиризм" без опыта, "рационализм" без мудрости и даже без здравого смысла.

Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация. Это обстоятельство, однако, только ярко иллюстрирует поразительную неделовитость революционеров, их практическую беспомощность, но не в нем суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще делали. Делали революцию в то время, когда задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании. Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть, и это пробуждение открывало для работы политического воспитания такие широкие возможности, которые обещали самые обильные плоды. И вместо этого что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (совет рабочих депутатов!), ряд военных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представилось в первый момент, бойкот выборов в первую думу и подготовка (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже

после роспуска Государственной думы. Всё это должно было терроризировать и в конце концов смести власть. Власть была действительно терроризирована. Явились военно-полевые суды и бесконечные смертные казни. И затем государственный испуг превратился в нормальное политическое состояние, в котором до сих пор пребывает власть, в котором она осуществила изменение избирательного закона, — теперь потребуются годы, чтобы сдвинуть страну с этой мертвой точки».

Не менее показательна и статья в «Вехах» Семена Франка (под красноречивым названием «Этика нигилизма»), тоже пришедшего к выводу о пагубности нигилистической безрелигиозности радикальной интеллигенции и необходимости обращения к религиозному гуманизму. Прочитав отрывок из нее, убедительно свидетельствующий о том, что Столыпину всё же удалось главное в его деятельности во главе Совета министров — добиться начала нравственного перелома в обществе: «Глубочайший культурно-философский смысл судьбы общественного движения последних лет именно в том и состоит, что она обнаружила несостоятельность мировоззрения и всего духовного склада русской интеллигенции. Вся слепота и противоречивость интеллигентской веры была выявлена, когда маленькая подпольная секта вышла на свет Божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно влиятельной и даже реально могущественной. Тогда обнаружилось, прежде всего, что монашеский аскетизм и фанатизм, монашеская нелюдимость и ненависть к миру несовместимы с реальным общественным творчеством. Это — одна сторона дела, которая до некоторой степени уже осознана и учтена общественным мнением. Другая, по существу более важная, сторона еще доселе не оценена в должной мере. Это — противоречие между морализмом и нигилизмом, между общеобязательным, религиозно-абсолютным характером интеллигентской веры и нигилистически-беспринципным ее содержанием. Ибо это противоречие имеет отнюдь не одно лишь теоретическое или отвлеченное значение, а приносит реальные и жизненно-гибельные плоды. Непризнание абсолютных и действительно общеобязательных ценностей, культ материальной пользы большинства обосновывают примат силы над правом, догмат о верховенстве классовой борьбы и "классового интереса пролетариата", что на практике тождественно с идолопоклонническим обоготворением интересов партии; отсюда — та беспринципная, "готтентотская" мораль, которая оценивает дела и мысли не объективно и по существу, а с точки зрения их партийной пользы или партийного вреда; отсюда — чудовищная, морально недопустимая непоследовательность в отношении к террору правому и

левому, к погромам черным и красным и вообще не только отсутствие, но и принципиальное отрицание справедливого, объективного отношения к противнику. Но этого мало. Как только ряды партии расстроились, частью неудачами, частью притоком многочисленных, менее дисциплинированных и более первобытно мыслящих членов, та же беспринципность привела к тому, что нигилизм классовый и партийный сменился нигилизмом личным или, попросту, хулиганским насильничеством. Самый трагический и с внешней стороны неожиданный факт культурной истории последних лет — то обстоятельство, что субъективно чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры оказались не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата, — этот факт всё же с логической последовательностью обусловлен самим содержанием интеллигентской веры, именно ее нигилизмом; и это необходимо признать открыто, без злорадства, но с глубочайшей скорбью. Самое ужасное в этом факте именно в том и состоит, что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности.

Такие факты, как, с одной стороны, полное бесплодие и бессилие интеллигентского сознания в его соприкосновении с реальными силами жизни и, с другой — практически обнаружившаяся нравственная гнилость некоторых его корней, не могут пройти бесследно. И действительно, мы присутствуем при развале и разложении традиционного интеллигентского духа; законченный и целостный, несмотря на все свои противоречия, моральный тип русского интеллигента, как мы старались изобразить его выше, начинает исчезать на наших глазах и существует скорее лишь идеально, как славное воспоминание прошлого; фактически, он уже утерять прежнюю неограниченную полноту своей власти над умами и лишь редко воплощается в чистом виде среди подрастающего ныне поколения. В настоящее время всё перепуталось; социал-демократы разговаривают о Боге, занимаются эстетикой, братаются с "мистическими анархистами", теряют веру в материализм и примиряют Маркса с Махом и Ницше; в лице синдикализма начинает приобретать популярность своеобразный мистический социализм; "классовые интересы" каким-то образом сочетаются с "проблемой пола" и декадентской поэзией, и лишь немногие старые представители классического народничества 70-х годов уныло и бесплодно бродят среди этого нестройно-пестрого смешения языков и вер как последние экземпляры некогда могучего, но уже непроизводительного

и вымирающего культурного типа. Этому кризису старого интеллигентского сознания нечего удивляться, и еще менее есть основание скорбеть о нем; напротив, надо удивляться тому, что он протекает как-то слишком медленно и бессознательно, скорее в форме непроизвольной органической болезни, чем в виде сознательной культурно-философской перестройки; и есть причины жалеть, что, несмотря на успехи в разложении старой веры, новые идеи и идеалы намечаются слишком слабо и смутно, так что кризису пока не предвидится конца.

Для ускорения этого мучительного переходного состояния необходимо одно: сознательное уяснение тех моральных и религиозно-философских основ, на которых зиждутся господствующие идеи. Чтобы понять ошибочность или односторонность какой-либо идеи и найти поправку к ней, по большей части достаточно вполне отчетливо осознать ее последние посылки, как бы прикоснуться к ее глубочайшим корням. В этом смысле недостаточный интерес к моральным и метафизическим проблемам, сосредоточение внимания исключительно на технических вопросах о средствах, а не на принципиальных вопросах о конечной цели и первой причине, есть источник живучести идейного хаоса и сумятицы. Быть может, самая замечательная особенность новейшего русского общественного движения, определившая в значительной мере и его судьбу, есть его философская непродуманность и недоговоренность. В отличие, например, от таких исторических движений, как великая английская или великая французская революции, которые пытались осуществить новые, самостоятельно продуманные и сотворенные философские идеи и ценности, двинуть народную жизнь по еще не проторенным путям, открытым в глубоких и смелых исканиях творческой политической мысли, — наше общественное движение руководилось старыми мотивами, заимствованными на веру, и притом не из первоисточников, а из вторых и третьих рук. Отсутствие самостоятельного идейного творчества в нашем общественном движении, его глубоко консервативный в философском смысле характер есть факт настолько всеобщий и несомненный, что он даже почти не обращает на себя ничего внимания и считается естественным и нормальным. Социалистическая идея, владеющая умами интеллигенции, целиком, без критики и проверки заимствована ею в том виде, в каком она выкристаллизовалась на Западе в результате столетнего брожения идей. Корни ее восходят, с одной стороны, к индивидуалистическому рационализму XVIII в. и, с другой — к философии реакционной романтики, возникшей в результате идейного разочарования исходом великой французской революции. Веруя в Лассаля и Маркса, мы, в

сущности, веруем в ценности и идеи, выработанные Руссо и де Местром, Гольбахом и Гегелем, Берком и Бентамом, питаемся обедами с философского стола XVIII и начала XIX века. И, воспринимая эти почтенные идеи, из которых большинство уже перешагнуло за столетний возраст, мы совсем не останавливаемся сознательно на этих корнях нашего мирозерцания, а пользуемся их плодами, не задаваясь даже вопросом, с какого дерева сорваны последние и на чем основана их слепо исповедуемая нами ценность. Для этого философского безмыслия весьма характерно, что из всех формулировок социализма подавляющее господство над умами приобрело учение Маркса — система, которая, несмотря на всю широту своего научного построения, не только лишена какого бы то ни было философского и этического обоснования, но даже принципиально от него отрекается (что не мешает ей, конечно, фактически опираться на грубые и непроверенные предпосылки материалистической и сенсуалистической веры). И поскольку в наше время еще существует стремление к новым ценностям, идейный почин, жажда устроить жизнь сообразно собственным, самостоятельно продуманным понятиям и убеждениям, — этот живой духовный трепет инстинктивно сторонится от большой дороги жизни и замыкается в обособленной личности; или же — что еще хуже, — если ему иногда удастся прорваться сквозь толщу господствующих идей и обратить на себя внимание, — воспринимается поверхностно, чисто литературно, становится ни к чему не обязывающей модной новинкой и уродливо сплетается с старыми идейными традициями и привычками мысли.

Но здесь, как и всюду, надлежит помнить проникновенные слова Ницше: "не вокруг творцов нового шума — вокруг творцов новых ценностей вращается мир!" Русская интеллигенция, при всех недочетах и противоречиях ее традиционного умонастроения, обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь. Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми. Правда, этот поворот может оказаться столь решительным, что, совершив его, она вообще перестанет быть "интеллигенцией" в старом, русском, привычном смысле слова. Но это — к добру! На смену старой интеллигенции, быть может, грядет "интеллигенция" новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения. Порвав с традицией ближайшего прошлого, она может поддержать и укрепить традицию более длительную и глубокую и через семидесятые годы подать руку тридцатым

и сороковым годам, возродив в новой форме, что было вечного и абсолютно-ценного в исканиях духовных пионеров той эпохи. И если позволительно афористически наметить, в чем должен состоять этот поворот, то мы закончим наши критические размышления одним положительным указанием. *От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму».*

Возвращаясь к вопросу программы стратегических реформ Столыпина, отметим, что об особой озабоченности председателя Совета министров их социальной стороной свидетельствуют не только предложения в аграрной сфере и рабочем законодательстве. Премьер особое внимание уделил реформе налогообложения с целью снижения налогового бремени для наименее защищенных слоев населения. Это, в том числе, должно было также уменьшить влияние антиправительственных сил. Как отметил премьер в своем программном выступлении: «...руководящею мыслью Министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту Министерства финансов, подходящий налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения... Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности».

Обратим внимание на последнее предложение председателя Совета министров — относительно передачи части налогов в ведение местного самоуправления. Это не только подтверждает курс Столыпина на всемерное расширение прав местного самоуправления (понятно, что передача ему ряда налогов значительно его усиливала), но еще раз доказывает то, что все Столыпинские реформы составляли единое неразрывное целое. Например, реформа системы налогообложения, создание ее более эффективной модели рассматривались Столыпиным и в

качестве средства для получения необходимых средств на возрождение армии и флота после поражения в войне с Японией.

Вполне понятно, что подобное выступление главы вызвало ожесточенные нападки социал-демократов, не преминувших выступить со старыми обвинениями в адрес Столыпина. Ответ последнего был не менее важен, чем предыдущее выступление. Премьер вновь подчеркнул, что его правительство всю свою работу с Государственной думой будет основывать на началах строжайшего соблюдения законности и он сделает всё возможное, чтобы избежать конфронтации: «Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной».

Но кроме плана реформ Государственная дума услышала и твердое слово Столыпина о том, что его желание совместной конструктивной работы во благо страны совершенно не означает намерения правительства капитулировать перед парламентской оппозицией. Председатель Совета министров сразу же очертил возможную границу компромисса, и не его вина, что большинство II Думы не прислушалось к прозвучавшему предостережению: «Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что *тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых*, это место правительства. За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что *та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений*. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и

злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти *нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: "Руки вверх". На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "Не запугаете"*».

Вот как описывал свое впечатление от исторических слов главы правительства епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский), входивший в правую группу Государственной думы: «Эти знаменитые два слова "не запугаете!" отразили подлинное настроение Столыпина. Он держался с большим достоинством и мужеством. Его искренняя прекрасная речь произвела в Думе сильное, благоприятное впечатление. *Несомненно в этот день он одержал большую правительственную победу.* После заседания, как я узнал, они с супругою отправились пешком в Казанский собор служить благодарственный молебен».

На антистолыпински настроенную II Думу выступление главы правительства произвело, без преувеличения, огромное впечатление. И, как докладывал Петр Аркадьевич царю: «Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за всё время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка».

Впрочем, любое выступление Столыпина в парламенте производило глубочайшее впечатление даже на его политических противников (а к программной мартовской речи это, конечно, относится особо). Вот как говорил об этом один из думских сторонников Столыпина, лидер умеренно правой фракции «националистов» граф Владимир Алексеевич Бобринский: «С первых слов его все притаили дыхание, и все, немногие друзья и многочисленные враги, одинаково внимали его ясной, мужественной, а главное искренней речи. *Но не одни члены законодательных палат слушали лучшего оратора нашего. Он говорил не к Думе только, а к России, и его слушала вся мыслящая Россия*».

Допустим, граф мог быть не совсем объективен в силу своей простолыпинской политической ангажированности. Но вот аналогичные свидетельства со стороны члена кадетского ЦК Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс: «В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам... Столыпин был прирожденный оратор. Его речи

волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию. Горький где-то сказал, что приятно видеть своих врагов уродами. Оппозиция точно обиделась, что царь назначил премьером человека, которого ни в каком отношении нельзя было назвать уродом. Резкие ответы депутатов на речи Столыпина часто принимали личный характер. Во Второй Думе у правительства уже было несколько сторонников. Но грубость и бестактность правых защитников власти подливала масла в огонь. Они не помогали, а только портили Столыпину. В сущности во Второй Думе только он был настоящим паладином власти. В ответ на неоднократное требование Думы прекратить военно-полевые суды Столыпин сказал:

— Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача.

Левый сектор, занимавший большую часть скамей, ответил ему гневным гулом. Премьер стоял на трибуне, выпрямившись во весь рост, высоко подняв красивую голову. Это был не обвиняемый. Это был обвинитель. Но лицо его было бледно. Только глаза светились сумеречным огнем. Нелегко ему было выслушивать сыпавшиеся на него укоры, обвинения, оскорбления. После этой речи я сказала во фракции:

— На этот раз правительство выдвинуло человека и сильного, и даровитого. С ним придется считаться.

Только и всего. Довольно скромная оценка. У меня, как и других, не хватило политического чутья, чтобы понять подлинное значение мыслей Столыпина, чтобы признать государственную неотложность его стремления замирить Россию. Но даже мое простое замечание, что правительство возглавляется человеком незаурядным, вызвало против меня маленькую бурю. Особенно недоволен мною был Милюков. Пренебрежительно пожимая плечами, он бросил:

— Совершенно дамские рассуждения. Конечно, вид у Столыпина эффектный. Но в его доводах нет государственного смысла. Их ничего не стоит разбить.

У меня с Милюковым тогда были хорошие отношения, которые отчасти выражались в том, что мы без стеснения говорили друг другу, что думали. Но в этот раз у меня мелькнула смутная мысль, которой я ему не высказала:

— А ведь Столыпин куда крупнее Милюкова.

С годами эта мысль во мне окрепла. Не знаю, когда и как вернется Россия к прежнему богатому и свободному литературному творчеству, но, думаю, что придет время, когда контраст между государственным

темпераментом премьера и книжным догматизмом оппозиции, волновавшейся в Таврическом Дворце, поразит воображение романиста или поэта.

Я Столыпина видала только издалека, в Думе. Мне не случилось подойти к нему, почувствовать его взгляд, услышать его голос в частном разговоре. Вообще, я в первый раз по-человечески, попросту, начала разговаривать с царскими министрами только после большевистской революции, когда они уже превратились из министров в эмигрантов. И с первой же встречи обнаружилось, как много у нас общего в привычках, в воспитании, в любви к России. Во времена думские ни мы, ни они этого не подозревали. Между правящими кругами и нами громоздилась обоюдная предвзятость. Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом. А ведь мы одинаковой любовью любили нашу общую родину.

В Таврическом Дворце я нередко видала и слышала Столыпина. Мы жили близко, в самом конце Кирочной улицы. Когда мы с Вильямсом (муж Тырковой-Вильямс, английский журналист. — *Авт.*) утром шли на заседание, мы еще на улице могли угадать, ждут там премьера или нет. Если ждут, то вдоль длинной решетки Таврического сада, через каждые двадцать шагов, были расставлены секретные агенты. Мы их знали в лицо, и они к нам пригляделись, давно о нас осведомились. Эти бравые штатские молодцы с солдатской выправкой охраняли еще невидимого Столыпина, стеной стояли между ним и нами. Со стороны Таврической улицы, по которой мы шли, в садовой решетке была сделана калитка, а от нее во дворец проведен крытый, железный коридор, своего рода изолятор. Министры никогда не подъезжали к общему парадному крыльцу дворца, не проходили через кулуары, в них не заглядывали. Для них был устроен этот особый изолированный вход. И тут сказывалось *разделение на мы и они, о котором часто упоминал Столыпин. Министров за эти полицейские предосторожности нельзя обвинять, тем более высмеивать. Они были вынуждены принимать меры, когда 220 депутатов открыто заявляли, что они пришли в Думу, чтобы продолжать революцию. Гораздо удивительнее, что, несмотря на вызывающую и открытую враждебность Государственной Думы, Столыпин продолжал выступать в Таврическом Дворце с большими ответственными речами. Может быть, он надеялся образумить Думу? Или через головы депутатов обращался к стране, ко всей России?»*

А вот мнение коллеги Тырковой-Вильямс по ЦК ПНС Маклакова: «... он меня поразил, как неизвестный мне до тех пор первоклассный оратор, никого из наших парламентариев я не мог бы поставить выше его. Ясное

построение речи, сжатый, красивый и меткий язык и, наконец, гармоническое сочетание тона и содержания».

Правда, признание масштаба Столыпина как государственного деятеля, человека воли и действия несколько не смягчило думскую оппозицию в отношении проводимого им курса. Скорее, напротив. Понимая, что столыпинская политика не может быть реализована без ее творца и вдохновителя (что впоследствии подтвердилось в полной мере), левые и кадеты делали всё возможное и невозможное, чтобы устранить от власти председателя Совета министров. Снова процитируем Тыркову-Вильямс, одного из наиболее прозорливых и мудрых кадетских лидеров: «Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, а правительство всегда виноватым... *Крупность Столыпина раздражала оппозицию*».

Действительно, так именно и происходило как в I, так и во II Думе, направлявшими все свои усилия на блокирование столыпинского курса, без реализации которого Россия была обречена. По сути, несмотря на все усилия Столыпина, конструктивное сотрудничество со II Думой, в силу преобладания в ней резко радикально-экстремистских элементов (в частности, II Дума отказалась принять постановление об осуждении революционного террора), было изначально невозможно. Ничего, кроме полной капитуляции власти, думское большинство не хотело. Поэтому Столыпин был вновь поставлен перед нелегким выбором...

Приведем оценку сложившейся ситуации со стороны одного из наиболее информированных и компетентных свидетелей событий — видного октябриста (единственная политическая партия, почти в полной мере осознававшая всю грандиозность и важность Столыпинских реформ) Никанора Васильевича Савича: «Положение стало явно нетерпимым. Встать на путь соглашения (Савич имеет в виду под «соглашением» капитуляцию. — Авт.) с Государственной Думой такого состава Верховная власть явно не могла, *это было бы равносильно отказу от своего собственного бытия, от своей исторической роли, это привело бы к крушению государственности, к распаду России*.

Первые же заседания этой Государственной Думы поставили перед правительством и той частью общества, которая еще не потеряла инстинкта государственности, вопрос, что же делать дальше, куда идти, к чему стремиться».

Обратим особое внимание на мнение Савича о том, что простой роспуск, как это было сделано в отношении I Думы, ничего не даст (и не

приходится сомневаться, что из аналогичных соображений исходил в своих последующих действиях и председатель Совета министров): «Роспуск и новые выборы были тоже бесполезны. Опыт показал, что при существовавшем выборном законе не было надежды на то, что состав следующей Государственной Думы может быть более государственно настроенным, менее революционным и анархическим, чем то имелось во Второй Государственной Думе, которую с первых же ее шагов окрестили "Думой народного невежества"...»

В сущности, перед Властью и страной было два пути: или повернуть круто вспять, открыто признать, что Россия еще не доросла до конституционного строя, или встать на путь изменения существующего избирательного закона, как то сделала когда-то при аналогичных условиях Пруссия. В последнем случае надо было делать ставку совсем на другие классы и слои населения, чем то было сделано при составлении первого избирательного закона в Государственную Думу...

Подошел момент, когда правые и умеренные депутаты Государственной Думы должны были представляться Государю...

В этот момент и Верховная Власть, и правительство уже сделали выбор пути, которым нужно было идти после неизбежного роспуска Второй Государственной Думы. *Идея возвращения к самодержавно-бюрократическому правлению была отвергнута* (что являлось личной заслугой Столыпина, для которого аксиоматичными были необратимость введения начал правового государства и парламентаризма. — Авт.). Добровольная поддержка и моральное содействие депутатов правого блока, в громадном большинстве принадлежащих к классу земельных собственников, и представителей наших земских и городских органов самоуправления являлись показателем того, что, опираясь на "либеральных земцев", правительство может добиться возможности совместного существования и сотрудничества Власти с новым народным представительством.

Тем самым наметился путь, по коему следовало идти Столыпину и его сотрудникам в деле развития и укрепления у нас представительского строя, постепенного перехода к конституционному правлению в России».

Столыпиным был сделан выбор, и, как нельзя более кстати, он получил в свои руки чрезвычайно убедительный довод для получения царского решения о роспуске. Речь шла о раскрытом охранным отделением факте агитации членов думской социал-демократической фракции в войсках, конечной целью которой была подготовка вооруженного восстания. Как правило, большинство историков склонны называть это

«выдумкой» или даже «провокацией» Столыпина, не приводя при этом никаких доказательств. На самом деле глава правительства действительно пресек подготовку социал-демократами восстания в войсках, что не могло бы терпеть ни одно правительство даже самого демократического характера. Да и не в характере Столыпина было прибегать к фальсификации — он мог быть жесток, но бесчестные методы не использовал никогда.

Генерал Герасимов вспоминал, что подрывная деятельность социал-демократов давно крайне тревожила министра внутренних дел (у которого еще совсем свежи были в памяти недавние вооруженные восстания), и он дал указание принять меры против их агитации в войсках. Указание премьера Герасимову удалось выполнить с помощью своего секретного сотрудника по социал-демократам Шорниковой (агентурный псевдоним «Казанская»), находившейся на связи с подчиненным начальника столичного охранного отделения подполковником Еленским.

Чрезвычайно интересны воспоминания генерала о дальнейших событиях, приведших к роспуску II Думы: «29 апреля 1907 года в общежитии Политехнического института состоялось собрание распропагандированных солдат, на котором присутствовал член Государственной думы Герус (член II Думы Лонгин Федорович Герус, большевик. — *Авт.*). На этом собрании было решено послать от имени социал-демократической военной организации делегацию в социал-демократическую фракцию Государственной думы и представить ей особый наказ (петицию) с изложением пожеланий солдат. Составление петиции было поручено литератору Войтинскому (Владимир Савельевич Войтинский, видный экономист, член РСДРП с 1903 года. В своих воспоминаниях он подтвердил излагаемую Герасимовым историю с агитацией социал-демократов в войсках, что полностью опровергает версию о «фальсификации охранки». — *Авт.*). Охранное отделение сделало попытку арестовать собрание, но, предупрежденное о приходе полиции, оно успело разойтись. Шорникова присутствовала на этом собрании и подробно о нем доложила, Еленский, имевший от меня особую инструкцию относительно наблюдения за связями депутатов Государственной думы с военными организациями, немедленно доложил мне о результатах состоявшегося 29 апреля собрания. Так как я имел от Столыпина прямое указание арестов членов Государственной думы и никаких обысков в связи с ними не предпринимать без его разрешения (он не хотел напрасно раздражать Государственную думу), то я при первом же очередном докладе сообщил Столыпину о предстоящем появлении в

социал-демократической фракции Государственной думы делегации солдат петербургского гарнизона. Прежде чем принять решение, Столыпин пожелал ознакомиться с тем наказом, который был вручен членам Государственной думы от лица солдат, и Шорникова, участвовавшая в подготовке солдатской делегации, смогла доставить копию этого наказа. Ознакомившись с текстом, Столыпин заявил, что такая солдатская делегация ни в коем случае допущена быть не может и что должны быть произведены аресты, хотя бы это и повлекло за собой конфликт с Государственной думой. *Он потребовал, чтобы аресты были произведены в тот момент, когда солдатская делегация явится в социал-демократическую фракцию, чтобы, так сказать, депутаты были схвачены на месте преступления* (премьер прекрасно понимал, что немедленно будет обвинен в «провокации», и хотел иметь в руках неопровержимые доказательства заговора социал-демократов. — Авт.).

Согласно этим указаниям я подписал ордер на производство обыска в помещении социал-демократической фракции... 5 мая в 7 ч 30 мин вечера в помещение фракции... явилась делегация солдат. Филеры немедленно дали знать в охранное отделение... Еленский несколько задержался, и потому когда отряд явился в помещение для ареста, то делегации солдат он там уже не застал... Отсутствие солдат несколько смутило чиновника охранного отделения, явившегося для производства обыска. Несмотря на бывшие у него прямые и точные инструкции, он замешкался с приступом к пересмотру имевшихся во фракции документов, дав тем самым возможность членам Государственной думы, ссылавшимся на свою депутатскую неприкосновенность, уничтожить целую массу компрометирующих бумаг, в том числе и только что полученный ими наказ. Только часа через два, после того как явились представители судебной власти, было приступлено к обыску. Несмотря на все эти обстоятельства, найденные документы оказались достаточными для того, чтобы установить полную связь социал-демократической фракции с нелегальными партийными организациями вообще и специально с военными организациями...

У Столыпина состоялось совещание с прокурором судебной палаты и с министром юстиции Щегловитовым о дальнейшем направлении дела. Решено было предъявить Государственной думе требование о выдаче социал-демократических депутатов для суда, не останавливаясь, в случае ее несогласия, перед роспуском Думы».

Герасимов был уверен, что Столыпин рассчитывал именно на несогласие Государственной думы, и расчет премьера подтвердился в

полной мере. Председатель Совета министров вынес на рассмотрение II Думы требование дать согласие на арест членов социал-демократической фракции. Разумеется, премьеру было известно, что правительственное требование поддержат только немногочисленные правые и октябристы, и дальнейшее развитие событий было ему понятно заранее. Руководство II Думы (председателем которой был кадет Федор Александрович Головин) не дало ответа в обозначенный законом срок, что уже само собой являлось открытым вызовом правительству. Понятно, что это фактическое отклонение выдвинутого требования без немедленной ответной реакции стало бы огромным ударом по престижу правительства и лично Столыпина. Исходя из этого, председатель Совета министров обратился к императору с предложением немедленно, не дожидаясь более чем предсказуемого решения специально созданной думской комиссии, распустить Государственную думу. Как и в случае с I Думой, Николай II долго колебался, но поздно вечером 2 июня дал окончательное согласие.

Чувство облегчения, которое тогда овладело Столыпиным, хорошо чувствуется в письме императору, которое он немедленно написал после получения высочайшего согласия: «Только что получены мною исторические слова Вашего Величества, которые я позволил себе прочесть господам министрам.

Совет заседал до трех часов ночи, всё было готово к роспуску. Манифест и все документы напечатаны, но ожидалось подлинных документов за подписью Вашего Величества, чтобы дать сигнал для обнародования.

Верьте, Государь, что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твёрдым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову Вашему перестала существовать.

Я крепко верю, что Господь ведет Россию по предуказанному им пути и что Вашему Величеству предстоит еще счастье видеть ее успокоенною и возвеличенною.

Простите, Ваше Величество, за плохой почерк предыдущего донесения, — объясняется он переутомлением, так как не приходится спать, не разобранные Вашим Величеством слова были — (надпись "утверждаю")».

Приведем также основные тезисы царского Манифеста о роспуске II Думы (подготовленного в значительной мере лично Столыпиным), в котором заявляется о введении новой избирательной системы: «По

повелению и указаниям нашим со времени роспуска Государственной думы первого созыва правительство наше принимало последовательный ряд мер к успокоению страны и установлению правильного течения дел государственных.

Созванная нами вторая Государственная дума призвана была содействовать, согласно державной воле нашей, успокоению России: первое всего работой законодательной, без которой невозможна жизнь государства и усовершенствование его строя... укрепления повсеместно правды и справедливости.

Обязанности эти, вверенные нами выборным от населения, наложили на них тем самым тяжелую ответственность и святой долг пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утверждение державы российской. Таковы были мысль и воля наши при даровании населению новых основ государственной жизни.

К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. *Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства.* Деятельность этих лиц в Государственной думе послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе. *В среду самой Думы внесен был дух вражды, помешавший сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать на пользу родной земли.*

По этой причине выработанные правительством нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. *Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия...*

Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения. Наконец, свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то

Государственная дума не исполнила немедленного законного требования властей, не допускавшего никакого отлагательства.

Всё это побудило нас указом, данным Правительствующему Сенату 3 сего июня, Государственную думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 г.

Но веря в любовь к родине и государственный разум народа нашего, мы усматриваем причину двукратного неуспеха деятельности Государственной думы в том, что по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных.

Посему оставляя в силе все дарованные подданным нашим Манифестом 17 октября 1905 г. и основными законами права, воспрियाми мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранников.

...изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым.

От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим. Перед престолом Его мы дадим ответ за судьбы державы Российской. В сознании этом черпаем мы твердую решимость довести до конца начатое нами дело преобразования России и даруем ей новый избирательный закон, обнародовать который повелеваем Правительствующему Сенату».

Роспуск II Думы дал возможность правительству арестовать социал-демократических депутатов (которые впоследствии были осуждены Особым присутствием Сената, большинство к каторжным работам). Но конечно же главным для Столыпина был не роспуск II Думы (хотя понятно, что все надежды на сотрудничество с ней были полностью утрачены), а изменение закона о выборах.

Суть нового закона о выборах в Государственную думу (разработанного под личным руководством Столыпина его ближайшими сотрудниками в МВД и введенного Николаем II чрезвычайным указным порядком) заключалась в следующем: количество выборщиков от крестьян уменьшилось с 44 процентов до 22 процентов, а от городских рабочих — с 4 процентов до 2 процентов. Резко сокращалось количество мест в Думе от

наиболее антиправительственно настроенных или полностью не подготовленных к введению парламентских выборов регионов — Средняя Азия была полностью лишена представительства, значительно уменьшилось количество депутатов от царства Польского (12 вместо 36) и Кавказа (10 вместо 29), число городов с прямыми выборами было уменьшено с 26 до 5. Кроме того, было уменьшено и общее количество парламентариев — с 524 до 442.

Юридически действия императора (а по сути председателя Совета министров) можно характеризовать как государственный переворот (правовое обоснование Манифеста 3 июня не выдерживает никакой критики), но в данном случае речь шла о выборе меньшего из зол. Столыпин осознавал, что без принятия нового закона о выборах, который позволит сформировать конструктивно настроенную Думу, речь могла идти только о двух вариантах развития событий — дальнейшем нарастании хаоса или полной ликвидации молодого парламентаризма и других демократических институтов. Оба варианта были для главы правительства категорически неприемлемы, что и вынудило его инициировать более чем сомнительное, с правовой точки зрения, решение. Следует учесть и то, что огромная часть населения (в значительной степени полностью неграмотного) империи действительно была совершенно не подготовлена к введению парламентаризма. И не приходилось говорить о том, что оно будет в состоянии выразить на выборах свои подлинные интересы, а не станет объектом манипулирования (как со стороны революционеров, так, кстати, и самих властей). В конце концов, нельзя было за несколько месяцев безболезненно ввести в недавней самодержавной монархии институты парламентаризма, которые в европейских странах развивались на протяжении столетий.

Пожалуй, трудно не согласиться с оценкой событий 3 июня со стороны Савича, который вполне отдавал себе отчет в антиправовом характере действий Столыпина: «В деле развития и укрепления конституционного строя не менее важную роль играет традиция, выработка и укрепление известных правил и взаимоотношений между властью и народным представительством. Для этого нужна известная традиция во взаимных отношениях власти и народного правительства, — вернее, тех классов населения, которые играют доминирующую роль на выборах.

Столыпин сознательно пошел по раз избранному пути, он делал ставку на земский элемент, на класс земельных собственников. Представительство этих элементов во Второй Государственной Думе укрепило его в этом намерении, дало ему вещественное доказательство правильности

избранного пути... Закон был издан в порядке указа, он был по существу государственным переворотом. *Но он спасал самую сущность нового конституционного строя, "представительского строя", как его называл сам Столыпин».*

И особенно показательно свидетельство Савича в том, как закон 3 июня был встречен умеренной интеллигенцией и земцами — то есть именно теми общественными кругами, на которые председатель Совета министров и пытался опереться в проведении политики реформ: «В той среде, к которой я принадлежал, этот закон встретили с нескрываемым ликованием. Для нас это было симптомом того, что, *несмотря на нелепое поведение первых двух Государственных Дум, Увенчание здания*", которого столько десятилетий добивались земцы, не получило смертельного удара, что сохранилось участие представителей общественности в деле управления государством, в контроле над деятельностью исполнительной власти. Вместе с тем мы полагали, что *отныне путь революции будет оставлен, что общество убедится в том, что будущее и расцвет государства — в спокойной эволюции...* Мы сознавали, что новый закон, давая нам большие права, тем самым налагал на нас большую ответственность за будущее страны... Мы были убеждены, что, став на путь созидательной работы совместно со Столыпиным, нам удастся прочно наладить отношения Власти с народом в лице вновь созданного народного представительства».

«Путь созидательной работы»

В своих расчетах относительно эффективности нового избирательного закона Столыпин не ошибся. Он действительно сумел блокировать доступ в Думу крайним элементам и сформировать достаточно лояльный к своей политике реформ парламент. Партийный состав III Думы разительно отличался от состава предыдущей. Из 442 членов Думы: октябристы составляли 154 депутата, умеренно правые — 70, кадеты — 54, правые — 51, «прогрессивная группа» — 28 (в том числе 7 мирнообновленцев), «национальная группа» — 26, социал-демократы — 19, «трудовая группа» — 14, польское коло — 11, мусульманская группа — 8, польско-литовско-белорусская группа — 7.

Конечно, было бы совершенно неправильно утверждать, что премьер получил безгласную и полностью управляемую Думу (Милюков был вынужден признать, что «оппозиция проникла в Думу через ряд щелей и скважин, оставленных как бы в предположении, что для полноты представительского органа какая-то оппозиция всё же должна в нем присутствовать»). Неоднократно и Дума в целом, и проправительственные фракции шли против Столыпина, но, во всяком случае по многим ключевым для него вопросам, он мог получить поддержку октябристско-правого большинства.

Однако следует отметить, что даже в случае получения большинства в Думе решение могло быть заблокировано в Государственном совете, где, как правило, против политики премьера выступали не слева, а справа. Именно так произошло в 1909 году с принятым Государственной думой законом о штатах Морского генерального штаба (который Столыпин считал жизненно необходимым для возрождения флота). Противники председателя Совета министров справа в своей ненависти и демагогии дошли до того, что обвинили его в попытке захватить управление армией и флотом, фактически в намерении устранить монарха от реальной власти. Вся огромная работа, проведенная Столыпиным в Государственной думе, ни к чему не привела — после рассмотрения закона в Государственном совете (несмотря на то, что премьер с огромным трудом сумел получить большинство голосов) император его не подписал.

Дошло до того, что Столыпин из-за развязанной тогда против него правыми кампании оказался на грани отставки — для Николая II не было чувствительнее темы, чем возможная узурпация власти Советом

министров. Хотя всё же на отставку Столыпина царь пойти не решился, но 27 апреля 1909 года подписал на его имя рескрипт, показавший, что антистольпинская истерия даром не прошла и выдвинутые обвинения главе правительства в попытке «узурпации власти» в определенной мере легли на благодатную почву. В рескрипте давалось указание председателю Совета министров (вместе с военным и морским министрами) выработать «в пределах, указанных государственными основными законами, правила, в которых было бы перечислено, какие дела в сфере военного управления принадлежат исключительно верховной власти, какие, помимо нее, также и законодательным учреждениям».

Иногда в III Думе октябристы при голосовании объединялись с кадетами и прогрессистами, и тогда председатель Совета министров терпел поражение. Однако нельзя сказать, что кадеты не извлекли уроков из роспуска двух предыдущих Дум. Значительная часть руководства ПНС, пусть и со значительными оговорками и не объявляя об этом прямо, но признала необходимость Столыпинских реформ. Во всяком случае, из радикально-непримиримой оппозиции кадеты превратились в оппозицию в целом конструктивную, для которой всё же было важнее содержание законопроектов, а не то откуда они исходят.

16 ноября 1907 года Столыпин выступил в Думе с программной речью, которая определила не только его основные направления сотрудничества с парламентом, но и реформаторскую линию правительства вплоть до трагической смерти его председателя.

Остановимся на ключевых моментах выступления председателя Совета министров (причем дадим их по думской стенограмме, в которой фиксировалась и реакция аудитории — она, более чем красноречиво, свидетельствует о настроении III Думы). Для понимания того, кто поддерживал Столыпина, следует учесть, что места в зале заседаний занимались в зависимости от политической ориентации фракций — левые занимали левую часть, правые — правую, центристы — центр.

Вначале Столыпин сказал об итогах своей борьбы с революционным насилием и еще раз подчеркнул, что не было другого выхода, чем отвечать силою на силу: «Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».)

Противопоставить этому явлению можно только силу (возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа). Какие-либо послабления в

этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени — этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой (Голоса в центре и справа: «браво».)».

Далее Столыпин четко указал на меры, которыми его правительство собирается в дальнейшем поддерживать порядок в империи, и главные направления их применения: «Начала порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как, помимо средств на преобразование администрации и полиции, правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной (В центре и справа возгласы «браво».)».

Обратим особое внимание на последний абзац — Столыпин подчеркивает то, что видит новоизбранный парламент равноправным партнером правительства, в том числе относительно «обличения незаконных поступков властей». К этой теме, ввиду ее громадной важности для стабильного развития государства, премьер возвращался в

своем выступлении неоднократно: «С своей стороны *правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений* и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя (Рукоплескания в центре и справа.)».

Вновь подчеркнем — для Столыпина жесткие меры по подавлению беспорядков были важны и как необходимое условие дальнейшей реформаторской работы. По словам премьера: «При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройению».

Как и раньше, председатель Совета министров заявлял, что основой «внутреннего устройства» является аграрная реформа, без которой любые преобразования не могут быть реализованы: «Устройство это требует крупных преобразований, но *все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства.* (В центре и справа возгласы «браво».)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящую его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплескания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (Рукоплескания в

центре и справа.)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего *правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 87 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения*».

Далее Столыпин заявил о некоторых важнейших шагах, которые он собирался реализовать совместно с парламентом, и принципах сотрудничества правительства и Думы: *«На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу.*

Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же

передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним. *Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого — о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.*

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. (Рукоплескания справа.)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей. (Рукоплескания в центре и справа.)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (Рукоплескания в центре и справа.)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основною, но и самой срочною. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита».

В конечном итоге, благодаря поддержке большинства III Думы

Столыпин сумел в июне 1910 года добиться принятия парламентом аграрного закона, что открывало перед страной широчайшие перспективы развития.

Обратим внимание также на слова Столыпина о том, что «особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России». Как продемонстрировал случай со штатами Морского генерального штаба, делать это премьеру было крайне непросто, в первую очередь из-за подозрительности императора. Однако Столыпину всё же удалось в значительной степени реализовать поставленную цель. Прежде всего это произошло благодаря тому, что премьер сумел с помощью Думы получить дополнительные средства на восстановление армии и флота. По инициативе Столыпина был также упорядочен принцип комплектования вооруженных сил, в значительной мере проведено их перевооружение и создание новой инфраструктуры. Можно не сомневаться, что если бы не столыпинская работа в этом направлении, то Россию после начала Первой мировой войны уже в 1914 году ожидало бы неминуемое поражение.

Однако следует подчеркнуть крайне важный факт. Столыпин особое внимание уделял возрождению вооруженных сил не потому, что хотел войны с центральными державами, а потому, что желал всеми силами избежать ее, расценивая как страшную катастрофу.

Одним из способов противодействия втягивания империи в войну за совершенно чуждые ей интересы Великобритании и Франции (рассматривавших Россию исключительно в качестве «железного катка» против Германии и неисчерпаемого резерва «пушечного мяса») был для Столыпина контроль внешнеполитического курса. Делать это было не менее трудно, чем возрождать вооруженные силы. И по той же причине — МИД, подобно Военному и Морскому министерствам, находился в непосредственном управлении самодержца — открытая попытка Столыпина повлиять на принятие внешнеполитических решений была бы однозначно расценена как посягательство на исключительные царские prerogatives.

Однако отсутствие полномочий по руководству внешней политикой Столыпин сумел практически полностью компенсировать за счет негласного личного влияния на министров иностранных дел. Извольский полностью находился под влиянием премьера, и последний мог быть абсолютно уверен в том, что он не предпримет никаких шагов, которые могли бы послужить втягиванию России в назревавшую войну. Еще более

облегчало главе правительства контроль за МИДом и возможность влияния на процесс принятия внешнеполитических решений то, что товарищем министра иностранных дел был Сергей Дмитриевич Сазонов, женатый на сестре жены премьера Анне Борисовне Нейдгардт.

По мнению высокопоставленного чиновника внешнеполитического ведомства Владимира Борисовича Лопухина, председатель Совета министров специально лоббировал назначение родственника на пост товарища министра, строя при этом относительно него далекоидущие планы: «Столыпину это было нужно потому, что по конструкции правительства министр иностранных дел вел внешнюю политику по непосредственным "указаниям" верховной власти, вернее, по непосредственным докладам царю, не согласовывая своих действий с Советом министров. Властному премьеру такой порядок был не на руку. Для полноты власти желательно было подчинить себе руководство такую важную отрасль государственного управления, как внешняя политика. Поэтому Столыпин мечтал о том, чтобы иметь своего человека на посту министра... С должности товарища министра додвинуть Сазонова до поста министра было не так уж трудно. Приходилось лишь дожидаться ухода Извольского. Но последний не скрывал, что только ждал случая, чтобы проситься в крупное посольство... Всё это было известно Столыпину. Он не ускорял событий, находясь к тому же в хороших отношениях с Извольским. Со своей стороны Извольский прекрасно уяснял себе игру Столыпина, не препятствуя ей, поскольку она ему не мешала и даже могла пригодиться при случае, когда придет время уходить. *Сазонов был взят Извольским определенно с целью подготовить себе преемника*».

И дальше, комментируя назначение Извольского послом во Францию и занятие его места Сазоновым, Лопухин констатирует, что это «обозначало переход руководства дипломатическим ведомством к премьеру».

Лопухин не сомневался в благотворности для государственных интересов фактического руководства Столыпиным внешней политикой: «... ровно год — с осени 1910 г., когда ушел Извольский и министром иностранных дел был назначен свояк Столыпина Сазонов, и до осени 1911 г., когда был убит Столыпин, именно он фактически руководил нашей внешнею политикою, руководя действиями номинального главы дипломатического ведомства Сазонова. И надо отметить, в этот год новых, по крайней мере, промахов в направлении нашей внешней политики содеяно не было. *Это несомненная заслуга Столыпина*».

О роли Столыпина и о том, что представляла собой без него внешняя политика России, бывший директор 1 — го Департамента (личного

состава) МИДа написал со знанием дела: «Предоставленный самому себе, Сазонов был на посту министра... досадным недоразумением, оставленным по недосмотру... Понимание обстановки, объективная оценка событий, политическое предвидение были совершенно чужды Сазонову. *Никакого политического плана у него не было... Трагической неправильности принятого политического курса не понимал и не видел.* Неспособный влиять на события, он уносился их течением... Он не давал себе труда ни в чем обстоятельно разобраться. *Не разобрался и в том, что, похоронив Столыпина, должен был уйти.* Остался министром иностранных дел обреченной императорской России на приближавшиеся моменты ответственных решений, когда трагически были нужны стране не Сазоновы, а титаны государственной мысли, люди ясного проникновения и непоколебимой воли... Сазонов работал в тесном сотрудничестве с английским послом Бьюкененом и французским Палеологом. С самого начала войны этот триумвират ежедневно сходиллся в кабинете министра иностранных дел и сообща направлял деятельность русского дипломатического ведомства. Сазонов нашел себе руководителей, недостававших ему после смерти Столыпина».

Фактически руководя внешней политикой, Столыпин, как талантливый дипломат, полностью отдавал себе отчет в том, что при всей недопустимости иностранного вмешательства во внутренние дела России ее жизненные интересы требовали ликвидации внутри страны ограничительных барьеров (как по классовому, так и по вероисповедному признаку). Это значительно укрепило бы ее позиции в мире, дав возможность более эффективно отстаивать национальные интересы на международной арене.

Особое значение имел вопрос о снятии дискриминационных ограничений с еврейского населения (точнее сказать — с лиц иудейского вероисповедания. В Российской империи по национальному признаку никогда никаких ограничений не было — во всех документах писалось только вероисповедание, а не национальность). Премьер понимал, что это, в том числе, нанесет серьезный удар революционному движению, в котором испытывавшие на себе государственный гнет евреи играли значительную роль.

Для укрепления влияния Российской империи в Европе и США (в том числе с целью получения займов) это было не менее важно, чем для установления внутренней стабильности, невозможной при наличии ограничений прав граждан по конфессиональному признаку. Кроме того, Столыпину, как глубоко верующему православному человеку (для которого,

согласно посланию апостола Павла, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос»), были глубоко отвратительны любые проявления национальной и религиозной ненависти, в том числе и антисемитизм. Например, во время рокового приезда в Киев в 1911 году он был (как, впрочем, и сам император) предельно возмущен тем, что попечитель Киевского учебного округа Петр Алексеевич Зилов запретил учащимся-евреям стоять в шпалерах во время шествия царя с крестным ходом к месту открытия памятника Александру II. И это притом что Зилов руководствовался вовсе не юдо-фобскими соображениями, а посчитал церемонию исключительно церковной, в которой должны участвовать только православные. Тогда он сказал губернатору следующие, не оставляющие сомнения в его подлинной позиции, слова: «Произошло то, что Государь узнал о случившемся раньше меня. Его Величество крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виновного. *Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, и их последствия ложатся на голову Монарха*».

По инициативе премьера Совет министров еще в конце 1906 года передал императору свои предложения, содержавшие перечень мер по снятию дискриминационных ограничений с лиц иудейского вероисповедания. Хотя они полностью и не отменяли позорной черты оседлости, но не вызывало сомнения, что их реализация в дальнейшем приведет именно к этому результату.

У самодержца тогда не хватило решимости стать на предложенный Столыпиным путь, что неминуемо означало бы резкий конфликт с крайне правыми, представлявшими ему наиболее надежной опорой трона. О мотивах, объясняющих, почему он отказался пойти на снятие ограничительных мер, Николай II написал премьеру следующее: «Возвращаю Вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу — внутренний голос всё настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, Вы тоже верите, что "сердце царево в руцех Божиих".

Да будет так.

Я несую за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ. Мне жалко только одного: Вы и Ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил».

Показательно, что председатель Совета министров в ответном письме монарху был обеспокоен не только провалом одного из важных направлений реформ, но и тем, чтобы ответственность за это не пала на Николая II (что еще раз показывает откровенную надуманность всех разговоров правых о намерении премьера узурпировать власть): «Только что получил Ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему Величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать Вам затруднений и оберегать Вас, Государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения Вашего по существу, я осмеливаюсь писать Вашему Величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного Манифестом 17 октября, еврею имеют законные основания домогаться полного равноправия', дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Всё это послужило основанием в обнародованном с одобрения Вашего Величества правительственным сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены не оправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения Совета министров, журнал которого и был представлен Вашему Величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но Государь пожелал сохранить их.

Ваше Величество, мы не имеем права ставить Вас в такое положение

и прятаться за Вас.

Это тем более неправильно, что Вы, Ваше Величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, Государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: "Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого Советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов Основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной думы".

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия Вашего Величества, а в настоящее время Вам, Государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы Вашему Величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье, испрашивать разрешения Вашего Величества, внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, Ваше Величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности».

Впрочем, провал инициативы Столыпина по снятию ограничительных мер против еврейского населения был не единичным случаем, а характерным симптомом. Чем более отдалялось время террора и колебания устоев империи, чем стабильнее становилась внутривластная обстановка, тем меньше сильный глава правительства был нужен императору (не говоря уже о его ближайшем окружении), правым, даже некогда лояльные октябристы по многим вопросам начали переходить в оппозицию к премьеру. В Государственной думе (и еще в большей мере в Государственном совете, где антистольпинскую группу возглавил Дурново) после успокоения страны всё более нарастали антипремьерские настроения.

Проведение второстепенного законопроекта о выборах в Государственный совет от западных земств чуть было не привело к отставке кабинета Столыпина. Впрочем, блокирование данного законопроекта было специально организовано правыми в Государственном совете, чтобы нанести смертельный удар премьеру, о чем прямо писал информированный октябристский рупор — газета «Россия».

Сразу же после отклонения правительственного законопроекта правым большинством Государственного совета Столыпин 5 марта 1911 года подал в отставку, но после долгих колебаний император 10 марта отклонил ее и разрешил премьеру прибегнуть к чрезвычайно указному законотворчеству, распустив палаты на трехдневный срок. Формально председатель Совета министров победил, но это была для него пиррова победа, продемонстрировавшая невозможность дальнейшего взаимодействия с Государственным советом без принятия чрезвычайных мер.

И Столыпин нисколько не обманывался относительно своего будущего на посту главы правительства, что легко читается в его письме Николаю II от 1 мая 1911 года: «Вы изволили обратиться к моей совести, и я мучительно в эти дни передумал поставленный мне вопрос.

С одной стороны — упрек, который мне ставят некоторые, что я поддался личному чувству, чувству гнева, а главное — сомнение, что я непрошеною мерою мог поставить Ваше Величество в положение, неудобное по отношению к лицу, сослужившему Вам и России в 1905 году большую службу.

С другой стороны — государственная необходимость, спокойное течение государственных дел!

Начну с последнего. *Когда Ваше Величество повелели мне остаться на моем посту, передо мною во весь рост встал вопрос о непреодолимом препятствии на моем пути, в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места.* Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном совете. Неутомимая деятельность П. Н. Дурново в этом направлении продолжится, несомненно, и впредь, что доказывается только что появившимся в печати памфлетом против правительства, вдохновленным, по общему отзыву, им.

Всё это будет неистощимым источником для постоянного беспокойства Вашего Величества, так как дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно этого делать.

Кроме этих двух сторон дела, есть еще третья — внешняя.

По моим сведениям, П. Н. Дурново уезжает завтра, в понедельник за границу. Через 2–3 недели сессия Государственного совета заканчивается. Следовательно, оказываемая ему милость не будет иметь реальных последствий. Мера будет понята поэтому лишь как демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике. При разгоряченности, нервности и Думы, и Государственного совета это поведет лишь к новым осложнениям и неприятностям, к колебаниям и по вопросу об окончательном принятии закона, проведенного по статье 87-й.

Поэтому, раз Ваше Величество изволили так милостиво позволить мне высказать свое мнение не по намерению дела, а по летучей мысли, которая лишь промелькнула в голове Вашего Величества, я, чувствуя, с одной стороны, государственную свою ответственность перед Вами, Государь, а, с другой стороны, страшась заграждать от кого бы то ни было, хотя и политического противника, источник милости царской, осмеливаюсь высказать свое глубокое убеждение в том, что самое мудрое решение было бы отложить вопрос о милости до того времени, когда он естественно возникнет — при возобновлении занятий законодательных учреждений».

Симптоматичной стало также появление резко антистольпинской статьи «Кто у власти?» ведущего публициста правого «Нового времени» (единственной газеты, которую ежедневно читал Николай II) Меньшикова, всегда очень чутко улавливавшего настроения верхов. По словам Михаила Осиповича, *«слишком очевидна неуспешность нашей государственной работы»*. И виновный в «неуспешности» был назван «Новым временем» прямо: «Может быть, это отчасти вина неопытного возницы в лице молодого нашего премьер-министра?.. Правительство наше, несомненно, видит расстройство государственных дел, видит его и Г. дума. Но и кабинет, и парламент одинаково слабы, чтобы как-нибудь выбраться из прискорбного положения». В своей следующей статье Меньшиков еще более откровенно отрабатывал антипремьерский заказ сверху, дойдя до фактического утверждения, что Столыпин не имеет никакого отношения к подавлению революционных беспорядков: «Мы все ждем появления больших людей, очень больших, великих. Если данная знаменитость получила величие в аванс и вовремя не погасила его, общество этого не прощает... Годы идут, но большого дела что-то не видно... Удача преследовала г. Столыпина и дальше (Меньшиков имеет в виду назначение главой правительства. — Авт.). Трагедия нашей революции прошла над самой его головой, но он вышел благополучно из катастрофы. Он унаследовал, правда, уже разгромленный бунт, но имел счастье дожидаться заметного "успокоения"... увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова... начинаем катиться влево. Вот тут-то удача как будто и оставляет своего любимца».

Конечно, Столыпина несколько не задевала подобная откровенно лживая критика (по свидетельству газеты «Петербургский листок»: «Не секрет, что Столыпин лично не реагировал на нападки печати. *Оппозиционная печать ни при одном министре внутренних дел не смела так свободно рассуждать о самом министре, как при Столыпине*»), но ее появление в официозной печати было более чем симптоматично.

Большинство членов III Думы и Государственного совета, просто информированные наблюдатели были уверены, что устранение Столыпина от власти всё более становится вопросом ближайшего времени... Понятно было, что ни на какие компромиссы с противниками своей политики реформ премьер не пойдет — это было для него с моральной точки зрения совершенно неприемлемо (что, конечно, ничего общего с догматизмом не имеет). Данный аспект характера Столыпина точно очертил министр торговли и промышленности его кабинета Сергей Иванович Тимашев: «... особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключающих качеств — чарующей мягкости в отношении к людям (кроме тех, кто становился ему поперек пути) с необычайно твердой, железной волей и редкой неустрашимостью. Этот человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него всегда была простая дилемма: или переубедить, или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов.

Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоятельства. Отмеченный "недостаток" был следствием целостности и благородства его натуры».

Следует также учесть, что к этому времени всё более значимым в правящих сферах стал распутинский фактор, оказывая влияние в том числе и на положение Столыпина. По свидетельству великого князя Александра Михайловича: «Придворные круги были во власти двух противоречивых в своей сущности комплексов: зависти к успешной государственной деятельности Столыпина и ненависти к быстро растущему влиянию Распутина. Столыпину полный творческих сил, был гениальным человеком, задушившим анархию. Распутин являлся орудием в руках международных авантюристов. Рано или поздно государь должен был решить, даст ли он возможность Столыпину осуществить задуманные им реформы или же позволит распутинской клике назначать министров».

Не менее интересно и мнение Крыжановского, также считавшего, что «звезда Столыпина клонилась к закату», и, к тому же, свидетельствующего, что здоровье премьера было полностью подорвано нечеловеческим напряжением государственной работы: «Пять лет тяжелого труда подорвали его здоровье и под цветущей, казалось, внешностью он в

физическом отношении был уже почти развалиной. Ослабление сердца и Брайтова болезнь (тяжелое почечное заболевание. — Авт.), быстро развиваясь, делали свое губительное дело, и, если не дни, то годы его были сочтены. Он тщательно скрывал свое состояние от семьи, но сам не сомневался в близости конца.

С другой стороны, и положение его к тому времени пошатнулось. Смута затихла, а с успокоением ослабевало и то напряжение общественного чувства, которое давало опору Столыпину. Политика его создала немало врагов, а попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении, которую он, правда, не решался довести до конца, подняла против него и такие слои, которые имели большое влияние у Престола; приближенные Государя открыто его осуждали. Давление, которое Столыпин производил на Государя в дни, когда решался вопрос об его отставке в связи с провалом в Государственном совете закона о земстве в Западных губерниях, не могло не оставить осадка горечи и обиды в душе Государя. Повышенная же настойчивость, которую он привык проявлять в отношении к Верховной Власти, укрепляла это настроение...

Предстояло медленное физическое угасание, потеря сил и способности работать, а весьма возможно, и утрата власти и горечь падения. Соперники — и какие соперники! — начинали уже поднимать головы из разных углов. Предстояло увидеть, как другой человек сядет на место, которое он привык считать своим, и другая рука, быть может, рука ничтожного человека, одним презрительным движением смахнет всё то, что он считал делом своей жизни. Для такого самолюбивого человека, как Столыпин, эта мысль была хуже смерти. И потому смерть принесла ему избавление».

Глава седьмая

«ДЛЯ МЕНЯ ТЫ И ДЕТИ ВСЁ...»

...кроме тебя и вне тебя для меня ничего нет и весь мой мир в тебе.

Из письма П. А. Столыпина жене. (6 июня 1904 года)

Отдававший всего себя без остатка государственному служению, Столыпин одновременно был любящим мужем и нежным отцом, что отмечалось абсолютно всеми близкими друзьями, которые имели возможность наблюдать его семейную жизнь.

Любовь к своей жене Ольге Борисовне Нейдгардт (после замужества взявшей фамилию мужа) он пронес через всю жизнь. Эта любовь стала для него спасательным кругом в самые тяжелые дни, когда, казалось, вокруг уже нет ничего, кроме тьмы отчаяния и безысходности.

Следует сказать несколько слов о происхождении Ольги Борисовны. Как и у Столыпина, ее предки принадлежали к древним дворянским родам, многие представители которых сыграли выдающуюся роль в отечественной истории.

Отец жены Столыпина — обер-гофмейстер Борис Александрович Нейдгардт (1819–1900) происходил из австрийского дворянского рода. Его предок Николай Андреевич Нейдгардт приехал в Россию в самом конце XVII века и, после поступления на военную службу, дослужился до полковника. Среди видных представителей рода Нейдгардтов (принявших православие в начале XIX века и окончательно обрусевших) были видные военачальники и государственные деятели.

Расскажем хотя бы коротко о некоторых из них. Это позволит лучше понять ту систему морально-нравственных ценностей, в которой воспитывалась и которую исповедовала всю дальнейшую жизнь будущая фрейлина императрицы Марии Федоровны. Систему ценностей верховенства долга и чести, аналогичную той, которая была стержнем мировосприятия Столыпина.

Генерал от инфантерии Александр Иванович Нейдгардт (1784–1845) заслужено стоит в ряду наиболее прославленных российских полководцев,

внесших огромный вклад в дело защиты империи. Герой Отечественной войны, тяжело раненный в сражении под Клястицами, он, несмотря на полученное сквозное ранение груди, сражался на Березине, при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, в Битве народов под Лейпцигом, участвовал во взятии приступом Гогхейма.

Будучи назначенным по личному желанию императора Александра I начальником штаба Гвардейского корпуса генерал сыграл одну из ключевых ролей в подавлении мятежа декабристов, успех которого привел бы к распаду империи и последующему массовому террору последователей французских любителей гильотин.

Нейдгардт первый сообщил новому императору о начавшемся мятеже и тут же предложил конкретные меры, необходимые для победы над мятежниками. Вот слова, сказанные тогда генерал-майором Николаю I: «Ваше Величество! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерике тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и Конной гвардии!»

И далее в этот, надолго определивший дальнейшее направление развития России, день Нейдгардт проявил высокое мужество и выдержку, что сыграло свою роль в том, что революционный обвал был отсрочен почти на столетие.

В Русско-турецкую войну 1828–1829 годов Нейдгардт отличился при осаде Варны, потом храбро воевал в Польше в 1831 году и за штурм Варшавы получил орден Святого Георгия 3-й степени. Приведем оценку Нейдгардта, данную генералом от инфантерии Карлом Федоровичем Толем: «...имеет весьма хорошее образование, мягок в обращении, любим подчиненными и уважаем начальниками; храбр без опрометчивости и благоразумен во всех своих действиях».

В дальнейшем Нейдгардт возглавлял Генеральный штаб, исполнял обязанности генерал-губернатора в Москве, был главноуправляющим Закавказским краем и командующим Отдельным Кавказским корпусом.

Матерью Ольги Борисовны была Мария Александровна Талызина (1834–1904). Мария Александровна являлась правнучкой великого генералиссимуса Александра Васильевича Суворова и внучкой женатого на дочери светлейшего князя Наталье обер-шталмейстера графа Николая Александровича Зубова. Последний более всего известен как один из основных участников убийства императора Павла I — именно он нанес государю удар в висок золотой табакеркой.

О детстве и юности Ольги Борисовны сведений осталось не слишком

много, но известно, что семья Нейдгардт была глубоко религиозной. И, конечно, нельзя считать случайностью истории, что, принявший мученическую кончину, ее старший брат Алексей (1863–1918) был в 2000 году Русской православной церковью причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских.

Алексей Борисович занимал ряд значительных постов в государственном управлении империи (в том числе нижегородского губернского предводителя дворянства, екатеринославского губернатора, члена Государственного совета) и был одним из главных соратников Столыпина в его преобразованиях.

По его инициативе в Государственном совете была образована простолыпинская группа правого центра, ставшая главным двигателем в продвижении подготовленных правительством законопроектов. Не вызывает сомнения, что без активной помощи Нейдгардта многие важные инициативы премьера были бы похоронены в Государственном совете, в котором было немало убежденных противников Петра Аркадьевича.

После Февральского переворота Алексей Борисович уехал в Нижегородскую губернию, где не побоялся летом 1918 года открыто выступить против начавшихся гонений на православную церковь. 17 июня он совместно с викарием Нижегородской епархии епископом Лаврентием (Князевым) и настоятелем Нижегородского кафедрального собора протоиереем Алексеем Порфирьевым подписал воззвание с протестом против закрытия храмов и грабежа церковного имущества. После этого все трое были арестованы, а спустя несколько месяцев расстреляны, и тела их были сброшены в Волгу.

История знакомства Петра Аркадьевича с будущей женой была не только романтична, но и драматична — можно даже сказать, что их брак был скреплен кровью. Сначала Ольга Борисовна была невестой его брата Михаила — прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка, смертельно раненного в сентябре 1882 года (как раз накануне свадьбы) на дуэли с князем Шаховским. Причиной дуэли послужило оскорбление Шаховским чести племянницы князя (с которой Михаил был ранее близок) — несмотря на расставание Михаил Столыпин, не колеблясь, выступил ее рыцарем-защитником.

После ранения брата Петр Аркадьевич посчитал своим долгом самому драться с князем Шаховским на дуэли. Он находит князя в Пятигорске и, чтобы тот не смог отказаться от поединка, бросает ему в лицо стакан с нарзаном и называет негодяем.

Заметим, что в истории с дуэлью проявилось убеждение Столыпина,

что ничего не может быть выше чести. Именно поэтому, при своей глубокой преданности идее верховенства права, он всё же пошел на запрещенную законом дуэль. Для Петра Аркадьевича девиз воспитанников российских кадетских корпусов: «Жизнь — Родине, сердце — даме, честь — никому!» — был жизненной позицией, которую он отстаивал не только как личность, но и как государственный деятель. В этом плане Столыпин, несомненно, принципиально отличался от западных государственных и политических деятелей, для подавляющего большинства которых абсолютно доминирующим (во всяком случае, с периода Нового времени) было понятие неморальной рациональности.

Публично тяжело оскорбленный князь был вынужден принять вызов, и дуэль состоялась немедленно. Из-за отсутствия дуэльных пистолетов Столыпин и Шаховской стреляли из своих браунингов. Петр Аркадьевич был ранен в правую руку, а Шаховской в грудь навылет и спустя год умер от чахотки.

Некоторые современники считали, что и причиной будущей женитьбы на невесте покойного брата было гипертрофированное чувство долга, но большинство сходилось на том, что между ними вспыхнуло страстное чувство. Ранее такое же страстное чувство к Нейдгардт испытывал и Михаил, который, в частности, писал Петру: «Я не думаю о приданом Ольги. Видит Бог, я бы взял ее в жены и бесприданницей».

Впрочем, возможно следует говорить о сочетании двух факторов — долга и чувства. Уже умирающий Михаил перед смертью положил руку брата на руку своей невесты — как бы вверяя ее Петру, что, конечно, было крайне важно для Столыпина.

После того как родители Ольги Борисовны благословили влюбленных, 27 октября 1884 года (в этот же день Столыпин был причислен к МВД) состоялась свадьба. Мария фон Бок следующим образом рассказывала о полученном согласии на брак отца Ольги Нейдгардт: «Мой отец женился очень молодым, и когда делал предложение моей матери, боялся даже, не послужит ли его молодость помехой браку, о чем и сказал дедушке, прося у него руки его дочери. Но в ответ услышал: "La jeunesse est un défaut duquel on se corrige chaque jour" ("Молодость — это недостаток, который исправляется каждый день") и спокойно и радостно отдал свою дочь этому молодому студенту, зная отлично, что лучшего мужа ей не найти. Моему отцу тогда не было еще двадцати двух лет, и он кончил университет уже после свадьбы, даже уже когда я была на свете».

И до смерти Петра Аркадьевича супруги действительно, в полном соответствии с данным на венчании обетом, — были вместе и в радости и в

горе. А и того и другого было в жизни семьи Столыпиных немало.

У Столыпиных родилось шестеро детей — дочери Мария, Наталья, Елена, Ольга, Александра и сын Аркадий, воспитанию которых, несмотря на исключительную занятость, Петр Аркадьевич уделял постоянное внимание.

Любовь к жене и детям целиком поглощала совершенно не склонного к эмоциям и внешнему проявлению чувств Столыпина. Как он писал, без всякой рисовки, просто констатируя: «Для меня Ты и дети всё и без вас я как-то не чувствую почвы под ногами».

При этом страстная любовь к жене ничуть не уменьшилась и спустя многие годы, о чем тоже писал Столыпин: «...всё думал о Тебе и о моей глубокой привязанности и обожании к Тебе. Редко, я думаю, после 15 лет супружества так пылко и прочно любят друг друга, как мы с Тобою».

Вообще ничего лучше не говорит о глубочайшей любви Столыпина к семье, чем его письма жене, в которых он не стесняется вновь и вновь, находя всё новые слова, говорить о своих чувствах.

Приведем только несколько характерных отрывков из них за разные годы (начиная с 1899-го и до года смерти).

«Целую всех вас, дорогие, а Тебя, дорогая, покрываю поцелуями». «Обожаю, целую, люблю Тебя, сокровище, обожание мое».

«Мысленно я с вами в Колноберже и постоянно думаю и о милой, добренькой Матиньке, и о двух пичужках: Наташе и Елене, которые наверное без меня пай и не подражают *Marthe et Christine*, и о маленькой Олёчке и о херувиме Арочке. А надо всем царит мысль о моей ненаглядной, бесценной, о той, которая составляет для меня смысл и красу жизни».

«Вот, дорогой ангел Оличка, первая почта из Чулпановки и я сажусь Тебе писать, чтобы покрыть Тебя поцелуями и сказать, что я люблю свою девочку нежную и что мне тяжело и тоскливо жить без нее... Что делают мои девочки? Забыла меня моя Аринька? Когда я услышу опять "Папа, иди нам"? Всех их крепко, нежно обнимаю, а Тебя, сокровище мое драгоценное, долго крепко целую, ласкаю, люблю, обожаю».

«Напиши Алеше поблагодарить его за труды — он добросовестно и с любовью старался безобидно на пользу обеих вас одинаково. Из него вышел очень хороший и сердечный человек. Иначе и быть не может, раз он брат той, которая лучше всех на свете и которую я душу в своих объятиях».

«С трепетом думаю о вас и молюсь о сохранении моих сокровищ... Душка, мне так хотелось бы знать, что-то в эту минуту в уютном Твоем уголке? Верно сидишь и читаешь моей Матульке. А Наташа и Еленочка

уже раздеваются, Олёчек в рубашонке моет руки, а Арий тихо себе спит. Всех милых, дорогих осыпаю поцелуями и Тебя, милую, давшую мне благословенную мою семейку, крепче и больше всех».

«Храни вас Вседержитель. Жду великого счастья обнять вас вскоре».

«Постараюсь угодить Тебе моими покупками. Не хочется и писать, так как в губах уже предвкушение сладких поцелуев в дорогие губки».

«Я не могу жить без Тебя, моя дорогая».

«Милая, ненаглядная, любимая, драгоценная и единственная».

«...в конце месяца думаю проехаться по Саратовскому уезду, в котором еще не был. Это займет с неделю. В это время перенесут всё в новый дом, а потом ждем Тебя, свет моей жизни, радость моей души, и пойдут ласковые, чарующие теплые для сердца дни с Тобою, моею горячо любимой и детками нашими. Любовь и труд — вот залог счастья в жизни».

«Я всё думаю о наших птенчиках...»

«Все пишу неутешительные вещи, но постараюсь что могу уладить и недоконченное наше гнездышко согреть любовью своею...»

«Оличка, как я хочу Тебя и как Ты устала, скорее бы Тебя пригреть и устроить. Ангел Ты мой!»

«Дутя, как не хочется писать, а хочу целовать».

«Целую, душка, чем ближе свиданье, тем тяжелее разлука. Тоскую по Тебе».

«Радость моя родная, как я люблю Тебя бесконечно, как я счастлив всегда с Тобою!»

«Душка, благодарю Тебя за письма, я так тронут Твоею ласкою, любовью и сам так люблю Тебя».

«До свиданья, моя дорогая, я мечтаю о Тебе и о тихом покое и блаженной жизни с Тобою. Теперь скоро, скоро обнимаю, радость, милая, дорогая».

«Целую Тебя, ангел мой бесподобный, люблю Тебя крепко».

«Дорогая, бесценная моя Олюшка, моя прелесть... Ангел мой утешитель, вчера не было письма, верно устала после причастия, нежно, нежно целую Тебя, я не скучаю, а просто тоскую по Тебе, любишь Ты меня? Да?»

«Дорогой ангел, бесценное обожание — пусто, горько без Тебя».

«Когда я сегодня вошел в наш дом, счастливый наш дом, мне стало так горько и грустно и я подумал, что мы напрасно себя мучаем расставанием — жизнь коротка, а мы всё в разлуке! Пиши мне нежные письма, солнышко мое, жизнь моя. Как мне хотелось бы теперь, в такое темное для Тебя время, быть с Тобою, утешить Тебя, насколько сумел бы, ласкать Тебя...

Ах, Оля, Оля, как без Тебя пусто и тоскливо. На столе я нашел письмо от Тебя, но оказалось, это еще из Москвы, карандашом писанное и столько в нем скорби. Я боюсь спрашивать про детей. Дай Господь, чтобы все вы были сохранны. Христос с вами, души мои. Нежно целую».

«Целую тебя, мой ангел, день, когда увижу Тебя, будет таким счастливым днем. Тебе так нужна теперь ласка, так хотелось бы залечить Твое раненое сердце. Я знаю и чувствую, что Ты часто теперь грустишь. Милая, целую».

«Мне бы хотелось создать Тебе рай на земле...»

«Тяжело мне без Тебя. Оля моя, целую крепко».

«Успокоить бы Тебя и знать, что всё у вас хорошо. Милая, милая».

«Душка моя золотая, несравненная, любимая. Такое ласковое сегодня от Тебя письмо, и у меня соловьи на сердце запели. Так мило Ты пишешь о том, что Адя теперь довольно потягивается и улыбается. Я счастлив, что драгоценный мальчик не страдает... Прости, что мало написал, но люблю много, единственная любовь моей жизни, Оля моя».

«Олинька, миленькая моя, ненаглядница».

«Иду спать и Ты спи спокойно, мой ангел любимый, думаю о Тебе и хотел бы, чтобы Ты через далекое пространство почувствовала мою любовь».

«Дутя, крепко Тебя целую, а люблю без меры, Оличка моя, девочка».

«Целую, люблю и мечтаю о свидании».

«Такое у меня умиление, такая нежная к Тебе любовь. Так мне больно, что у Тебя позвонки болят и в руку стреляет и не нравится, что Ты нас причисляешь к патриархам и грозишь близостью могилы. Всё придет в свое время, я хочу, чтобы мы умерли с приятностью, поставив всех детей на ноги и самого крошку Адиньку увидев уже сложившимся, хорошим человеком... Люблю свою голубку, целую, радость моя».

«Ты пишешь про свой сон. Не душа Твоя не готова для смерти, а шесть маленьких душ на Твоем попечении и забота, чтобы души эти не погасли. А маленький душенька со своими башмачками меня приводит в восторг. Но он растет и мне хочется еще одного, совсем маленького!»

«Милая, дорогая, бесценная, обожаемая. Ты такие ласковые, милые письма пишешь. Когда я их читаю, то чувствую приливы глубокой любви. Счастлива ли вся Твоя жизнь? Так хотелось бы сделать Тебе рай на земле».

«Так грустно без писем от Тебя. Христос с Тобою, любовь моя бесценная».

«Я Тебя так нежно люблю, так хотел бы теперь особенно утешить Тебя теплою ласкою. Так к Тебе тянет».

«Целую Тебя, моя ненаглядная, далекая, хочется к Тебе».

«Олинька моя, чудная Олинька, неделю писать, а хочется прижать Тебя к своему сердцу и чувствовать биение Твоего сердца».

«Целую и нежно благословляю Твое драгоценное имя, моя обожаемая, недостижимая именинница...»

«Родная голубка, сегодня ложусь спать с мыслью о Тебе, моей драгоценной имениннице и о моих двух птенчиках-именинниках. Дала ли Ты им от меня подарочки? Драгоценная, приближается час свидания, всё мое стремление — к Тебе!»

«До свидания, мой дутенок, я Тебя крепко люблю, люби меня. Я так жажду обнять Тебя, свет моей жизни».

«Целую нежно и много и ликую, дутя, что скоро и наяву поцелую».

«Дутя, моя радостная, целую Вас — вчера холод, дождь, а сегодня солнышко и к Вам так и тянет, бесценная».

«Прощай, милый, любимый мой друг, любовь моя. Неужели скоро увижу, обниму Тебя? Люблю».

«Нежно, много и любовно целую Тебя, свет мой, любовь моя».

«Как я жажду Тебя, ненаглядная, и как мне жалко этих дней, потерянных без Тебя в Вене».

«Твои письма — моя утеха и услада».

«Целую Тебя, цветик Ты мой, когда-то расцелую Тебя "всурьез", как говорят мужики? Люблю».

«Оля, Ты так хорошо пишешь, что молишься за меня. Господь, наша крепость и защита, спасет и сохранит нас. Страха я не испытывал еще и уповаю на Всевышнего».

«Целую, люблю, не верю счастьем скоро увидеть».

«Люблю Тебя всею душою».

«Целую Тебя и деток, моя ненаглядная, единственная моя любовь. Мысли мои, сердце мое — всё с Тобой. Да хранит Вас Всевышний, молюсь за Вас, люблю Вас».

«Знаю, какую Ты приносишь жертву детям, оставаясь далеко от меня в эти минуты. Но мы оба исполняем свой долг, и Господь Бог спасет нас».

«Мне бы только знать, что Вы здоровы. Иначе я голову теряю... Боже, скорее, скорее дожить бы до минуты, когда прижму Тебя и деток к своему сердцу. Целую Тебя нежно и много, голубок мой, хорошая моя».

«Люблю Тебя, ангелок мой. Ведь Ты знаешь и чувствуешь, как глубоко и крепко люблю».

«Милая, душка моя, хотя я изнурен работою с 8 утра без отдыха до 1 ч[аса]. ночи (а еще папки с бумагами не тронуты), но хочу поцеловать

Тебя».

«Нежно и много целую Тебя, только и живу мыслью о Тебе и детях».

«Душка моя, ангел, хотя я занят день и ночь, но, как всегда без Тебя, живу половинною жизнью. Главного, Твоего присутствия, хотя бы невидимого, в соседней комнате, не хватает».

Зная о любви Столыпина к жене, его враги пытались даже это использовать для распространения слухов о том, что Ольга Борисовна якобы имеет на мужа определяющее влияние и претендует на руководство им в политических вопросах. Таким образом, они стремились дискредитировать Столыпина, показать его «несамостоятельность» как государственного деятеля. Не менее важно было для его противников из ближайшего царского окружения вызвать ревность в более чем мнительной императрице Александре Федоровне, которая, в свою очередь, должна была соответствующим образом настраивать Николая II. С этой целью ей постоянно рассказывали, что Столыпин ведет себя «как царица». Возможно, это тоже сыграло не последнюю роль в том весьма прохладном отношении, которое император начал испытывать к Столыпину уже достаточно быстро после подавления революционных беспорядков.

Например, показательна история со зваными обедами, которые, согласно занимаемому статусу, жена премьера должна было давать время от времени (хотя не испытывала ни малейшей склонности к светской жизни и была полностью поглощена семейными проблемами).

Согласно церемониалу военные должны были оставлять холодное оружие в приемной, надевать его следовало только на царском приеме. Однако кто-то сообщил во дворец, что якобы на обеде у Столыпиной офицеры не сняли оружие. Так это было или нет — неизвестно, но Александра Федоровна поверила сразу и безоговорочно, произнеся при этом фразу, сразу же ставшую известной всему двору: «Ну что ж, было две императрицы, а теперь будет три: Мария Федоровна, Александра Федоровна и Ольга Борисовна».

Уже спустя многие годы после обрушившей империю революции Шульгин оставил полный горечи комментарий к этой, ставшей известной всему петербургскому высшему обществу, скандальной истории: «Этот анекдот, если это анекдот, бросает свет на атмосферу, окружавшую трон. Царствующая Императрица Александра Федоровна не любила вдовствующую Императрицу Марию Федоровну, мать Николая II. Такая антипатия нередко бывает между невесткой и свекровью. Но тут была и еще одна причина. Вдовствующая Императрица ценила и поддерживала Столыпина. Она понимала, что он крупный государственный человек,

сменивший С. Ю. Витте. Но для Столыпина преемника не было видно.

Царствующая Императрица не любила Столыпина по той же причине, то есть что он сановник большого калибра. Он как бы заслонял от народа Царя — ее супруга.

Может быть, она была права. В Столыпине были качества, необходимые самодержцу, которых не было у Николая II. Это сказывалось хотя бы в отношении к собственной жене.

Императрица Александра Федоровна обладала не только талантом язвительной насмешки. Она хорошо рисовала карикатуры. И вот говорили, что будто бы царь иногда находил на своем письменном столе произведения вроде следующих.

Он, Император, в короне и со скипетром в руках, изображен в виде грудного младенца на руках матери. Это была стрела в адрес вдовствующей императрицы».

Между тем говорить о каком-либо, пусть даже самом минимальном политическом влиянии Столыпиной на мужа не приходится. Она никогда к этому не стремилась, да Петр Аркадьевич никогда бы и не позволил, несмотря на всю свою любовь к жене, ни малейшего ее вмешательства в государственные вопросы.

Это подтверждают не только воспоминания всех близких к семье Столыпина людей, но и интимная переписка супругов, как времени его губернаторства, так и после переезда в столицу. Из нее видно, что Петр Аркадьевич рассказывает супруге, как самому близкому в мире человеку, о происходящем вокруг него (при этом политических вопросов касается значительно меньше бытовых), но нет и малейшего намека на то, что он просит советы или, тем более, согласовывает с Ольгой Борисовной свои действия. Наоборот, как правило, он сообщает уже о принятых им решениях...

Но чувствуется из переписки Столыпиных, что чрезвычайно сдержанный на людях, внешне представлявший окружающим как русский «железный канцлер», он хотел излить всю накопившуюся усталость, а иногда и боль единственному человеку, перед которым не надо было показывать свою непреклонность и стальную волю.

Вот несколько отрывков из переписки, имеющих отношение к государственной деятельности Столыпина уже времени работы в МВД, а потом и премьерства, которые подтверждают отсутствие у него малейшего желания получать от жены политические рекомендации:

26 апреля 1906 года

«Пишу подробно, так как завтра будет открытие Думы и целый день церемоний. Я надеялся, что назначение мое состоится после открытия, но сейчас мне сообщили, что оно завтра будет напечатано в "Правительственном] вестнике" и мне уже прислан билет в Тронный зал.

На днях переберусь на Мойку, 61, где займу 2–3 комнаты на первое время до дачи.

Дача, говорят, сухая и хотя немного тесна, но мы будем вместе; для поездок в Петербург будет свой катер — безопасно и приятно.

Горемыкин просил ему предоставить дом на Фонтанке (раззолоченный саркофаг Сипягина), или дом на Мойке. Это останется открытым до осени, но я решаюсь взять дом на Мойке, где много хороших детских, а на Фонтанке только внешнее великолепие, а жить негде. Мои отношения с Горемыкиным самые приятные, и он вмешиваться и мешать делу не будет и предупредительно, где может, помогает».

29 апреля 1906 года

«Обожаемая, пишу в интервале между иркутским генерал-губернатором и д[иректо]ром департамента. Хотя еще докладов не принимаю, но трудиться приходится сплошь 18 часов. Со временем всё это упростится. Градоначальник с рапортом является в 12 ч[ас]. ночи, а начальник охранного отделения в 11 S ч[ас]., чтобы всё доложить за сутки.

Про открытие Думы и Государственного] совета я не пишу, так как всё было в газетах. Скажу только, что Государь свою речь (которую сам сочинил) сказал с таким чувством, что надо было быть каменным, чтобы не расчувствоваться. Это была не речь, а пламенная молитва.

Что будет в Думе, какие там образуются партии, я не знаю, но большинство очень крайнее.

Покуда я, несмотря на чудную погоду, не переехал на дачу, чтобы быть тут поближе. Вообще я устраиваюсь только на лето, т. к. не знаю, что будет осенью. Порядок вообще будет поддержан. Я сейчас принимал высших чиновников министерства, речь мою Ты прочтешь в газетах».

9 сентября 1910 года

«В Перми мы пробыли только несколько часов, но в деле очень интересные вещи: земство специально для нас устроило выставку всех кустарных изделий губернии. Вообще я вижу очень серьезное и внимательное отношение общественных групп к нашему путешествию: депутации от земств и городов приезжают из соседних местностей с подробным изложением местных своих нужд и скорбей. В Перми в соборе

трогательно приветствовал меня преосв[ященный] Палладий. Он благословил меня походным складнем.

Заезжал с визитом к Лопухиной — она за что-то благодарит Наташу, которая почему-то ее близкий друг.

Проехал сегодня мимо Чистополя. Вчера так хорошо и тихо было на пароходе даже вечером — настоящее лето. А сегодня страшный ветер и пароход качается так, что трудно писать.

Я в Казани, Симбирске, Самаре и Саратове буду осматривать землеустроительные работы и на пароходе буду иметь совещания с местными деятелями и в города буду избегать даже заезжать, до того отяготительны все эти официальные объезды и представления. Я упрощаю свою поездку до крайних пределов, а дружественные правые и левые газеты всё же умудряются представить ее как торжественное шествие.

Более всего я боюсь Саратова в смысле помпезного приема и, насколько возможно, сокращаю там свое пребывание. Благодаря тому, что я взял с собою повара, нигде не принимаю ни одного завтрака или обеда. Поездке я придаю характер чисто деловой, чернорабочий. И надеюсь, что она принесет результаты. Я, по крайней мере, увидел и узнал такие вещи, о которых из бумаг не узнал бы».

20 августа 1911 года

«Вчера был парадный обед (мужской). Кажется, хорошо, что я приехал. Да и дел масса. Сегодня были у меня приехавшие из Китая монгольские князья и поднесли мимиаду подарок: прелюбопытные четки.

Завтра свобода. Еду на яхте с Григоровичем (на Неве). С докладом еду в четверг. Надеюсь вечером же и уехать, а пятницу провести дома в Колнобере, выехав в Киев в пятницу же ночью. Всё это может перемениться, так как, быть может, не справлюсь с делами. Нужно будет [провести] несколько заседаний Совета, но это очень соблазнительно».

28 августа 1911 года

«В Вильне прицепили вагон с Кассо и Саблером. В Киев прибыли в час ночи. Несмотря на отмену официальной встречи, на вокзале, кроме властей, собралось дворянство и земство всех 3 губерний.

Сегодня с утра меня запрягли: утром митрополичий молебен в Соборе о благополучном прибытии Их Величеств, затем освящение Музея цес[аревича] Алексея, потом прием земских deputаций, которые приехали приветствовать Царя. Это, конечно, гвоздь. Их больше 200 человек — магнаты, средние дворяне и крестьяне. Я сказал им маленькую речь. Мне

отвечали представители всех 6 губерний. Мое впечатление — общая, заражающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом. Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и кр[айне] правые».

Однако, ни в коей мере не вмешиваясь в государственные вопросы, Ольга Борисовна делала то, что считала своим долгом. Она (что было обычным для ее времени и среды) везде, где приходилось жить с мужем, активно занималась благотворительной деятельностью.

В Саратове жена губернатора участвовала в мероприятиях Российского общества Красного Креста, губернских детских приютов, Андреевской общины сестер милосердия, Дамского попечительства о бедных под покровительством императрицы Марии Федоровны.

И следует отметить, что эта деятельность не ограничивалась благотворительными балами с шампанским. Ольга Борисовна постоянно лично приезжала к нуждающимся, внимательно вникала в их нужды и делала всё возможное для оказания помощи.

Для кого-то подобное описание семейной жизни Столыпина выглядит несколько идиллическим, но именно таким оно и было в действительности. Петр Аркадьевич рассматривал семью как основу всего и в семейной жизни создавал своеобразный микрокосмос идеального в его представлении государства. Государства, основанного на любви и понимании, в котором властитель играет роль заботливого отца и в равной мере заботится о всех своих подопечных. Причем эта забота не должна ограничиваться только материальной стороной — Столыпин был уверен, что не менее важно и духовное здоровье.

Пуля террориста положила конец земному существованию Столыпина, но убийца был не в силах разрушить идеальный нравственный мир его семьи. И дело не только в том, что Ольга Борисовна до конца жизни сохранила свое чувство к ушедшему в мир иной супругу и свято хранила память о нем. Она при этом не ушла полностью в свое горе, не отгородилась от мира. Кроме сохранения памяти об убитом муже Столыпина продолжала активно заниматься благотворительностью, которую считала служением России и народу. В Первую мировую Ольга Борисовна руководила Петроградским комитетом по организации и содержанию временного убежища для калек-воинов. Благодаря ее усилиям тысячи инвалидов войны сумели найти свое место в жизни — они получали новые профессии, устраивались на работу, их семьям

оказывалась необходимая помощь. Пожалуй, это единственный случай, когда вдова использовала для достижения поставленных целей фамилию мужа и память о Петре Аркадьевиче. От своего имени она просила виднейших российских промышленников и финансистов об оказании помощи комитету и никогда не встречала отказа. Полученные в результате пожертвований значительные денежные средства дали ей возможность сделать работу столичного комитета образцовой во всей империи.

Заметим, что не остались в стороне от великой войны и две дочери Столыпина — Наталья (после взрыва дачи на Аптекарском острове она так и осталась инвалидом) и Ольга. Сбежав из дома, они некоторое время были сестрами милосердия на Юго-Западном фронте.

Драматично сложилась жизнь Столыпиных после революции, по ним, как и по миллионам русских людей, проехалось катком время кровавого российского лихолетья.

Ольга, в отличие от своих сестер, умерла молодой, встретив свою смерть во время Гражданской войны.

Ольга Борисовна вместе с детьми находилась в начале 1920 года в семейном имении Щербатовых (князь Владимир Щербатов был женат на Елене Столыпиной) — Немировском дворце неподалеку от Винницы. Когда в Немиров вошли красные, то несколько пьяных красноармейцев из числа местных жителей решили свести старые счеты с Щербатовыми. Ночью в дворцовом парке они расстреляли старую княгиню Марию Григорьевну Щербатову, ее дочь Александру Щербатову и подругу Александры Марию Гудим-Левкович. Бандиты хотели убить также всех Столыпиных, но нашли только Ольгу и смертельно ранили ее — через несколько дней мучений она скончалась и была похоронена в монастыре.

Семью Столыпиных спрятали местные жители, и только в июне им удалось с поездом Красного Креста добраться до Варшавы, ставшей началом их долгого страдного пути в эмиграции и никогда не покидавшей тоски по оставленной родине.

Ольга Борисовна ушла в мир иной во Франции в 1944 году. Старшая дочь Мария (которая жила во время Гражданской войны с мужем в Германии и Литве) после долгих странствий в эмиграции умерла в США в столетнем возрасте. Прожив долгую жизнь, умерли вдали от родины Наталья, Елена и Александр.

Аркадий Столыпин окончил свои дни во Франции в 1990 году, но так никогда и не принял французского гражданства, оставшись до конца подданным канувшей в Лету Российской империи, духовный образ которой никогда не умирал в детях великого государственника-реформатора.

Глава восьмая

«СЧАСТЛИВ УМЕРЕТЬ ЗА ЦАРЯ...»

Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний день в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. Л вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения.

П. А. Столыпин

Одной из отличительных особенностей XX века стали политические убийства глав государств и правительств, монархов и кронпринцев, министров и других высших должностных лиц, правда о которых полностью не установлена до сих пор или, во всяком случае, официальные версии вызывают серьезные сомнения. Конечно, убивали сильных мира сего на протяжении всей истории человечества. Однако лишь с начала XIX века феномен политического терроризма одиночек и жестко структурированных организаций (а не просто убийств в результате дворцовых переворотов и заговоров) стал значимым фактором общественной жизни. Противостоящие во власти группировки стремились этим скрыто, через имевшиеся у спецслужб возможности, воспользоваться. Что может быть удобнее — убийство врага записать на счет террористической организации или фанатика-одиночки.

До сих пор имеется много вопросов без ответов относительно убийств (и, особенно, роли в них спецслужб) наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году, короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту в 1934 году, президента США Джона Кеннеди в 1963-м, премьер-министра Швеции Улофа Пальме в 1986 году. Но хронологический мартиролог «странных покушений» открывает убийство председателя Совета министров и министра внутренних дел Российской империи Петра

Аркадьевича Столыпина в 1911 году.

Следует отметить и следующий аспект упомянутых террористических актов. Все они серьезно повлияли на становление нашей текущей реальности. Даже не прибегая к методологии построения альтернативных моделей исторического развития, всё же представляется достаточно очевидным, что устранение фигур настолько крупных и самостоятельных государственных деятелей не могло не иметь чрезвычайно значимых последствий для будущего.

В полной мере это справедливо и в отношении Столыпина. Сам факт наличия в России государственного деятеля подобного масштаба, выступавшего, как уже нами отмечалось, категорически против втягивания страны (только начавшей выходить из кризиса после позорно проигранной войны с Японией и с огромным трудом подавленной революции) в военные авантюры, мог серьезно повлиять на развитие событий в судьбоносном для мира 1914 году.

Показательно мнение одного из ближайших соратников Столыпина, возглавлявшего Медицинский совет МВД (фактически тогдашнее Министерство здравоохранения), профессора Георгия Ермолаевича Рейна: *«Многие думают, и я в том числе, что если бы не было преступления 1 сентября, не было бы, вероятно, и мировой войны и не было бы революции с ее ужасными последствиями. Столыпину приписывают многократно повторенное им утверждение: "Только война может погубить Россию". Если с этим согласиться, то убийство Столыпина имело не только всероссийское, но и мировое значение».*

Нельзя сказать, что имеется недостаточно информации по перечисленным политическим убийствам. Наоборот, наличествуют значительная документальная база, материалы официальных и независимых расследований, огромное количество исследований историков, криминалистов и журналистов. Это как будто позволяет получить точный ответ, что же всё-таки произошло на самом деле. Но в реальности произошло обратное — почти полностью стерлась граница между подлинной информацией, исторической мифологией и целенаправленно созданной дезинформацией.

О подобном методе сокрытия истины с помощью создания многочисленных исторических мифов и внедрения в общественное сознание ложной информации очень точно написал тонкий и проницательный английский писатель Гилберт Честертон в рассказе «Сломанная шпага»: *«Где умный человек прячет лист? В лесу... Если нет леса, он его сажает. И, если ему надо спрятать мертвый лист, он сажает*

мертвый лес».

Поэтому бесчисленные тома, посвященные наиболее таинственным убийствам минувшего века, являются или, во всяком случае, зачастую представляются подобным искусственно насаженным лесом, в котором уже практически невозможно найти тщательно спрятанную истину.

Не будем обманываться. Вполне возможно, что она так и не будет найдена никогда — в истории более чем достаточно примеров, когда ее загадки навсегда остаются неразгаданными. Однако это вовсе не значит, что надо прекратить поиск. Достаточно и противоположных примеров, когда ответ на ранее, казалось, неразрешимые загадки был найден. Например, в итоге длительных скрупулезных исследований была разгадана вековая легенда о сибирском старце Федоре Кузьмиче, под именем которого якобы скрывался ушедший от мира император Александр I. Простая графологическая экспертиза написанной им короткой записки позволила опровергнуть легенду, в которую верило даже большинство членов императорской фамилии Романовых.

Конечно, подобная, достаточно простая, отгадка не слишком характерна для раскрытия загадок истории, но тем не менее показывает, что следует «никогда не говорить никогда». Надежда на раскрытие истины сохраняется всегда, и если тщательно осматривать лес, то искомый лист в конце концов может быть найден. Особенно когда есть желание это сделать, а не довольствоваться недомолвками и мифами.

События же перед трагическим финалом развивались следующим образом.

В августе — начале сентября 1911 года в Киеве должны были пройти торжественные мероприятия, посвященные пятидесятилетию введения земских учреждений в западных губерниях, и приуроченное к полувековой годовщине освобождения крестьян открытие памятника Царю-освободителю Александру II. Учитывая, что все торжества были запланированы с Высочайшим присутствием, меры охраны для них были предприняты экстраординарные.

Разумеется, террористическую опасность для царя и отдаленно нельзя было сравнить с той, что существовала еще даже три года назад. После разгрома Столыпиным революции террористическая активность в стране значительно снизилась, а окончательный удар левому террору нанесло дело Азефа. Весь мир был поражен фактом того, что руководитель БО ПСР оказался давним секретным сотрудником Департамента полиции под агентурным псевдонимом «Раскин». Причем его ценность была настолько велика, что выступавший в Государственной думе премьер назвал агента

«сотрудником правительства».

Кстати, результат этого грандиозного скандала до сих пор обычно толкуется неверно. Хотя Департамент полиции и потерял своего лучшего агента, имевшего полный объем информации о террористических планах БО ПСР (а частично и других террористических организаций), но это с лихвой было компенсировано абсолютной деморализацией эсеров, от которой они так и не смогли оправиться до самой Февральской революции. Оказалось, всё, что делалось в эсеровском руководстве, все его самые тайные планы были прекрасно известны МВД, игравшему с революционерами как кошка с мышкой. Это породило настоящую истерию взаимной подозрительности на всех уровнях партии, когда каждый видел в находящемся рядом товарище агента охраны. В общем-то, эсеры не так уж сильно ошибались. Революционные партии были наводнены агентурой Департамента полиции, и для него действительно секретов почти не было.

Не менее важный аспект — дело Азефа продемонстрировало всю степень морального разложения революционеров, неприглядную изнанку ПСР с вождями-эмигрантами и обреченными на заклание рядовыми боевиками. Это в значительной мере разрушило десятилетиями складывавшийся образ террористов как «рыцарей без страха и упрека» и «борцов за счастье народа» и стало причиной массового разочарования левой интеллигентской массы, особенно молодежи, в революции и терроре.

Понятно, что в таких условиях и речи не могло быть о скольконибудь целенаправленном продолжении террористической деятельности. Деморализация и разложение ПСР зашли настолько далеко, что эсеры не смогли устранить даже свой несмываемый позор в лице Азефа, хотя «Раскин», не особо скрываясь, вел в Европе светский образ жизни, отдыхал на дорогих курортах и посещал роскошные казино.

Разумеется, это вовсе не значило, что опасность «центрального террора» исчезла полностью. Всегда существовала возможность не только действий одиночки, но и неожиданного теракта со стороны какой-либо небольшой, образовавшейся на короткое время группки левых террористов по такой схеме, какая использовалась в 1906 году во время покушения на Столыпина (взрыв дачи на Аптекарском острове).

И здесь следует уточнить одну деталь, важную для понимания дальнейших событий.

Меры охраны в Киеве предпринимались в основном для безопасности царя и царской семьи, и именно с этой целью были назначены ответственные лица. За безопасность премьера и других высших должностных лиц они формально тоже отвечали, но это не являлось их

главной задачей.

Что касается охраны Столыпина, то она находилась полностью в его руках. Меры по охране председателя Совета министров и министра внутренних дел во время его пребывания в Петербурге были детально расписаны специальной инструкцией «Общие положения об охране высокопоставленных лиц» от 10 марта 1910 года. Чтобы понять, насколько детально она регулировала все вопросы безопасности, приведем только небольшую часть данного документа: «Охрана г. председателя Совета министров... возлагается на начальника охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, назначаемого по выбору начальника сего отделения и действующего под непосредственным его наблюдением и ответственностью.

2. Деятельность чинов охраны и техническая часть последней определяются подробной инструкцией, предусматривающей по возможности все обязанности этих чинов по роду занимаемых ими постоянных постов в местах проживания охраняемых лиц и во время передвижения и переездов сих последних...

6. Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т. п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, г. министра, по обеим сторонам реки Фонтанки от цирка до Летнего сада, по Пантелеймоновской улице до дома № 15, по Фонтанке от угла Пантелеймоновской улицы до Симеоновского моста и по всему Соляному переулку, должны постоянно проверяться чинами полиции и находиться под неослабным наблюдением чинов охраны. Проверки эти и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

7. Заведующий охраной, его помощники и г. офицеры, состоящие при министре, обязаны фактически несколько раз в день и ночью проверять бдительность постов охраны и полиции и исполнение ими своих обязанностей и все замеченное и преподанное ими заносить в особую книгу с указанием, кем именно проверялись посты и в какое время...

11. Начальник охранной команды, его помощники и старшие агенты не ограничивают проверку службы охраны беглым обходом постов; они обязуются проводить на улице вместе с постовыми агентами по несколько часов ежедневно, дабы научить их обязанностям службы путем практических указаний. Начальник охранной команды обязуется время от

времени командировать для фактической проверки службы неизвестных агентам лиц, которые вели бы себя вблизи постов, как предполагаемые злоумышленники (проходили по несколько раз, останавливались, несли подозрительную ношу, наводили бы справки, приезжали под видом офицеров, высокопоставленных лиц и т. п.)...

13. О времени выезда г. председателя Совета министров решительно никто знать не должен. Карета и автомобиль не должны подаваться, как это принято теперь, за 5 минут до отъезда, а одновременно. Необходимо иногда ставить автомобиль у подъезда без надобности в поездке г. министра или выезжать в город пустому автомобилю.

Автомобиль не должен постоянно стоять у парадного подъезда г. министра, а может иногда ожидать у подъезда Департамента полиции, номера на автомобилях меняются возможно чаще; шофер также обязан разнообразить одежду и головные уборы...

15. На обязанность начальника С.-Петербургского охранного отделения возлагается организация строгого учета и регистрации всех лиц, как проживающих во дворе дома № 16 по Фонтанке, в доме № 9 по Пантелеймоновской улице, так и всех домов района охраны, непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в районах других охраняемых пунктов.

16. Начальник охранного отделения обязуется распорядиться, чтобы все лица, проживающие в подвальных этажах дома № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской ул., немедленно же представляли сведения о лицах, их посещающих, с указанием адресов...

18. Во всех по возможности домах района охраны надлежит завести "своих" дворников, которые давали бы сведения о жильцах и обо всём подозрительном в их жизни».

Подобные меры усиленной внешней охраны, сочетаемые с агентурной работой внутри революционных организаций, если и не делали полностью невозможным, то чрезвычайно затрудняли проведение покушения в столице. Однако при выезде премьера в провинцию меры охраны были значительно слабее, что объяснялось исключительно его собственной волей. Столыпин мог брать с собой охрану из числа сотрудников столичного охранного отделения, но никогда этого не делал. Его сопровождала только группа охраны из жандармских офицеров, в которую входили подполковник Пиранг, ротмистры Десбах и Нагроцкий и штабс-капитан Есаулов. Это были лично доверенные люди министра, но они не являлись профессиональными охранниками и в основном выполняли адъютантские обязанности. Причем, как правило, Столыпин брал в поездку

группу не в полном составе. Аналогично повел себя премьер и при поездке в Киев — им был взят с собой только ротмистр Нагроцкий, лишь недавно вошедший в состав охранной группы. Таким образом, премьер собственными руками фактически лишил себя скольконибудь надежной защиты, что до крайности облегчило задачу будущего убийцы.

Конечно, губернаторы, жандармские управления и местные охранные отделения делали всё возможное для обеспечения безопасности председателя Совета министров, но, во-первых, квалификация местных охранников была ниже, чем у столичных коллег, а во-вторых, Столыпин сознательно старался избегать усиленной охраны вокруг себя. Избегал, хотя в отношении него было совершено за время руководства правительством, по разным данным, от десяти до восемнадцати покушений.

Дело тут не только в безусловной личной храбрости Столыпина, вызывавшей нескрываемое уважение даже у революционеров. Примеры ее мы ранее неоднократно приводили, но всё-таки расскажем еще о двух случаях. Будучи саратовским губернатором, в разгар антиправительственных беспорядков Столыпин вышел один навстречу готовой крушить всё вокруг демонстрации. Во главе ее шел мужик огромного роста с суковатой дубиной в руках. Поняв, что именно он является наиболее опасным, Столыпин со словами: «Подержи-ка, братец, неудобно в ней» — сбросил ему на руки шинель. И только что кричавший об убийствах ражий детина почтительно взял шинель и понес ее за губернатором.

Этот случай стал широко известен, как и поведение Столыпина во время взрыва на Аптекарском острове. Тогда, несмотря на то, что он сам чудом избежал смерти, его дочь и сын были ранены, а вокруг были трупы погибших и куски разорванных тел, премьер оставался на месте и помогал спасать раненых.

Пренебрежение необходимыми мерами охраны объяснялось не в последнюю очередь и полуфаталистическим настроением Петра Аркадьевича, считавшего, что «всё в руках Божьих» и не слишком верившего в земную защиту от убийцы. О мистическом предвидении заставляет задуматься завещание Столыпина, в первых строках которого было написано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Глава правительства, видимо, предчувствовал не только свою насильственную смерть, но и то, что она произойдет не в столице.

Думается, можно смело предположить, что подобное настроение обреченности сыграло весомую роль в дальнейших трагических событиях.

Как ни удивительно звучит, но министр внутренних дел был убежден, что для него большая опасность исходит изнутри, чем извне. Или, другими словами, он считал, что опасны не деморализованные революционеры, а враги во власти, которым были ненавистны волевой глава правительства и его политический курс. Премьеру было прекрасно известно, что многие высшие сановники чрезвычайно опасаются усиления его власти и постоянно муссируют тему о неких «диктаторских устремлениях» и намерении «оттеснить самодержца на задний план». И если левые ненавидели Столыпина за подавленную самыми жесткими мерами революцию, то многие правые, как мы уже писали, считали крайне опасной для трона его аграрную реформу.

Столыпин неоднократно говорил ставшему одним из его немногих преданных сторонников в Думе Шульгину (что, учитывая последующие события, звучит как мистическое предвидение): *«Вы увидите, меня как-нибудь убьют, и убьет чин охраны»*.

Интересно свидетельство и Извольского, которому глава правительства нередко доверял свои самые сокровенные мысли и ощущения: *«Любопытно отметить, что, встречая опасность с удивительным мужеством и даже временами бравируя ею, он всегда имел предчувствие, что умрет насильственной смертью. Он мне говорил об этом несколько раз с поразительным спокойствием»*.

Однако, возможно, дело не столько в предвидении, сколько в трезвом понимании ситуации. Министр осознавал, что лишь в незначительной мере контролирует аппарат политической полиции с его управляемой агентурой в террористических организациях. Практикой же как того времени, так и всей позднейшей истории было использование спецслужбами (или отдельными группировками влияния в них) террористических организаций для устранения соперников во власти.

Столыпину была ясна подобная практика из совсем недавнего прошлого. Трудно сказать, что он думал по поводу убийств БО ПСР наиболее сильного своего предшественника на посту главы МВД фон Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Однако премьер не мог не размышлять — как осуществление этих террористических актов стало возможно при наличии «Раскина» и не стали ли они результатом использования «втемную» кем-то весьма влиятельным БО для достижения собственных целей.

Но вернемся к вопросу организации системы охраны во время киевских торжеств... Если охрана премьера находилась в его собственных руках, то для обеспечения безопасного пребывания царской семьи в Киеве

были задействованы огромные силы полицейского аппарата.

При этом на одно обстоятельство в организации системы охраны нельзя не обратить внимания. Как правило, за организацию охранных мероприятий при приезде царя отвечали местные губернаторы. Хотя бывали прецеденты, что систему охраны перепоручали представителю МВД, но это касалось только небольших губерний, где не было достаточных собственных полицейских сил, что никак не могло относиться к киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору, обладавшему огромными полномочиями и возможностями.

Поэтому никто не сомневался, что полномочия по организации охраны будут предоставлены генерал-губернатору Федору Федоровичу Трепову. Однако царь принял беспрецедентное решение — в вопросах организации охраны подчинить генерал-губернатора товарищу министра внутренних дел и командиру ОКЖ генерал-лейтенанту Павлу Григорьевичу Курлову. Решение было принято царем без ведома министра внутренних дел, который был просто поставлен перед фактом, что не мог не воспринять как личное оскорбление. Но если Столыпин не захотел устраивать демарш по этому поводу, то Трепов не был настолько сдержанным — он демонстративно подал в отставку, и премьеру пришлось, во избежание громкого скандала перед началом киевских торжеств, его успокаивать. В письме генерал-губернатору он неуверенно пытался оправдать высочайшее решение, неправильность которого для него самого была очевидна. По его словам, назначение Курлова ответственным за охрану в Киеве «вызвано исключительно объединением мер по охране драгоценной жизни Государя Императора, ввиду командирования с этой целью как чинов различных ведомств, так и чинов полиции из других городов».

Впрочем, в письме Курлову Столыпин весьма прозрачно намекнул, что думает по поводу царского решения, явно пролоббированного шефом жандармов: «Киевский генерал-губернатор сообщил мне, что считает оскорбительным для себя то, что высший надзор и наблюдение за охраной государя отняты у него и переданы Вам. В этом он усматривает признание его негодным для того поста, который он занимает».

Остается открытым вопрос — с какой целью Курлов за спиной министра добился решения о передаче в свое подчинение охраны во время киевских торжеств? Наиболее простой ответ — меркантильные и карьерные соображения. Стало традицией, что каждый раз ответственные за организацию охраны во время царских поездок оказывались щедро награжденными деньгами и ценными подарками, а также нередко повышались в звании. Кроме того, в распоряжении ответственного за

организацию системы охраны имелись большие средства (на охрану в Киеве было выделено 300 тысяч рублей), контроль за расходованием которых был не слишком строгим. Отнюдь не отрицая данного очевидного мотива, следует всё же задаться вопросом — был ли он единственным? Не было ли у Курлова еще и другого — получения абсолютной бесконтрольности действий, без которой невозможно было достигнуть некоей поставленной им или перед ним цели?

Подчиненными шефа жандармов по охране киевских торжеств стали три должностных лица из числа охранного ареопага — заведующий Охранной агентурой (личная охрана царской семьи) полковник ОКЖ Александр Иванович Спиридович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции статский советник Митрофан Николаевич Веригин и начальник Киевского охранного отделения подполковник ОКЖ Николай Иванович Кулябко. Именно они сыграли ключевую роль в дальнейших событиях, и следует дать хотя бы краткие характеристики как этим видным представителям политического сыска, так и их руководителю.

51-летний шеф жандармов происходил из семьи потомственных военных — его дед дослужился от простого солдата до генерал-майора, а отец уже стал генералом от инфантерии. Сам же жандармский генерал последовательно служил в лейб-гвардии Конном полку, Корпусе пограничной стражи, военно-судебном ведомстве, потом в Министерстве юстиции.

После перехода в МВД Курлов занимал должности курского вице-губернатора и минского губернатора, пережил два покушения эсеровских боевиков в отместку за энергичное подавление революционных выступлений. Правда, о покушении в Минске высказывались разные мнения. Охранное отделение получило агентурную информацию о готовящемся эсерами покушении на губернатора, но, чтобы не раскрывать своего осведомителя, решило не препятствовать террористическому акту, лишь приведя заранее бомбу в негодность. Трудно сказать, знал ли об этом Курлов. Наиболее вероятно, что он был в курсе.

Во всяком случае, обе стороны остались довольны — охранников наградили за предотвращение убийства губернатора, а Курлов показал свою отвагу и то, насколько опасаются революционеры верного слуги престола. Стоит заметить, что, возможно, его действия в Киеве были в определенной степени обусловлены минским опытом, являвшимся примером классической провокации.

Однако, как бы то ни было, личная храбрость Курлова и его

решительность в подавлении революционных беспорядков (особо контрастная на фоне нерешительности большинства других губернаторов) не остались незамеченными.

В 1906 году Курлов назначается управляющим Киевской губернией. Назначение состоялось по высказанной императору просьбе генерал-губернатора генерала от инфантерии Владимира Александровича Сухомлинова, у которого произошел конфликт с киевским губернатором генерал-майором Алексеем Порфирьевичем Веретенниковым. На этом посту Курлов также действовал весьма эффективно, не только жестко пресекая действия революционеров, но и сумев получить доверие киевского общества.

К этому времени относится и знакомство Курлова с Кулябко. Начальник Киевского охранного отделения предотвратил покушение на него и генерал-губернатора, которое революционеры якобы планировали осуществить на благотворительном концерте. Курлов вспоминал о тех событиях следующее: «На концерте мое место было рядом с генерал-губернатором. Обернувшись назад, я увидел, что сзади нас сидит Кулябко около какой-то женщины, внешность которой плохо гармонировала с нарядной обстановкой концерта. В антракте начальник охранного отделения не отходил от этой женщины, любезно с нею разговаривая, а в конце Кулябко доложил мне, что всякая опасность устранена, и *на мой вопрос, кто была сидящая рядом с ним женщина, ответил, что это одна из его секретных сотрудниц, которая доставила ему сведения о готовящемся покушении, наблюдала в зале за возможным появлением злоумышленника* и, наконец, на подъезде предупредила его, что охрана генерал-губернатора и меня сильна и, следовательно, надо отказаться от выполнения намеченного плана».

На этом эпизоде следует остановиться подробнее — он как будто является «генеральной репетицией» 1 сентября 1911 года. Думается, вообще никакие революционеры (обращает на себя внимание, что Курлов использует подобное размытое определение, не упоминая о партийной принадлежности террористов) никого убивать не планировали. Слишком всё выглядит картинно и демонстративно — секретный агент в театре и рядом с ним бдит начальник охраны. Подобным образом покушения не предотвращают, но показать свое рвение в глазах ничего не понимающих в полицейских делах высоких сановников очень удобно. Скорее всего, Кулябко или сам организовал инсценировку, или сделал вид, что поверил своей агентессе, преследовавшей какие-то собственные цели (вероятнее всего, получение награды за усердие).

Впрочем, еще более вероятен вариант, что Кулябко действовал по договоренности с Курловым или последний сам прекрасно понимал происходящую на его глазах комедию. Дело в том, что каждое покушение было для губернаторов и других высших должностных лиц чем-то вроде ордена (разумеется, неудавшееся) — оно свидетельствовало о том, насколько террористы считают их опасными для революции. За этим неизменно следовали царская милость и блестящие карьерные перспективы.

Есть и еще целый ряд более чем странных моментов. Если дама действительно была секретным агентом, то произошла ее расконспирация, что является прямым должностным преступлением. Отдельно обратим внимание на сам факт того, что Кулябко не считал чем-либо неприемлемым предотвращение террористического акта посредством непосредственного визуального обнаружения террористов секретным сотрудником, хотя инструкция Департамента полиции категорически запрещала использовать агентуру для целей охраны.

В последующем довольно распространено было мнение, что подобную имитационную схему Кулябко неудачно пытался реализовать и в отношении Столыпина, что стоило последнему жизни.

Следующий этап служебной карьеры Курлова — и. о. вице-директора Департамента полиции. На этой должности генерал пробыл недолго — с 14 апреля по 26 октября 1907 года, что дало ему в дальнейшем основание считать себя знатоком политического сыска (которым, конечно, он ни в коей мере за несколько месяцев кабинетной бюрократической работы стать не мог).

Уже находясь в эмиграции, Курлов представлял себя чуть ли не ближайшим другом и соратником Столыпина, приписывая министру инициативу своего назначения в Департамент полиции, а потом и на должности товарища министра и шефа жандармов. В мемуарах «Гибель императорской России» (вышедших в свет в Берлине в 1923 году) он рисует просто идиллическую картину взаимоотношений со Столыпиным, ставшим к этому времени культовой фигурой в среде большей части белой эмиграции: «Я вижу, — сказал улыбаясь П. А. Столыпин, — что вы имеете особое влечение к полицейской службе, и у меня явилась мысль использовать вас в этом направлении. Я сам не знаток полицейского дела, и А. А. Макаров (бывший в то время товарищем министра внутренних дел), пользующийся моим полным доверием, — прекрасный юрист, но тоже не может считаться обладающим в этом деле практическим опытом, а очень даровитый директор департамента полиции М. И. Трусевич (в 1911 году

возглавивший расследование киевских событий. — *Авт.*) — крайне увлекающийся человек и лишен необходимой в этой деятельности выдержки... Мне кажется, что Департамент полиции настолько большое и сложное учреждение, что для руководства им нужна серьезная предварительная подготовка не сверху, а снизу, а в особенности — близкое его знакомство с личным его составом, что очень трудно сделать уже в положении начальника. Если вы не откажетесь, то попрошу вас принять на себя исполнение обязанностей вице-директора Департамента полиции».

Приведенный отрывок является лживым от первого до последнего слова. Столыпин из всех сил сопротивлялся назначению Курлова. И дело не только в том, что министр крайне не хотел назначения на один из руководящих постов в Департаменте полиции полного дилетанта (анекдотично звучат курловские слова об «особом влечении к полицейскому делу»). Столыпин хорошо знал истинные причины лоббирования данного назначения со стороны дворцового коменданта генерал-адъютанта Владимира Александровича Дедюлина (занимавшего в 1903–1905 годах должность начальника штаба ОКЖ).

Последний был одним из наиболее влиятельных лиц в ближайшем окружении царя и возглавлял антистольпинскую придворную группировку. Дворцовый комендант делал всё от него зависящее, чтобы дискредитировать премьера в глазах императора и добиться если не смещения, то хотя бы максимального ограничения властных возможностей главы правительства и МВД. Именно с этой целью Дедюлин пытался добиться через царя назначения Курлова в Департамент полиции, который возглавлял близкий Столыпину Трусевич. Назначение Курлова позволило бы Дедюлину через свою креатуру контролировать деятельность политической полиции, что лишало председателя Совета министров одного из главных рычагов власти и влияния.

Премьер сопротивлялся, но единственное, чего достиг, — назначения Курлова не вице-директором, а исполняющим обязанности. Через несколько месяцев Столыпин всё-таки добивается от Николая II устранения Курлова, предложив тому формальное повышение — должность начальника Главного тюремного управления. Однако 1 января 1909 года Дедюлин взял реванш: Курлов был назначен его товарищем и шефом жандармов. Достаточно быстро, пользуясь огромной загруженностью Столыпина на посту главы правительства, Курлов выводит из-под влияния министра Департамент полиции.

Об отношениях, сложившихся между министром и командиром ОКЖ, свидетельствует Мария фон Бок (Столыпина) в изданных в Нью-Йорке в

1953 году своих воспоминаниях об отце. Будучи замужем за морским агентом (военно-морским атташе) России в Германии лейтенантом Борисом фон Бокм, она стала участницей таинственных событий, произошедших в 1909 году: «Из нашего консульства поступило ко мне *сообщение о неблагонадежности генерала Курлова по отношению к моему отцу. Сообщение было настолько серьезно, что мы решили выехать в тот же день в Петербург*, чтобы сообщить об этом моему отцу и предупредить его.

Приехав в Петербург утром, я просила папа за завтраком уделить нам время для важного разговора с ним. Мой отец назначил в пять часов в саду Зимнего дворца, где он совершал в это время прогулку. Когда мой муж передал все полученные нами сведения, папа, нахмурившись, сказал:

— Да, Курлов единственный из товарищей министров, назначенный ко мне не по моему выбору; у меня к нему сердце не лежит, и я отлично знаю о его поведении, но мне кажется, что за последнее время он, узнав меня, становится мне более предан».

Спустя 42 года после смерти премьера, 30 лет после смерти Курлова и 26 лет после падения монархии дочь Столыпина так и не рассказала, что это были за серьезные сведения о «неблагонадежности» Курлова, заставившие отнюдь не наивно-доверчивого морского агента (выполнявшего в Германии в том числе и разведывательные функции) немедленно с супругой выехать в Петербург. Понятно, что не обычная информация об общеизвестной нелояльности Курлова по отношению к своему формальному начальнику. Подобную реакцию могло вызвать только известие о чем-то конкретном, готовившемся шефом жандармов. И возможно, что речь шла об угрозе жизни Столыпина.

Обращает на себя внимание указанный источник информации — «из нашего консульства». Российское консульство в Берлине было одним из «подкрышных» учреждений Заграничной агентуры Департамента полиции. Поэтому указание источника можно истолковать следующим образом. Кто-то из состава сотрудников Заграничной агентуры получил сведения о готовившихся Курловым действиях против Столыпина. Естественно, что официальным путем он их передать не мог, и совершенно логичным было ознакомить с информацией дочь министра.

Объяснение странного умолчания дочери премьера может быть следующим. Действия Курлова, согласно полученной информации, объяснялись не только его личной волей, но в ней каким-либо образом упоминался и император или императрица. Понятно, что сказать об этом (особенно учитывая отсутствие неопровержимых доказательств) убежденная монархистка Мария фон Бок не могла, что убедительнее всего

объясняет ее недоговоренность.

О том, что Курлов был способен на многое, свидетельствует и генерал Владимир Федорович Джунковский, командовавший ОКЖв 1913–1915 годах. Как он написал в своих «Воспоминаниях»: «Ума от Курлова отнять нельзя было, но это был человек с шаткими принципами. Последнее проявилось в нем особенно сильно, когда он сделался товарищем министра внутренних дел... Он и своим подчиненным показал пример неустойчивости нравственных принципов».

Правда, справедливости ради стоит заметить, что не человеку, пошедшему консультантом в ВЧК — ОГПУ и участвовавшему в планировании дезинформационной операции «Трест» по нейтрализации монархической эмиграции, было разглагольствовать о нравственных принципах.

Генерал Герасимов (именно его Столыпин хотел сделать товарищем министра вместо Курлова) прямо называл шефа жандармов ставленником Распутина, пытавшегося с его помощью взять под контроль политическую полицию: *«Высокопоставленные друзья Распутина, недовольные репрессиями против него со стороны политической полиции, приложили все усилия к тому, чтобы поставить во главе последней своего человека. Они правильно понимали, что только распоряжение аппаратом полиции даст ключ к действительной власти. Подходящим кандидатом на пост высшего руководителя политической полиции в этих сферах сочли Курлова... Он в это время был видным деятелем крайних правых организаций и делал себе в высших кругах карьеру тем, что обличал "мягкость" и "либерализм" правительства Столыпина. Последний некоторое время противился назначению Курлова, но должен был уступить, после того как Государыня во время одной из аудиенций сказала ему:*

— Только тогда, когда во главе политической полиции станет Курлов, я перестану бояться за жизнь Государя».

Как бы то ни было, одно не вызывает сомнений. Информации от дочери и зятя Столыпин до конца не поверил, по-видимому, посчитав, что шеф жандармов не перейдет определенных границ. Вероятно, что именно это и сделало возможными выстрелы в Киеве...

Не менее любопытной личностью был и полковник Спиридович. В отличие от Курлова он действительно являлся незаурядным мастером политического сыска, что признавали даже его недоброжелатели.

38-летний начальник Охранной агентуры родился в семье офицера Пограничной стражи и прошел обычный путь для сына военного — Аракчеевский кадетский корпус, Павловское военное училище, служба в

Оренбургском пехотном полку в Вильно. Отметим — его ближайшим другом в кадетском корпусе и училище был как раз Кулябко, который позднее еще и женился на сестре Спиридовича.

После шести лет полковой службы Спиридович переводится в жандармы (жалованье которых было более чем вдвое выше, чем у армейских офицеров), для чего сдает необходимые экзамены. После окончания специальных курсов (имевших формальный характер и не дававших практических розыскных навыков) новоиспеченный жандармский офицер по собственному желанию отправляется на стажировку в Московское охранное отделение. Последнее на тот момент было наиболее сильным в России — его деятельность распространялась не только на Москву, но и на всю страну. Начальником отделения был знаменитый Сергей Васильевич Зубатов, прошедший путь от секретного сотрудника до наиболее авторитетного и влиятельного деятеля политического сыска империи. Красноречивый факт: хотя Зубатов был статским чиновником, его авторитет безоговорочно признавался всеми офицерами-охранниками, ощущавшими себя отдельной кастой.

Главной заслугой Зубатова являлось то, что он поставил на прежде невиданную высоту две главные составляющие тогдашнего, еще не знавшего технических средств, политического сыска — наружное наблюдение (внешнее освещение) и агентурную работу (внутреннее освещение). Наружное наблюдение было выведено Зубатовым на высочайший уровень, и его филёры по праву считались лучшими в Европе. Спиридович так писал о филёрах созданного позднее Зубатовым в Департаменте полиции летучего отряда (по его образцу была перестроена и вся филёрская служба в охранных отделениях): «По деловитости, опытности и серьезности филёров, которые в большинстве брались из московских филёров, летучий отряд был отличным наблюдательным аппаратом, не уступавшим по умению приспособляться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации профессиональным революционерам... филёр мог пролежать в баке над ванной (что понадобилось однажды) целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков, и умел вывертываться. Его филёр стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог бы признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности мог прикинуться он и дурачком и поговорить с

наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полным самоотвержением продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует при провале получить на окраине города пулю браунинга или удар ножа, что и случилось».

Еще более важным было то, что Зубатовым были разработаны основные принципы работы с агентурой, которыми до сих пор пользуется большинство спецслужб мира. Начальник Московского охранного отделения учил подчиненных следующим основам работы с секретными сотрудниками: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. *Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству.* Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму... *Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником.* Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте всё, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему... Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником; будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Обратим особое внимание на зубатовские указания «никому и никогда не называть имени секретного сотрудника» и необходимость предвидения момента психологического перелома. Хотя Спиридович и считался талантливейшим учеником Зубатова, но зубатовские заветы он (как и его протеже Кулябко) в ходе киевских торжеств сознательно нарушал.

После успешной работы в Москве Спиридович в 1902 году назначается начальником Таврического охранного отделения с центром в Симферополе. Данное отделение имело специфические задачи — оно было в основном учреждено для охраны императорской семьи во время приездов

в Крым. Там Спиридович приобретает навыки обеспечения комплексной безопасности царской семьи, в том числе и во время ее выездов за пределы резиденций.

Отмеченный императором за успешную службу в Таврическом охранном отделении, Спиридович переводится в 1903 году с повышением начальником Киевского. Работая в Киеве в сложный предреволюционный период, он благодаря прекрасно поставленной агентурной работе держал под контролем все революционные партии, раскрыл лабораторию по подготовке бомб и провел арест опасного эсеровского боевика Мельникова. Но его звездный час разыскника наступил 14 мая 1903 года. Спиридовичу удалось достичь огромнейшего успеха — арестовать создателя и первого руководителя эсеровской БО Григория Гершуни, которого безуспешно ловила вся полиция России (фон Плеве демонстративно поставил на рабочий стол фотографию руководителя БО).

Успех был достигнут профессиональным сочетанием внутреннего и внешнего освещения. Начальник охранного отделения получил от своего секретного сотрудника «Конька» информацию о приезде к киевским эсерам «кого-то очень важного» и интуитивно понял, что испуганный агент недоговаривает — речь идет о приезде самого Гершуни. Спиридович решил не давить на агента и перевел разговор на другую тему, но после этого немедленно просмотрел всю перлюстрированную корреспонденцию на адреса лиц, подозреваемых в связях с эсерами. Одна из телеграмм привлекла его внимание: «Папа приедет завтра. Хочет повидать Федора. Дарнищенко». Поняв смысл этого послания, Спиридович выставил на все железнодорожные станции Киева и пригородов наряды филёров. На станции Киев-2 ими и был схвачен Гершуни, который так удачно загримировался, что имевшееся описание его примет не помогло в опознании.

Однако в Киеве начальник охранного отделения допустил и ошибку, едва не стоившую ему жизни. Одним из его лучших секретных сотрудников по освещению деятельности местной большевистской организации был слесарь Петр Руденко. Непосредственно ведший секретного сотрудника Спиридович просмотрел момент психологического перелома, о котором предупреждал Зубатов. В результате он получил две пули от пытавшегося реабилитироваться перед товарищами большевика почти напротив охранного отделения, располагавшегося на Бульварно-Кудрявской, 29. Пройдет шесть лет, и Спиридович, согласно одной из версий, также не заметит (или не захочет заметить) такого же надлома в будущем убийце Столыпина.

Так, один из опытнейших разыскников зубатовской школы полковник Мартынов считал, что побудительные мотивы Руденко и убийцы Столыпина были одинаковы, как одинаковы были и допущенные Спиридовичем ошибки: «...У Спиридовича не оказалось налицо ни интуиции, дабы предвидеть намерение собственного же сотрудника, ни другой агентуры, достаточно осведомленной, дабы предупредить готовившееся покушение. В другом случае, позднее, а именно в 1911 году, в том же Киеве у того же Спиридовина не оказалось налицо ни той же необходимой всегда интуиции для понимания намерений и настроения Богрова, ни другой, осведомленной агентуры!»

Впрочем, у руководства репутация Спиридовича как мастера политического сыска нисколько не пострадала (после ранения его наградили орденом Святого Владимира 4-й степени), и вскоре он назначается заведующим Охранной агентурой, выполнявшей функции охраны императорской семьи (но не проводившей самостоятельной агентурной работы). Необходимо подчеркнуть, что Охранная агентура находилась в подчинении дворцового коменданта, а не МВД, и таким образом, Спиридович был единственным из ответственных за охрану киевских торжеств, кто не был подчиненным Курлова. Но это не значит, что он чувствовал себя независимым от шефа жандармов, в котором видел будущего министра внутренних дел. Курлов был доверенным человеком непосредственного начальника Спиридовича — дворцового коменданта Дедюлина, а сам начальник Охранной агентуры хотел вернуться с повышением в систему МВД (которому подчинялись и власти на местах, а не только общая и политическая полиция). О том, с какой предупредительностью Спиридович относился к генералу, свидетельствует то, что по просьбе последнего он откомандировал одного из служащих Охранной агентуры в распоряжение супруги Курлова, чтобы «подтянуть всю прислугу и шофера» и «обеспечить порядок» на даче.

На фоне Спиридовича начальник киевской охраны Кулябко ни малейшими разыскными способностями не блистал, да и его репутация оставляла желать лучшего. Еще за два года до убийства премьера Киевское охранное отделение инспектировал хорошо известный нам Герасимов (к этому времени генерал для поручений при министре внутренних дел). Он констатировал полный развал агентурной работы (характерны были агентурные псевдонимы, даваемые Кулябко агентуре, — «Водочный», «Пивной», «Ликерный»), бесцельное разбазаривание выделенных на нее средств и общий низкий профессиональный уровень служащих отделения. Оставленный предшественниками немалый задел был полностью

разрушен.

Всей своей карьерой Кулябко был целиком обязан Спиридовичу, который сначала перевел его из московской полиции в жандармы, а потом проталкивал бесталанного родственника всё выше по охранной иерархии и даже чуть было не добился его назначения руководителем Московского охранного отделения.

Не блистал талантами и и. о. вице-директора Департамента полиции 33-летний статский советник Веригин. После окончания Императорского училища правоведения он служил в Департаменте полиции на канцелярских должностях, никогда розыскной работой не занимался, а своей высокой должностью был обязан исключительно Курлову (по некоторым сведениям, за ведение финансовых дел патрона). Последний кроме продвижения Веригина по службе выхлопотал ему через Дедюлина и придворное звание камер-юнкера.

Но все эти очень разные люди составляли, по современной терминологии, «команду», в интересах которой было скорейшее устранение Столыпина с должности главы правительства и министра внутренних дел. В придворных сферах даже открыто называли их будущие должности после ухода Столыпина. Курлов считался будущим министром внутренних дел, Спиридович — столичным градоначальником, Веригин — директором Департамента полиции, Кулябко — заведующим охранной агентурой.

Именно эта команда сыграла зловещую роль в киевских событиях, но прежде чем рассказать о начале череды странных событий, закончившихся смертью Столыпина, следует упомянуть о некоем происшествии, хотя внешне и мистическом, но, возможно, имевшем вполне реальную подоплеку.

Шульгин приводит рассказ киевского знакомого Распутина, на квартире которого тот ночевал во время киевских торжеств: «Вот, значит, коляска государя уехала... А второй экипаж — Петр Аркадьевич Столыпин ехал... Так он, Григорий Ефимович, вдруг затрясся весь... "Смерть за ним!.. Смерть за ним едет!.. За Петром... За ним"... А всю ночь я вместе с ним ночевал, это, значит, перед театром... Он в соседней комнате через тоненькую стеночку спал... Так всю ночь заснуть мне не дал... кряхтел, ворочался, стонал... "Ох, беда будет, ох беда". А он всё свое: "Ох, беда, смерть идет". И так до самого света... А на следующий день — сами знаете... в театре... Убили Петра Аркадьевича».

Можно, конечно, было бы не обращать внимания на данный рассказ. Но, учитывая информацию Герасимова о тесной связи Курлова с

Распутиным, определенные подозрения не могут не возникнуть. Особенно в свете настойчивых попыток Столыпина выслать «старца» из Петербурга. Когда премьер начал настаивать на необходимости этой меры перед Николаем II, тот лишь вздохнул и произнес знаменательную фразу: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».

Заставляет задуматься и свидетельство Алексея Николаевича Хвостова, министра внутренних дел в 1915–1916 годах: «В 1911 г., *дней за десять до убийства Столыпина*, в Нижний Новгород, где я в то время был губернатором, неожиданно приехал бывший издатель "России"... Сазонов и вместе с ним Распутин, которого я ранее никогда не видел. Во время беседы со мной стал говорить... что он *прислан царем "посмотреть мою душу"*, и, наконец, *предложил мне место министра внутренних дел*. На мое замечание, что это место занято, *Распутин ответил, что это все равно, что Столыпин все равно уйдет*».

Бывший сибирский хлыст не уточнил — каким именно образом «уйдет» Столыпин. Конечно, наиболее вероятно, что имелась в виду его ожидавшаяся отставка, но нельзя исключить и подразумевавшийся Распутиным совсем другой вариант ухода.

Обращает на себя внимание и факт глубочайшего недоверия деятелей антистольпинского кружка друг к другу. В то время как Курлов давно действовал против Столыпина в надежде занять его место, будучи уверен при этом в поддержке Распутина, последний одновременно рассматривал другие кандидатуры на должность министра внутренних дел.

Ко времени странного пророчества Распутина события уже близились к финалу, а начались они 27 августа. Вечером в гости к начальнику охранного отделения пришли Спиридович и Веригин. Работа по обеспечению безопасности торжеств была проделана огромная, что определило и прекрасное расположение духа охранников. Исключение составлял Кулябко, у которого утром в отделении произошел очень неприятный инцидент.

Филёрами Киевского охранного отделения по полученным агентурным сведениям (как «подозрительный») был задержан человек в форме инженера, но с паспортом на имя крестьянина Бизюкова. Допросить его не удалось, задержанный (оказавшийся находившимся в розыске за убийство урядника неким Александром Муравьевым) застрелился после того, как был доставлен в охранку. Самоубийство в ее стенах ярко иллюстрирует уровень профессионализма подчиненных Кулябко, даже не подумавших обыскать задержанного.

Уже после выстрелов 1 сентября возникла версия о том, что самоубийство «Бизюкова» сыграло ключевую роль в дальнейших событиях. Из неизвестных источников распространилась информация, что Муравьев был анархистом и должен был совершить покушение на Столыпина при помощи имевшего в Киеве обширные связи Богрова, ставшего вскоре убийцей премьера. Якобы, будучи задержанным и доставленным в охранку, он посчитал, что предан последним и именно поэтому покончил жизнь самоубийством. И будто бы для того, чтобы отвести от себя подозрение в предательстве Муравьева, Богров вынужден был пойти на совершение террористического акта.

Позднее было проведено специальное официальное расследование этих слухов и, согласно его заключению, данных о связи Муравьева с Богровым установлено не было (как и данных о принадлежности самоубийцы к анархистам). Было заявлено, что Муравьев был обычным уголовником и к подготовке покушения на Столыпина никакого отношения не имел.

Но некоторые факты противоречат официальной версии. Богров (во время следствия заявивший, что не знаком с Муравьевым) уже вечером знал о самоубийстве в помещении охранного отделения. Он упомянул об этом факте в самом начале разговора с Кулябко (начальник охранного отделения и не подумал поинтересоваться столь поразительной осведомленностью!) и сам связал его с покушением на Столыпина. Конечно, слухи разносятся быстро, но всё же охранка максимально засекретила неприятный инцидент, и о нем знало очень ограниченное число людей. Еще более интересно то, что прислуга семьи Богровых Александра Катковская опознала Муравьева как приходившего к будущему убийце премьера: «Что касается молодого человека, изображенного на предъявляемой мне другой карточке (ей была предъявлена карточка Александра Муравьева), то этот человек имеет большое сходство с одним рабочим, приходившим три раза к Дмитрию Богрову в минувшем августе, о чем я расскажу ниже. Труп этого рабочего — это я утверждаю категорически — был мне предъявлен 6 сентября в Александровской больнице. В предъявленных мне вами снимках (предъявлены снимки с трупа Муравьева) я признаю снимки с этого трупа. Между прочим, когда мне предъявляли этот труп, я обратила внимание и была удивлена тем, что у трупа этого около правого уха была огнестрельная рана, а на левой щеке — кровоподтек. Не помню, от кого раньше — от околоточного надзирателя или служителя в больнице — я узнала, что человек, труп которого мне предъявляли, самоубийца Муравьев, застрелившийся в охранном отделении.

Итак, этот человек три раза был на квартире у Дм. Богрова. В какие дни он был у Богрова, я точно определить не могу; но скажу так: 25-го или 26-го августа он заходил к Богрову два раза (то есть Богров виделся с ним за день перед приходом к Кулябко. — Авт.), а в первый раз был у него за день, за два раньше. Все три раза он проходил через черный ход, через кухню».

И еще одно свидетельство не позволяет счесть историю с Муравьевым, не относящейся к последующим событиям. Дворник, находившийся у ворот дома рядом с охранным отделением, видел Муравьева за час до странного самоубийства входившим в помещение охраны. С ним никого не было, и ничто не показывало, чтобы он был арестован и доставлен в охранный отдел. Возможно, на Бульварно-Кудрявской произошло убийство, а Муравьев входил в состав секретной агентуры и был убит из-за нежелания продолжать выполнение поручения по работе с Богровым?

Все эти загадочные факты в дальнейшем так и не получили объяснения.

Но за исключением неприятного инцидента у Кулябко, остальное давало все поводы для оптимизма. Меры охраны были приняты действительно беспрецедентные, и можно было быть уверенными, что в условиях тотального контроля никто не осмелится думать о проведении покушений.

Не считая местных, только командированных из других городов агентов-охранников было более 450, каждый маршрут передвижения царя обеспечивали от 220 до 350 охранников под командованием нескольких жандармских офицеров, все скольконибудь подозрительные лица были взяты под плотное наблюдение, каждый объект высочайшего посещения был тщательнейшим образом обследован.

Вопросам безопасности императора уделялось такое внимание, что даже генерал-губернатор считал необходимым обратиться со следующим специальным воззванием к населению: «29 сего августа Государь Император с Государыней Императрицей и августейшей семьей осчастливит своим посещением г. Киев.

Прибывают Их Императорские Величества в 11 часов утра на ст. Киев 1-й и пробудут в г. Киеве несколько дней.

Местные власти своевременно объявят и примут все надлежащие меры, необходимые для обеспечения общественного порядка, свободы движения и проезда по улицам. Выбегать навстречу к царскому экипажу, бросать цветы и подавать прошения при проезде по улицам воспрещается. Находящим необходимость прибегнуть к царской милости будет открыт

доступ для подачи всеподданнейших прошений в императорском дворце, где в особо отведенном помещении прошения будут приниматься дежурным флигель-адъютантом.

Будучи уверен, что властям не придется прибегать к мерам строгости, применяемым лишь в случаях нарушения порядка, я обращаюсь к верноподданнической преданности всех благомыслящих киевлян и прибывших в г. Киев на сии высокаторжественные дни и прошу содействовать должностным лицам в поддержании необходимого порядка путем неуклонного следования требованиям, предъявляемым сими последними лицами. Только при таком отзывчивом отношении населения к мероприятиям властей могут быть вполне обеспечены достойная встреча Их Императорских Величеств и радостное проведение предстоящих торжественных дней».

Ничто не предвещало неожиданностей, но она появилась в лице 24-летнего помощника присяжного поверенного Богрова. Прежде чем изложить, с чем Богров пришел к начальнику охранки, следует рассказать об этом типичном продукте периода разложения российского общества и утраты им нравственных ориентиров (эпоха эта известна под красивым, но лживым названием Серебряного века).

Богров происходил из богатой и известной в Киеве еврейской семьи. Его дед был известным писателем ассимиляторского направления, автором популярных произведений на русском языке «Записки еврея» и «Еврейский манускрипт. Перед драмой». В конце жизни он принял православие, его сын — отец Богрова (как и внук) — остался формально иудейского вероисповедания, но семья была совершенно нерелигиозной, а единственным языком общения был русский. По одним документам, Богров числился Дмитрием Григорьевым, по другим — Мордко Гершковым (позднее в приговоре суда будут фигурировать одновременно два имени), но сам он использовал исключительно первый вариант.

Отец Богрова был влиятельным в Киеве присяжным поверенным и крупным домовладельцем. Он владел большим домом на Бибиковском бульваре, 4 (уцелел до нашего времени, сами Богровы жили в квартире 7 на втором этаже), который приносил стабильный доход. Его общее состояние оценивалось в полмиллиона рублей, что позволяло широко участвовать в благотворительной деятельности. По взглядам Богров-старший был умеренным либералом и сочувствовал партии кадетов.

Богров закончил элитную киевскую Первую гимназию, в которую лиц иудейского вероисповедания принимали только в исключительных случаях (понятно, что сына влиятельного адвоката и богатого домовладельца это

ограничение никоим образом не касалось). О любопытном психологическом штрихе к портрету будущего убийцы премьера рассказал писатель Константин Георгиевич Паустовский, учившийся с ним в одной гимназии: «Против приготовительного класса был физический кабинет. В него вела узкая дверь. Мы часто заглядывали на переменах в этот кабинет. Там скамьи подымались амфитеатром к потолку. В физический кабинет водили на уроки старшекласников. Мы, конечно, кишели в коридоре у них под ногами, и это им, должно быть, надоело. Однажды один из старшекласников, высокий бледный гимназист, протяжно свистнул. Старшекласники тотчас начали хватать нас, кишат, и затаскивать в физический кабинет. Они рассаживались на скамьях и держали нас, зажав коленями. Вначале нам это понравилось. Мы с любопытством рассматривали таинственные приборы на полках — черные диски, колбы и медные шары. Потом в коридоре затрещал первый звонок. Мы начали вырываться. Старшекласники нас не пускали. Они крепко держали нас, а самым буйным давали так называемые "груши". Для этого надо было винтообразно и сильно ковырнуть большим пальцем по темени. Это было очень больно. Зловеще затрещал второй звонок. Мы начали рваться из всех сил, просить и плакать. Но старшекласники были неумолимы. Бледный гимназист стоял около двери.

— Смотри, — кричали ему старшекласники, — рассчитай точно!

Мы ничего не понимали. Мы были от ужаса. Сейчас будет третий звонок. Назаренко (классный надзиратель. — *Авт.*) ворвется в пустой приготовительный класс. Гнев его будет страшен. Реки наших слез не смогут смягчить этот гнев. Затрещал третий звонок. Мы ревели на разные голоса. Бледный гимназист поднял руку. Это значило, что в конце коридора появился физик. Он шел неторопливо, с опаской прислушиваясь к воплям из физического кабинета. Физик был очень толстый. Он протискивался в узкую дверь боком. На этом и был построен расчет старшекласников. Когда физик заклинился в дверях, бледный гимназист махнул рукой. Нас отпустили, и мы, обезумевшие, помчались, ничего не видя, не понимая и оглашая рыданиями физический кабинет, к себе в класс. Мы с размаху налетели на испуганного физика. На мгновение у двери закипел водоворот из стриженных детских голов. Потом мы вытолкнули физика, как пробку, из дверей в коридор, прорвались у него между ногами и помчались к себе.

К счастью, Назаренко задержался в учительской комнате и ничего не заметил. Старшекласникам удалось всего раз проделать над нами эту предательскую штуку. Потом мы были настороже. Когда старшекласники появлялись в коридоре, мы тотчас прятались к себе в класс, закрывали

двери и загораживали их партами.

Развлечение это, стоившее нам стольких слез, придумал бледный гимназист. Его звали Багров (в некоторых источниках фамилия пишется через «а». — *Авт.*). Несколько лет спустя он стрелял из револьвера в Киевском оперном театре в царского министра Столыпина».

Паустовский увидит также своими глазами и покушение в городском театре, и его свидетельство мы приведем в дальнейшем.

После окончания с отличием гимназии Богров поступает на юридический факультет Киевского университета Святого Владимира. В 1905 году, когда из-за революционных волнений занятия в университете прекратились, родители отправили сына на учебу в Мюнхен.

Его политические предпочтения в этот период были уже далеки от отцовских. По словам одного из знакомых будущего террориста, Богров «поступил в Киевский университет вполне сформировавшимся социалистом-революционером». Но во время пребывания в Германии даже эсеры начинают ему казаться недостаточно радикальными. Он сближается с эсерами-максималистами, которые ПСР с ее БО считали малоактивной в борьбе с самодержавием. В 1906 году максималисты окончательно порвали с ПСР и начали кампанию террора (включая и покушение на Столыпина на Аптекарском острове), которую один из лидеров эсеров Виктор Михайлович Чернов характеризовал как сходные с погромами массовые убийства. Приведем характерную резолюцию конференции максималистов: «Где не помогает устранение одного лица, там нужно устранение их десятками; где не помогают десятки — там нужны сотни».

В конце 1906 года Богров переходит к анархистам-коммунистам, принимает активное участие в работе их киевского кружка и вскоре занимает в нем видное положение. Анархисты тогда были наиболее радикальной группировкой в революционном движении, выступая не за достижение локальных политических целей, а за полный слом всей системы общественных отношений. Как правило, в анархистских группах скапливались бывшие эсеры, эсеры-максималисты и, в меньшей мере, эсдеки, недовольные «пассивностью» своих партий.

Всего в период революции 1905–1907 годов в России насчитывалось около пяти тысяч активных анархистов. Немало в партии было и откровенных уголовников, учитывая, что анархисты считали бандитизм «социально прогрессивным явлением». Ярким образцом анархиста был бывший уголовник Леонид Домогацкий. Собственноручно он убил 16 и ранил 8 человек, вместе с коллегами еще 50, а также принял участие в 14 грабежах.

При этом террор и экспроприации были у анархистов не вспомогательным средством (пусть и крайне важным, как у эсеров и особенно у эсеров-максималистов), а практически самоцелью. Как было написано в анархистском издании «Хлеб и воля» в 1905 году: «Только враги народа могут быть врагами террора!» А вот слова из манифеста анархистов 1909 года: «Берите кирки и молоты! Подрывайте основы древних городов! Всё наше, вне нас — только смерть... Все на улицу! Вперед! Разрушайте! Убивайте!» Анархисты провозгласили массовый террор (не разделяя его на политический и экономический, как это делали эсеры) против буржуазного общества. Они также не концентрировались на терроре против ключевых фигур системы государственного управления, что, как правило, требовало тщательной и длительной подготовки, предпочитая компенсировать качество количеством. Основными объектами террора анархистов были простые городские, дворники, мелкие государственные служащие, коммерсанты, лавочники, члены монархических организаций. Всего за время от начала первой русской революции до 1916 года от рук левых террористов различных партий погибло более семнадцати тысяч человек и более половины из них были убиты участниками различных анархистско-бандитских групп. Напомним еще раз ранее приведенные цифры относительно масштабов правительственного контртеррора — введенные Столыпиным военно-полевые суды вынесли всего 1102 смертных приговора (а казнено было 683 человека).

При этом анархисты представляли для Департамента полиции особую сложность. Они состояли из отдельных автономных кружков, не имели жестко структурированной организации подобно эсерам, и внедрить «центральную агентуру» в руководящие партийные органы было невозможно из-за отсутствия таковых. Анархистские группировки действовали спонтанно и, как правило, существовали недолго, что еще более осложняло использование агентуры. Отметим и следующую немаловажную деталь. Анархисты практически никогда не устраивали долгих разбирательств и последующих партийных судов в отношении заподозренных в сношениях с охранкой (как это любили делать эсеры), а при наличии серьезных подозрений сразу убивали. Значение этого факта будет ясно в дальнейшем.

Богров, выбрав верную линию поведения, быстро стал видной фигурой среди киевских анархо-коммунистов. Не принимая непосредственного участия в анархистских эксках и убийствах, он начал претендовать на статус крупного теоретика, чем вызывал к себе чрезвычайно уважительное отношение среди полуграмотных боевиков.

Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что Богров под псевдонимом напечатал в 1908 году в газете «Анархист» статью о деятельности киевской организации, отрывки из которой целесообразно процитировать: «Анархисты-коммунисты Киева категорически отвергли всякое содействие к улучшению материального положения товарищей путем денежных экспроприации на том основании, что *такая экспроприация есть не что иное, как переход денег от одного собственника к другому и что она не имеет никакого революционного значения.*

Все члены киевской группы заранее отказались от пользования экспроприированными деньгами на личные нужды, предназначая их исключительно в распоряжение группы для продолжения и расширения деятельности... Киевской группе пришлось остановиться на анализе тех оснований, которые побуждали отдельные группы рабочих, обыкновенно в момент обострения, обращаться к ней с просьбой об *изъятии* того или иного представителя или доблестного защитника капитала (какая изящная формулировка! Всё-таки университетское образование сказывается. — *Авт.*). Рассмотрев подробно этот вопрос, группа пришла к тому выводу, что такие обращения за "услугами" (иногда даже ради личной мести) носят исключительно утилитарный характер, что в тех случаях, когда после террористических выступлений следовало увольнение рабочих, закрытие предприятий и пр., та же самая масса, в которой отзывчивые товарищи готовы были видеть друзей анархизма, немедленно обращалась в его врагов, что, наконец, некоторые акты такого экономического террора не являются такими террористическими выступлениями, которые наиболее разрушающе действуют на современный строй и наиболее развивают социально-революционное движение, — на основании всего этого группа решила принимать участие лишь в таких актах экономического террора, которые не идут вразрез с задачами анархического движения и его тактическими приемами... Поэтому при выполнении того или иного террористического акта, направляемого против класса эксплуататоров — представителей власти и капитала, — приходится его рассматривать только лишь с точки зрения классовой целесообразности в данный момент».

Из всего содержания многословной статьи следует одно — активным теоретизированием по поводу «классовой целесообразности» тех или иных актов террора Богров сумел существенно снизить террористическую активность киевских анархистов, что намного облегчало жизнь охранному отделению.

Дело в том, что крупный теоретик террора и один из виднейших

киевских анархо-коммунистов с конца 1906 года был одновременно секретным сотрудником Киевского охранного отделения, подписывавшим агентурные донесения псевдонимом «Аленский». К сотрудничеству его никто не принуждал, деградировавшее при Кулябко Киевское охранное отделение даже не знало о принадлежности Богрова к революционному движению. Богров сам пришел на Бульварно-Кудрявскую, 29 к начальнику охраны и предложил свои осведомительские услуги. Это ему тем проще было сделать, что Кулябко он хорошо знал лично — тот был приятелем и партнером по карточной игре его отца, часто бывал в доме Богровых.

Начальник охранного отделения с радостью принял неожиданное предложение — количество агентуры в революционных организациях являлось главным показателем его работы. Богрову было положено месячное жалованье в 100–150 рублей (в зависимости от ценности предоставляемых сведений) и за особо важную информацию «премиальные» в размере 50–60 рублей.

Мотивы, по которым Богров пошел на этот шаг, абсолютно неясны до сих пор. Согласно его собственным показаниям в Киевском военно-окружном суде 9 сентября 1911 года: «Будучи анархистом-теоретиком, я в 1906 году в г. Киеве решил вступить в сообщество анархистов, но уже месяца через два совершенно разочаровался в их деятельности, так как они больше разбойничали, чем проводили в жизнь идеи анархизма. Заметив затем, что за нами ведется наблюдение, я отправился к начальнику Киевского охранного отделения и, рассказав ему всё, стал советоваться с ним, что мне делать. Он выслушал меня, записал мои показания и *просил меня для вида не порывать своей связи с сообществом и доставлять ему сведения о его деятельности* (одним из пунктов обвинительного приговора военно-окружного суда станет «принадлежность к преступному сообществу»! — Авт.). Я послушался и стал агентом охранного отделения, причем мною не руководил материальный интерес. *Постепенно я втянулся в роль агента охранного отделения и добросовестно работал в качестве такового, так как деятельность анархистов меня ужасала и я считал искренно своим долгом предупреждать их преступления.* Хотя я и стал брать деньги за доставляемые сведения, но *деятельность моя носила идейный характер, я даже подвергался риску каждую минуту быть убитым*».

Богров здесь утверждает о благородных идейных мотивах обращения в охранку, но его же предыдущее показание (на допросе 2 сентября) звучит несколько иначе — там он упоминает и о сугубо меркантильных мотивах: «Я лично за всё время принадлежности к группе анархистов-коммунистов

ни в каких преступлениях не участвовал. Состав партии часто менялся, и в течение 1908 года все вышепоименованные лица из нее выбыли, будучи арестованы, а в состав ее вошли приехавшие из-за границы: Герман Сандомирский, Наум Тыш, Дубинский и какой-то Филипп, фамилии которого не помню. Примкнул я к группе анархистов вследствие того, что считал правильным их теорию и желал подробно ознакомиться с их деятельностью. Однако вскоре, к середине 1907 года, я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют, главным образом, чисто разбойничьи корыстные цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности этой партии. *Решимость эта была вызвана еще и тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для него мне нужен был этот излишек денег, я объяснить не желаю».*

Но ни идеологический, ни меркантильный мотивы не выдерживают критики. Начнем с последнего. Богров получал от отца ежемесячно 150 рублей на расходы (притом что жил дома и полностью обеспечивался всем необходимым). Кроме того, все знающие семью единодушно свидетельствовали, что Богров-старший никогда скупостью не отличался и неоднократно предлагал сыну крупную сумму на открытие собственного дела, но тот неизменно отказывался.

Версия о крупном карточном долге (об этом Богров скажет недоумевавшему Кулябко) тоже не кажется достоверной. Если даже предположить, что Богров не хотел обращаться к отцу за деньгами (хотя сумма в 1500 франков, проигранных во Франции, для того времени совсем не была скольконибудь серьезной), то сыну одного из наиболее богатых и уважаемых киевлян ничего не стоило их занять в другом месте. И ведь никакой единоразовой крупной выплаты Богров тогда от Кулябко не получил (да и не просил)!

Вообще же, деньги, получаемые Богровым в охранке, никак крупными для «мажора» начала XX века не назовешь. Во всяком случае, ежедневного смертельного риска они никак не стоили и не оправдывали.

Не менее надуманной является и версия о возмущении «разбойничаньем» анархистов, совмещенная с испугом от обнаруженной слежки. На самом деле, осведомительская работа Богрова началась не с анархистов, а с эсеров-максималистов. К анархистам он перешел позднее по прямому указанию Кулябко (какое-то время Богров работал одновременно по двум организациям). А группа анархо-коммунистов в момент его прихода на Бульварно-Кудрявскую еще вообще не образовалась. Так что ни слежки за анархистами, ни возмущения деятельностью

анархобандитов в то время не могло быть по определению. Об этом можно говорить уверенно — во время пребывания в Петербурге, представляясь начальнику местного охранного отделения полковнику Михаилу Фридриховичу фон Коттену, «Аленский» сообщил, что *«работал сначала по социалистам-революционерам, а затем по анархистам»*.

Почему и у начальника охраны (который в одном из показаний искаженно проинформировал следствие, что Богров «начал давать агентурные сведения, касающиеся анархистов, а впоследствии максималистов»), и у его агента появился одинаковый провал в памяти, непонятно. По-видимому, в силу каких-то обстоятельств изложение правдивой информации о начале агентурной работы Богрова было невыгодно ни тому, ни другому.

Однако, каковы бы ни были мотивы Богрова, всё же его собственная инициатива начала сотрудничества ни малейшего сомнения не вызывает. Пример Богрова прекрасно подтверждает утверждение Спиридовича о том, что для вербовки агентуры охране не надо было прибегать ни к каким дьявольским козням: «Не жандармерия делала Азефов и Малиновских (агент охраны в РСДРП(б). — Авт.), имя же им легион, вводя их как своих агентов в революционную среду; нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции».

Пожалуй, единственное, что можно предположить в связи с неожиданной инициативой имевшего прекрасные перспективы юноши из богатой семьи, — излом психики. То ли он захотел острых ощущений, то ли вообразил себя ницшевским сверхчеловеком «по ту сторону добра и зла», то ли, подобно Раскольникову, мучился вопросом «тварь ли я дрожащая или право имею?»... Но данный ответ, конечно, нельзя считать окончательным. Возможно, нечто нам не известное заставило Богрова стать осведомителем помимо его воли.

Агентом Богров был старательным. Как свидетельствовал Кулябко на допросе на следующий день после покушения: *«Все сведения его были всегда определены и точны, что подтверждалось проверкой и ликвидациями. Благодаря его сведениям были предупреждены несколько экспроприации и арестован целый ряд лиц, принадлежавших к боевой интернациональной анархической группе, каковые, ввиду обнаруженных обысками результатов, были переданы в распоряжение следователя и по приговору суда отбывали различные наказания до каторжных работ*

включительно; также, по сведениям Богрова, была разработана с хорошими результатами группа максималистов в Киеве, Воронеже и Борисоглебске, причем были обнаружены в указанных городах лаборатории разрывных снарядов и взрывчатые вещества, а члены группы по приговору суда отбывают наказание до каторжных работ включительно. Точно так же по его сведениям с хорошими результатами была ликвидирована литературная группа анархистов-коммунистов. На службе в отделении Богров состоял около 3-х лет и в этот период кроме Киева освещал деятельность заграничных революционных организаций, с каковой целью выезжал на различные сроки за границу (нет ли тут связи с информацией, полученной Столыпиным из Берлина? — Авт.)».

Можно было бы заподозрить Кулябко в желании преувеличить ценность агента, чтобы этим оправдать свою необъяснимую доверчивость к Богрову перед выстрелами в театре, но его слова полностью подтверждаются сохранившимися агентурными донесениями «Аленского» и результатами произведенных на их основе «ликвидации».

Нельзя согласиться с позднейшей оценкой Департамента полиции, который в ходе расследования убийства Столыпина в «Справке о сотруднике Киевского охранного отделения Аленском» утверждал, что: «Из обзора сводок агентурных сведений, поступавших из Киевского охранного отделения, усматривается, что скольконибудь серьезных сведений Аленский по анархистам-коммунистам не давал». Причина такой оценки очевидна — Департамент «добивал» Кулябко, стремясь сделать его ответственным за всё произошедшее «стрелочником».

Между тем, даже если не считать упомянутые Кулябко ликвидации, нанешие серьезный удар по террористическим планам эсеров-максималистов и анархо-коммунистов, несомненной крупной заслугой «Аленского» стало предотвращение покушения на Николая II в 1909 году (дело велось в тесном контакте с Департаментом полиции, и результат его получил высокую оценку руководства МВД).

Чтобы понять значимость и точность сведений сообщенных Богровым о готовившемся цареубийстве, процитируем отрывки из его агентурных сообщений по этому делу: «Сегодня в Киев из Севастополя приехала Мержеевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержеевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального комитета группа соц. — рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла будто бы и Мержеевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов со

вложенной внутри него бомбой, предназначенной для метания во время высочайшего проезда. По ее словам, всё было подготовлено вполне, но Мержеевская, прибывшая из Парижа в Россию через Александров, опоздала в Варшаве на поезд, не попав, благодаря этому, своевременно в Севастополь, почему упомянутый террористический акт не состоялся и был отложен... Мержеевская переехала с квартиры Трахтенберга в гостиницу "Гранд-Отель", где прописалась по национальному паспорту на имя швейцарской гражданки Елены Люкиенс... Приметы Мержеевской: лет 27–28, волосы беловато-седые, худенькая, среднего роста, прическа с пробором посредине, волосы стриженные, производит впечатление крайне нервной, экзальтированной женщины».

Все дела о планах покушения на императора находились под непосредственным контролем Департамента полиции, и в условиях тщательной проверки агентурной информации каким-либо образом дезинформировать охранку было практически невозможно. Всё сообщенное «Аленским» полностью подтвердилось, и Мержеевская была арестована, что, возможно, спасло жизнь Николаю II.

Уже после убийства Столыпина ряд видных охранников пытались принизить значение дела Мержеевской на том основании, что психиатрическая экспертиза признала ее душевнобольной. Кроме того очевидного возражения, что готовая на террор женщина вряд ли может находиться в другом состоянии, пример известной террористки Татьяны Леонтьевой доказывает, насколько могут быть опасны душевнобольные с манией политического убийства.

Дочь якутского вице-губернатора готовила чрезвычайно похожее покушение — воспользовавшись имевшимся у нее доступом во дворец, она собиралась во время благотворительного бала застрелить императора из револьвера, спрятанного в букете цветов. После ареста и пребывания в Шлиссельбургской крепости Леонтьева была освобождена в связи с диагностированным психическим заболеванием. Чрезмерная гуманность российских властей имела тяжелые последствия — уехавшая в Швейцарию террористка застрелила французского гражданина, ошибочно приняв его за бывшего российского министра внутренних дел Дурново.

В 1910 году Богров ради юридической карьеры переезжает в Петербург. Подчеркнем — переезжает именно из-за карьерных соображений, а не потому, что хотел порвать с охранкой или ощутил к себе недоверие со стороны товарищей по революционной деятельности. Об этом он исчерпывающе написал одному из своих друзей: «Думаю заниматься уголовными делами... Интерес у меня именно к

криминалистической деятельности громадный. В последнее время я ежедневно по несколько часов высиживаю в суде в качестве свидетеля».

Начальник Киевского охранного отделения ни в коей мере переезду не препятствовал, и на этом связь Богрова с охранкой могла бы прерваться навсегда. Кулябко даже и не поднимал вопрос о том, что «Аленский» должен продолжить сотрудничество со столичным охранным отделением. Богров сам написал бывшему руководителю в Киев письмо с просьбой сообщить, кому в Петербурге можно передавать имеющуюся у него информацию, и получил ответ, что он может обратиться к полковнику фон Коттену. Понятно, что одновременно последний был предупрежден Кулябко о том, что к нему обратится «Аленский».

О дальнейшей работе Богрова в Петербурге начальник Петербургского охранного отделения сообщил позднее следующее: «Два или три дня спустя ко мне позвонил по телефону неизвестный господин и назвался Оленским (фон Коттен неточно помнил агентурный псевдоним Богрова. — Авт.)... Он сообщил, что уже несколько лет работает в Киевском охранном отделении, причем сначала работал по социалистам-революционерам, а затем перешел к анархистам. После одной из ликвидации, произведенных Киевским охранным отделением на основании данных им сведений, положение его несколько пошатнулось, ввиду чего он временно отошел от работы. Последнее время ему удалось рассеять все возникшие против него подозрения, и он находит вполне возможным возобновить свою работу. Переезд свой в Петербург он объяснил тем, что он недавно кончил университет и имеет в виду приписаться в сословие присяжных поверенных, в качестве помощника у присяжного поверенного Кальмановича. При дальнейшем разговоре выяснилось, что никаких явок в Петербург он не имеет, но что рассчитывает приобрести таковые либо среди социалистов-революционеров, либо же, на что он более рассчитывал, среди анархистов, путем сношений со своими заграничными товарищами, из числа коих он назвал нескольких видных представителей анархизма, как, например, Иуду Гросмана и других.

Спустя несколько дней у меня состоялось второе свидание с Богровым... На этом свидании Богров, которому мною был дан псевдоним Надеждин, сообщил, что, насколько ему удалось выяснить, активных анархистов в Петербурге не имеется, что вполне совпадало с имевшимися в отделении сведениями. Что же касается социалистов-революционеров, то Богров с уверенностью заявил, что ему удастся завязать с ними сношения как через Кальмановича, так равно через присяжного поверенного Мандельштама. В подтверждение своих слов он рассказал, что на днях

Кальманович получил из-за границы какое-то письмо, привезенное недавно вернувшейся из-за границы еврейкой, по фамилии Паризи — родственницей Богрова. Этому письму Кальманович придавал какое-то исключительное значение и дал его Богрову с просьбой *лично передать известному социалисту-революционеру Егору Егоровичу Лазареву* (запомним эту фамилию. — *Авт.*), проживавшему в то время в Петербурге легально и служившему в конторе "Вестник знания". Письмо это Богров показывал мне и подполковнику Еленскому в подлиннике; оно заключало в себе 2–3 строчки совершенно безразличного, возможно, что условного, содержания.

По имевшимся в то время у меня сведениям, *Лазарев являлся в Петербурге так называемым уполномоченным Центрального комитета партии социалистов-революционеров* и незадолго до этого времени получил от названного Комитета поручение и деньги на восстановление здесь партийной организации. Ввиду сего нами было решено, что Богров будет работать по социалистам-революционерам и что дальнейшие сношения с ним буду вести уже я, один, без подполковника Еленского (того самого, который занимался делом социал-демократической фракции II Думы. — *Авт.*).

Принимая во внимание социальное положение Богрова, а также его революционные знакомства с такими лицами, как Кальманович, Мандельштам и Лазарев, мною был назначен ему оклад в 150 рублей в месяц.

Однако при дальнейших свиданиях Богров никаких существенных сведений не дал... Как выше упомянуто, Богров не вошел в местную партийную работу, почему я и не считал еще его своим "секретным сотрудником" — в принятом в практике значении этого слова... Богров заявил, что он собирается ехать за границу, причем рассчитывает получить для этого даже командировку или хотя бы только уполномочие от Комитета Общества по борьбе с фальсификацией, в котором он устроился на службу. *Кроме того, Богров тогда же поднял вопрос о том, что он даром получает от меня деньги, т. к. не дает никаких сведений.* Имея в виду трудность приобретения интеллигентной агентуры и принимая во внимание предстоящий вскоре его отъезд за границу, где он мог бы приобрести новые связи, я предложил ему остаться у меня на жалованье до отъезда за границу, на что Богров согласился.

В ноябре месяце Богров получил от меня последний раз содержание и мы с ним распрощались, причем он обещал, если будет что-нибудь интересное за границей, написать мне».

Как видим, Богров просто не смог вне Киева войти в революционные круги, тем более эсеровские (с которыми у него никогда не было контактов), но явно старался это сделать и не пытался дать охране ложную информацию. Причем он сам поставил вопрос относительно отказа от жалованья, что было, мягко говоря, нехарактерно для агента, стремящегося исключительно к получению денег. Не наблюдается и никаких попыток (как и в Киеве) «выведать тайны охраны», что пытались потом утверждать некоторые апологеты Богрова из числа анархистов.

В столице у Богрова не складывается не только агентурная, но и юридическая работа, и после недолгого пребывания за границей он возвращается в Киев. Кулябко не мог не знать о возвращении агента, но сам на контакт с ним не вышел, что еще раз доказывает — никто в охране не думал принуждать «Аленского» к продолжению сотрудничества и тем более шантажировать.

Впоследствии отсутствие в течение некоторого времени агентурной работы Богрова дало основание Курлову назвать его «бывшим секретным сотрудником», что, конечно, было принципиально неверно. Хотя «Аленский» какое-то время и не работал на охранку, это не делало его «бывшим сотрудником». Бывшим его можно было бы назвать только в том случае, если бы он был официально исключен из секретных сотрудников по причине предоставления ложных сведений или провокационной деятельности (Департамент полиции регулярно рассылал такие списки по охранным отделениям).

Богров пришел вечером на квартиру к Кулябко (что само по себе являлось серьезным нарушением требований конспирации) не с пустыми руками, а принес ему подробное письменное донесение.

Это было уже второе свидание с начальником охраны за день. За несколько часов до этого Богров встретился с начальником наружного наблюдения Киевского охранного отделения Самсоном Демидюком и, сказав, что обладает информацией о готовящемся во время киевских торжеств террористическом акте, попросил устроить встречу с Кулябко. Непонятно, почему Богров не позвонил сам начальнику охранного отделения, а сделал это через Демидюка. Непонятна и реакция Кулябко — он дал указание Демидюку привести к нему «Аденского» непосредственно в здание охранного отделения (правда, как рассказывал Демидюк, «не с парадного хода через всё отделение, а через черный ход»). «Черный ход» здесь мало что меняет. Для любого охранника азбучной истиной было то, что агентуре категорически недопустимо назначать встречи в служебном помещении. Если, конечно, не хотят ее целенаправленно провалить...

Также нельзя не отметить факта не только осведомленности Демидюка об агентурной работе «Аленского», но и непосредственного принятия у него информации! Согласно показаниям главного киевского филёра: «Богров сам явился в отделение и предложил свои услуги и был принят на жалование в 150 руб. в месяц. Сведения, которые он начал давать отделению, всегда отличались большою точностью, и Богров пользовался большим доверием. Я сам неоднократно беседовал с ним на конспиративных квартирах, и всё, что сообщал мне Богров, — всегда подтверждалось. Я хотя заведовал только наружным наблюдением, но, благодаря доверию начальства, знал почти всех сотрудников и ходил с ним на так называемые "свидания" для отобрания от них сведений».

Звучит невероятно. Если в исключительных случаях филёры могли знать о принадлежности кого-нибудь из революционеров к агентуре, то только Кулябко мог доверить им вести работу с осведомителями.

Однако свидания в охранном отделении Кулябко показалось мало. Он выслушал информацию и назначил через несколько часов встречу у себя на квартире, куда Богров должен был принести письменное донесение, что последний и исполнил. В донесении сообщалось, что через Лазарева (о котором «Надеждин» докладывал полковнику фон Коттену) с ним ранее установил связь некий эсер с партийным псевдонимом «Николай Яковлевич», интересовавшийся — сохранил ли Богров революционные убеждения. А в конце июня Богровым было получено письмо, где вопросы о его настроении были еще более детальны. Якобы после получения письма Богров немедленно ответил, что остался анархо-коммунистом.

Уже одного этого было достаточно, чтобы понять — Богров как минимум что-то недоговаривает. Иначе ничем нельзя объяснить то, что он сообщил о письме «Николая Яковлевича» (как следовало из его информации, связанного непосредственно с ЦК ПСР) только спустя два месяца после его получения. Эсеры являлись главными объектами внимания охраны, и Богров обязан был бы немедленно сообщить руководству о случившемся.

После этого якобы «Николай Яковлевич» сам нашел Богрова на даче в Потоках под Кременчугом и сообщил о готовящемся эсерами во время киевских торжеств террористическом акте против премьера или министра народного просвещения Кассо. Одновременно он попросил найти квартиру в Киеве для ночлега и организовать доставку террористов в город моторной лодкой по Днепру.

И даже после этого Кулябко не обратил ни малейшего внимания на то, что такую важнейшую информацию «Аленский» ему немедленно не

доложил. По словам Богрова, он обратился к начальнику охраны только потому, что прочитал информацию в какой-то московской газете о возможном покушении на Столыпина и узнал об утреннем самоубийстве, которое он почему-то связал с возможным покушением!

Дальнейшие действия Кулябко также не могут не поражать. Он попросил Богрова повторить всё сказанное в присутствии Спиридовича и Веригина, таким образом, раскрывая перед ними своего агента (не менее поразительно, что во время ужина перед приходом Богрова он ничего не сообщил коллегам о полученной ранее информации)! Если в отношении Веригина это с некоторой натяжкой можно оправдать тем, что тот являлся одним из руководителей Департамента полиции, то Спиридович по занимаемой должности вообще не имел никакого отношения к МВД, и, следовательно, ни при каких условиях перед ним не мог быть раскрыт секретный сотрудник.

При разговоре со Спиридовичем и Веригиным Богров повторил с некоторыми дополнениями и незначительными изменениями ранее сказанное Кулябко и написанное в донесении. Прочитав показания Спиридовича: «26 или 27 августа я был на обеде у своего свойственника, начальника Киевского охранного отделения Кулябко... *Во время обеда Кулябко сообщил мне, что к нему пришел интересный субъект и что он хотел бы, чтобы я его выслушал.* Присутствовавший на обеде статский советник Веригин выразил желание также присутствовать при этом разговоре. Мы втроем пошли в кабинет Кулябки, где застали молодого человека, с которым мы поздоровались, но фамилии которого мне не назвал Кулябко. По внешности его я не распознал в нем еврея. Человек этот по предложению Кулябки сообщил следующие сведения. Будучи в Петербурге, он встретился с одним господином, имя которого или фамилию он тогда же назвал, но я затрудняюсь их назвать, опасаясь спутать их со слышанными мною впоследствии именами. Этот господин обратился к нему с расспросами относительно его политических убеждений и принадлежности к той или иной революционной организации. На эти расспросы он ответил, что ни к какой партии не принадлежит, "партийности не признаёт", но что по убеждениям он анархист. На этом в Петербурге разговор окончился. Спустя некоторое время, в бытность его на даче под Кременчугом, к нему приехал тот же господин и стал просить предоставить конспиративную квартиру для лиц, которые могут прибыть в Киев для исполнения боевой работы во время августовских торжеств. На это он возразил упомянутому господину, что не желает быть пешкой в руках боевой организации (то есть Богров ясно заявил, что террористы представляют именно БО ПСР. —

Авт.) и согласится на оказание ей помощи только при условии, что ему будет раскрыт в подробностях весь террористический план. После этого *господин сообщил ему, что в последние дни торжеств предполагается совершить убийство Столыпина и кого-то еще из высокопоставленных лиц и что для этой цели для них необходимо организовать прибытие на моторной лодке. На этом разговор их под Кременчугом окончился, причем он пообещал подыскать конспиративную квартиру или, вернее, помещение для ночлега. Затем пришедший к Кулябке человек заявил, что прочтя в какой-то московской газете что-то о покушении на Столыпина и узнав о том, что 26-го в охранном отделении застрелился какой-то арестованный (а это было в день, когда я обедал у Кулябки), он подумал, не имеет ли это событие какой-либо связи со словами приехавшего к нему под Кременчуг господина, и, будучи этим всем встревожен, явился к Кулябке, чтобы обо всём поставить его в известность. В этом и заключалась сущность его сообщения. Весь разговор с заявителем произвел на меня впечатление полной достоверности, и из него я вынес впечатление, что готовится крупный боевой налет с целью нападения на Государя Императора (почему вдруг? О цареубийстве Богров не сказал ни единого слова. — Авт.). Поэтому 28 августа я послал с нарочным письмо дворцовому коменданту, которое и было вручено ему на станции Коростень, с извещением обо всём мною слышанном и с изложением моей уверенности, что мы имеем дело с подготовкой покушения на жизнь Его Величества. После ухода сотрудника мы услышали от Кулябки, что он очень ценный, хороший сотрудник, давший несколько дел по анархистам, максималистам, давший несколько лабораторий на Юге и что дела эти были поставлены на суд в Харькове. У нас у всех троих сложилось убеждение в серьезности сообщенных им сведений, а также о том, что разоблачаемый им террористический акт должен коснуться личности Государя Императора (опять-таки. Как оно могло сложиться, когда Богров говорил исключительно о покушении на Столыпина или Кассо? — Авт.)».*

Представляется невероятным, что сведения Богрова были на самом деле сочтены начальником дворцовой агентуры «полностью достоверными». Если доверчивость Кулябко (хотя речь шла об очевидных нестыковках) могла быть объяснена его бездарностью как охранника, а Веригина — полным отсутствием у него навыков практической охранной работы, то уж мастера розыска Спиридовича никак нельзя счесть непрофессионалом. Однако полковник не только не подверг сомнению столь неубедительную ложь (достаточно смехотворного утверждения о том, что БО ПСР могла обратиться за помощью к анархо-ком-мунисту), но и

известил дворцового коменданта о важности полученной информации. Что это? Для Спиридовича действия секретного сотрудника не были неожиданностью или же он сразу понял, как можно использовать «Аленского»? И если принять второй вариант, то как использовать — получить дивиденды на раскрытии никем не готовившегося покушения (царю потом можно будет доложить, что его спасли от смерти) или задействовать «Аленского» для устранения Столыпина?

Обращает на себя внимание то, что хотя Богров ни слова не сказал о цареубийстве, присутствующие почему-то немедленно делают заключение о его высокой вероятности. Опять же — для признанного знатока революционных партий (позднее Спиридович напишет чрезвычайно интересные фундаментальные работы по истории РСДРП и ПСР) было очевидно, что террористический акт против императора не может планироваться ЦК ПСР как нечто допустимое, но необязательное. И совершенно невозможным был вариант, что цареубийство могло быть совмещено с другими покушениями. Спиридович знал и о том, что цареубийство должно было быть в обязательном порядке санкционировано ЦК ПСР, а такое решение не могло бы остаться неизвестным при наличии многочисленной агентуры.

Странно, что информация, если она всё-таки сочтена достоверной, не была немедленно доложена руководившему всеми охранными мероприятиями Курлову. Впоследствии это было неубедительно объяснено тем, что генерал был в этот вечер болен. Более того, сделать это на следующий день Спиридович и Веригин поручили Кулябко — самому младшему по должности и полномочиям в собравшейся компании. В дальнейшем (если верить показаниям Спиридовича) начальник Охранной агентуры никакого отношения к делу о готовящемся покушении не имел и ничего не знал о предпринимаемых Кулябко мерах, что звучит фантастически. Сначала заявить, что государю грозит реальная опасность убийства, а потом ограничиться лишь некоторым усилением мер наружной охраны и ни во что больше не вмешиваться? Да и никогда бы Кулябко не взял на себя огромную ответственность принятия самостоятельных решений по делу, касающемуся безопасности императора, не посвящая во все детали начальство и влиятельного родственника.

Единственная проверка (более похожая на профанацию) сведений Богрова заключалась в том, что фон Коттену за подписью Кулябко были посланы четыре телеграммы о далеко не первоочередных в данной ситуации деталях: за № 441 — «По приказанию товарища министра срочно телеграфируйте, известна ли Вам личность мужчины, находившегося в

сношениях с Егором Егоровичем Лазаревым, приметы коего: лет 28–30, брюнет, длинноволосый, подстриженная борода, небольшие усы, опущенные книзу, плотный, выше среднего роста, приятное выражение лица, — которому около тюрьмы прошлого года были переданы письма из-за границы приехавшей барынькой-еврейкой. Также телеграфируйте, находится ли он [в] наблюдении, где теперь находится. Если живет [в] Вашем районе, установите неотступное наблюдение, при выездах сопровождайте. Телеграфируйте мне [о] всех его передвижениях».

За № 442 — «По приказанию товарища министра первым поездом вышлите нарочным подробные сведения [о] деятельности и связях Егора Егоровича Лазарева, Булата и присяжного поверенного Кальмановича».

За № 443 — «Дополнение телеграммы 441, по приказанию товарища министра телеграфируйте имеющийся в вашем отделении адрес лица, коему предназначены были к передаче летом 1910 года письма из-за границы через Егора Егоровича Лазарева».

За № 444 — «По приказанию товарища министра срочно выясните и телеграфируйте действительного получателя писем по адресу — "Невский, 40, 'Вестник знания', для Н. Я. Рудакова" и его приметы. За получателем установите неотступное наблюдение, сопровождая [в] выездах. Об исполнении телеграфируйте мне для доклада товарищу министра».

По непонятным причинам Кулябко не указал в телеграммах, что речь идет о проверке именно сведений «Аленского» («Надеждина»), но фон Коттен об этом догадался сам.

Полученный от фон Коттена ответ должен был бы заставить усомниться в достоверности информации секретного сотрудника: «Указанные... лица, за исключением Егора Лазарева, отделению неизвестны. Сведения о случае передачи писем из-за границы через Кальмановича, еврейку и Лазарева [в] отделение поступали, но уже после передачи, почему не могли быть разработаны... "Вестник знания" Н. Я. Рудаков неизвестен, и в Петербурге лиц с этими инициалами на жительство не имеется. [В] доме 60, [по] Литейному проспекту, проживает дворянин Николай Евгеньевич Рудаков, 37 лет, служащий [в] театральном бюро и библиотеке и часто бывавший минувшей зимою [в] "Вестнике знания". [По] агентурным сведениям, Рудаков внепартийный либерал. Приметы его: лет 30, роста выше среднего, сухощавый, шатен, длинное лицо, впалые щеки, нос длинный с горбинкой, небольшие подстриженные усы, бороду бреет. Наблюдение учреждено».

Дело в том, что приведенные фон Коттеном приметы Рудакова (через которого «Аленский» якобы вышел на Лазарева) совершенно не совпадали

с описанными Богровым. Это неопровержимо свидетельствовало — последний его никогда не видел. Деталь как будто незначительная, но она одна могла обрушить выстроенное агентом здание лжи.

Еще более странно то, что Кулябко вообще не запросил фон Коттена о «Николае Яковлевиче». Ответ начальника Петербургского охранного отделения о том, что «Аленский» ничего не сообщал о таком человеке, тоже должен был бы заставить серьезно задуматься.

28 августа Кулябко доложил Курлову в присутствии Веригина и Спиридовича о полученной информации и получил ряд указаний. Кроме вышеприведенных запросов фон Коттену были посланы филёры в Кременчуг и Потоки. Однако не было дано самого очевидного и необходимого указания — установить филёрское наблюдение за самим Богровым. За квартирой на Бибиковском бульваре наблюдение Кулябко было поставлено, но каким образом! Как свидетельствовал явно сам удивленный Демидюк: «Того же 27-го августа вечером я учредил наблюдение за квартирой Богрова по Бибиковскому бульвару в доме № 4. По 31-е августа включительно люди мои наблюдали этот дом, но ни входа, ни выхода субъекта указанных примет не видели. С утра 1-го сентября я получил сведения, что "Николай Яковлевич" ночевал эту ночь у Богрова и что необходимо усилить наблюдение. Распоряжение подполковник Кулябко отдал в 3 часа пополуночи, и я 1-го сентября с 7 часов утра сам стал в наблюдении совместно с тринадцатью другими филёрами. До этого времени наблюдение за домом Богрова ставилось обыкновенно с 9 часов утра и продолжалось часов до 10 вечера, так что после этого времени до утра всякий свободно мог пройти в квартиру Богрова, не будучи замененным агентами. На Ваш вопрос, почему не учредили постоянного внутреннего наблюдения, заменив швейцара или у него поместив агента, отвечаю, что, вероятно, потому, что начальник очень верил Богрову и полагал, что получит точные сведения о его приезде и о предполагаемых его выходах».

Понятно, что ценность подобного наблюдения была равна нулю и приказом о его установлении Кулябко не более чем «отбывал номер», демонстрируя, что предпринимает все необходимые меры. Можно смело утверждать — такое наблюдение явно свидетельствовало о прямой заинтересованности Кулябко в том, чтобы не была известна реальная информация о происходящем на квартире Богрова.

У Курлова тоже не возникло никаких вопросов относительно кричащих несообразностей в рассказе «Аленского», а слепое доверие к агенту он оправдывал потом следующим образом: «Я не задавал Кулябке

вопроса о том, поскольку Богров может и теперь пользоваться доверием ввиду перерыва в его деятельности как агента и разрыва с Коттенем, так как вопрос о доверии к Богрову был категорически разрешен отзывом Кулябки». Товарищ министра также категорически отверг предложение Кулябко (единственное разумное) о предоставлении для террористов одной из квартир охранного отделения, что облегчило бы установление контроля за всеми их контактами.

Получается, что непонятная уверенность Кулябко оказала на всех какое-то буквально магическое действие. Вновь опытный агентурист Спиридович не указал на странности донесения «Аленского». Не подсказал начальник Охранной агентуры шефу жандармов и элементарно необходимые действия. Среди них обязателен был запрос в Департамент полиции об имеющихся сведениях на эсеровского террориста «Николая Яковлевича». Дело в том, что Богров это имя не выдумал (как позднее и «Нину Александровну»). Он слышал о таком террористе в эсеровских кругах и использовал полученную информацию для придания правдоподобности своему рассказу. Вполне возможно, что ответ Департамента полиции позволил бы точно узнать, где в данный момент находится боевик, а также сходятся ли описания внешности. Но, судя по всему, никого из присутствовавших не интересовала реальная информация о «Николае Яковлевиче».

С 28 по 30 августа никаких попыток со стороны охранного отделения, кроме маловажных запросов и имитации наружного наблюдения на Бибиковском бульваре, предпринято не было — развитие событий было полностью пущено на самотек (или, напротив, направлялось в нужном направлении). Чем это объясняется? Охранников настолько не интересовала безопасность государя (о высокой вероятности покушения на которого они заявили сами) или же им было заведомо известно, что ему ничего не угрожает?

Как ни удивительно, но эти дни все руководители охраны совершенно не напрягались и не отказывали себе в маленьких удовольствиях жизни. Например, агенты-охранники зафиксировали в одном из донесений, как пьяный Веригин по дороге в гостиницу выпадал из извозчицкой пролетки.

Новый импульс происходящему опять придал Богров, сообщив Кулябко 31 августа тревожные новости. В показаниях подполковника об этом сказано следующее: «31 сего августа по телефону Богров сообщил, что Николай Яковлевич приехал в Киев, и из разговора с ним он убедился, что дело, задуманное Николаем Яковлевичем, очень серьезное, и он предъявил ему требование *собрать тонные приметы министра*

внутренних дел Столыпина и министра народного просвещения Кассо, для какой-либо цели ему необходимо быть в Купеческом саду, так как за ним может быть установлено перекрестное наблюдение со стороны соучастников Николая Яковлевича и отсутствие его может привести к провалу».

«Аленский» как будто издевается над Кулябко. Достаточно одного пассажа о требовании «собрать» в Купеческом саду (где должен был присутствовать Николай II) приметы Столыпина и Кассо, чьи портреты несчетное количество раз печатались во всех российских газетах! Однако начальник охранного отделения без вопросов дает Богрову билет, нарушая инструкцию, строжайше запрещающую нахождение секретных сотрудников (как априори потенциально опасный по террору элемент) рядом с высокопоставленными особами и тем более императором.

Отдельного описания заслуживает то, каким образом Кулябко передал билет Богрову. Как свидетельствовал последний: *«За билетом в Купеческое я посылал в охранное отделение посыльного (1), билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью "для Аленского"»(!)*. То есть начальник охранного отделения считает возможным не только передать билет для осведомителя через неизвестного ему посыльного прямо в служебном помещении, но и пишет на конверте агентурный псевдоним!

Мог ли Кулябко выдать билет Богрову без ведома Курлова или Спиридовича? Представляется невероятным, что провинциальный деятель охраны принял на себя единоличную ответственность за допуск осведомителя в место присутствия императора, что подтверждается и его собственным свидетельским показанием: *«...при докладе генералу Курлову, в присутствии Веригина и Спиридовича, прочитал письменное заявление Богрова, дополнил его некоторыми соображениями нашими относительно той роли, которую должен был принять на себя Богров, и при этом доложил о принципиальном нашем решении пускать Богрова в те места, где ему понадобилось бы исполнять роль наблюдателя. Генерал Курлов, не возражая против наших предположений, возбудил лишь вопрос о том, не провалится ли Богров из-за снабжения его билетами, на что я ему доложил, что Богрову предложено мною придумать подходящее для этого объяснение. Для меня и для всех остальных было ясно, что Богрова нужно будет допускать в те места, где будут находиться Его Величество и министры, так как билеты выдавались только в эти места».*

И, как бы потом Курлов и Спиридович ни пытались утверждать, что они ничего не знали о предоставлении Богрову билетов в Купеческий сад и городской театр, не вызывает сомнения, что это не соответствовало

действительности. Было принято принципиальное согласованное решение, и Кулябко не нужно было каждый раз получать разрешение у Курлова на выдачу билета на отдельные мероприятия.

Богров пошел в Купеческий сад, но не предпринял попытки покушения на Столыпина. Как он потом сказал на допросе: *«Почему не выполнил свои намерения — не знаю»*. Почему — непонятно. Богрова обвинить можно очень во многом, но только не в трусости и нерешительности.

Отметим важнейшее обстоятельство — Богров имел полную возможность выстрелить в царя, в непосредственной близости от которого находился. Спасло императора то, что «Аленский» (во всяком случае, по его словам) счел цареубийство нецелесообразным. Как было записано в протоколе допроса Богрова: *«...у него возникла мысль совершить покушение на жизнь Государя Императора, но была оставлена им из боязни вызвать еврейский погром. Он как еврей не считал себя вправе совершить такое деяние, — которое вообще могло бы навлечь на евреев подобные последствия и вызвать стеснение их прав. Записать и подписать это он категорически отказался, мотивируя свой отказ тем, что правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов»*.

Трудно сказать, насколько Богров был откровенен (вызывает глубокое сомнение, что его беспокоила судьба еврейского населения), но то, что он имел совершенно реальную возможность для покушения на Николая II, ни малейшего сомнения не вызывает.

Сказанное «Аленским» имеет еще одно крайне важное значение. В принципе, он просто озвучил общую практику ПСР, обычно избегавшей делать евреев непосредственными исполнителями наиболее важных террористических актов (не говоря уже о цареубийстве), чтобы избежать обвинений в «еврейской революции». Это прекрасно было известно охране, и 1 сентября те, кто допустил Богрова в театр, где присутствовал император, могли быть почти уверены, что самодержцу опасность со стороны секретного сотрудника еврейской национальности грозить не будет и пули полетят в предназначенном им направлении. Ведшие Богрова не один год охранники имели полную возможность понять его психологию и убедиться в том, что на убийство Николая II он не пойдет. Последнее снимает наиболее серьезное возражение противников теории антистолыпинского заговора, утверждающих, что заговорщики никогда бы не рисковали жизнью императора.

Новую информацию от «Аленского» (опять инициатива принадлежала

агенту!) Кулябко получил в ночь на 1 сентября, и события вступили в завершающую фазу. По свидетельству начальника Киевского охранного отделения: «В ночь на 1 сентября *Богров пришел в отделение* (создается впечатление, что у киевской охраны вообще не было конспиративных квартир! — *Авт.*) и *сначала письменно*, а потом в личном разговоре со мной заявил, что у него в квартире ночует приехавший Николай Яковлевич (обращает на себя внимание, что пришел Аленский с письменным донесением. Хотя было очевидно, что если бы «Николай Яковлевич» действительно находился у Богрова, тот вряд ли бы решился писать информацию в охранку дома. — *Авт.*), имеющий два браунинга, а приехавшая с ним девица Нина Александровна поселилась на неизвестной квартире и имеет у себя бомбу. Из разговора с Николаем Яковлевичем он убедился, что покушение готовится на *Столыпина и Кассо* и успех такового вполне обеспечен. Что же касается Нины Александровны, то такую Богров обещался указать при посещении ею его квартиры 1-го сего сентября между 12 и 1 часом дня. Ввиду таковых сведений наблюдение за квартирой Богрова было усилено».

А вот следующая фраза из информации «Аленского» обращает на себя особое внимание: «*Вместе с тем Николай Яковлевич заявил, что благополучный исход их дела несомненен, намекая на таинственных высокопоставленных покровителей*».

Богров впервые упоминает о том, что у террористов есть «высокопоставленные покровители». Какую цель он этим преследовал? Еще больше запутать и запугать охранников (если предположить, что они действительно запутались в происходящем) или в потоке дезинформации блеснула крупная правда?

Богров заявил, что ему необходим билет на вечернее представление в городской театр, обосновав это тем, что боевики настаивают на выполнении данного ими поручения о «выяснении примет». И опять Кулябко не замечает (или не хочет замечать) саму абсурдность поручения.

В заключение стоит привести мнение Костюка как о привычке Кулябко проводить встречи прямо в охранном отделении, так и о том, что за «Аленским» не было установлено наружное наблюдение. Даже малообразованному филёру было понятно, что Кулябко не предпринимает очевидно необходимых в сложившейся ситуации действий: «Я прошу Вас записать мое мнение относительно того, что за Богровым не было поставлено наблюдение; с одной стороны, это правильно, а с другой стороны, неправильно. Правильно потому, что, наблюдая Богрова, филёры неоднократно могли завести его в охранное отделение, куда "Аленский"

часто ходил, и это было бы провалом сотрудника. С другой стороны, неправильно потому, что сведения, которые давал Богров, были очень важны и в то же время неопределенны, *наблюдение за ним самим могло многое выяснить, и необходимо было проверить его и его деятельность. Конечно, если бы Богрову указана была конспиративная квартира, то никакого провала бояться не было оснований, если бы даже Богров и состоял под наблюдением, но таковая ему указана не была, хотя такие квартиры и имелись в распоряжении отделения. Почему начальник отделения не указал ему такой квартиры, я решительно не понимаю (как уже указывалось, так приказал Курлов. — Авт.); объясняю это исключительно спешностью дела».*

Костюк только недоговаривает, что значительно более опасно, когда секретного сотрудника входящим или выходящим из здания охранного отделения видят не филёры, а революционеры или даже просто посторонние люди.

После получения последней информации «Аленского» Кулябко впервые сообщил (Курлов и Спиридович ранее и не подумали этого сделать) председателю Совета министров о готовящемся на него покушении, дав при этом ценную рекомендацию «не ходить по городу». Мысль хотя бы предоставить Столыпину дополнительную охрану ему почему-то в голову не пришла. Всё ограничилось заменой открытого автомобиля на закрытый, что заведомо было бесцельным мероприятием, особенно в случае использования бомбы.

При этом начальник охранного отделения не соизволил поехать к премьеру лично и сделал сообщение через офицера столыпинской охраны. Как свидетельствовал личный секретарь премьера Всеволод Владимирович Граве: «31 августа в 12 час. ночи Кулябко позвонил к капитану Есаулову и сообщил ему, что располагает весьма ценными сведениями о готовящемся на Петра Аркадьевича покушении. *Есаулов попросил приехать Кулябку немедленно к нему, но тот ответил, что он занят службой и приехать сейчас же не может, но приедет на другой день в 6 часов утра* (готовится покушение на премьера, а начальник охраны говорит, что у него есть дела поважнее! — Авт.). Утром Кулябко явился к Есаулову и рассказал, что у него есть агент очень верный и давно ему известный, который ему сообщил, что в Киев приехал и остановился у него, агента, на квартире очень опасный революционер, имеющий при себе 2 браунинга, и что в Киев также приехала какая[-то] неизвестная ему, агенту, террористка с бомбой. По словам Кулябко, в этот день между 12 и часом дня должно было произойти на квартире его агента совещание последнего, революционера и

женщины, носящей кличку "Нины Александровны".

На этом совещании, по словам Кулябко, должен был обсуждаться вопрос об убийстве П. А. Столыпина или министра народного просвещения Кассо. Фамилию агента Кулябко не называл, но *уверил Есаулова, что им приняты меры к охране министров* (как уже указывалось, меры свелись к замене автомобиля. — Авт.), что квартира агента, в которой будет совещание, находится под наблюдением и оба приехавшие террориста будут своевременно арестованы.

Эти сведения Есауловым были [переданы] П. А. Столыпину, который сказал, что это всё вздор, что он не верит этим измышлениям охранников и что генерал Курлов ему об этих сведениях агентуры не сообщал (хотя обязан был это сделать немедленно. — Авт.).

В этот же день через несколько времени после доклада Есаулова генерал Курлов позвонил по телефону П. А. Столыпину и рассказал ему то же самое, что уже было сообщено Кулябкой Есаулову (явно из-за того, что уже узнал о докладе Кулябко. — Авт.)».

Как видим, даже не зная подробностей, Столыпин увидел надуманность всего дела. Аналогичное мнение он высказал и министру финансов, который впоследствии вспоминал следующее: «На мой вопрос, почему он предпочитает закрытый экипаж открытому в такую чудную погоду, он сказал мне, что его *пугают* каким-то готовящимся покушением на него, *чему он не верит*, но должен подчиниться этому требованию.

Меня удивило, что он приглашает меня в свой экипаж как бы для того, чтобы разделить его участь. Я не сказал ему об этом ни слова, тем более что был уверен: у него и мысли не было о какой-либо опасности».

Столыпин, вероятно, был уверен, что его запугивают несуществующей опасностью террористического акта, чтобы показать активную работу охранного отделения, и поэтому не отнесся к тревожной информации всерьез. Впрочем, если бы он даже и поверил — в дальнейших событиях это ничего бы не изменило. Единственным шансом сохранить жизнь являлся полный отказ от участия в торжественных мероприятиях, что Столыпин заведомо посчитал бы для себя унижительным.

Вторая встреча с Богровым произошла у Кулябко утром. На этот раз не на квартире и не в охранном отделении, а в переполненной людьми гостинице в присутствии Веригина. О содержании состоявшейся беседы мы знаем со слов последнего: «Рано утром приехал в Европейскую гостиницу 1-го сентября подполковник Кулябко и, узнав, что генерала Курлова нет еще дома, т. к. он поехал сопровождать Его Величество, рассказал, что прошедшей ночью он получил записку от того лица, с

которым мы у него виделись после обеда, и что этот господин сообщает ему, что накануне приехал и остановился у него тот неизвестный, что приезжал в Кременчуг, и что готовится покушение на председателя Совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина и министра народного просвещения Кассо, и что лицо, приехавшее 1-го сентября, между 12 час. дня и часом, будет видаться с некоей Ниной Александровной, после чего будет всё решено, а лицо же, сообщившее это ему запиской, после окончания свидания приехавшего с Ниной Александровной придет в Европейскую гостиницу в № 10, где живет полк Спиридович. После этого мы направились пить кофе в столовую, минут 30, а может быть, и более, спустя пришел лакей и сказал г-ну Кулябко, что пришел г-н Анненский (Веригин, как ранее и фон Коттен, слегка искажает агентурный псевдоним Богрова. — *Авт.*) и прошел наверх; подп. Кулябко встал и ушел, а я остался внизу допивать кофе; окончив, я поднялся наверх в № 14, где у меня помещается кабинет, войдя в него, я увидел подп. Кулябко и Анненского, сидящих на диване; когда я к ним подошел, то подп. Кулябко сказал мне, что свидание приехавшего с "Ниной Александровной" не состоится днем; на вопрос мой почему, Анненский сказал, что оно отложено до 8 час. веч. и что решено встретиться на горке Бибиковского бульвара. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Анненский уверил, что у "Нины Александровны" есть бомба, так как приехавший сказал, что у нее "багаж" и что нет сомнения, что будет произведен террористический акт. Во время разговора пришел курьер и доложил, что ген. Курлов возвратился, поэтому я пошел доложить, что его желает видеть начальник охранного отделения по очень спешному делу. Подполковник Кулябко был немедленно приглашен к товарищу министра, где сделал доклад».

Через несколько часов после свидания в «Европейской» благодаря содействию Кулябко у Богрова опять была полная возможность совершить «центральный» террористический акт. На городском ипподроме в присутствии царя и председателя Совета министров проходил смотр потешных (парад учащих киевских гимназий), и билет туда был им опять получен от Кулябко.

Кстати, перед началом смотра со Столыпиным произошел инцидент, который, скорее всего, окончательно ему испортил и без того не блестящее настроение. Одна из присутствующих дам, здороваясь с премьером и смотря на прикрепленный у него на сюртуке крест Саратовского управления Красного Креста за труды во время Русско-японской войны, спросила: «Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?»

Также следует отметить, что, несмотря на крайне плохое настроение, Столыпин ни на минуту не забывал о государственных делах и по своей инициативе начал на ипподроме разговор с киевским губернатором Алексеем Федоровичем Гирсом о выборах в губернское земство, которые он расценивал как серьезный успех в деле укрепления лояльного правительству земского самоуправления. Как заявил Петр Аркадьевич: «Государь очень доволен созывом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно и прочно. Я рад, что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась Государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужным ограничением для польских землевладельцев. Я заметил также, что та острота, которой сопровождалось прения в Государственном совете и Думе по вопросу о национальных куриях, не имеет корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я в свое время работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность служит к общему сближению».

Гирс в своих рукописных воспоминаниях (хранящихся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета) подробно описал, насколько на ипподроме была близка смерть от Столыпина, как, впрочем, не исключено, и от так тщательно охраняемого самодержца: «После проводов Государя ко мне подошел Начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко и обратился со следующими словами: "Сегодня предстоит тяжелый день; прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвою намечен, по-видимому, председатель Совета министров, но *не исключается попытка Цареубийства*, а также и Министра Народного Просвещения Кассо"... Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что *вблизи Государя и Министров он будет все время держать своего агента-осведомителя*, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена (Кулябко не только нарушает инструкцию о категорическом запрещении использовать секретных сотрудников с целью охраны, но и не стесняется об этом сообщать! Он настолько был уверен в безнаказанности? — Авт.)...

В пятом часу начался съезд приглашенных на ипподром... Незадолго до 5 часов прибыл председатель Совета министров, и я встретил его на условленном месте... я услышал, как возле меня что-то щелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина.

Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица (Богров. — Авт.), смотревший в упор на министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства».

Трудно прокомментировать тот факт, что для доступа на мероприятия с участием высочайших особ было установлено 26 (!) категорий пропусков, выдававшихся после строжайшей проверки, но начальник охранного отделения сам подводит убийцу к премьеру.

Из рассказа губернатора очевидно, что Богров имел полную возможность на ипподроме совершить покушение на Столыпина (впрочем, как и на императора) и никто в этом ему помешать бы не успел. Почему он опять не выстрелил? Не принял окончательного решения? Или кто-то другой тогда еще не принял окончательного решения?

Есть и другое объяснение его бездействия. Он явно был уверен, что будет арестован, и всё время ожидал действий со стороны охранного отделения.

Дело в том, что днем у него на квартире произошло событие, которое должно было полностью разоблачить перед охранниками все невероятные нагромождения лжи «Аленского». По невероятному совпадению писарь охранного отделения Сабаев был кумом (и, видимо, не только кумом) служанки Богровых и в этот день зашел к ней в гости (ему нужно было срочно перезвонить в охранное отделение, чтобы семье Косткжа отнесли домой пропуска на ипподром). Как он потом свидетельствовал на допросе: *«Зайдя в квартиру Богровых, где служит моя кума, я застал ее на кухне и, осведомившись, что в квартире находится один "молодой барин" (родители Богрова все эти дни были в отъезде. — Авт.), просил разрешения пройти к телефону. Кума мне охотно это разрешила, и я, пройдя несколько комнат и никого в них не встретив, подошел к телефону, снял трубку и, как полагается, громко назвал номер телефона Киевского охранного отделения. Дверь из комнаты, к которой я стоял спиной, отворилась, кто-то громко произнес: "Из нашей квартиры с охранным отделением разговаривать нельзя!" Я быстро обернулся и увидел в дверях комнаты человека, которого я знал как секретного сотрудника охранного отделения под кличкой Аленский (нельзя еще раз не отметить порядки Кулябко, у которого даже писари знали секретных сотрудников и их псевдонимы. — Авт.), которому за день или два перед этим я — бывши*

дежурным по охранному отделению — поздно ночью отворял двери и впускал его для свидания с подполковником Кулябко. Что сотрудником Аленским является Богров, я не только не знал, но и не предполагал. Аленский, в свою очередь, видимо, узнал меня и, быстро хлопнув дверью, скрылся в своей комнате. Я же настолько растерялся от этой неожиданной встречи с секретным сотрудником, что положил трубку телефона на место, быстро прошел в кухню и, не задерживаясь у кумы, ушел домой».

Дальнейшие события должны были развиваться следующим образом. Наблюдавшие за квартирой филёры обязаны были немедленно доложить Кулябко о визите Сабаева, а первый обязан был сразу же вызвать писаря к себе. Тогда бы неминуемо выяснилось, что никакого «Николая Яковлевича» на квартире у Богрова нет, что, в свою очередь, обязательно повлекло бы за собой арест агента-дезинформатора.

Видимо, именно так и представлял дальнейшие события деморализованный неожиданной встречей с сотрудником охраны Богров, что ясно следует из показаний служанки, описавшей его состояние после встречи с Сабаевым: «После того как Сабаев ушел, я часто заходила из кухни в комнаты и заметила, что *наш "молодой барин" был чем-то очень расстроен. Раньше я его таким не видала.* Он выходил из своей комнаты, подходил к окнам, выходящим на улицу (явно ждал ареста. — *Авт.*), шумел бумагой в своей комнате и рвал ее (уничтожал компрометирующие документы перед арестом. — *Авт.*)».

Но ни малейшей реакции Кулябко на визит своего служащего в квартиру Богрова не было! И можно полностью исключить неисполнительность филёров, которые к этому времени контролировали все подходы к квартире и понимали чрезвычайную важность порученной работы. Они не могли не видеть Сабаева (за квартирой следили сразу 15(!) филёров) и не могли не доложить начальнику охранного отделения о таком экстраординарном событии. Почему он не отреагировал? Логично предположить, что Кулябко не вызвал Сабаева для объяснений потому, что понимал — тогда он обязательно получит информацию об отсутствии в квартире посторонних и игра закончится. А, видимо, этого подполковник и лица, стоящие за ним, категорически не хотели.

Когда Богров понял, что приход Сабаева миновал для него без последствий и ареста можно не опасаться, события закономерно и стремительно двинулись к трагическому финалу.

Возникает очередной вопрос. Если даже предположить, что все руководители охраны в Киеве не видели очевидных вещей, не понимали, что Богров примитивно и неумело лжет, то и тогда они поступали

алогично. Согласно полученной информации, в Киев прибыла группа опаснейших террористов и их дальнейшие действия неизвестны и непрогнозируемы. Исходя из этого, следовало немедленно арестовывать «находившегося у Богрова» «Николая Яковлевича». Вместо этого охранники пассивно ждут развития событий, рискуя тем, что в любой момент может произойти покушение (не исключено, что и на царя). Об этом, например, недоуменно спрашивали Спиридовича в апреле 1917 года в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, и неубедительность оправданий бывшего начальника Охранной агентуры бросается в глаза:

«Председатель. Но когда Вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять, — как Вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабьими сказками? Ведь Вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит, что если организация не выходит на улицу, то это отнюдь не является в глазах охраны препятствием к тому, чтобы ее арестовать, потому что на улице как раз может разбежаться, а тут ее можно захватить наверняка.

Спиридович. Извините, тогда я не мог судить обо всем этом. Я физически находился на улице, я делал свое дело и не мог...

Председатель. Кроме физического дела, у Вас было умственное, которое заключалось в том, чтобы исполнить вашу непосредственную задачу — охранять кого нужно в Киеве. Вы получили сведения, что эта организация приехала, как же Вы не осведомились, арестована эта организация или нет?

Спиридович. Моя работа заключалась в физической охране государя на улице при участии товарища министра внутренних дел и начальника охранного отделения с чиновниками.

Председатель. Охрана царя от возможностей покушения на него — это дело физической охраны или какой-нибудь другой?»

В девять вечера в городском театре в присутствии царя и председателя Совета министров должен был состояться оперный спектакль «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова. Все приглашенные на него прошли проверку, но Киевское охранное отделение получило для своих нужд билеты с незаполненной графой фамилии (все билеты были именными), и их распределением ведал лично Кулябко.

Позднее на следствии и уже при Временном правительстве Курлов и Спиридович пытались представить выдачу билета Богрову несогласованной с ними личной инициативой начальника Киевского

охранного отделения. Но даже если бы и не было ранее согласованной общей позиции относительно целесообразности выдачи пропусков Богрову, они в обязательном порядке должны были контролировать списки приглашенных на спектакль, учитывая присутствие на нем императора. Также вся имеющаяся информация не вызывает сомнения, что уже непосредственно в театре Курлов, Спиридович и Веригин знали о присутствии в зале Богрова и никаких возражений это у них не вызвало.

Несмотря на всё более бросающийся в глаза абсурд происходящего, Кулябко выдает своему осведомителю билет в 18-й ряд партера (место № 406), который за час до начала спектакля Богров получает от присланного филёра. Алогичность своих действий подполковник пытался оправдать перед следствием такими доводами: «Около 11 часов утра Богров заявил, что Нина Александровна к нему на квартиру не придет и назначила свидание на Бибиковском бульваре около 8 часов вечера, где будет окончательно выяснен план задуманного террористического акта. В дальнейшем Богров заявил, что после посещения Купеческого сада он примет Столыпина и Кассо не мог собрать, ввиду многочисленности публики, почему Николай Яковлевич дал ему поручение выполнить это во время торжественного спектакля в городском театре, причем выставил те же мотивы, побуждающие его обязательно присутствовать на этом спектакле, т. е. боязнь провала. Поэтому мною был выдан ему билет на спектакль в городском театре».

Примерно то же самое он повторяет и на другом допросе: «"Николай Яковлевич" поручил ему (Богрову. — Авт.) во что бы то ни стало дать ему точные приметы Столыпина и Кассо немедленно же, для каковой цели потребовал его присутствия в театре, обставив это требование предупреждением, что он может быть проконтролирован членами группы. Поэтому ему вновь был дан билет для входа в театр. Предварительно я задал Богрову вопрос, чем он объяснит получение билета, на что он заявил, что этот вопрос предусмотрен и что он объяснил "Николаю Яковлевичу", что имеет возможность достать билет через некую кафешантанную певицу Регину. Единственный мотив, что я дал ему билет, было опасение того, что в противном случае он будет провален партией (тем, что не достанет билет? — Авт.)».

Уже после казни Богрова Кулябко дополняет высказанные своим агентом требования: «Богров сослался на требование Николая Яковлевича быть обязательно в театре и с его слов понял, что за ним может быть перекрестное наблюдение со стороны Николая Яковлевича. При обсуждении этого вопроса Богров высказывал, что ему нельзя быть где-

нибудь в галерее, а нужно быть в партере».

В общем, Кулябко в нарушение инструкции Департамента полиции с непонятной целью (нельзя же всерьез воспринимать слова о «перекрестном наблюдении» со стороны революционеров) дает Богрову билет в городской театр. При этом выписывает его в партер, где тот имел свободный доступ к любому министру, а также легко мог выстрелить или бросить бомбу в царскую ложу «Аленский» мог почти так же свободно пронести под фраком в театр небольшую бомбу, как и пистолет, что делало шансы на успех цареубийства очень высокими.

В театре Кулябко и Богров встречаются, и начальник охранного отделения посылает осведомителя проверить, как обстоят дела на квартире. Согласно показаниям подполковника: *«Когда я в начале спектакля увидел в театре Богрова, я послал его домой справиться, там ли находится "Николай Яковлевич"; встретив вслед затем Веригина, я доложил ему, что отправил Богрова из театра с означенным поручением. Когда вскоре Богров вернулся и доложил, что "Николай Яковлевич" дома, — я в первом же антракте доложил генералу Курлову, что посыпал из театра Богрова домой (дополнительное подтверждение полной осведомленности о происходящем руководителя охраны киевских торжеств. — Авт.) и что Богров сообщил, что "Николай Яковлевич" у него в квартире и ужинает. Генерал Курлов высказал опасение, не утеряем ли мы "Николая Яковлевича", но я доложил, что квартира его обставлена усиленным наблюдением».*

Когда Богров возвратился в театр (домой он не ходил и выждал время на Большой Владимирской), то жандармский офицер на входе отказался его впустить из-за ранее надорванного билета. Случайно или нет, но рядом оказался Кулябко и отдал указание пропустить агента.

О том, что произошло потом, лучше всего привести свидетельства очевидцев. Одно из наиболее точных описаний принадлежит перу Гирса, который из всех свидетелей и мемуаристов ближе всего находился к месту покушения: *«Я был на линии 6-го или 7-го ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке (около Столыпина не было ни одного киевского охранника (!), а привезенного из Петербурга Есаулова он отправил вызвать автомобиль. — Авт.). На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер (на самом деле это был купленный Богровым в 1908 году в Берлине пистолет «браунинг № 1», разрешение на который он имел от охранного отделения, и, следовательно, Кулябко знал об обладании «Аленским» оружия. — Авт.), и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим*

(непонятно почему Богров стрелял только два раза. В условиях общей растерянности он смог бы произвести еще несколько выстрелов и быть уверенным в достигнутом результате. Также надо отметить, что стрелком он был плохим, о чем свидетельствуют результаты попаданий с расстояния в два шага. — *Авт.*). В театре громко говорили, и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина и на несколько секунд всё замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: "Всё кончено!" Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: "Счастлив умереть за Царя". Увидя Государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом».

Другое свидетельство принадлежит Паустовскому, который был в числе приведенных на спектакль гимназистов Первой гимназии (из-за Богрова на следующий день после покушения отменили уже подготовленное решение о присвоении ей статуса императорского лицея). Оно особо интересно тем, что происходящее будущий писатель наблюдал сверху, с галерки, и поэтому заметил детали, которые не видел Гирс: «...я... подошел к барьеру... облокотился и смотрел на зрительный зал... Около барьера, отделявшего зрительный зал от оркестра, стояли министры и свитские. Я смотрел на зрительный зал, прислушиваясь к слитному шуму голосов. Оркестранты в черных фраках сидели у своих пюпитров и, вопреки обычаю, не настраивали инструментов. Вдруг раздался резкий треск. Оркестранты вскочили с мест. Треск повторился. Я не сообразил, что это выстрелы. Гимназистка, стоявшая рядом со мной, крикнула:

— Смотрите! Он сел прямо на пол! — Кто?

— Столыпин. Вон! Около барьера в оркестре!

Я посмотрел туда. В театре было необыкновенно тихо. Около барьера сидел на полу высокий человек с черной круглой бородой и лентой через плечо. Он шарил по барьеру руками, будто хотел схватиться за него и встать. Вокруг Столыпина было пусто. По проходу *шел* (именно шел, а не бежал! — *Авт.*) от Столыпина к выходным дверям молодой человек во фраке. Я не видел на таком расстоянии его лица. Я только заметил, что он

шел совсем спокойно, не торопясь».

Обратим внимание на утверждение Паустовского о том, что Богров шел «спокойно, не торопясь», что совпадает и со свидетельствами других очевидцев. Есть версия, которая объясняет такое поведение «Аленского». Ряд близких к Столыпину политических деятелей были уверены, что сразу после выстрелов должно было выключиться освещение во всем здании театра. Кроме того, утверждалось, что возле одного из боковых входов в театр Богрова ждал автомобиль.

Если допустить подобную версию, то тогда действительно шансы «Аленского» скрыться после покушения были достаточно велики. В темноте и в атмосфере возникшей паники он вполне мог скрыться в достаточно запутанной планировке театра (в которой вообще не ориентировались иногородние охранники) и выйти через боковой выход к автомобилю. Косвенным подтверждением того, что подобное планировалось, служит так и не проясненная история с контролем над театральной электропроводкой. В последней должен был находиться филёр Киевского охранного отделения, но из-за какой-то накладки вместо него поставили командированного из другого города, о чем ни Кулябко, ни тем более Богров не знали.

Впрочем, поведение Богрова можно объяснить и проще — он уже заранее считал себя обреченным и не думал о возможности бегства.

Когда первый шок прошел, присутствующие (не охранники, которые должны были быть все время рядом с премьером!) схватили Богрова и начали избивать. Скорее, даже не избивать, а убивать, о чем свидетельствует находившийся в зале журналист Александр Панкратов: «Человек пятьдесят чиновников, военных, камергеров, "союзников" (имеются в виду члены черносотенного Союза русского народа. — *Авт.*) набросилось на него. Убийцу уже не было видно, он лежал на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновник, стоя в ложе Потоцких, около выхода, обнажил шпагу. Блеснуло лезвие и опустилось на убийцу. Этот же чиновник выскочил из ложи на спину или на грудь его и стал топтать. В эту страшную минуту театр жил страшной жизнью. Сверху из лож исступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками... Потом избитого убийцу толпа выволокла из зала».

Столыпина еще не успели вынести из зала, как после появления царя в ложе сначала артисты на сцене, а потом все находившиеся в зале запели гимн. Пропев его несколько раз, перешли на молитву «Спаси, Господи,

люди Твоя». Что тут можно сказать... Странная сцена. Только что террорист тяжело ранил главу правительства, а присутствующие торжественно распевают гимны и молитвы.

Никто из многочисленных охранников и не подумал срочно эвакуировать царя, чтобы возможные сообщники пойманного террориста не совершили попытки цареубийства. А ведь несколько поколений жандармов прекрасно помнили историю убийства императора Александра II, ставшего возможным исключительно благодаря поражающему непрофессионализму его охраны, не настоявшей на немедленном отъезде от места покушения после неудачного броска бомбы народовольцем Николаем Рысаковым. Это дало возможность другому террористу — Игнатию Гриневицкому — приблизиться вплотную к царю и довершить начатое.

А что предпринял начальник Охранной агентуры, который должен был, согласно своим непосредственным служебным обязанностям, в создавшейся ситуации ни на шаг не отходить от императора и срочно доставить его из театра в безопасное место? Согласно свидетельству очевидцев, полковник побежал к месту расправы с Богровым с обнаженной шашкой и даже уже замахнулся ею на террориста. Потом Спиридович рассказывал, что якобы хотел отбить «Аленского» от толпы. Однако вряд ли для этого надо было замахиваться шашкой. Выскажем мнение, что скорее он преследовал противоположную цель. Это было тем проще сделать, что всё равно потом можно было легко списать смерть террориста на разъяренную толпу, да и в глазах царя она была бы только плюсом для Спиридовича.

О последнем ясно свидетельствует письмо Николая II матери — вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Ольга и Татьяна были со мной тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, т. к. в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел и начал расстегивать китель. Фредерикс и проф. Рейн помогали ему.

Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели всё, что произошло.

Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре *рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей* (царь и не подумал отдать приказ немедленно отобрать террориста, без показаний которого невозможно было выяснить, кто стоит за покушением, у разъяренной толпы. — Авт.), *по-моему — к сожалению, полиция отбила его от публики* и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Всё-таки он сильно помят и с двумя выбитыми зубами...

Аликс (императрица Александра Федоровна. — Авт.) ничего не знала, и я ей рассказал о случившемся. Она *приняла известие довольно спокойно* (царица прекрасно знала о попытке Столыпина выслать Распутина из Петербурга. — Авт.)».

Спас Богрова помощник начальника Киевского губернского жандармского управления подполковник Александр Александрович Иванов. Он выхватил Богрова у избивавших и закрыл его собственным телом. Можно не сомневаться — не вмешайся сообразивший, что надо делать, жандарм, Богрова убили бы прямо в театре.

Отметим, что Кулябко предпринял попытку «перехватить» Богрова и увезти его в охранное отделение, но посланный им пристав получил твердый отказ прокурора Киевской судебной палаты Георгия Гавриловича Чаплинского: «Богров никуда из театра взят не будет». Можно только предполагать, с какой целью Кулябко хотел забрать «Аленского» в охранное отделение и не закончилось ли бы его пребывание там «самоубийством», как это произошло ранее с Муравьевым.

Подчеркнем, что попытка увезти Богрова в охранное отделение была предпринята Кулябко с ведома (а скорее всего, по прямому распоряжению) Курлова, аргументировавшего ее «необходимостью выяснить соучастников».

Но в вопросе о наличии соучастников генерал был прав. Как минимум в театре был один соучастник (не считая, разумеется, самих охранников) убийцы. Позднее тот же Иванов после допроса Богрова пришел к выводу, что в театре находилась еще некая связанная с ним дама («которая *вела себя довольно странно* и исчезла вслед за совершением Богровым преступления»). Остается открытым вопрос — какую роль играла (или должна была сыграть) эта дама в театре и не получила ли она также входной билет при помощи охранного отделения?

Богров нанес премьеру тяжелейшее ранение. Пули браунинга имели перекрещивающиеся надрезы и действовали как разрывные. Первой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень, вторая раздробила кисть левой руки (потом рикошетом ранила

музыканта в оркестровой яме). Особенно усугубило ситуацию то, что частицы от раздробленного пулей ордена Святого Владимира пронизали печень, что лишало раненого шансов на спасение, хотя врачи и делали всё возможное.

Раненого на карете «скорой помощи» привезли из театра в частную хирургическую лечебницу доктора Маковского на Малой Владимирской, 33. До приезда «скорой» к выходу из театра Столыпина несли то ли шесть, то ли восемь человек — совершенно обессиленный, с обильным кровотечением, он стал настолько тяжел, что в вестибюле его на несколько мгновений опустили на пол.

Выбор больницы вызывает некоторые вопросы и подозрения. Особенно, учитывая, что так и не было выяснено — кто отдал указание везти Столыпина именно на Малую Владимирскую. Да, в клинике Маковского имелись новейшее оборудование, высокопрофессиональный персонал, и она находилась недалеко от театра. Но еще ближе была университетская клиника, ничем не уступавшая ни в оборудовании, ни в квалификации медицинского персонала. А каждое лишнее мгновение перевозки по брусчатой мостовой было крайне опасно для тяжелораненого и значительно увеличивало шансы на летальный исход.

Столыпин долго боролся за жизнь. Но даже находясь в тяжелом состоянии, он думал не о себе. Утром 2 сентября премьер передал вступившему во временное исполнение должности главы правительства Коковцову ключи от своего портфеля с важнейшими документами и попросил разобрать в нем бумаги, доложив царю наиболее важные. Он также высказал желание переговорить наедине с Курловым, но когда последний прибыл в лечебницу, то состояние Столыпина настолько ухудшилось, что врачи сочли невозможным допустить шефа жандармов к пациенту.

На следующий день в Михайловском соборе прошел молебен об исцелении Столыпина, на который собрались все находившиеся в Киеве высшие должностные лица империи. Не было только царя и его свитских, что произвело на присутствующих тяжелое впечатление и стало причиной многочисленных разговоров.

Не менее показательным, что ранение Столыпина не внесло никаких изменений в программу торжеств. На следующий день Николай II принимал парад войск под Киевом, а потом отправился в Овруч. В Киев царь вернулся 3 сентября и уже на следующий день отправился пароходом в Чернигов, где находился до 6 сентября. Не остался император и на похороны благословившего его перед смертью премьера.

Характерна запись в дневнике Николая II за 10 сентября 1911 года, ярко свидетельствующая о равнодушии к смерти главы правительства: «6 сент. в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут на пристани узнал от Коковцова о кончине Столыпина. Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида... В 11 час. мы вместе, т. е. Аликс, дети и я, уехали из Киева с трогательными проводами и порядком на улицах до конца. В вагоне для меня был полный отдых. Приехали сюда (в Севастополь. — Авт.) 7 сент. к дневному чаю. Стоял дивный теплый день. Радость огромная попасть снова на яхту... Тут я отдыхаю хорошо и сплю много, потому что в Киеве сна не хватало: поздно ложился и рано вставал. Аликс, конечно, тоже устала: она в Киеве много сделала в первый день и кое-кого там видела в другие дни, хотя никуда не выезжала, кроме, конечно, освящения памятника».

Кто знает — не вспомнил ли свергнутый самодержец, спускаясь в страшную ночь на 17 июля 1918 года в подвал Ипатьевского дома, о людях, которые были им равнодушно «сданы» придворной клике — премьер-министрах Витте и Столыпину, министре внутренних дел Дурново, военном министре Редигере. Все они обладали сильной волей, имели глубоко продуманную программу действий, доказали высокую результативность своей работы. Но именно их высокая эффективность как высших государственных деятелей и самостоятельность вызвали опасение у слабовольного, но упрямого царя и озабоченного только собственными эгоистическими интересами его ближайшего окружения. Постепенно все ключевые должности в аппарате государственного управления заняли серенькие боязливые личности, основным отличительным признаком которых было полное отсутствие собственного мнения и инициативы, а также беспрекословное исполнение любых указаний свыше.

Исчерпывающую характеристику высшим должностным лицам империи, с которыми она встретила роковой 1917 год, дал последний председатель Государственного совета Иван Григорьевич Щегловитов: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя, борются с эпилептиками революции».

Можно не сомневаться, что, находясь во главе правительства Витте или Столыпин, они сделали бы всё возможное и невозможное, чтобы страна не была втянута в гибельную для нее мировую войну, положившую конец существованию монархии. Не вызывает сомнения, что Столыпин или Дурново никогда бы не допустили развала и деградации МВД и в первую очередь политической полиции, что чрезвычайно облегчило либеральной оппозиции захват власти. А пользовавшийся огромным авторитетом в

войсках генерал от инфантерии Редигер никогда бы не допустил солдатского бунта в столице и предательского капитулянтства высшего военного командования.

Именно нерачительное использование людей, подозрение к воле, уму и независимости стали одной из главных причин краха государства и начала революционной смуты. Уход каждого из преданных слуг царя незримо, но неотвратимо приближал его к ступеням в подвал Ипатьевского дома.

Но до этого было еще несколько лет, хотя умирающий премьер не мог не думать, что будет с Российской империей после него. Состояние Столыпина постоянно ухудшалось. С утра 4 сентября он стал терять сознание, бредить, а днем окончательно впал в забытие. Умирал премьер за царя мучительно: громко стонал, появилась страшная икота, которая была слышна даже на лестнице. 5 сентября в 9 часов 53 минуты пополудни Столыпина не стало.

Брат премьера следующим образом описал завершение земного пути великого государственника-реформатора: «Покойный за исключением первого дня всё время чувствовал, что умирает. "Смерть незаметно подкрадывается ко мне", — говорил он. Он не верил никаким уверениям врачей. Они успокаивали его, говорили, что недели через две он встанет, а он отвечал им: "Когда вы избавите меня от страданий?" Врачи пробовали возражать, но он решительно заявлял им: "Нет, я чувствую, что умираю". Самообладание он сохранял удивительное. Только во сне прорывались стоны, всё же остальное время он молчал, терпеливо перенося муки. Ни жалоб, ни стенаний никто не слышал от него. Когда началось умирание, чтобы затемнить страдание, ему давали морфий. Но сознание было и не уничтожалось. Между тем дозы морфия были большие. Среди мук он бредил. У него в мозгу запечатлевалась какая-то бумага, которую надо было подписать, которую подписывать ему не хотелось, но подписывать заставлял долг или какие-то соображения. Он говорил: "Неужели надо подписать?.. Ну, хорошо, подпишу..." Потом он сказал: "Перо..." Ему подали ручку без пера. Он сказал: "Кто же дает ручку без пера..." Тогда ему дали перо и он подписал на стене свою фамилию. Перед смертью он сказал вдруг: "Зажгите все огни... Света... Света... Поднимите меня выше... выше", — и замолк».

Погребение состоялось 9 сентября. Похоронили председателя Совета министров согласно оставленному им завещанию — там, где он встретил смерть. Место было выбрано символично. Рядом с могилами выданных на расправу царем Петром Великим и казненных предавшим свой народ клятвопреступником Мазепой полковников Искры и Кочубея у Трапезной

церкви Киево-Печерской лавры, в которой и проходила заупокойная литургия.

Во время хрущевской антирелигиозной кампании надгробие Столыпина было снято (но у кого-то, даже в те времена, хватило смелости не уничтожить могильную плиту и крест, а спрятать на первом ярусе Большой лаврской колокольни под кучей хлама), а место могилы заасфальтировано. Восстановили его только в 1989 году.

Что касается задержанного террориста, то первые сведения о мотивах своих действий и всей истории отношений с охранным отделением он дал немедленно после задержания — на допросе, проведенном в театре подполковником Ивановым по поручению Чаплинского (на допросе также присутствовали товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор Брандорф): *«Решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н. Н. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров, и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека...»*

Конечно, *Кулябко вполне искренне считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое собрание и затем в театр... Еще раз повторяю, что полковник Кулябко не знал о цели моих посещений...*

Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится насчет моего квартиранта и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, но повернул в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2–3 шагов, я вынул револьвер "браунинг" и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан...

Всё рассказанное мною Кулябко было вымышено. Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение 2-х недель, приезжал молодой человек по кличке "Николай Яковлевич", с которым я будто бы познакомился в С.-Пб. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут протекать киевские торжества и, видимо, интересовался

условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим, он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе и спросил: "А билет на торжества у Вас есть?" Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовал Спиридович и Веригин.

Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером, часов в 11, зашел в охранное отделение; Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что "Николай Яковлевич" приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестной девицей "Ниной Александровной", у которой есть бомба. Всё это опять-таки было ложно. Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход "Николая Яковл." и встречу его с "Ниной Александровной". Во время свидания в Европейской гостинице я напирал на необходимость выделить меня из компании бомбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал...

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т. е. отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Госуд. думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Гос. думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал... В охранном отделении я шел под фамилией "Аленский" и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприации и террористических актов, которые и расстраивались Кулябко... Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться.

Настоящее показание написано мною собственноручно».

Сразу же обращает на себя внимание следующее. Богров только что закончил напряженнейшую и опаснейшую игру. Игру даже не с Киевским охранным отделением, а со всей системой политического сыска империи, тяжело ранил главу правительства, едва сам не был убит, и после этого он предельно спокоен. «Аленский» не только не отказывается давать показания, но и пишет их собственноручно (причем в оригинале документа ясно видно, что писал нормальным, отнюдь не нервным, почерком, без помарок и зачеркиваний). О совершенно спокойном состоянии задержанного свидетельствует и содержание показаний, имеющее множество опущенных нами деталей о разных периодах его жизни.

Нельзя не обратить внимание и на следующие моменты. Богров утверждает, что решил совершить покушение задолго до торжеств, но как с этим согласуется его явно наскоро созданная ложь о террористах? Умственной ограниченностью «Аленский» не страдал, имел огромный опыт работы на охранку, но почему-то придумывает нелепую историю, которую не составляло ни малейшего труда разоблачить при несложной проверке. Причем в изложении Богрова еще более очевидно, насколько бредовыми доводами он оперировал. Чего только стоит его рассказ Кулябко о том, что его присутствие в театре лишит заговорщиков «необходимого сигнала».

Логичными представляются два объяснения данному противоречию. Богров (или те, кто манипулировал им) действовал в условиях временного цейтнота или был абсолютно уверен, что надлежащим образом его сведения проверять никто не будет.

Нельзя также не заметить, что Богров явно пытается смягчить вину Кулябко, постоянно подчеркивая, что тот «искренне» заблуждался и не знал о подлинных целях своего осведомителя.

Что касается утверждения Богрова о «последнем моменте» для убийства Столыпина, то это, безусловно, правильно, но непонятно, почему он тянул до последнего, имея ранее два абсолютно верных шанса для совершения покушения.

Крайне неубедительны и выдвинутые Богровым мотивы покушения на Столыпина. Выдавший немало революционеров, часть из которых отправились на каторгу, платный агент охраны из инициативников вдруг озабочился «реакционностью» курса Столыпина.

Однако наиболее обращают на себя внимание слова о том, что Кулябко первый (в присутствии Спиридовича и Веригина!) заговорил о билетах для «Аленского» в места нахождения императора и премьера.

Немедленно после допроса Богров в сопровождении усиленной

охраны был увезен в крепость «Косой капонир», где традиционно содержались особо опасные государственные преступники. Условия заключения были хотя и строгими, но избиениям и тем более пыткам он не подвергался. Единственная жалоба Богрова, прозвучавшая уже после оглашения приговора, «отвратительная еда».

В «Косом капонире» и проходили все допросы. Однако, по непонятным причинам, следующий после задержания прошел только 4 сентября. Провел его опять Иванов, который, как свидетельствуют все его действия, явно пытался добиться правды. Прочитываем часть полученных показаний (остальное касается свидетельств Богрова о непричастности к покушению ряда его знакомых): «Относительно причин, побудивших Кулябко выдать мне билет, показываю следующее: Я сообщил Кулябко, что ночевавший у меня "Николай Яковлевич" собирается часов в 9 вечера выйти для встречи с "Ниной Александровной" куда-то в окрестности Владимирского собора, и просил инструкций, как мне поступить в случае, если кто-либо из этой компании даст мне какое-н[и]б[удь] поручение. Кулябко категорически воспретил исполнять какое бы то ни было поручение. Тогда я заявил, что при таких условиях я должен быть изолированным от компании бомбистов, иначе возбужу подозрение их, и что лучше всего для этой цели выдать мне билет в театр, ибо, *показав этот билет "Николаю Яковлевичу" и другим, я смогу принять на себя исполнение роли наблюдателя за Столыпиным и неправильно данным сигналом испортить их предприятие...* Я прилагал все усилия к тому, чтобы достать билет в театр на 1-ое сентября именно потому, что полагал, что более мне не представится удобного случая для встречи со Столыпиным, ибо мой обман должен был быть выяснен в самом непродолжительном времени охранным отделением. *План покушения мною разработан не был. Я был уверен, что, находясь в театре, смогу улучшить момент для того, чтобы приблизиться к министру. При разговоре 1-го сентября я просил Кулябко дать мне место поближе к креслу Столыпина, но он и Веригин ответили мне, что в первых рядах будут сидеть только генералы и потому мне сидеть там неудобно. Вообще Кулябко обращал внимание на то обстоятельство, что я очень взволнован, но приписывал это волнение тому, что я неожиданно попал в центр заговора; вместе с тем он мог бы обратить внимание на то, что держал я себя весьма не конспиративно, приходил днем в охранное отделение, телефонировал туда из своей квартиры, посылал туда посыльного и т. п., ходил в Европейскую гостиницу и, наконец, решался открыто посещать такие места, как Купеческое и театр, куда, как лицо неблагонадежное, билетов получить не мог бы.*

Билет в Купеческое был мною получен от Кулябко без всякой особенной мотивировки».

Как видим, о своих действиях Богров ничего нового не сказал, но чрезвычайно важно его уточнение, что он просил дать ему место рядом со Столыпинам (!) и это не возбудило подозрения Кулябко (как мы помним, последний говорил на допросе практически то же самое) и Веригина. И, показательно, что «Аленский» не удержал своего удивления странной доверчивостью охранников (не «видевших» его «неконспиративности») и тем, что билет был получен «без всякой особенной мотивировки». Что касается «неконспиративности» самого Богрова, то она объяснима в случае, если он готовился к смерти. Тогда информация о его сотрудничестве с охранным отделением и так вскоре стала бы всем известна.

Следующий раз Богров допрашивается опять со значительным перерывом, только 6 сентября. На этот раз следователем по особо важным делам округа Киевского окружного суда Василием Ивановичем Фененко, в показаниях которому он подтвердил, что никакого наблюдения за ним в театре не было: *«Когда я был в театре, у меня возникала мысль, что Кулябко учредил за мной наблюдение, но я убедился, что такого наблюдения не имеется».*

Но наиболее интересно другое. Он вдруг отказывается от прежней мотивировки совершения акта террора! Богров собственноручно написал: *«...я отказываюсь объяснить причины, побудившие меня после службы в охранном отделении совершить убийство Столыпина».*

И это после заявлений, что стрелял в премьера как «главного реакционера»! Можно только предположить, что изменение показаний было вызвано неким внешним воздействием на Богрова (осталось неизвестным, приходил ли кто-нибудь к нему, кроме Иванова и Фененко).

Это был последний допрос Богрова до суда.

Одновременно следствием допрашивались Кулябко, Веригин и Спиридович. Суть показаний Кулябко, кроме подтверждений уже сказанного Богровым, сводится к следующему оправданию: *«Богров всегда пользовался полным моим доверием, каковое заслужил всегда правдивыми и подтверждавшимися фактически сведениями, почему мне ни одной минуты не приходила в голову мысль не только [о] возможности каких-либо активных с его стороны выступлений, но и [о] сообщении ложных сведений подобно вышеизложенному».*

Не вызывает сомнения, что начальник охранного отделения уже получил указания говорить о неосведомленности Курлова, Веригина и Спиридовича о нахождении «Аленского» в театре, хотя, как мы знаем,

решение о выдаче ему билетов было согласованным. Нетрудно понять, почему он так делал. Курлов оставался на занимаемой должности, и при наличии у него высоких покровителей далеко нельзя было быть уверенным, что дело закончится отставкой. А у Курлова, Веригина и Спиридовича, при сохранении ими своих постов, были все возможности защитить Кулябко.

Что касается показаний Спиридовича и Веригина (Курлов вообще не допрашивался!), то они ожидаемо говорили о своей неосведомленности относительно действий Кулябко (Спиридович полностью, Веригин, в силу сложившихся обстоятельств, несколько менее) и категорически утверждали, что ничего не знали о нахождении Богрова в театре.

После предельно ускоренного следствия, которое само по себе мало что прояснило, 9 сентября состоялось заседание Киевского военно-окружного суда. Создается впечатление, что кто-то наверху хотел как можно быстрее избавиться от Богрова. Никакой необходимости в немедленном суде не было, и семья Столыпина настойчиво просила его отложить, пока следствием не будут выяснены все обстоятельства убийства.

Вызывает недоумение также сам факт предания Богрова именно военно-окружному, а не обычному суду. Как правило, в отношении гражданских лиц подобная практика применялась только в местностях, где было объявлено военное положение, что к Киеву никоим образом не относилось. Видно дело в том, что военный суд (скажем корректнее — конкретный военный суд) был значительно более управляем. Можно было быть уверенным — при наличии соответствующего указания он не станет выяснять то, что выяснять не следовало, и быстро вынесет вполне очевидный для убийцы премьера смертный приговор. Во всяком случае, неожиданностей, неизбежных в гражданском суде, опасаться в данном случае не приходилось.

Если сравнить поведение властей с обычной практикой в отношении террористов, совершивших убийства высших должностных лиц империи, то разница просто бросается в глаза.

Убийца министра народного просвещения Николая Павловича Боголепова Петр Карпович судился Петербургским окружным судом и был приговорен не к смертной казни, а к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на 20 лет.

Приговоренного к повешению убийцу министра внутренних дел Сипягина Балмашева товарищ министра внутренних дел Дурново и директор Департамента полиции Зволянский настойчиво уговаривали подать прошение о помиловании и гарантировали его удовлетворение (из

политических соображений было решено продемонстрировать «царскую милость»). И не вина Дурново и Зволянского, что Балмашев оказался предельно фанатично настроен и предпочел отдать жизнь для «торжества грядущей революции».

Убийца фон Плеве (на момент своей смерти, фигуры в имперской иерархии не менее значимой и влиятельной, чем Столыпин в 1911 году) Созонов после долгого следствия был приговорен Петербургской судебной палатой к бессрочной каторге.

Каляева, убившего московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (фактически второго человека в государстве), предали суду только после двух месяцев следствия, а казни он ждал еще более месяца.

Военно-окружной суд выполнил поставленное задание. Благодаря ему удалось и быстро избавиться от Богрова, и получить удобную официальную версию, снимавшую большую часть вины с руководителей охраны киевских торжеств.

Но на суде обвиняемый дает принципиально иное объяснение своих действий, чем ранее! По его словам: «15 августа явился ко мне один анархист, заявил мне, что меня окончательно признали провокатором, и грозил об этом напечатать и объявить во всеобщее сведение. Это меня страшно обескуражило, так как у меня много друзей, мнением коих я дорожил. *Мне представили такие улики, которых я не мог опровергнуть, а затем предложили, если я хочу избежать опубликования моих поступков, совершить террористический акт.* Сначала мне предложили убить Кулябку, потом Государя и, наконец, Столыпина, указав конечный срок для выполнения этого акта — 5 сентября. Можете ли Вы себе представить мое безвыходное положение. Можете ли Вы себе представить беседу двух лиц, из коих один выслушивает, а другой диктует условия, из коих один агент-провокатор, а другой революционер, а, впрочем, может быть, тоже провокатор. Словом, я должен был принять условия. Долго я колебался, а 27 августа решился, наконец, убить Кулябку и пошел с этой целью к нему. Он встретил меня очень радушно, и потому я не решился убить его. *Он мне предложил билеты в Купеческий сад и другие места (важнейшее признание! — Авт.).* Я отказался, так как билеты мне не были нужны. *Кулябка предложил мне подождать, пока придут Веригин и Спиридовин* (на самом деле Богров пришел тогда, когда Спиридович и Веригин уже были у Кулябка. — Авт.). В их присутствии я рассказал выдуманную мною историю о приезде анархисте и барышне с бомбой.

Предложение билетов запало мне в голову и натолкнуло на новую

мысль убить кого-нибудь из сановников во время царских торжеств.

Я наедине долго об этом думал и, наконец, решил просить билеты, о чем я говорил по телефону с госпожой Кулябко. *Кто-то, очевидно, подслушал наш телефонный разговор* (в квартире, где никто, кроме Богрова, не жил? — *Авт.*) и потом по телефону же спрашивал меня, откуда у меня такой способ получать билеты? Это последнее обстоятельство, *свидетельствовавшее о возможности оглашения моих сношений с охранным отделением* (Богров как будто забыл о собственном «неконспиративном» поведении. — *Авт.*), еще более укрепило во мне мысль о необходимости реабилитировать себя во что бы то ни стало. Я был в Купеческом саду с браунингом, но ни на что не решился. Выйдя оттуда, я призадумался. Уже 31 августа. Нужно убить хоть Кулябку. Еду к нему. Чиновник предложил мне написать на бумаге, что мне нужно, так как Кулябко спит. Я написал ту записку, которая находится при деле, для того, чтобы Кулябко меня принял. И я действительно был принят. Жена Кулябки спала, дежурный ушел, и мы остались с ним наедине. Минута была очень удобная. И если бы Кулябко был в мундире, то я бы его убил (видно, явная психологическая надуманность наличия столь благородных побуждений у профессионального предателя. — *Авт.*), но он был совсем раздет, на нем было накинуто одеяло, и потому я опять не решился, а снова повторил свою выдумку. Кулябко пригласил меня явиться на другой день в Европейскую гостиницу. Там я видел Кулябку и Веригина и попросил билет в театр, что мне и было обещано. *Веригин знал, что я буду в театре, и даже хотел уступить мне свое место в 4-м ряду*, но эта мысль была оставлена, так как оказалось, что 4-ый ряд предоставлен исключительно генералам. Шел я в театр без определенного плана и возможно, что из театра я также ушел бы ни с чем, но слова Кулябки "уходите и больше не оставайтесь в театре" поставили предо мной вопрос — неужели опять ни с чем? И я решился. *Остановил свой выбор на Столыпине. Так как он был центром общего внимания* (какое всеобщее внимание, когда взоры присутствующих были обращены на царскую ложу, а на Столыпина никто особо внимания не обращал? — *Авт.*). Когда я шел в проходе, то, [если бы] кто-нибудь догадался спросить меня "что вам угодно?", я бы ушел, но никто меня не удерживал и я выстрелил 2 раза. Что я делал, я не сознавал. Впервые у меня прояснилось сознание, когда меня публика стала бить. *Когда меня впервые допрашивали, я не хотел говорить правды, я бравировал, так как видел перед собою лишь враждебные лица* (а на заседании суда увидел восторженных поклонников? — *Авт.*). Теперь я говорю правду (какую по счету? — *Авт.*)».

Новые показания Богрова мы проанализируем позже, а пока закончим рассказ о последних днях жизни террориста.

Приговор суда (утвержденный через сутки командующим войсками Киевского военного округа) гласил: «Выслушав дело, суд признал подсудимого Мордко Гершкова, он же Дмитрий Григорьевич, Богрова виновным: 1) в том, что в конце 1906 года вступил членом в преступное сообщество, именующее себя группой анархистов-коммунистов, поставившее целью своей деятельности заведомо для него насильственное ниспровержение установленного Основными законами образа правления Российского государства путем вооруженного восстания народных масс, а также убийство высших представителей правительственной власти... в качестве члена его участвовал в совещаниях этого сообщества при обсуждении вопроса об организации убийства председателя Совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина и 2) в том, что во исполнение задач указанного выше сообщества и по состоявшемуся предварительном соглашении с членами его лишить жизни председателя Совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина по поводу служебной деятельности последнего, как высшего представителя внутренней политики Российского государства — он, Богров, во исполнение состоявшегося соглашения, по поручению участвовавших в нем лиц — вечером 1 сентября сего 1911 года в г. Киеве... подойдя к статс-секретарю Столыпину, стоявшему перед первым рядом кресел спиной к оркестру, умышленно, с целью лишения его жизни, произвел в него... два последовательных выстрела... суд постановил:... подсудимого... как признанного виновным в участии в сообществе, составившемся для насильственного посягательства на изменение в России установленного законами образа правления, и в предумышленном убийстве председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина по поводу исполнения им своих служебных обязанностей — лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

Из приговора суда следует: деятельность Богрова в революционных организациях по поручению охраны, дававшая ему возможность предоставлять политической полиции ценную информацию в качестве секретного сотрудника, признана преступной! Понятно, для чего нужно было суду выдвигать подобное абсурдное обвинение, — чтобы представить убийство Столыпина делом рук революционеров и вывести из-под удара Курлова и остальных охранников.

Отдельного разговора заслуживает то, что суд без малейших доказательств поверил словам Богрова о совершении террористического

акта по заданию анархо-коммунистов. Очевидно, что подобное решение было продиктовано суду кем-то очень влиятельным, и влиятельным отнюдь не в масштабах Киевского военного округа.

Но то, что Богров был агентом охраны, суд всё-таки не мог полностью проигнорировать и был вынужден вынести особое постановление: «... суд... из показаний допрошенного на суде свидетеля, начальника Киевского охранного отделения полковника Кулябко (описка в документе, Кулябко был подполковником. — *Авт.*) усмотрел следующее: 1) получив от агента охранного отделения Богрова сведения о предполагаемом покушении на жизнь председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина, он, полковник Кулябко, не принял никаких мер к расследованию правдивости этого сообщения и не распорядился задержать лицо, указанное Богровым, прибывшее в г. Киев для совершения этого преступления; 2) допуская Богрова в Купеческий сад и в городской театр во время нахождения там Государя Императора, не учредил за Богровым никакого наблюдения, а также не принял мер к обыску Богрова при входе в указанные места».

Как видим, Кулябко обвинялся лишь в служебных упущениях, причем о роли Курлова, Спиридовича и Веригина вообще не сказано ни слова!

12 сентября в три часа ночи на Лысой горе (издавна известной как место сбора нечистой силы) приговор был приведен в исполнение. Задержка между вынесением приговора и его исполнением объяснялась тем, что в Киеве в это время не было штатного палача и пришлось искать добровольца из числа заключенных Лукьяновской тюрьмы.

Кроме официальных должностных лиц на казни присутствовали члены киевских черносотенных и правомонархических организаций, высказывавшие ранее опасения, что «Богрова подменят».

Во время казни Богров вел себя совершенно спокойно. Один из офицеров приблизил к его лицу электрический фонарик.

— Лицо как лицо, ничего особенного, — сказал Богров.

Смертнику стали связывать руки, и он обратился к жандарму: «Пожалуйста, покрепче завяжите брюки, а то задержка выйдет».

Когда один из «союзников» сказал что-то про фрак Богрова, то он не преминул последний раз в жизни пошутить: «Пожалуй, в другое время мои коллеги-адвокаты могли бы мне позавидовать, если бы узнали, что уже десятый день я не выхожу из фрака».

Подошел палач, и Богров попросил присутствующих передать привет его родителям.

После того как тело провисело положенные по закону 15 минут, оно было снято и положено в яму, которую закрыли досками, засыпали,

сравнили с землей, и ничто больше не указывало на наличие могилы террориста из охранного отделения.

Интересная деталь: веревка, на которой был повешен убийца Столыпина, была разрезана на части, и некоторые из присутствующих не побрезговали взять себе по куску. Согласно древнему поверью, веревка висельника приносила счастье и долгую жизнь. Однако палачу Богрова она не принесла ни того, ни другого... В 1920-е годы он был задержан милицией на Бессарабском рынке (находящемся в паре сотен метров от дома Богрова!) при попытке продать кусок той самой веревки как «талисман счастья». Хотя по архивам и не удалось проследить дальнейшую судьбу арестованного, но вряд ли его жизнь после этого была счастливой и долгой.

Проводивший по Высочайшему повелению расследование киевских событий сенатор Трусевич следующим образом охарактеризовал впечатление от полученных им материалов — «вихрь предположений».

Следует сказать несколько слов о руководителе комиссии, благодаря которому она не только провела огромную работу и собрала множество свидетельств, но и не пошла по легкому пути возложения ответственности за убийство премьера на одного безответного начальника Киевского охранного отделения. А то, что именно настроение поиска «стрелочника» внизу доминировало при дворе, — сомневаться не приходится.

Максимилиан Иванович Трусевич происходил из потомственных дворян. После окончания Императорского училища правоведения с 1885 года служил по судебному ведомству: с 1889 года прокурор Рижского, затем Петербургского окружного суда; с 1901 года прокурор Новгородского окружного суда; с 1903 года товарищ прокурора Петербургской судебной палаты. С 13 июня 1906-го по 9 марта 1909 года — директор Департамента полиции, куда был назначен по личной инициативе Столыпина. На новую должность Трусевич пришел, уже имея значительный опыт борьбы с революционными организациями и достаточно хорошо зная механизм функционирования политической полиции, с которой по ряду прокурорских расследований тесно взаимодействовал.

Трусевич по праву считался одним из наиболее талантливых (что вынужден был признать даже люто ненавидевший его Курлов) руководителей департамента — прекрасно разбирался в порученном деле, не боялся ответственности при принятии решений, лично участвовал в разработке ряда удачных операций и работе с наиболее важной агентурой.

Именно при Трусевиче революционному терроризму был нанесен сильнейший удар, что дало возможность премьеру проводить политику

реформ в обстановке стабильности.

Характерной чертой Трусевича была смелость в отстаивании собственного мнения и отсутствие сервилизма в отношениях с начальством.

Понятно, что Курлов не мог оставить настолько неудобного человека во главе Департамента полиции и менее чем через три месяца после своего прихода в МВД добился через Дедюлина смещения Трусевича (которому в утешение было пожаловано звание сенатора). Руководить политической полицией вместо него поставили бесцветного Нила Петровича Зуева, который послушно выполнял все указания шефа жандармов и не имел собственного мнения ни по одному серьезному вопросу.

Для Столыпина это был не только сильный удар из-за потери доверенного человека в МВД, но и показатель того, насколько упало его влияние — премьер и министр внутренних дел не мог отстоять даже своих наиболее преданных соратников.

Возглавляя расследование, Трусевич действовал с не меньшим профессионализмом и смелостью, чем ранее в прокуратуре и МВД. Он хотел прежде всего собрать как можно больше фактического материала для суда над ответственными за убийство премьера (о его собственных выводах ниже). Суд так и не состоялся, поэтому «вихрь предположений» не улегся и до нашего времени.

Но, во всяком случае, из этого вихря можно уверенно исключить версию, ставшую официальной после вынесенного военно-окружным судом приговора Богрову: о том, что добросовестный агент охраны был запуган террористами и сначала пытался убить Кулябко, а потом принужден был стрелять в Столыпина. Натянутость и необоснованность официальной версии, отсутствие в ней элементарной логики была очевидна современникам. Как очевидно им было и то, что убийство Столыпина таило в себе множество загадок. Характерна оценка, данная выдающимся философом и публицистом Струве этому покушению, так не похожему на классические акты революционного террора: «... общество в данном случае не только не сочувствовало убийству, оно абсолютно не понимало его. Это был какой-то "технический акт", бессмысленно непонятный, какое-то загадочное происшествие, ключ к которому недоступен сознанию. Вот почему в обществе почти ожесточенно спорят на тему о том, чем же был на самом деле Богров, "охранником" или "революционером"».

Понятно, почему официальная трактовка о причастности анархистов к убийству Столыпина была так выгодна многим высшим должностным лицам империи — она минимизировала вину властей и снимала

подозрения о причастности к покушению охраны. Но разоблачается эта версия без особого труда.

Сначала немного о сути сказанного Богровым в суде и на последнем допросе. Уже после революции в советской печати появились воспоминания киевских анархистов. Из них следовало, что Богров действительно подозревался некоторыми соратниками в работе на охранку. Но в этом ничего экстраординарного не было. В революционной среде трудно было найти хоть одного революционера, в отношении которого в условиях общей истерической шпиономании после разоблачения «азефовщины» не высказывались подозрения. Зная нравы анархистов, можно быть уверенным, что если бы подозрения в отношении Богрова были по-настоящему серьезными, то всё закончилось бы очень быстро и просто.

Что касается упомянутого на суде прихода анархиста, требовавшего от Богрова совершения террористического акта с целью реабилитации, то в 1926 году бывший видный киевский анархист Петр Лятковский в журнале «Каторга и ссылка» рассказал, как всё обстояло на самом деле. Он встретился с Богровым еще в марте 1911 года и никаких требований о реабилитации и совершении террористического акта не выдвигал. Прочитируем слова Лятковского, сказанные Богрову: «...ни я, ни мои т.т. (товарищи. — Авт.) от него не требуют реабилитации». А вот что думал Лятковский весной 1911 года о подозрениях в отношении Богрова, высказывавшихся отдельными арестованными революционерами: «Предполагать всё возможно, но, не имея данных, обвинять недопустимо».

Богров сам начал жаловаться Лятковскому на беспочвенные подозрения в отношении него и спрашивал, как он может с себя их снять. И именно Богров первый заговорил о возможности убийства Столыпина на предстоящих осенью торжествах: «Николай — игрушка в руках Столыпина... Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задущена революция и наступила реакция».

Лятковский не принял всерьез сказанного Богровым, и больше ни он, ни другие киевские анархисты с Богровым не встречались.

Понятно, что Лятковский был искренен — лгать ему во время появления публикации не имело никакого смысла. Таким образом, можно констатировать, что Богров совершенно исказил содержание разговора и никаких угроз в его адрес не звучало. Что же касается высказанной им мысли об убийстве Столыпина, то она имела общий характер. Да и кто тогда из анархистов не говорил, что хорошо бы убить премьера?

Лятковский и воспринял слова Богрова как пустую браваду, вскоре забыв о них...

Кто и для чего инициировал изменение показаний «Аденского», мы можем утверждать уверенно из-за допущенного Департаментом полиции в спешке откровенного ляпа.

Богров до 9 сентября ни слова не говорил о том, что он совершил покушение из-за боязни разоблачения со стороны революционеров. Однако уже 4 сентября в популярной газете «Современное слово» появилась неподписанная заметка (сразу же перепечатанная многими другими изданиями) следующего содержания: «Киев, 4 сентября. Главная цель производящегося следствия выяснить, действовал ли Богров совершенно самостоятельно или по поручению революционной организации. Относительно истинной роли, которую играл Богров, здесь все более склоняются к мнению, что он был настоящим непритворным агентом охраны, пока революционеры не начали его серьезно подозревать. Дальнейшая гипотеза такова: организация, к которой в целях сыска принадлежал Богров, предложила ему альтернативу — либо убить премьера и тем самым доказать вздорность относительно его сомнений, либо самому быть убитым за сношения с охраной. Богров выбрал первое».

Заявление Богрова на суде было полной неожиданностью для всех присутствующих. Настолько, что Иванов счел необходимым его передопросить уже после вынесения приговора (на допросе Богров повторил сказанное ранее на заседании суда), что являлось крайне необычным в жандармской практике.

И вот, за пять дней до заседания суда, газета со ссылкой на анонимные источники абсолютно точно излагает еще не оглашенную новую версию показаний Богрова! Почти дословно рассказывает о том, чего Богров еще не говорил! Можно ли сомневаться, откуда и с какой целью было инспирировано появление данного материала (кстати, МВД имело специальный секретный фонд для работы с прессой)? Видимо охранники, стремясь быстрее снять с себя ответственность за покушение, поторопились с размещением материала.

Показательно также, что никто не бросился искать упомянутых на суде анархо-коммунистов, которые, как следует из выступления Богрова, непосредственно виновны в покушении на главу правительства. Ведь в случае ареста (а сделать это было нетрудно) их показания начисто разрушили бы официальную версию.

В свою очередь, Трусевич, собрав девять толстых томов о киевских событиях, сделал следующий предварительный вывод о действиях

Курлова, Спиридовича, Веригина и Кулябко: «названные четыре лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия. Эти преступления выразились в том, что:

I. Генерал Курлов, статский советник Веригин, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, в нарушение возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по Департаменту полиции, *допустили на происходивший 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре в Высочайшем присутствии парадный спектакль помощника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для них политически неблагонадежного, что создало непосредственную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества и для августейшей Вашей семьи, а также повлекло за собою лишение названным Богровым жизни председателя Совета министров, министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина.*

II. Те же Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко, получив от упомянутого Богрова измышленные им сведения о прибытии в Киев революционной группы для совершения террористических посягательств, *проявили бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность осуществить задуманное им злодеяние.*

III. Кроме того, генерал Курлов, будучи своевременно осведомлен о несоответствии подполковника Кулябки занимаемой им должности начальника Киевского охранного отделения, о неудовлетворительном положении розыска в этом учреждении, а равно о недостаточности личного его состава для выполнения предстоявшей по случаю означенных торжеств работы, не только не принял мер к устранению указанных не порядков, но и возложил на подполковника Кулябку *выходившие из круга его прямых обязанностей поручения по организации и заведованию народною охраною, причем не освободил начальника охранного отделения от исполнения таковых даже и после получения от Богрова сведений первостепенной важности, требовавших тщательной проверки.*

IV. Подполковник Кулябко, вопреки установленному порядку и изданным по Департаменту полиции распоряжениям, допустил 31 августа 1911 г. упомянутого Богрова, а также и другое лицо, заведомо для него, Кулябки, политически неблагонадежных, в сад Купеческого собрания на торжество в Высочайшем присутствии, чем создал явную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества, так как Богров,

замысливший уже террористический акт и вооружённый револьвером, находился в ближайшем расстоянии от пути шествия Вашего Императорского Величества.

Описанные деяния, заключающие в себе признаки преступлений, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, вызывают необходимость в возбуждении против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки уголовного преследования по установленным в законе правилам.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше представить на благовоззрение Вашего Императорского Величества».

Мнение сенатора разделяли и министры юстиции Щегловитов и внутренних дел Макаров (а потом и его преемник Маклаков), убеждавшие императора в необходимости предать Курлова, Спиридовича, Веригина и Кулябко суду.

Проведенное последующее предварительное следствие под руководством сенатора Николая Шульгина пришло к тем же выводам, что и Трусевич: *«В отношении всех четырех обвиняемых следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо важные последствия»*. Следующим этапом должен был быть суд по обвинению в преступном бездействии власти.

Однако он так никогда и не состоялся из-за короткой резолюции Николая II от 4 января 1913 года: *«Отставного подполковника Кулябко считать отрешенным от должности. Дело об отставных генерал-лейтенанте Курлове и статском советнике Веригине, а также и о полковнике Спиридовиче — прекратить без всяких для них последствий»*.

В итоге смерть председателя Совета министров всего лишь стоила Курлову недолгой отставки, Спиридовичу — небольшой задержки с присвоением генеральского звания, Веригину — увольнения и лишения придворного звания. Не был предан суду даже Кулябко. Всё ограничилось снятием его с должности и пребыванием на гауптвахте за обнаруженное в ходе расследования хищение (деликатно названное «небрежностью в хранении и расходовании») казенных средств, предназначавшихся на охранные мероприятия во время киевских торжеств.

Ничего не дала и попытка вновь поднять дело об убийстве Столыпина *«Чрезвычайной следственной комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств»* Временного правительства. ЧСК для обличения *«преступлений царского режима»* необходимо было срочно

получить обвинительный материал против бывших высших сановников, а предельно запутанные события августа — сентября 1911 года требовали возобновления полноценного расследования и никак не сулили скорого результата. Допрашивавшиеся ЧСК Курлов, Спиридович и Кулябко это прекрасно понимали и избрали наиболее выгодную для себя тактику поведения — упорно отрицали малейшую возможность спланированного полицией убийства премьера, умело запутывали допрашивавших их дилетантов и демонстрировали удивительную забывчивость в наиболее важных вопросах. Приведем текст допроса Кулябко, который удивляет не только своей краткостью и формальным подходом, но и тем, что ЧСК не проявила ни малейшего желания выяснить у бывшего охранника ключевые детали, которые могли бы объяснить, кто стоял за покушением на Столыпина: «Мне ставится в вину то обстоятельство, что я, пользуясь секретным сотрудником Дмитрием Богровым, руководствовался изданной Департаментом полиции "Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения". Пользование отмеченной инструкцией я считаю вполне законным, так как она была утверждена министром внутренних дел и являлась для меня обязательной. Кроме того, в силу высочайших повелений, направление мер по охране высочайших особ и министров было объединено в руках генерал-лейтенанта Курлова, у которого я находился в непосредственном подчинении, и если Курлов указания инструкции считал целесообразными и ее не отменил, то для меня инструкция являлась обязательной. Помянутая инструкция, изданная в законном порядке, давала чинам охраны указания о их служебной деятельности, а потому я считаю, что если бы я не исполнял указаний инструкции, то я совершил бы то превышение власти, которое предусматривается 338 ст. Улож. о наказ.; почему в пользовании мною инструкцией усмотрено в данном случае превышение с моей стороны власти, для меня является непонятным. Мне также ставится в вину нарушение требований 1020–1035 ст. Уст. угол, суд., выразившееся в том, что я не распорядился производством дознания о приготовлении к убийству статс-секретаря Столыпина и не сообщил об этом судебным властям. По этому поводу заявляю, что охранные отделения в своей деятельности руководствовались Положением об усиленной охране, а не Уставом уголовного судопроизводства, дознаний не производили, а занимались только розыском и в своей деятельности не подчинялись судебным властям; однако о всех тех сведениях, которые я получал от Богрова, я доводил до сведения бывшего прокурора судебной палаты Чаплинского и прокурора суда Брандорфа; оба они от меня знали и о предполагавшемся покушении

на Столыпина (можно подумать, что чины прокуратуры имели возможность заниматься вопросами обеспечения безопасности, которые были полностью в компетенции охранников. Кулябко говорит деятелям ЧСК явную чушь, но они этого не замечают. — Авт.). Если даже считать, что в своей деятельности по охране порядка во время киевских торжеств 1911 года я совершил какое-либо преступление, то за таковое я понес уже наказание, так как по повелению бывшего императора был отрешен от должности со всеми последствиями этого, т. е. без права поступления на государственную службу в течение пяти лет и без права на пенсию. Отбывши уже однажды наказание, я считаю привлечение меня за то же деяние вновь к уголовной ответственности незаконным.

На заданные мне вопросы по содержанию постановления о моем привлечении отвечаю, что в общем в постановлении этом факты изложены верно и роли отдельных лиц освещены правильно, но *деталей я за давностью времени не помню, а потому изложить сейчас все принимавшиеся мною меры по охране Столыпина и бывшего императора, а равно подробно рассказать о взаимоотношениях моих с генерал-лейтенантом Курловым, статским советником Веригиным и Богровым не могу, а также не могу припомнить всех обстоятельств, предшествовавших убийству Столыпина и имевших место после убийства».*

В таком же духе прошел и допрос Курлова, откровенная и наглая ложь которого о том, что Богров был, оказывается, всего лишь «случайным осведомителем», не вызвала у ЧСК необходимых дальнейших вопросов: «Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого мне объявлено, и я не признаю себя виновным в превышении власти, имевшем весьма важные последствия. Я подтверждаю все фактические обстоятельства дела, которые были мной изложены при допросе меня в качестве обвиняемого сенатором Шульгиным. Считаю нужным добавить, что Богров в то время ни в каком преступном сообществе не состоял, что ему самому не были известны лица, которые предполагали совершить убийство Столыпина. Все меры к задержанию преступников, которых должен был указать Богров, были приняты. Что о допущении Богрова в Купеческий сад и в театр мне ничего не было известно, и я такого разрешения не дал бы, т. к. это противоречило всем моим распоряжениям. При этом считаю нужным еще добавить, что *Богров в этот момент секретным сотрудником не состоял, а являлся лишь простым случайным осведомителем».*

В итоге после нескольких подобных допросов дело ушло в песок, если

не считать того, что неожиданно, без какой-то необходимости ЧСК допрашивает в сентябре брата казненного террориста из охранки Владимира Богрова, часть показаний которого целесообразно привести: «... он (Дмитрий Богров. — *Авт.*) высказывался совершенно определенно, защищая идею борьбы с существовавшим политическим и социальным порядком путем самых крайних средств — всеобщих забастовок, террористических актов и прочее. При этом он ставил успех подобной борьбы в зависимость только от сознательности и нравственного подъема личности, идущей на такую борьбу, — я помню, он всегда повторял, что, по его мнению, не настолько важно уничтожить кого-либо из "великих" мира сего, как испытать высшую степень негодования и нравственного протеста при виде несправедливостей повседневной жизни, и потому гораздо больший революционер тот, который уничтожает городского, вследствие учиняемой им дикой расправы, чем тот, который стремится к сенсационному террористическому акту. В связи с этим он рассказывал о подготовлявшихся в Киеве покушениях на убийство начальника Киевского охранного отделения Кулябко, на поджог военно-окружного суда, на учинение взрыва в охранном отделении и прочих планах, имеющих чисто местное значение. О знакомстве брата с Кулябко в то время мне ничего не было известно, но для меня не может быть никакого сомнения в том, что сношения его с охранным отделением могли быть им предприняты только с чисто революционной целью. Никаких иных мотивов у брата моего быть не могло. Им не могли руководить корыстные побуждения, так как отец мой человек весьма состоятельный, при этом щедрый не только по отношению к родным и близким, но и по отношению к совершенно чужим людям, всегда обращающимся к нему за помощью, и, конечно, Кулябко не мог бы соблазнить брата 50—100 рублями. Тем более по отношению к брату, убеждений которого отец всегда так опасался, он готов был пойти на какие угодно расходы и материальные жертвы, чтобы удержать брата от революционной деятельности и, как я указывал, даже тщетно пытался удержать его за границей. Кроме того, брат мой жил сравнительно скромно, а потому не испытывал нужды в деньгах и бюджет его, как студента, не выходил за пределы 50—75 рублей в месяц. Лучшим подтверждением этого служит то, что после смерти его не осталось никаких долгов, никаких векселей или иных обязательств, им выданных. Не могло также побудить моего брата к вступлению в сношения с Кулябко какое-либо давление или принуждение со стороны Кулябко: ни в момент, к которому приурочивается его сближение с Кулябко, а именно начало 1907 года, ни до этого никаких дел за братом не числилось и до сентября 1908 г. он не подвергался ни разу

аресту. С другой стороны, возможность возникновения у брата подобного плана — использовать охранное отделение с революционными целями, облегчалась анархическими убеждениями его, независимостью его от какой-либо партийной организации (так как анархисты, как брат мне разъяснял, даже при взаимном сотрудничестве образуют не "партию", а "группу", предоставляя полную свободу действий всем своим членам), и, наконец, вполне допустима, с точки зрения излюбленной идеи брата, отвечающей его азартной и смелой натуре, о том, что цель оправдывает всякие средства. Тем не менее, я глубоко убежден, что сведения, которые давал брат Кулябко, если бы факт этот подтвердился, могли носить лишь самый безразличный характер, что с несомненностью должно выясниться при проверке участи тех лиц, которые были указаны Кулябко и момента, когда эти указания делались братом. Уже одно то обстоятельство, что появление брата у Кулябко относится ко времени непосредственно после возвращения брата из заграницы, доказывает, что он не мог сообщить Кулябко каких-либо серьезных данных. Конечно, в интересах Кулябко и его начальства было доказать серьезность оказанных братом услуг охранному отделению, так как это для них единственный способ оправдать и объяснить столь легкомысленное к брату доверие. Однако именно тот обман, на который решился пойти брат в конце августа 1911 г., убеждая Кулябко и его начальство в вымышленной истории с приехавшими в Киев революционерами "Иваном Яковлевичем" (Владимир Богров неточен. Правильно «Николай Яковлевич». — Авт.) и "Ниней Александровной" "с бомбой", — доказывает его уверенность в недалекости и легковерии этих деятелей охраны. Кроме того, мне вспоминается, что брат всегда отзывался о Кулябко как о весьма легкомысленном и поверхностном человеке. Наконец, мне известно, что осенью 1908 г., после освобождения брата из-под ареста, со стороны товарищей его, заключенных в Киевской тюрьме, возникли подозрения против него и обвинения его в сношениях с охранным отделением. Деятельность его, вследствие этого, была подвергнута расследованию со стороны представителей разных партий, и, ввиду данных им объяснений, он был совершенно реабилитирован, о чем и было сообщено в тюрьму. *Ввиду всех этих обстоятельств и соображений, я убежден, что брат мой с самого начала вел с охранным отделением, в лице Кулябко, смелую игру, одинаково опасную как для него самого, так и для охранного отделения, имеющую единственную цель — осуществление революционного плана и закончившуюся так, как это было первоначально задумано братом, — террористическим актом, не повлекшим за собой ни одной лишней жертвы со стороны революционеров, но подорвавшим всю*

охранную систему. Должен, впрочем, заметить, что в революционной деятельности брата был почти двухлетний перерыв — начиная с конца 1909 г. по август мес[яц] 1911 года. Этот перерыв он объяснял полным разочарованием в своих товарищах по революционной работе. По собственному его заявлению, он убедился, что большинство из них были не идейными сторонниками анархизма, а людьми, преследующими свои узкоэгоистические или даже корыстные цели. Поэтому он не считал возможным дальнейшую работу совместно с ними и говорил, что если когда-нибудь он решится на какой-либо революционный акт, то совершит его только единолично, без помощи кого-либо из товарищей. Это заявление сделано было братом в апреле мес[яце] 1911 г. двоюродному брату Валентину Евсеевичу Богрову, гостившему несколько дней в Киеве, постоянно же живущему в Москве. Возможно, что перерыв в революционной работе брата являлся результатом естественного утомления, а может быть и желанием совсем оставить работу, как он это пишет в письме к родителям. Во всяком случае, у него была полная возможность заняться мирной профессиональной деятельностью — ни перед кем никаких обязательств у него не было, он провел почти два года вне Киева, вдали от Кулябко и своих бывших товарищей по революционной работе, и проектировал поехать в Париж, ввиду национальных ограничений, мешавших ему работать в России. Если, тем не менее, он вернулся на прежнюю дорогу, то только по свободно принятому решению, так как никаких оснований для того, чтобы предполагать наличность принуждения с чьей-либо стороны и какого-либо внешнего воздействия на его волю, не имеется. Впрочем, действительно, весной 1911 г. к брату являлся, как это мне рассказывал отец, какой-то неизвестный с обвинениями в неправильном отчете в израсходованных в 1908 году деньгах и с требованием предъявить оправдательные документы по всем расходам. Это требование брат считал явно шантажным, так как отчет был им своевременно напечатан в "Бунтаре", а расписки по мелким расходам на извозчиков, посыльных, железнодорожные билеты и прочее он считал невозможным представить. Тем не менее, отец дал ему требуемые деньги, кажется, несколько сот рублей, которые и были им уплачены неизвестному лицу, чем дело было совершенно ликвидировано. Переходя к событиям 1 сентября, я, прежде всего, должен отвергнуть попытку некоторых корреспондентов периодической печати изобразить роль Кулябко, Курлова и других как простое соучастие в совершенном братом преступлении. Основанием для таких предположений послужили, как это потом рассказывали лица, присутствовавшие в суде во время слушания дела

брата, ответы моего брата на предлагаемые председателем и прокурором вопросы, причем брат определенно отвергал все подобные возводимые против Кулябко и других обвинения. Хотя такая защита Кулябко и других со стороны моего брата и удивляла в то время некоторых, однако, с точки зрения высказанного мною раньше, такое стремление брата совершенно понятно. Задачей моего брата отнюдь не являлось втянуть, без всякого к тому основания, Кулябко, Курлова и других в свое дело, так как он тем самым превратил бы акт, совершенный им с чисто революционной целью, в простое убийство, совершенное с умыслом и заранее обдуманном намерением — ведь только таковы могли быть планы Кулябко, Курлова и других. Брат только и мог, в интересах своей собственной идеи, давать показания, благоприятные для Кулябко, Курлова и других в смысле уголовной их ответственности за происшествие 1 сентября, так как люди эти сделались жертвой отчасти своей недальновидности, а, главным образом, самой охранной системы, существовавшей на самых законных основаниях, но никак не злого умысла с их стороны. *Кроме того, и объективная обстановка преступления приводит к заключению о невозможности их соучастия в нем* — ведь ничего не делалось для того, чтобы скрыть их сношения с братом непосредственно перед событием 1 сентября, в конце августа мес[яца] и в день убийства в театре, билет был выдан брату самим Кулябко из взятых на свое имя и прочее. Далее, как мне известно со слов моей тетки Марии Богровой, жившей 1 сентября в Киеве в доме отца, присланная охранным отделением ночью 1 сентября команда полицейских и филёров для производства обыска была настроена самым зверским образом и разыскивала мистических "Ивана Яковлевича" и "Нину Александровну" по всем закоулкам дома — на чердаках, в подвалах, в саду и даже в соседних усадьбах, что свидетельствует о том, что Кулябко был совершенно убежден в существовании этих вымышленных лиц (Кулябко просто должен был продемонстрировать, что был уверен в их существовании. — *Авт.*). Наконец, мне вспоминается, как брат мой еще в начале августа торопился вернуться из дачного места Потоки, где мы проводили лето, в Киев, ссылаясь на свои занятия у патрона, присяжного поверенного А. С. Гольденвейзера. Теперь для меня ясно, что уже тогда в нем созрел план совершения террористического акта во время киевских торжеств по случаю приезда государя, и как-то раз он мне даже предложил вопрос, какое, по моему мнению, могло бы произвести впечатление на общество убийство Столыпина. Не придавая вопросу этому особого значения, так как я знал, что в то время брат мой совершенно оставил революционную деятельность, я совершенно спокойно ответил ему, что

считаю реакцию слишком сильной в обществе для того, чтобы какой бы то ни было террористический акт мог произвести в нем психологический сдвиг. *Вот эти факты создают во мне полную уверенность, что брат мой не являлся и не мог являться бессознательным, а тем более сознательным, оружием в руках Кулябко, Курлова и других, а наоборот, использовал их в своих революционных целях.* По вопросу о том, почему мой брат в показаниях, как бы нарочито, подчеркивал, что в период 1907–1909 годов действовал в интересах охранного отделения, я должен сказать, что вижу в этом его заявлении последний и, может быть, самый крупный из совершенных им анархических актов. И прежде нередко брат высказывал взгляды, поражавшие в первый момент окружающих своей парадоксальностью, но, тем не менее, вполне последовательно вытекающие из исповедуемой им анархической теории. Впрочем, в этом своем последнем анархическом акте он не сумел соблюсти строгой последовательности с начала и до конца, что я объясняю отчасти внезапностью этого принятого им решения, отчасти же теми ужасными нравственными и физическими потрясениями, которые ему пришлось испытывать. Насколько мне известно, в первом своем показании, данном им 1 сентября, он указывал лишь на революционные цели, которые он преследовал, и на создавшееся у него давно решение совершить покушение на жизнь Столыпина. И только в дальнейших своих показаниях он дает иное освещение своей деятельности в 1907–1908 годах в Киевск[ом] охранном отделении, причем, однако, на целый ряд вопросов следователя, направленных к объяснению столь быстрых и странных переходов от революционной деятельности к охранной и вновь к революционной, он отказывается отвечать, ссылаясь на "свою логику". Далее, в двух письмах на имя родителей, фотографии с которых я представляю, он подчеркивает, что желает оставить о себе воспоминание у родителей, как о человеке, "может быть и несчастном, но честном", и указывает, что не может, несмотря на все старания, "отказаться от старого", т. е. от революционной деятельности. Таковы противоречия, в которые он все время впадал, стремясь изобразить свою деятельность 1907–1909 гг., как направленную в интересах охраны. Между тем, представляясь сотрудником Кулябко, *брат мой, по моему убеждению, имел в виду направить удар на всю систему охранного розыска.* В том виде, в каком он старался изобразить событие 1 сентября, ответственность за него переносилась с отдельных лиц, которым была вверена охрана Столыпина, на всю ту систему, которую сам Столыпин возглавлял. Совершение убийства Столыпина обыкновенным революционером привело бы только к новому усилению деятельности

охранных отделений и увеличению бдительности агентов. Тогда как совершение этого акта человеком, который раньше сам будто бы содействовал целям охраны и потому был посвящен во все ее тайны и только вследствие этого получил возможность совершить задуманное, переводит вопрос о том, как уберечься от революционеров, на вопрос о том, как избавиться от самих охранников. Этими соображениями, несомненно, только и руководствовался мой брат, когда решился принести в жертву революционной идее не только свою жизнь, но и свою честь. И нельзя не признать, что эта последняя его жертва оправдалась в том смысле, что ни одно политическое убийство не подняло такой бури страстей, как убийство Столыпина, и именно вследствие того психологического осложнения, которое было внесено в дело. Вспомним дебаты Государственной думы, где правительству наносились одновременно удары с левой и с правой стороны — с левой за охранную систему, с правой — за неудачную борьбу с революцией; вспомним огромную литературу, которую вызвало дело Столыпина; вспомним значительные перемены в личном составе администрации, скомпрометированной "действительными и мнимыми" (как пишет брат родителям) разоблачениями брата; наконец, всё настоящее дело и связанные с ним десятки томов следственных производств, ревизий и прочее — весь этот огромный агитационный материал мог явиться только в результате того двойного удара, который был нанесен покойным братом и который был направлен против известной физической личности, с одной стороны, и против всей той системы, [на] которой личность эта держалась, с другой стороны. Этими соображениями я объясняю, почему мой брат на суде вместо длинной изобличающей правительство революционной речи, к которым так привыкли военные судьи того времени и которая не принесла бы пользы ни ему, ни другим, ограничился вымышленным признанием своего сотрудничества в охранном отделении, которое вызвало в обществе бурю негодования, направленного против охранной системы. Мой брат был слишком умен, чтобы не понимать, как ему было легко объяснить всё свое поведение революционными целями и как такое его объяснение были бы рады поддержать все тогдашние представители официальной власти. Но он пошел иным путем и принес новую жертву, быть может, самую тяжелую, во имя той же революционной идеи, за которую отдал и свою жизнь».

Как видим, Владимир Богров по вполне понятным причинам пытается представить повешенного брата не запутавшимся агентом охраны, а героем-революционером. Поэтому ему вполне логично утверждать, что охранники были «обмануты». Но возникает закономерный вопрос —

почему деятели ЧСК из огромного количества свидетелей допросили лишь крайне ангажированного брата убийцы, который заведомо не мог помочь установить истину в деле убийства Столыпина? Не был ли кто-то в ЧСК заинтересован в продвижении версии Владимира Богрова, которая полностью реабилитировала Курлова, Спиридовича, Кулябко и Веригина? По каким причинам — можно только догадываться. Во всяком случае, не следует сбрасывать со счетов то, что далеко не все агенты политической полиции были раскрыты после Февраля и у того же опытного агента Спиридовича вполне могли быть такие материалы на кого-либо из членов ЧСК, которые могли их заставить выполнять его указания.

Скажем несколько слов и о последующей судьбе киевской четверки. Из них наименее милостиво судьба отнеслась к Веригину. Он так и не был больше принят на государственную службу. В 1920 году бывший камер-юнкер, по одним сведениям, умер своей смертью, по другим — был расстрелян ВЧК.

Несравненно удачнее всё сложилось у Курлова (что доказывает — его странная роль в убийстве Столыпина не была негативом в глазах как ближайшего окружения императора, так и лично Николая II). После начала Первой мировой войны он был возвращен на службу и назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии. Однако из-за отступления русских войск после разгрома 2-й армии Самсонова к своим обязанностям генерал приступить не успел. Следующие должности Курлова — помощник главного начальника Двинского военного округа (ведал контрразведкой и военной цензурой), а потом прибалтийский генерал-губернатор. В 1915 году был отчислен в резерв Петроградского военного округа. Осенью 1916 года Курлов возвратился на старую должность — стал и. о. товарища министра внутренних дел Протопопова и заведующим делами Департамента полиции. В декабре 1916 года (надо сказать, очень вовремя) вышел в отставку.

В первые дни Февральской революции Курлова арестовали, но уже в августе по болезни перевели под домашний арест, и в 1918 году он смог сбежать за границу, где участвовал в деятельности монархических организаций. Умер в 1923 году в Германии.

Спиридович оставался на должности начальника Охранной агентуры до 1916 года и стал генерал-майором, после чего был назначен на видную должность ялтинского градоначальника (руководившего почти всем южным побережьем Крыма и отвечавшего за безопасность царских и великокняжеских резиденций). Как и Курлов, недолго пробыл в заключении после Февраля, но сумел благополучно выйти на свободу, а

потом уехать в эмиграцию (скончался в Нью-Йорке в 1952 году). Интересно, что получить разрешение на въезд из Франции в США после окончания Второй мировой войны бывший охранник сумел благодаря американскому историку Дону Левину (тесно связанному с ЦРУ), которому откровенно «подыграл», заявив о подлинности заведомой фальшивки — так называемого «письма Ерёмина», из которого следовало, что Сталин был агентом охраны.

Кулябко после увольнения со службы работал в Киеве представителем компании швейных машинок «Зингер». Благополучно пережил войну, две революции и умер своей смертью в 1920 году.

Но всё это было после. А в 1913 году неожиданная царская милость к виновникам убийства главы правительства вызвала в стране волну возмущения. Даже крайне осторожный и избегавший конфликтов преемник Столыпина — премьер-министр Коковцов — не удержался, чтобы не высказать императору своего недоумения: «Ваше Величество, Вы знаете, как возмущена была вся Россия убийством Столыпина и не только потому, что убит Ваш верный слуга, но еще более потому, что с такой же легкостью могло произойти гораздо большее несчастье. Всем было ясно до очевидности, что при той преступной небрежности, которая проявилась в этом деле, Богров имел возможность направить свой пистолет и на Вас и совершить свое злое дело с той же легкостью, с какой он убил Столыпина. Всё, что есть верного и преданного Вам в России, никогда не смирится с безнаказанностью виновников этого преступления, и *всякий будет недоумевать, почему остаются без преследования те, кто не оберегал государя, когда каждый день привлекаются неизмеримо менее виноватые незаметные агенты правительственной власти, нарушившие свой служебный долг. Ваших великодушных побуждений никто не поймет, и всякий станет искать оправдания своего недоумения во влиянии окружающих Вас людей... Вы исключаете возможность пролить полный свет на это темное дело, что может дать только окончательное следствие, назначенное Сенатом. Бог знает, не раскрыло бы оно нечто большее, нежели преступную небрежность...* Если бы Вы, Ваше Величество, не закрыли теперь этого дела, в Вашем распоряжении всегда оставалась бы возможность помиловать этих людей в случае осуждения их. *Теперь же дело просто прекращается, и никто не знает и не узнает истины.* Будь я на месте этих господ, и подскази мне моя совесть, что я не виновен в смерти Столыпина и не несу тяжкого укора за то, что не уберег и моего государя, я просто умолял бы Вас предоставить дело своему ходу и ждал бы затем Вашей милости уже после суда, а не перед следствием».

В сказанном председателем Совета министров обращает на себя внимание то, что он явно пытался сыграть на чувствительной для императора теме его личной безопасности. Но цели своей не достиг. Видимо, начальник Охранной агентуры сумел убедить царя в том, что ему тогда в театре ничего не угрожало. И, видимо, доводы были чрезвычайно веские, раз Спиридович остался на занимаемой должности и нисколько не утратил влияния при дворе.

Второй важный момент, на котором пытался сыграть Коковцов для отмены царской резолюции, — акцентирование на том, что всегда остается возможность помилования уже после суда, который бы выяснил истину. Это лишало возможности Николая II сослаться на соображение гуманности, но также не подействовало. В данном случае самодержец проявил не слишком присущую ему твердость.

А о коковцовском «нечто большем» можно предполагать многое. По странному совпадению в том же 1926 году, когда Лятковский исчерпывающе осветил вопрос о своей встрече с Богровым, выходявший в Праге эмигрантский эсеровский журнал «Воля России» напечатал статью Лазарева. Как мы помним, Богров рассказывал охранникам, что именно через этого представителя ЦК ПСР он познакомился с «Николаем Яковлевичем». По свидетельству Лазарева, Богров пришел к нему в 1910 году и настойчиво просил санкцию ЦК ПСР на проведение террористического акта в отношении Столыпина (ранее они вообще не были знакомы!), на что получил категорический отказ.

Абсурдна сама по себе ситуация, когда анархо-коммунист идет за санкцией на убийство к эсерам. Что мешало ему стрелять как анархисту? Опытному революционеру Лазареву это было очевидно сразу, и он следующим образом обосновал Богрову свой отказ: «...с точки зрения партийной и политической целесообразности, единение в таком ответственном деле социалистов-революционеров с анархистами — недопустимо... Допустим, что акт совершился. Вы, анархист, арестованы... Если партия теперь санкционирует ваше выступление, она не сможет молчать тогда... Но во что тогда превратится партия?.. Для анархистов борьба с государством и правительством всеми средствами есть дело принципиальное. Для нас, социалистов, террористические акты могут быть допустимы только в исключительных случаях и только тогда, когда по совокупности обстоятельств каждый отдельный случай может найти себе достаточное оправдание в общественном мнении... наша партия уже переболела максимализмом. *Как она может теперь сходить с ясно установленной позиции и сближаться с анархизмом? Если нужно*

устранить Столыпина с политической сцены, то партия это должна взять на себя сама, и акт совершить должны ее собственные члены, эсеры, а не анархисты».

Из рассказа Лазарева можно сделать следующий вывод. Кто-то (конечно, отнюдь не революционеры) тогда хотел, чтобы ответственность за устранение Столыпина взяли на себя эсеры, что сразу бы сняло все возможные подозрения. Кому же еще стрелять в премьера, как не представителю ПСР! Тогда всё было бы предельно просто и понятно... Очередной акт революционного терроризма со стороны социалистов-революционеров против «тирана» — никаких недоуменных вопросов ни у кого априори бы не возникло. Но с «привязкой» ПСР не сложилось, и поэтому неестественность произошедшего бросалась в глаза современникам.

Отметим, что ЦК ПСР (небезосновательно полагая, что может оказаться втянутым в крайне сомнительную историю) в октябре напечатал в своем офицозе, газете «Знамя труда», следующее заявление с категорическим отрицанием какой-либо связи с Богровым: «Ввиду появившихся во всех почти русских газетах известий о причастности Партии Соц. — Рев. к делу Дм. Богрова, Центр. Комитет П. С.-Р. заявляет:

Ни Ц. К-т, ни какие-либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Дм. Богрова.

Мы не знаем, кто такой Богров. По одной версии, он — раскаявшийся охранник, по другой — анархист, поступивший в охрану с революционными целями. Быть может, есть какая-либо третья, пока еще не обнаруженная, но соответствующая действительности? Неизвестно...

Допуская даже, что Богров анархист, решивший поступить на службу в охрану с революционными целями, мы всё же не имеем никаких данных для суждения о том, что привело его к такому решению. Легкомыслие? Недостаток моральной чуткости? Наклонность к авантюрам? Или, быть может, безрассудная уверенность, что при наличии царящей кругом апатии и разрухи человеку с революционным темпераментом остается лишь одно: действовать на свой личный страх и риск (прекрасное свидетельство, насколько эффективно Столыпин сумел загнать «бесов» революции в их темное подполье. — *Авт.*)? Опять-таки неизвестно...

Мы можем с уверенностью констатировать лишь два факта. Первое: Богров несомненно какую-то цену — большою или малою, это существа дела не меняет — купил то исключительное доверие, которое оказала ему охрана и благодаря которому он сумел попасть на торжественный спектакль в Киеве. Второе: с момента выстрела в театре вплоть до петли на

шее Богров держал себя с достоинством, благородно, геройски».

Струве написал по горячим следам в статье «Преступление и жертва», что *«киевское событие свидетельствует лишь о вырождении террора и ни о чем более»*. По его мнению: *«Из всех крупных политических убийств, когда-либо совершенных в России, оно есть самое случайное, наименее "органическое"»*. И если с тезисом о «неорганичности» террористического акта нельзя не согласиться, то с уверенностью Петра Бернгардовича, что убийство главы правительства свидетельствует исключительно о «вырождении террора», можно поспорить. Точнее, сам факт подобного явления окончательного разложения революционного терроризма (впрочем, как и всего тогдашнего российского общества) несомненно имел место, но в произошедшей трагедии он сыграл лишь подчиненную роль, будучи использован теми, кто мечтал о смерти председателя Совета министров.

Кому же настолько мешал Столыпин, что был избран вариант убийства? Многим... В том числе лично царю и Александре Федоровне, их ближайшему окружению в лице Дедюлина (скоропостижно скончавшегося в 1913 году) и Распутина (хотя лично друг друга они не переносили), влиятельным правым и ультраправым противникам столыпинского курса из Государственного совета.

Бывший председатель III Думы Гучков (имевший в 1911 году серьезные источники негласной информации) уже в конце жизни в Париже рассказывал бывшему видному дипломату Николаю Александровичу Базили о своем видении тех событий: *«Не знали, как отделаться от Столыпина. Просто брутально удалить не решались. Была мысль создать высокий пост на окраинах, думали о восстановлении наместничества Восточно-Сибирского (при дворе обсуждались также варианты наместничества на Кавказе и назначения послом в одну из европейских стран. — Авт.)... Вот эти люди, которые тоже недружелюбно относились к Столыпину... они нашли, что можно не мешать (многие характеризовали поведение охраны в Киеве именно таким образом. — Авт.). В это время в левых кругах создавалась атмосфера какая-то покушений на Столыпина... Так как у меня были конкретные данные, я, несмотря на мое нерасположение к Курлову, эти сведения ему сообщил (не подстегнуло ли это Курлова, понявшего, что подготовка убийства Столыпина может раскрыться, к немедленным действиям? — Авт.)»*.

Так как предвиделась поездка Столыпина в Киев, то я его предупредил об этом, и у меня определенно сложилось впечатление, что что-то готовится против Столыпина... я всё думал — сказать ему или не сказать, чтобы он остерегался... Я ему не сказал. У меня до сих пор сохранилось

убеждение, что в этих кругах считали своевременным снять охрану Столыпина».

Обращает на себя внимание один аспект, в котором свидетельство лидера партии октябристов сходно с тем, что написала дочь Столыпина. И через много лет после крушения империи и династии они не захотели конкретизировать — какая именно информация находилась в их распоряжении. Думается, что причина подобного бросающегося в глаза умалчивания имеет единую мотивацию.

В эмиграции Гучков постоянно отбивался от обвинений правых кругов в том, что он являлся одним из основных виновников крушения империи Романовых, упорно подчеркивал свои монархические убеждения, и поэтому ему вряд ли хотелось выдвигать прямые обвинения против погибшего мученической смертью императора.

Конечно, это не может служить основанием для подозрений лично против Николая II. Всё, что известно о его характере, ни в коей мере не дает возможность подозревать в нем верховного руководителя заговора против собственного премьера. Но ряд высших должностных лиц империи, которые были напрямую заинтересованы в устранении Столыпина, прекрасно знали реальное отношение государя к главе правительства и, возможно, считали, что фактически исполняют его невысказанное пожелание. При этом они могли с большой долей уверенности предполагать, что даже в критической ситуации самодержец не даст привлечь их к ответственности.

А ненависть с их стороны была настолько велика, что Фредерике и Дедюлин демонстративно пытались унизить главу правительства. В Киеве премьер не получил положенного ему придворного экипажа, его постоянно не включали в число сопровождающих Николая II, не пригласили в царскую ложу на ипподроме, в которой собрались все высшие сановники. Обращение с ним ближайшего окружения царя произвело на Столыпина настолько гнетущее впечатление, что он так ответил на вопрос Коковцова о причинах «сумрачности»: «...у меня сложилось за вчерашний день впечатление, что мы с вами здесь совершенно лишние люди, и всё обошлось бы прекрасно и без нас».

Приехав в Киев, Столыпин был уверен, что ему недолго осталось возглавлять правительство. Противоречия с царем зашли настолько далеко, что премьер собирался подать в отставку. А один из ближайших сподвижников премьера — главноуправляющий земледелием и землеустройством Александр Васильевич Кривошеин — считал отставку делом окончательно решенным. По его словам, для устранения

председателя Совета министров только искали «формы и поводы для... перемещения на невлиятельный пост».

Но с отставкой (о которой говорили уже давно) дело обстояло не так просто, как представлялось будущему главе врангелевского правительства Юга России (который в 1920 году пытался в Крыму возродить столыпинский курс реформ). Уже указывалось, что предыдущая отставка Столыпина царем принята не была. Как ответил, не слишком затрудняя себе объяснениями, император: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать».

Не было никакой гарантии, что на этот раз он поведет себя иначе. Да, наиболее вероятно, что рано или поздно Николай II сменил бы председателя Совета министров, но когда именно это случится — определенно предсказать было невозможно. А для некоторых противников Столыпина каждый день его пребывания у власти мешал исполнению их планов, а иногда и угрожал крайне неприятными последствиями. Исходя из этого, вряд ли можно считать убедительным аргумент о том, что придворной клике не имело смысла насильственно устранять Столыпина по причине его близкой отставки.

Так, можно с очень большой долей вероятности допустить, что одним из движущих мотивов действий Курлова была назначенная Столыпиным ревизия секретных фондов МВД, которая должна была начаться сразу по окончании киевских торжеств. У шефа жандармов была репутация человека весьма нечистоплотного в отношении казенных средств (особенно после скандального развода и женитьбы на обладавшей незаурядными запросами молодой красавице-графине Армфельдт), и вряд ли он преодолел соблазн запустить руки в почти неконтролируемые секретные фонды. А обнаружение крупных хищений (согласно ряду свидетельств, министр внутренних дел уже получил конкретную информацию по этому поводу) грозило не только увольнением — Столыпин бы обязательно добился предания виновных суду. В этом ему бы не смог помешать даже всемогущий Дедюлин.

Встреча Богрова с Лазаревым доказывает, что подготовка покушения на Столыпина не была импровизацией, а велась достаточно давно. Возможно, всё так бы и осталось неосуществленным резервным вариантом, если бы не спусковой крючок в виде приближения ревизии секретных фондов. Курлов не мог дожидаться гипотетической отставки Столыпина и готов был «подыграть» царскому окружению (тому же дворцовому коменданту) в устранении своего начальника любыми способами, причем даже без получения конкретного приказа. Особенно

если ему была ранее (возможно, перед беседой «Аленского» с эсеровским представителем) гарантирована безнаказанность.

Единственный человек, который мог дать такие гарантии Курлову, — это Дедюлин. Можно было бы еще вспомнить Распутина — как мы помним, ряд его действий (и наличие мотивов) делает подобное допущение правдоподобным, но всё же дворцовый комендант больше подходит на роль главного руководителя антистолыпинского заговора. Его положение было несравненно прочнее, чем у «старца», а влияние на царя и весь бюрократический аппарат значительно осязаемее и надежнее. Дворцовый комендант мог действовать не через мистически настроенную императрицу, а напрямую через императора. Да и его собственного влияния было достаточно, чтобы решить практически любой вопрос.

Однако Курлов в силу своей профессиональной некомпетентности никак не мог быть непосредственным техническим организатором покушения. На данную роль более всего подходит великолепный специалист по работе с секретной агентурой и тонкий знаток ее психологических особенностей Спиридович. Амбициозный жандармский полковник был давно ориентирован на Курлова и связывал с ним свои дальнейшие карьерные планы. Для ученика великого агентуриста Зубатова отнюдь не было невозможным разработать план задержания в покушении осведомителя без риска для безопасности императора. Тем более Спиридович официально отвечал только за охрану царя и поэтому ничем особо не рисковал даже в случае начала серьезного расследования.

В свою очередь, Веригин и особенно Кулябко были фигурами несамостоятельными, и можно было быть уверенным в исполнении ими всех полученных указаний своих патронов. Вероятно, начальник Киевского охранного отделения, полностью находившийся под влиянием Спиридовича, был изначально предназначен на роль «стрелочника», что, впрочем, грозило ему не больше, чем увольнением со службы.

Почему в чужой для него игре участвовал Богров, определенно сказать нельзя. Как, впрочем, нельзя сказать, что его изначально толкнуло в объятия охранки... Возможно, «Аленскому» просто нравились игры со смертью, а жизнь не представляла ценности. Например, он писал в одном письме в конце 1910 года: *«Я стал отчаянным неврастеником... В общем же всё мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дело»*. Или можно привести не менее показательный отрывок из одного письма Богрова: *«Нет никакого интереса в жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика позволит. Тоскливо,*

скучно, а главное одиноко...»

А вот чрезвычайно интересная и, на наш взгляд, абсолютно психологически достоверная характеристика Богрова, принадлежащая видному большевику Иуде Соломоновичу Гроссману (псевдоним Рощин), который начинал свою революционную деятельность анархистом-коммунистом: «Помню его таким: высокого роста, худой, на щеках разлит румянец — но не производит впечатления физического избытка, скорее румянец чахоточного. Этот румянец придает характер болезненной молоджавости. Губы чуть отвисают, открывая выступающие, чрезмерно длинные, передние зубы... В лице нет движения. Оно недоуменно застыло... Говорят: Богров — весельчак, Богров искрится остроумием. Ни разу он на меня такого впечатления не производил. Наоборот. Казалось, что этот человек никогда не знал простой радости, не знал "глупого" счастья, не изведal приступа буйства жизни... В душе была осень, мгла... Был ли Дмитрий Богров романтиком? Нет. В нем жило что-то трезвенное, дедаческое, запыленно-будничное, как вывеска бакалейной лавочки... Я очень легко себе представляю Богрова подрядчиком по починке больничных крыш, неплохим коммивояжером шпагатной фабрики... И он бы серо и нудно делал нудное дело. Но точно так же представляю себе и такой финал: в местной газете, в отделе происшествий, появляется петитом набранная заметка: "В гостинице 'Мадрид' покончил самоубийством коммивояжер шпагатной фабрики Д. Богров. Причины самоубийства не выяснены...".

Да, романтика Богрова — если о ней можно говорить — то только как бы протест против нудной обыденщины и смертоносной "обнаженности", что жила в нем и грызла его. Я ни разу не видел Богрова просто веселым, радостным, упоенным предстоящей борьбой и риском. Я помню Богрова оживленным только тогда, когда он острил... А остричь он любил. Но было нечто своеобразное в этих островах. Казалось, дайте Богрову сырой материал мира, и он всё построит по образу и подобию парадоксальной остроты...

С Богровым я встретился в Париже. Он был всё тот же. Внутренне безрадостный, осенний. Он по-старому — жутко острил. Подозрения (имеются в виду подозрения о сотрудничестве с охранным отделением. Они возникали в отношении доброй половины участников революционных организаций, поэтому особо всерьез их, как правило, не принимали. — *Авт.*) то возникали, то опять исчезали... Дмитрий Богров не делался от этого ни более осенним, ни более "остроумным".

Что побудило Дмитрия Богрова на покушение?.. — Кто скажет?

Может, надоело "острить"?..

Может, Дмитрию Богрову не только надоели тщетные попытки заполнить внутреннюю пустоту?.. Может, им двигало и нечто другое. Ведь Богров — в этом я убежден — презирал до конца хозяев политической сцены, хотя бы потому, что великолепно знал им цену... Может быть, Богрову захотелось, уходя, "хлопнуть дверью", да так, чтобы нарушить покой пьяно-кровожадной, дико-гоголющей реакционной банды?»

Да и вообще — возможно ли с позиций логики и здравого смысла анализировать действия человека, как будто сошедшего со страниц одного из романов Достоевского? О совершенном равнодушии к жизни свидетельствует, в частности, и поведение Богрова после оглашения приговора. Достаточно было подать кассацию, и только это оттянуло бы казнь (а в случае отклонения кассации существовала еще возможность обратиться лично к царю за помилованием).

Хотя и тут возможны варианты. Возможно, его действия определяла таинственно исчезнувшая из театра женщина, которую потом охранка и не подумала установить и допросить (никакой трудности это не представляло — все билеты были именными и выдавались по спискам)? В конце концов, многое в истории человечества объясняется знаменитым французским выражением «cherchez la femme».

Увы, ключевые участники и свидетели тех событий, в силу разных причин, унесли с собой в могилу известные им тайны. В отличие от них находившийся в эмиграции вождь большевиков знал о киевских событиях только из газет, но в статье, посвященной смерти Столыпина, точно отметил, что его политическая биография «есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии». В полной мере это относится и к насильственной смерти премьера, для которого несравненно более опасными оказались «стоящие у трона» враги, чем революционные террористы.

А последним было чему радоваться. Им сразу стало ясно то, что Крыжановский констатировал уже после катастрофы революции: «Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покатила под гору и сама Россия». В этом была закономерность истории — великие реформы требовали великого реформатора, а без них империя Романовых была обречена...

Но всё же, пожалуй, лучше всего закончить нашу книгу словами известного православного публициста начала прошлого века Александра Петровича Аксакова, который, несмотря на понимание всего неизмеримого трагизма гибели главы правительства (особенно учитывая, что хоть

скольконибудь равнозначной фигуры на замену ему перед грядущими тяжелыми испытаниями не было), считал, что кровь потомка святого благоверного князя Михаила Черниговского была пролита не даром и есть все основания для исторического оптимизма: «Свершилось; нет в России П. А. Столыпина. Как 30 лет тому назад, 1 марта 1881 года, у России был отнят великий Царь Освободитель, которому сейчас, с юбилейных дней 19 февраля, благодарное крестьянство ставит по лицу всей русской земли тысячи памятников, притом отнят в такую минуту, когда он готовился даровать новые блага народу, — так и 1 сентября 1911 г. вырван из жизни русского государства лучший гражданин русский, могучий защитник родины и вернейший слуга Царя. Отнят в то время, когда проведением закона о землеустройстве он так блестяще завершил освободительную реформу 19 февраля 1861 года и с великим усилием проводил его в жизнь народную...

Кто бы ни был подлый убийца — революционер ли, продававший с юношеских лет своих товарищей и в то же время активно участвовавший в революционной работе, или же изобличенный охранник, под страхом смерти взявший на себя позорную роль палача, — рука его во всяком случае могла быть направлена только врагами единой, мощной и славной России, врагами ее развития на благо народное и на страх ее врагам...

Невозможно, однако, чтобы ничтожества явились вершителями судеб великих народов; как ни прикрывают они свой ничтожный рост, увеличивая свою силу при помощи динамита и направленных из-за угла браунингов, они остаются всё же величинами неизмеримо малыми в великом историческом потоке. Жизнью народов руководят неизменные законы роста и здорового развития, установленные Божественным Промыслом, и только великие люди, согласующие свои действия с этими законами, оставляют след в жизни народов, дают толчок их движению ко благу, а имена их заносятся в скрижали истории. Дела же презренных убийц предаются забвению, и они не могут отразиться на жизни великого народа русского, на будущем великой России.

Столыпин убит, но великий его труд, дело его жизни живы, и жертва им принесена не даром. Став во главе правительства в минуту революции, когда Россия была охвачена безобразной смутой, он прежде всего подавил ее и восстановил порядок и уважение к власти. Достиг он этого не одной только силой, а нравственным обаянием своей личности и тем, что доказал обществу и законодательным учреждениям, что честность и правда на стороне правительства, а деятели революции, называющие себя друзьями народа, выведенные к свету, оказались только убийцами и грабителями.

Достигнув известного покоя и порядка в стране, он привел Россию к представительному строю. После двух революционных Дум, по воле Самодержавного Государя, даровавшего новый избирательный закон, он создал третью Государственную Думу и работал с народными представителями до конца жизни. Теперь никто из преданных русской государственной идее граждан русских не сомневается, что установившийся строй прочен и неизменен. Никогда еще, ни в одной стране это трудное изменение строя, т. е. строя дореформенного в строй представительный не совершалось так быстро, так безболезненно и с такими ничтожными потерями, в таком порядке и стройной системе. Правительство, во главе которого стоял Столыпин, не могло работать, не имея основной идеи государственного строительства; прежние шатания государственной политики, не только в зависимости от лица или учреждения, стоящего во главе правительства, но и в зависимости от начальников отдельных ведомств, были несовместимы с новым представительным строем и тем единством, которое должно быть обязательным при этом строе между членами Совета Министров...

Что же завещал нам тот, чьи уста и в минуты предсмертной агонии шептали, мысленно обращаясь к нам: "граждане! граждане!.."

Он завещал нам любовь к России и к русской народности, любовь, требующую от нас готовности жертвовать родине всем, — до жизни включительно... Он завещал нам свою любовь к исконной вере Православной и особые заботы о процветании ее... Он завещал нам любовь к свободе, но не к той свободе, которая доступна только верхним, более обеспеченным классам и остается пустым звуком для всего народа русского, а к свободе, построенной на основе хозяйственного благосостояния земледельческого населения, составляющего огромное большинство русских людей, которая может сделаться достоянием всех русских граждан, без различия положений и состояний. Он завещал нам поэтому особые заботы о подъеме благосостояния крестьянского населения, о его просвещении и о внесении в жизнь его порядка и законности. Наконец, он призывал нас к общей, дружной, основанной на взаимном доверии, честной работе, как истинных граждан своей родины, на всех ступенях государственного дела, а равно в областях хозяйственной, промышленной, так как честный, добросовестный и упорный труд может дать благосостояние, просвещение и свободу каждому, созидая в то же время богатство и могущество всего государства.

Таковы заветы П. А. Столыпина; они не умрут, они останутся жить в сердцах русских людей. Ужасный выстрел, сразивший усталого и тленного

человека, дал бессмертие его заветам, дал им только новую силу.

Не говори он умер; он живет;

Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо губернаторам от 20 июня 1906 года

Секретно
циркулярно
гг. губернаторам

Согласно полученным сведениям некоторые члены Государственной думы обращаются иногда к гг. губернаторам, письменно или по телеграфу, с запросами о причинах содержания того или иного лица под стражею, о действиях чинов полиции во время аграрных беспорядков и проч.

Принимая во внимание, что законоположением о Государственной думе членам ее не предоставлено права требовать от местной административной власти каких-либо сведений и разъяснений по действиям, коими, по их мнению, нарушаются существующие законоположения, прошу Ваше Превосходительство, в случае обращения к Вам с запросами по сему предмету членов Государственной думы, не сообщая просимых сведений, в ответных Ваших отзывах уведомлять, что таковые сведения могут быть затребованы лишь в порядке, указанном в статье 58 Учреждения] Государственной] думы.

Подписал: Министр внутренних дел П. Столыпин.

Скрепил: Директор Трусевич.

Письмо председателю Совета министров И. Л. Горемыкину

25 июня 1906 года

Глубокоуважаемый Иван Логгинович,

Считаю долгом обратить Ваше внимание на бунт в 7-м кавалерийском полку в Тамбове. Неужели он останется безнаказанным?

Если не будет примерного и сурового наказания, то эти бунты будут заурядными.

Бунт этот тем более непонятен, что его ждали.

Искренне преданный Вам Ваш покорнейший слуга

П. Столыпин.

Письмо министру финансов В. Н. Коковцову

30 ноября 1906 года

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич,

Письмо Ваше является, вероятно, последствием какой-нибудь моей неловкости или неумелости в личных сношениях. Я теперь в такой тревоге вследствие внезапного весьма опасного поворота в болезни дочери (воспаление в обоих легких), что, быть может, что-нибудь сделал или сказал не так, как следовало бы. Простите меня.

Теперь по существу: раз в такую трудную историческую минуту, когда власть не представляет никакой улады, а все мы стараемся лишь целиком себя использовать, пожертвовать лично собою, только бы вывести Россию из ужасного кризиса, если в такую минуту, перед самою Думою, Вы решаете уйти, то причиною этому, конечно, только я.

Вам известно, что, несмотря на все споры в Совете, все мы твердо уверены, что пока Вы ведаете финансами, для них нет опасности, в этом убеждена и Европа. Благодаря даже этой в Вас уверенности все, вероятно, и просят денег, думая, что Вы сумеете устроить. Вы, таким образом, необходимы и России, и Государю. Для меня это ясно.

Я совсем в другом положении. Никогда я себя не переоценивал, государственного опыта никакого не имел, помимо воли выдвинут событиями и не имею даже достаточно умения, чтобы объединить своих товарищей и сглаживать создающиеся меж ними шероховатости.

При таком положении, конечно, должен уйти я, а не Вы.

Всё это я не премину представить на благоусмотрение Его Величества, но так как до Вашего доклада я, ввиду болезни дочери, не успею побывать в Царском, писать же об этом неудобно, то прошу извинить, если пройдет несколько дней.

Искренне Вам преданный

П. Столыпин.

Письмо Ф. А. Головину

21 марта 1907 года

Срочное

Милостивый Государь, Федор Александрович.

Вследствие письма от 16 сего марта, имею честь уведомить, что сообщенный Вами проект новых правил об охранении порядка в помещениях Государственной думы и о допущении в заседания Думы посторонних лиц я затрудняюсь поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению по нижеследующим соображениям:

1) Упоминание в ст. 3 о предоставлении особых мест «для тех членов Государственной думы прежнего созыва, присутствие которых в Думе при обсуждении того или иного вопроса председатель Думы признает желательным» едва ли удобно после того, как самая деятельность Государственной думы первого созыва подверглась торжественному осуждению с высоты Престола в качестве явно незакономерной, а значительная часть членов ее привлечена к уголовной ответственности по обвинению в тяжком государственном преступлении; помимо сего, представляется непонятным, почему именно присутствие тех или иных лиц в заседании Думы в качестве посторонних зрителей вообще могло бы признаваться «желательным» или «нежелательным»; если же усматривать в отмеченной части правил указание на возможность какого-либо участия или содействия членов первой Думы в занятиях нынешнего состава последней, то подобное правило стояло бы в явном противоречии с законом, по силе коего состав Государственной думы ограничивается членами, избранными на данное пятилетие.

2) В той же ст. 3 п. б упоминается о местах «для лиц, приглашенных председателем Думы или комиссиями Думы в качестве сведущих лиц». Между тем, из Учреждения Государственной думы отнюдь не вытекает, чтобы в заседания последней или ее отделов и комиссий могли быть приглашаемы какие-либо сведущие лица. По общему началу, усвоенному нашим законодательством, право председателей всякого рода собраний и присутствий приглашать для заслушания объяснений сведущих лиц не предполагается, а должно быть определено указано в законе. Соответствующие оговорки и содержатся в подлежащих узаконениях, например, в ст. 74 Учреждения Государственного совета, предоставляющей председателям департаментов последнего право приглашать для объяснений сведущих лиц. Посему в тех случаях, когда подобное право не оговорено, как не оговорено оно, например, в Учреждениях Правительствующего Сената и Государственной думы, сведущие лица не могут быть приглашаемы в заседания сих учреждений.

Эти общие соображения находят себе прямое и совершенно ясное подтверждение и в законодательных мотивах, положенных в основание Учреждения Государственной думы. В первоначальном проекте сего Учреждения, внесенном бывшим министром внутренних дел, гофмейстером Булыгиным в Совет министров, на который возложено было изыскание способов к осуществлению высочайших предначертаний, возведенных в рескрипте 18 февраля 1905 г., имелась статья следующего содержания: «В заседания отделов Государственной думы и комиссий, при них образуемых, могут быть приглашаемы председателями отделов, для представления объяснений, лица, кои знаниями и опытом своим могут быть полезны». Статья эта при обсуждении проекта была, однако, исключена. «Совет министров, — говорится по сему предмету в Высочайше утвержденной мемории последнего, — находил бы осторожным исключить правила о допущении в отделы Думы посторонних лиц для представления объяснений, так как, с одной стороны, при этом легко мог бы извратиться самый характер заседаний отделов Думы, а с другой, в этом едва ли будет настоять надобность и по существу, ввиду наличия в значительном по численности составе Думы лиц, обладавших разносторонними местными и профессиональными познаниями (мемория стр. 14)».

Таким образом, право приглашения сведущих лиц для объяснений, предоставленное председателям департаментов Государственного совета, определенно и с прямым намерением исключено законодателем из Учреждения Государственной думы. Правительство обязано посему рассматривать всякую попытку приглашения посторонних сведущих лиц в заседания Государственной думы, ее отделов и комиссий как прямое и весьма серьезное нарушение предоставленных ей пределов власти и противиться сему всеми имеющимися в его распоряжении средствами, а, следовательно, упоминание о приглашаемых сведущих лицах ни в каком случае не может иметь места в повергаемых на Высочайшее утверждение правилах.

3) В той же ст. 3 проектируется постановление о том, что сообщение между правой стороной галереи, предназначенной для упомянутых выше лиц, и кулуарами Думы должно быть открыто, то есть отменяется в соответствующей части правило, действующее ныне. Между тем, если подобное изменение проектировалось ввиду предположений о возможности допущения сказанных лиц к участию в трудах Думы и ее отделов и комиссий, то за устранением этого предположения, по несоответствию его с законом, проектируемое правило, как лишнее, само собою отпадает. Если же проект исходит из мысли о желательности

допустить общение публики и членов Думы в кулуарах последней, то с таковым предположением я затрудняюсь в какой-либо мере согласиться. Опыт первой Думы показал всё неудобство подобного порядка для интересов спокойствия и правильности ее занятий. У самых дверей залы заседания образовывались шумные митинги, на которых самозванные советчики из посторонней публики и представители политических партий пытались диктовать членам Думы их поведение в последней, чего нередко и достигали. Случалось при этом, что посторонние лица проникали в самый зал заседания, а однажды приставом Думы были замечены и удалены два посторонних лица, сидевшие в зале на местах, предназначенных для членов Думы, и принимавшие участие в голосовании. Подобное положение вещей, создающее опасность постороннего давления на членов Государственной думы, представляется, конечно, совершенно нетерпимым. В видах устранения сего в законодательных собраниях западноевропейских государств, далеко опередивших нас и в культурном развитии, и в политическом опыте, по крайней мере, в большинстве из них (например, в Английском парламенте, в Германском рейхстаге, в Прусской палате депутатов), посторонняя публика в кулуары не допускается; в этих же видах выполнены были и у нас сложные работы по перестройке Таврического дворца, целью которых именно и являлось разобщение публики от членов Государственной думы, а потому согласиться на допущение хотя бы некоторой части посторонних лиц в кулуары я считаю совершенно невозможным.

4) Проектируемый ст. 7 трехдневный срок, предоставляемый заведующему охраной Таврического дворца для собрания справок о представителях печати, должен быть признан слишком кратким по отношению к лицам, не проживающим постоянно в С.-Петербурге, тем более, что срок этот предположено исчислять с момента отправки извещения, а не действительного его получения заведующим охраной.

5) По смыслу ст. 8 проекта билеты, выдаваемые чрез посредство членов Государственной думы, свободны от контроля заведующего охраной Дворца.

Не сомневаясь, с своей стороны, что члены Думы будут передавать билеты только лицам, благонадежность коих стоит в их глазах вне всяких сомнений, я полагаю, однако, что обстоятельство это не исключает возможности добросовестных ошибок; посему едва ли есть основание лишать заведующего охраной принадлежащего ему ныне права не соглашаться на допущение в Таврический дворец тех или иных посторонних лиц, тем более, что пользование этим правом до сих пор не

давало повода к каким-либо нареканиям и впредь будет, конечно, осуществляться заведующим охраною с тою же осторожностью.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин.

Примечание: 1. Федор Александрович Головин (1867–1937) — председатель II Думы, земский деятель, один из основателей кадетской партии. 20 февраля 1907 года, на первом заседании II Думы, большинством голосов (356 из 518) был избран председателем. Пытался наладить взаимодействие с правительством, но не был поддержан большинством кадетов и левыми. Депутат III Думы, в которой он работал в Крестьянской комиссии. После Февральской революции — комиссар учреждений бывшего Министерства императорского двора и уделов. После Октябрьской революции служил в советских учреждениях. Расстрелян в 1937 году по обвинению в принадлежности к антисоветской организации.

2. Александр Григорьевич Булыгин (1851–1919) — государственный деятель. С 1888 года калужский, с 1893 года московский губернатор. С 1902 года помощник московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, в рабочем вопросе являлся сторонником «зубатовщины». С января 1905 года министр внутренних дел. С одобрения Николая II разработал проект законосовещательной Думы и указ о веротерпимости. После опубликования Манифеста 17 октября ушел в отставку. В 1905–1917 годах — член Государственного совета. Расстрелян ВЧК в порядке осуществления «красного террора».

Письмо Николаю II

17 апреля 1907 года

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что, как видно из прилагаемого стенографического отчета, члену Думы Зурабову (армянин), оскорбившему армию, было сделано замечание, и он лишен был слова.

Между тем на вопрос Головина, сделанный мне по телефону во время перерыва заседания, о том, какой исход дела я признавал бы желательным, я ответил ему, что министры не вернутся в зал заседаний, если Зурабов не будет на это заседание из Думы исключен.

Не исполнив этого условия и будучи, вероятно, смущен моим распоряжением о том, чтобы сегодня вечером представители министерства

не явились в думские комиссии, Головин просил, чтоб я его принял, и был у меня в 12 часов ночи.

Он очень смущен и говорит, что не мог выполнить мое желание, ввиду отказа польского коло голосовать за исключение Зурабова, — без поляков же не образовывалось большинства, и предложение было бы отклонено, что еще ухудшало бы положение.

Я ему объяснил, что, во всяком случае, сделанным Зурабову замечанием я не считаю уничтоженным оскорбление, нанесенное в Думе русской армии, и что, пока Дума не даст достаточного удовлетворения армии, военный министр в Думе не покажется.

При этом я позволил себе упомянуть, что знаю, насколько чувствительно Ваше Величество относитесь ко всему, касающемуся чести армии, и что Дума должна помнить и об обязанностях своих к Вам, Государь, как к верховному вождю армии.

На вопрос Головина, что я советую ему делать, я сказал ему, что Дума в глазах правительства покажет желание удовлетворить армию, если 1) примет переход к очередным делам с выражением уважения к доблестной русской армии и уверенности в беззаветной ее преданности родине и царю и 2) если Головин завтра же сделает визит генералу Редигеру с извинением за происшедшее.

Головин обещал мне всё сделать, чтобы провести первое мое предложение, и обещал завтра же быть у военного министра. Не мог я не высказать Головину, что в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы.

Председатель Совета министров
Столыпин.

Примечание: 1. Избранный от Тифлиса социал-демократ Аршак Герасимович Зурабов (1873 —?) на закрытом заседании Государственной думы 16 апреля 1907 года при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев заявил следующее: «Исходя из того соображения, что современная армия, во-первых, отрывает от производительного труда главные массы трудящегося населения, что ложится тяжелым бременем на самое общество, что современное нам самодержавное правительство, беря эти самые общественные силы, главным образом, трудящиеся, направляет их против самого народа, — признавая всё это и признавая также, что наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонять и будет всегда терпеть поражения на Востоке».

2. Генерал от инфантерии Александр Федорович Редигер (1853–1920) с июня 1905-го по март 1909 года занимал пост военного министра Российской империи. Член Совета государственной обороны (1905–1909), член Государственного совета с 3 ноября 1905 года. Умер 26 января 1920 года в Севастополе от кровоизлияния в мозг, похоронен на городском кладбище.

Письмо Николаю II

24 июня 1907 года

Вашему Императорскому Величеству, 12/25 минувшего мая, министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского доложен был проект предложения сейму Финляндии, с законопроектом о промыслах, причем, как видно из его письма ко мне от 30 мая/12 июня сего года, генерал-лейтенант Лангоф довел до Высочайшего сведения, что проект представлен на утверждение Вашего Императорского Величества без предварительного сношения с министрами Империи.

Необходимости в таком сношении генерал-лейтенант Лангоф не усматривал ввиду того, что, согласно объяснениям его, интересы Империи в этом законопроекте лишь затрагиваются по вопросу о тех правах, которые по новому законопроекту предположено предоставить в отношении производства промыслов уроженцам Империи, причем права эти сравниваются с таковыми же правами финляндских граждан; посему означенный проект не относится, по мнению министра статс-секретаря Финляндии, к тем постановлениям, по которым закон 1 августа 1891 года требует предварительных сношений с имперскими властями.

В действительности же, законопроект о промыслах вовсе не уравнивает нефинляндцев, а в их числе и русских с финляндцами, так как, согласно § 15, только финляндские граждане будут пользоваться избирательным в промысловые депутаты правом. Такое ограничение в правах русских в Финляндии несомненно затрагивает интересы Империи, а потому министру статс-секретарю и надлежало запросить для доклада Вашему Величеству заключения имперских ведомств. Независимо от сего, я полагаю, что вообще всякий финляндский законопроект, даже уравнивающий права финляндских и русских уроженцев в Финляндии, ближайшим образом касается интересов Империи и имперских ведомств. Так, например, предоставление русским уроженцам, наравне с

финляндскими, права союзов и собраний могло бы вызвать возражения со стороны Министерства внутренних дел, которое в интересах охраны внутреннего спокойствия Империи высказалось бы, если бы спрошено было его заключение, против предоставления упомянутых прав русским в Финляндии, по крайней мере, в нынешнее время. Между тем, с точки зрения министра статс-секретаря, подобный вопрос также не подлежал бы предварительному заключению имперских ведомств.

О таком неправильном толковании, которое дает Высочайшему постановлению от 1 августа 1891 г. министр статс-секретарь Финляндии, всеподданнейшим долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, присовокупляя, что одновременно с сим я предполагаю войти в сношение с генерал-лейтенантом Лангофом на предмет доставления вышеуказанного законопроекта о промыслах, по рассмотрении его сеймом и до доклада Вашему Императорскому Величеству, на заключение подлежащих министров Империи.

Председатель Совета министров Столыпин.

Примечание: Генерал-лейтенант Карл Фридрих Август Федорович Лангоф — в 1899–1904 годах командир лейб-гвардии Семеновского полка, в 1907 году министр, статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского.

<i>Письмо товарищу министра юстиции М. Ф. Люце</i>
---

31 июля 1907 года

Милостивый Государь, Михаил Федорович.

Иркутский генерал-губернатор уведомил меня, что, объехав лично Красноярский, Енисейский, Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии, он убедился, что революционная деятельность в губернии, хотя и не имеет того острого характера, как это было год тому назад, тем не менее, она настолько еще серьезна, что заставляет администрацию напрягать всё свое внимание. Так, в ночь с 7 на 8 июня, в гор. Красноярске, революционеры пытались, нападением на гауптвахту, убийством караульного офицера и выпуском арестованных нижних чинов, создать вооруженную толпу, предводительствуемую двумя офицерами с революционными флагами и двинуть ее к тюрьме, освободить затем арестантов и попытаться захватить власть в городе. Преступное намерение это, однако, не удалось в самом начале, причем жертвами оказались только

караульный офицер, убитый в караульном помещении на глазах всего караула, а также несколько лиц из числа нападавших и убежавших с гауптвахты. Вслед за сим, 11 минувшего июня в гор. Красноярске революционерами произведено одновременно обстреливание гауптвахты, тюрьмы, станции железной дороги и других учреждений. 15 того же июня в Красноярске днем, на многолюдной улице, убит революционерами смотритель тюрьмы. За последнее время произведен ряд дерзких ограблений, приписываемых также участием революционных элементов, так, напр[имер], были совершены нападения: в мае — на Знаменский скит, вблизи Красноярска, в минувшем июне — на артельщика акцизного управления, сопровождавшееся убийством стражника и ограблением 1000 рублей, и пр.

В городе Енисейске, в здании городской управы, в книжном складе Общества попечения о начальном образовании, обнаружено распространение секретарем городской думы нелегальной литературы.

В Минусинском уезде ведется усиленная агитация среди крестьян, причем задержано террористов с перепискою, указывающей на связь с убийством в Красноярске смотрителя тюрьмы и с организациями в городах Иркутске и Томске.

В Ачинском уезде агитация ведется как среди старожил-крестьян, так и среди переселенцев, в городе же Ачинске во время проезда генерал-губернатора готовилось покушение взрывом бомбы.

Преступные организации городов Сибири: Иркутска, Читы, Красноярска, Томска, Енисейска, Минусинска и многих других, — по полученным сведениям, вошли между собою в тесную связь.

Администрация в лице и. д. губернатора камер-юнкера Гирса и подведомственных ему органов в пределах всякой возможности принимает решительные меры к подавлению брожения и локализации преступного элемента, но она не в силах уничтожить в корне политическую агитацию, так как деятели революционных партий встречают не только сочувствие, но и поддержку со стороны тех должностных лиц, которые, и по своему положению, и по долгу присяги, обязаны подвергать их строгому преследованию. Так, администрация могла бы с полным успехом решительно бороться с распространением революционных организаций при условии быстрого и беспристрастного суда, между тем губернатору, по крайней мере, в Минусинском уезде, в лице чинов судебного ведомства, приходилось встречать только одно противодействие раскрытию политических преступлений и видимое желание тем или иным способом если не совсем прекратить дело, то, по крайней мере, его ослабить.

Из данных, свидетельствующих о вредной и нежелательной деятельности чинов судебного ведомства усматривается, что одним из активных деятелей от преступных организаций выступал мировой судья Максимов, который, разделяя революционные убеждения, участвовал на устраиваемых в гор. Минусинске митингах, где говорил речи противоправительственного содержания; на этих же митингах пелась «Марсельеза». 18 июня 1906 года Максимов устроил собрание, где допустил говорить ораторам противоправительственные речи, а затем ушел, оставив собрание не закрытым, чем дал возможность ему продолжаться. В период предвыборных собраний второго созыва Государственной думы, состоя председателем избирательного съезда, мировой судья Максимов принимал меры к освобождению из тюрьмы политических арестантов, оказавшихся затем выборщиками от волостей, и допустил в помещение съезда для агитации постороннее лицо. Ввиду таких данных постановление Енисейской губернской по делам о выборах в Государственную думу комиссии было, указом Правительствующего Сената от 15 июня 1907 года, отменено, причем определено о действиях председателя съезда уполномоченных мирового судьи Минусинского уезда Максимова довести до сведения министра юстиции. Между тем ныне названный Максимов назначен товарищем прокурора Красноярского суда в гор. Красноярске, и ему поручено наблюдение за политическими делами. Таким образом, Максимов получил назначение из отдаленного уездного города в губернский город и возможность влиять на ход дел политического характера.

Судебный следователь 5-го участка Красноярского окружного суда Вонаго, будучи революционных убеждений, принимал участие на всех устраиваемых в гор. Минусинске митингах, где говорились противоправительственные речи и пелась «Марсельеза», причем на одном из таковых провел записку о законности митингов и собраний. При производстве следствий по делам политического характера Вонаго, стараясь оправдать обвиняемых, не записывал полностью показаний свидетелей, говоря им, что данного обстоятельства показывать не надо, так как об этом они показывали уже жандармским властям. По сообщению иркутского генерал-губернатора, Вонаго и до настоящего времени остается в прежней его должности.

Прокурор Красноярского окружного суда Верещагин дал начальнику Енисейского губернского жандармского управления предложение о прекращении возбужденной им, в порядке положения об охране, переписки по раскрытию комитета революционных митингов, происходивших в 1905

и 1906 гг. в Минусинске и вообще на почве формальности проявляет стремление воспрепятствовать жандармскому надзору раскрыть означенный комитет, в котором, несомненно, участвовали и чины судебного ведомства.

В то время, когда судебные власти в пределах ведомства Красноярского окружного суда оставляют ряд крупнейших политических преступлений по недоказанности без преследования, а местные тюрьмы переполнены тройным комплектом арестантов, обвиняемых в простых кражах и других незначительных преступлениях и числящихся в течение долгого времени за судебными следователями, прокурор Красноярского окружного суда Верещагин, по сообщению генерал-лейтенанта Селиванова, настойчиво требует предания суду лиц жандармского надзора за всякое сравнительно ничтожное упущение. Так, например, на станции Канск, 4 апреля сего года, жандармским унтер-офицером Флоровым был задержан неизвестный человек, показавшийся ему подозрительным, ввиду отсутствия у сего лица вида на жительство и нахождения в вещах японской медали, полученной во время пребывания его в плену. Так как жандарм заподозрил в задержанном японского шпиона, то он и отправил его в полицию, откуда арестованный, по установлении личности, был освобожден. Прокурор Верещагин, осведомясь об этом, настойчиво требует предания жандармского унтер-офицера суду по преступлениям, предусмотренным 348 и 349 ст. Улож. о нак. за его, будто бы, неосновательные и незаконные действия при исполнении им служебных обязанностей.

Подобные требования о предании суду младших чинов жандармского полицейского надзора предъявляются прокурором Верещагиным и к губернской администрации.

Действия прокурора Верещагина находят себе объяснение в том обстоятельстве, что еще в прошлом году он состоял членом Партии народной свободы, т. е. партии, требующей в своих программах Учредительного собрания и предлагавшей не платить податей. Ныне, если согласно предъявленному требованию Верещагин наружно и вышел из состава этой партии, то едва ли можно допустить, что он, в действительности, изменил свои убеждения и порвал окончательно связи с своими единомышленниками.

Такой образ действий прокурорского надзора, при массе ответственной работы низших чинов полиции, действует на них подавляюще, причем, с другой стороны, постоянные убийства революционерами, угрозы и бойкот настолько терроризируют полицейских

чинов, что последние оставляют службу, в убеждении, что крупные политические деяния, даже чинов судебного ведомства, остаются без преследования, а ничтожные упущения полиции и притом формального порядка, совершенные без всякого злого умысла, влекут их на скамью подсудимых.

Товарищ прокурора Красноярского суда Киселев, будучи наблюдающим за Красноярскою тюрьмою, пользовался большою популярностью среди арестованных в тюрьме за вооруженное восстание и рядом своих действий при посещении тюрьмы не только не оказал хотя бы нравственной поддержки тюремной администрации, находившейся в исключительно тяжелых условиях при массе политических заключенных, но, наоборот, своим вмешательством в управление тюрьмы подрывал авторитет тюремной администрации.

Ввиду изложенного, признавая Максимова, Вонаго, Верещагина и Киселева лицами вредными для государственного порядка и не соответствующими занимаемому ими служебному положению, долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в распоряжении о немедленном устранении названных чинов судебного ведомства от занимаемых ими должностей, так как в противном случае я буду поставлен в необходимость предложить иркутскому генерал-губернатору устранить их от должностей на основании п. 19 приложения к ст. 23 Общ. губ. учр., т. II Свод, зак., изд. 1892 г. «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении».

О последующих Ваших распоряжениях благоволите, Ваше Превосходительство, меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Подписал П. Столыпин.

Примечание: Генерал от инфантерии *Андреи Николаевич Селиванов* (1847–1917) — военный и государственный деятель. Участник китайской кампании 1900–1901 годов и Русско-японской войны. С 18 августа

1905 года командир 2-го сводного стрелкового корпуса. С 25 апреля 1906 года по 21 июля 1910 года иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска. С 21 июля 1910 года член Государственного совета. Участник Первой мировой войны, командующий Блокадной (с октября 1911 года — 11-й) армией, руководил взятием крепости Перемышль. Умер от болезни 15 июля 1917 года.

Письмо губернаторам

9 сентября 1907 года

гг. губернаторам

циркулярно

При применении на практике Временных правил 4 марта

1906 г. о союзах и обществах губернскими и городскими по делам об обществах присутствиями встречен был ряд сомнений в толковании отдельных статей этого закона, ввиду чего установилось не одинаковое отношение к обществам, даже в соседних губерниях.

Признавая, вследствие сего, своевременным приступить к выработке, взамен означенных Временных правил, постоянного закона о союзах и обществах, с целью устранения замеченных на практике недостатков, прошу Ваше Превосходительство обсудить настоящий вопрос и сообщить, какие, по Вашему мнению, существуют недостатки действующего закона об обществах и в каком смысле следовало бы их исправить. Для руководства же Вашего Превосходительства при обсуждении этого вопроса считаю долгом обратить Ваше внимание, главным образом, на следующие положения:

1) Насколько признаки, коими по ст. 1 и следующей устанавливается понятие об обществе, подходящем под закон 4 марта, вызывали на практике сомнения и не следовало ли бы точнее определить понятие об обществе.

2) Желательно ли деление обществ на общества вообще и профессиональные.

Если профессиональные общества выделить в отдельную группу, то

а) Какими признаками следовало бы точно определить понятие о профессиональном обществе и его составе, так как ст. 1 и 7 существующего закона, ввиду действительной их неопределенности, дают основания к различному их пониманию.

б) Желательно ли сохранить существующий порядок регистрации этих обществ (ст. 9—14).

в) Насколько соответствует действительным потребностям профессиональных обществ предоставление им права устраивать публичные собрания и для увеличения их средств — концерты, спектакли и т. п.

3) Насколько соответствует действительным потребностям населения установленный порядок учреждения обществ — явочный и регистрационный.

4) Успешно ли губернские и городские по делам об обществах присутствия исполняют возложенные на них законом об обществах обязанности.

5) Не вызывает ли недоразумений существующий порядок открытия отделений обществами.

6) Ввиду совершенно особого характера деятельности клубов и общественных собраний не представляется ли желательным выделить их в особую группу, установив для них концессионный порядок учреждения.

К сему считаю долгом присовокупить, что настоящий перечень не должен считаться исчерпывающим и потому, если бы Вы усмотрели недостатки еще в других положениях закона, не откажите высказать и о них свое мнение.

Требуемые сведения прошу Ваше Превосходительство доставить в возможно непродолжительном времени и во всяком случае не позже 1-го ноября сего года.

Министр внутренних дел П. Столыпин.

Письмо Л. Н. Толстому

23 октября 1907 года

Лев Николаевич,

Письмо Ваше получил и приказал пересмотреть дело Бодянского. Если есть возможность, конечно, он будет освобожден. Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше первое письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело. Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает всё наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, — за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения

крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю.

Я не отвергаю учения Джорджа, но думаю, что «единый налог» со временем поможет борьбе с крупной собственностью, но теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови.

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу всё же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем.

Сознаю, что всё это пишу Вам напрасно — это и было причиною того, что я Вам не отвечал. Николаева всё же с удовольствием повидал бы.

Простите.

Ваш П. Столыпин.

Примечание: 1. Ранее «великий писатель земли русской» обратился к премьеру с просьбой об освобождении толстовца Александра Бодянского, приговоренного Харьковской судебной палатой к шестимесячному заключению за книгу о секте духоборцев.

2. Лев Толстой ответил председателю Совета министров следующим письмом:

«П. А. Столыпину

1908 г. Января 27. Я[сная] Щоляна]

Петр Аркадьевич,

В первый раз хотя я и писал о деле важном, нужном, общем, но я

писал и для себя: я знал, что есть один шанс из тысячи, чтобы дело сделалось, но мне хотелось сделать что можно для этого. Теперь же я пишу о том же, но уже совсем не для себя и даже не для общего дела, а только для Вас, для того, что желаю Вам добра, истинного добра, потому что люблю Вас.

За что, зачем Вы губите себя, продолжая начатую Вами ошибочную деятельность, не могущую привести ни к чему, кроме к[ак] к ухудшению положения общего и Вашего? Смелому, честному, благородному человеку, каким я Вас считаю, свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознать ее и направить все силы на исправление ее последствий. Вы сделали две ошибки: первая, — начали насилием бороться с насилием и продолжаете это делать, всё ухудшая и ухудшая положение; вторая, — думали в России успокоить взволновавшееся население, и ждущее, и желающее только одного: уничтожения права земельной собственности (столь же возмутительного в наше время, как полстолетия тому назад было право крепостное), успокоить население тем, чтобы, уничтожив общину, образовать мелкую земельную собственность. Ошибка была огромная. Вместо того, чтобы, воспользовавшись еще жившим в народе сознанием незаконности права личной земельной собственности, сознанием, сходящимся с учением об отношении человека к земле самых передовых людей мира, вместо того, чтобы выставить этот принцип перед народом, Вы думали успокоить его тем, чтобы завлечь его в самое низменное, старое, отжившее понимание отношения человека к земле, которое существует в Европе, к великому сожалению всех мыслящих людей в этой Европе.

Милый Петр Аркадьевич, можете, дочтя до этого места, бросить письмо в корзину и сказать: как надоел мне этот старик с своими непрошеными советами, и, если Вы поступите так, это нисколько не огорчит, не обидит меня, но мне будет жаль Вас. Жизнь не шутка. Живем здесь один раз. Из-за *partie pris* нельзя неразумно губить свою жизнь. Вам в Вашей ужасной суете это, может быть, не видно. Но мне со стороны ясно видно, что Вы делаете и что Вы себе готовите и в истории, — но история, Бог с ней — и в своей душе.

Я пишу Вам п[отому], ч[то] нет дня, чтобы я не думал о Вас и не удивлялся до полного недоумения тому, что Вы делаете, делая нечто подобное тому, что бы делал жаждущий человек, к[отор]ый, видя источник воды, к к[отор]ому идут такие же жаждущие, шел бы прочь от него, уверяя всех, что это так надо.

Обе Ваши ошибки: борьба насилием с насилием и не разрешение, а

утверждение земельного насилия, исправляются одной и той же простой, ясной и самой, как это ни покажется Вам странным, удобоприменимой мерой: признанием земли равно собственностью всего народа и установлением соответствующего сравнительным выгодам земель налога, заменяющего подати или часть их. Одна только эта мера может успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ, и сделать ненужными те ужасные меры насилия, к[отор]ые теперь употребляются против насильников. Не могу, не могу понять, как в Вашем положении можно хоть одну минуту колебаться в выборе: продолжать ту и мучительную, и неплодотворную, и ужасную теперешнюю Вашу деятельность, или сразу привлечь на свою сторону три четверти всего русского народа, всех передовых людей России и Европы и сразу стать, вместо препятствия к движению вперед, напротив, передовым деятелем, начинающим или хоть пытающимся осуществить то, к чему идет и готово все человечество, и даже Китай, и Япония, и Индия.

Знаю я, что Вы не отократический владыка и что Вы связаны отношениями и с Государем, и с Двором, и с Думой, но это не может мешать Вам попытаться сделать всё, что Вы можете. Ведь приведение в исполнение земельного освобождения совсем не так страшно, как это обыкновенно представляют враги его. Я очень живо могу представить себе, как можно убедить Государя в том, что постепенное наложение налога на землю не произведет никакого особенного расстройство, а, между прочим, будет более могущественным ограждением от усилий революционеров, чем миллионы полиции и страж. Еще живее могу себе представить, как этот проект может захватить Думу и привлечь большинство на свою сторону. Вам же в этом деле предстояла бы *le beau rôle*. Вы, пострадавший так жестоко от покушений и почитаемый самым сильным и энергичным врагом революции, Вы вдруг стали бы не на сторону революции, а на сторону вечной, нарушенной правды и этим самым вынули бы почву революции.

Очень может быть, что, как бы мягко и осторожно Вы ни поступали, предлагая такую новую меру правительству, оно не согласилось бы с Вами и удалило бы Вас от власти. Насколько я Вас понимаю, Вы не побоялись бы этого, п[отому] ч[то] и теперь делаете то, что делаете, не для того, чтобы быть у власти, а п[отому], ч[то] считаете это справедливым, должным. Пускай 20 раз удалили бы Вас, всячески оклеветали бы Вас, всё бы было лучше Вашего теперешнего положения.

Повторяю то, что я сказал сначала: всё, что пишу, пишу для Вас, желая Вам добра, любя Вас. Если Вы дочли до этого места, то сделайте вот что, пожалуйста, сделайте. Вспомните, кто у Вас есть самый близкий Вам,

любящий Вас, Вашу душу человек, — жена ли, дочь, друг Ваш — и, не читая ему всего длинного этого скучного письма, расскажите ему в кратких словах, что я пишу и предлагаю Вам, и спросите его, этого близкого человека, его мнения и сделайте то, что он скажет Вам. Если он любит Вашу душу, совет его может быть только один.

Очень прошу Вас еще об одном: если письмо это вызовет в Вас недоброе чувство ко мне, пожалуйста, подавите его. Было бы очень больно думать, что самое мое доброе чувство к Вам вызвало в Вас обратное.

28 янв[аря] 1908 [г.]

Любящий вас Лев Толстой.

Р. С. Николаев ждет Вашего призыва.

Хочется сказать еще то, что то, что я предлагаю, не только лучшее, по моему мнению, что можно сделать теперь для русского народа, не только лучшее, что Вы можете сделать для себя, но это единственный хороший выход для Вас из того положения, в к[отор]ое Вы поставлены судьбою.

Л. Т[олстой]

Прежде чем отсылать это письмо, я внимательно перечел Ваше. Вы пишете, что обладание собственностью есть прирожденное и неистребимое свойство человеческой природы. Я совершенно согласен с этим, но установление Единого налога и признание земли общей собственностью всех людей не только не противоречит этому свойству людей владеть собственностью, но одно вполне удовлетворяет ему, удовлетворяет п[отому], ч[то] не "священное", как любят говорить (священно только божественное), а истинное законное право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда. А именно это-то право и нарушается присвоением людьми незаконного права на собственность земли. Это незаконное право больше всего отнимает у людей их законное право на произведения своего труда. Владение же землей при уплате за нее налагаемого на нее налога не делает владение это менее прочным и твердым, чем владение по купчим. Скорее наоборот.

Еще раз прошу Вас простить меня за то, что я мог сказать Вам неприятного, и не трудитесь отвечать мне, если Вы не согласны со мной. Но, пожалуйста, не имейте против меня недоброго чувства.

Л. Т[олстой]».

Письмо Л. Н. Шварцу

25 декабря 1907 года

Милостивый Государь Александр Николаевич,

Очень Вам благодарен за Ваше откровенное письмо. Для полного доклада дела Государю я желал бы выяснить еще некоторые обстоятельства именно по поводу высказанных Вами соображений.

Не думаете ли Вы, что первое из Ваших опасений могло бы быть парализовано рескриптом на Ваше имя при назначении, в котором были бы ясно очерчены задачи ведомства и выяснены пределы университетской автономии? Что касается второго Вашего сомнения, касающегося физической для Вас возможности осуществить на деле задуманную реформу, то тут мне, конечно, трудно быть судьей, так как зависит это, конечно, от запаса здоровья и физических сил. В настоящее безумное время не возраст определяет близость к смерти, но годы и немощь физическая могут, конечно, быть помехою в деле продуктивной работы. Хотя Вы мне показались очень сильным и бодрым, но я думаю, что все мы обязаны готовить людей и иметь помощников, способных продолжать дело. Поэтому я и позволил себе, в качестве кандидата на пост товарища министра, упомянуть профессора] Кассо — я его не знаю и никогда не видел, но задавшись целью выискивать людей, я не мог не обратить внимание на всё то, что слышал про настоящую культурность, образованность и благородство этого человека.

Не думайте только, что я его Вам навязываю — Вы гораздо лучше меня знаете персонал министерства и, быть может, найдете лицо, гораздо более подходящее и одинаково энергичное и молодое.

Переходя, наконец, к последнему Вашему аргументу о той пользе, которую Вы можете принести в Государственном совете, то я не могу, конечно, ничего против этого возразить и думаю, что Ваши специальные знания окажут там драгоценную услугу. Более того, я убежден, что надо еще подкрепить Государственный совет людьми, хорошо знающими наше учебное дело.

Вот всё, что я могу выставить в ответ на вопросы, поднятые в Вашем письме.

Но простите, для меня не разрешен главный вопрос. Я не знаю, есть ли у Вас уверенность в том, что Вы осилите дело? Для успеха нужна даже не уверенность, нужна вера. По нынешним временам недостаточно программы и желания ее выполнять. Необходима железная, холодная воля и горячая вера в успех.

Я твердо уверен, что победить могут только те, кто с охотою идут на борьбу. Они победят, а не те, кто, по Вашему выражению, пользуются

большим расположением со стороны широких кругов интеллигенции. Вторые, подлаживаясь к общественному мнению, этим его не купят, а первые подчинят себе общественное мнение.

В этом порядке мыслей я прихожу к заключению, что со стороны Государя было бы ошибкою неволить, принуждать людей идти в министры, и прежде окончательного доклада Государю я желал бы, чтобы Вы, откинув сомнения и излишнюю скромность, ответили мне, уверены ли Вы в себе, или нехотя, без веры в успех соглашаетесь лишь добросовестно выполнять долг, налагаемый на Вас присягою?

Простите, что смущаю Ваш покой, да еще в праздничные дни, и примите уверение в моем искреннем к Вам уважении и преданности.

П. Столыпин

Примечание: Александр Николаевич Шварц (1848–1915) — государственный деятель. С 14 февраля 1900 года — попечитель Рижского учебного округа, с 30 мая 1902 года — Варшавского учебного округа, с 6 сентября 1905 года — Московского учебного округа. С 1 января 1908 года до 25 сентября 1910 года — министр народного просвещения. После отставки член Государственного совета. Письмо Столыпина вызвано колебаниями Шварца в отношении сделанного ему предложения возглавить Министерство народного просвещения. Шварц писал следующее председателю Совета министров: «...прежде всего против назначения меня на пост министра народного просвещения говорит представление, усердно распространяемое среди молодежи, о моей принадлежности к крайней правой или даже реакционной партии и приписываемое мне, как Вы сами изволили заметить, намерение посылить содействовать отмене университетской автономии... Во всяком случае, около моего имени могут сплестись различные легенды, и мне сдается, что сейчас появление в составе Кабинета лица с менее определенной программой или пользующегося большим расположением широких кругов интеллигенции было бы выгоднее и полезнее для дела... мои лета и уже не прежнее здоровье, достаточно расстроенное сорокалетним упорным и непрестанным трудом в качестве ученого и практического педагога, не позволяют мне рассчитывать на приведение в жизнь моих планов... Более молодой и долговечный министр народного просвещения Вам, как мне кажется, более на руку и более для Вас пригоден... если же мне суждено еще принести пользу горячо любимому ведомству, то, как я говорил, я ведь могу принести ее в качестве члена Государственного совета, куда я так неожиданно для меня призван был доверием моего Государя и где критика представляемых законопроектов тоже требует специалистов».

Письмо Николаю II

7 марта 1908 года

Думая над вопросом о кредитах на судостроение, я пришел к убеждению, что существует один только способ провести эти кредиты в Государственной думе и Государственном совете.

Как Вашему Величеству известно, против кредита восстают одинаково и правые, и левые. Поэтому какое-либо давление со стороны верховной власти послужило бы только к ущербу ее авторитета. Но к счастью большинство удалось, кажется, привести к тому убеждению, что линейный флот России необходим; отказывает в кредите это большинство по той причине, что думает этим отказом способствовать ускорению реформ. Этим настроением я воспользовался, чтобы сделать заявление о том, что Ваше Величество являетесь инициатором реформы флота, так что противники кредита ломаются в открытую дверь. Этим путем, вместо разногласия с патриотично настроенными людьми, в деле, касающемся жизненного вопроса и правильного расходования народных денег, я думал подчеркнуть, наоборот, солидарность с ними верховной власти. Теперь единственно верным ударом было бы явить этому доказательство на деле. Я разумею введение теперь же в строе морского ведомства несколько коренных реформ.

Это послужило бы доказательством тому, что реформы проводятся не из-под палки, вследствие отказа Думою в деньгах, что период времени с конца войны не потерян и употреблен был на серьезную работу и, наконец, что реформы эти вводятся велением Вашего Величества, а не по инициативе законодательных учреждений.

Я очень хорошо понимаю, что преобразование ведомства не может быть произведено наспех, без серьезной разработки. Находясь далеко от этого дела, я не счел себя и вправе говорить об этом с морским министром ранее, чем изложить свои мысли Вашему Величеству. Но я знаю, что схема нового управления совершенно готова и думаю, что в части она могла бы быть приведена в действие немедленно, притом единоличною властью Вашею, Государь, так как это не вызывает новых расходов.

Я разумею отрасль судостроения и командования. Если разные комитеты будут заменены управлениями с ответственным начальником судостроения во главе и если отдельные флоты будут подчинены главным

начальникам, ответственным за воспитание, обучение, материальную часть и боевую готовность своих судов, то будет сделан громадный шаг вперед и у противников морского ведомства будет выбит главный их аргумент против ассигнования кредитов.

Я слышал, что эти части реформы, которым придают в Думе и Совете наибольшее значение, уже детально разработаны. Чем больше их будут обсуждать в разных комиссиях, тем более затянется дело. Важны, конечно, подробности преобразования, но теперь особенно важен момент его проведения. Я полагаю, что теперь затруднительно было бы осуществить преобразование портовых управлений, т. е. одной из важнейших частей, так как это, видимо, требует наиболее кропотливой работы. Но ведь, вводя вышеупомянутые нововведения, можно было бы повелеть в известный срок провести и реформу портов.

Я решил изложить Вам, Государь, не покидающие меня мысли, не дожидаясь очередного доклада, так как думаю, что вопрос о флоте нельзя бросать на полпути, одними словами тут тоже не возьмешь, нужно дело, а с ним надо торопиться, если желательно добиться своего.

Статс-секретарь Столыпин.

Примечание: Большинство депутатов Государственной думы связывали вопрос ассигнований на правительственную программу воссоздания флота после поражения в войне с Японией с необходимостью реформирования его управления, в том числе создание вместо управлявшегося членами императорской фамилии Адмиралтейств-совета Морского генерального штаба. Но, несмотря на все усилия главы правительства, Государственная дума отказала в 1908 году в выделении ассигнований, и выделение средств было достигнуто лишь вмешательством Государственного совета.

Шифрованная телеграмма Николаю II

21 сентября 1910 года

Ознакомившись, по возвращении в С.-Петербург, с всеподданнейшим докладом о решении финляндского сейма об отказе от обсуждения дел в порядке общегосударственном, приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что, по мнению генерал-губернатора, разделяемому мною, составление такового сеймового акта без воздействия было бы истолковано как слабость имперской власти. Поэтому

всеподданнейше ходатайствую о Высочайшем повелении министру статс-секретарю по делам Финляндии о роспуске настоящего сейма и о новых выборах в установленный законом срок. Вместе с тем полагал бы необходимым обнародование Высочайшего повеления Совету министров о внесении непосредственно в Государственную думу законопроекта об уравнивании русских подданных в правах с финляндскими гражданами и о денежных платежах взамен личной воинской повинности, ввиду отказа сейма сообщить по означенным законопроектам свое заключение. Это исключит возможность возвратиться к этим вопросам следующему сейму и вернет его к текущей работе.

Подписал: Статс-секретарь Столыпин.

Примечание: Николаем II было принято предложение Столыпина о роспуске финляндского сейма и внесении в Государственную думу упомянутых законопроектов.

Письмо Николаю II

26 сентября 1910 года

С.-Петербург

Ваше Императорское Величество.

Милостивые строки, которыми Ваше Величество меня осчастливили, заставляют меня нарушить покой, которым Вам, Государь, так редко приходится пользоваться.

Мысль Вашего Величества о рескрипте финляндскому генерал-губернатору, с предупреждением сейму, представляется мне весьма удобовыполнимою перед созывом нового сейма в феврале. Я думаю, что крепкое слово Вашего Величества может отрезвить часть финляндцев. Внушить финляндцам, что поворота в русской политике не будет, — это значит разрешить финляндский вопрос.

На днях будет представлен Вашему Величеству общий мой с А. В. Кривошеиным всеподданнейший отчет о нашей поездке.

Я говорю краткий, так как все поучительные впечатления наши и выводы заняли бы целые тома.

Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический и нравственный подъем, которому сильно способствует и урожай двух последних лет.

Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Куландинска), которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев — в общем, чудный и сильный колониционный элемент. Прибавлю, элемент — крепко монархический, с правильным, чистым, русским мирозерцанием. «Мы верим в Бога, верим в Государя, просим: дайте нам церковь, дайте школу», — вот общий крик всех сибирских переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величеству, везде просили передать царю-батюшке о любви народной. Я уже телеграфировал об этом Вашему Величеству и прошу разрешить передать населению через губернаторов Высочайшую Вашу благодарность.

Но утешительное настоящее не должно заслонить от нас осложнений в будущем. А осложнения эти мы сами себе готовим: расточительно, даром, раздаем крестьянам, наравне с заемною землею и землею, стоящую уже теперь до 100 рублей за десятину; искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности, в виде заимок; не подумали еще о насаждении частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет.

Всё это и многое другое — вопросы срочно-настоятельные. Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую.

Впрочем, все наши предположения скоро будут представлены Вашему Величеству.

Бодро идет также землеустроительная работа и в поволжских губерниях, по которым мы проехали. Пока, конечно, брошены только зерна, и предстоит еще чрезвычайный труд. Но изменилась психология народная, между крестьянами появились уже апостолы землеустройства и земельных улучшений. Я видел членов первой Думы из крестьян-революционеров, которые теперь страстные хуторяне и люди порядка. И как Вы правы, Ваше Величество, как Вы правильно угадываете то, что творится в душе народной, когда пишете, что краеугольные для правительства вопросы — это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим двум вопросам громадные усилия и не дать им зачахнуть.

В городе много говорят о Кассо — это для всех большой знак вопроса. Говорят и о гибели капитана Мациевича. Наши офицеры, действительно, достигли в области воздухоплавания замечательных результатов. Но мертвые необходимы! Жаль смелого летуна, а всё же общество наше

чересчур истерично. В общем, всё тут тихо и благополучно.

Дай Бог, чтобы лечение Ее Величества продолжалось так же успешно, как и началось, и помощи Господь Вашим Величествам вернуться на родину благополучно и в добром здравии.

Вашего Императорского Величества верноподданный П. Столыпин.

Примечание: Капитан Лев Макарович Мациевич (1876–1910) 22 апреля 1910 года на празднике воздухоплавания совершил полет с главой правительства на аэроплане «Фарман». Согласно имевшейся в столичном охранном отделении агентурной информации военный летчик был непосредственно связан с БО ПСР и должен был совершить террористический акт в отношении Столыпина. Последнему информация была доложена, но он посчитал ниже своего достоинства отказаться от полета.

Через два дня после полета с премьером Мациевич разбился во время полета на Комедантском поле. Существует версия, что катастрофа была организована эсеровскими боевиками в качестве мести за невыполнение приказа об убийстве премьера или же он был принужден ими к совершению самоубийства.

Александр Блок посвятил гибели Мациевича одно из своих лучших стихотворений:

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петть...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,

Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвения
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:

Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

Письмо Николаю II

26 февраля 1911 года

Ваше Императорское Величество.

Не могу не повергнуть на благовоззрение Ваше некоторые соображения, которые явились последствием выслушанного мною от Вашего Величества по поводу обер-прокурора Святейшего Синода.

Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому делу человека сильной воли и сильного духа. Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для Церкви и России.

Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало с политикою или партийностью!

Поэтому весьма важен выбор минуты для таких перемен.

Между тем вчера, по возвращении из Царского, я узнал, что в городе уже говорят об уходе С. М. Лукьянова и толкуют это, как последствие мер, принятых им против иеромонаха Илиодора.

Сегодня я узнал, что иеромонах Илиодор приезжает завтра в Петербург. Несомненно, что, если уход обер-прокурора состоится теперь же, немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все!

Я считаю самое направление проповеди Илиодора последствием слабости Синода и Церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины.

Но при наличии факта, факта возвеличения себя монахом превыше царя, поставления себя вне и выше государства, возмущения народа против властей, суда и собственности, я первый нашел, что, если правительство не остановит этого явления, то это будет проявлением того, что в России опаснее всего, проявлением слабости...

Поэтому я Вашему Величеству неоднократно заявлял, что за действия по отношению к Илиодору, в период его открытого возмущения против

Синода и даже Вашей царской воли, ответственен исключительно я. Это было известно и С. М. Лукьянову.

Если теперь вся видимость обстоятельства (хотя по существу это и не так) сложится таким образом, как будто С. М. Лукьянов отставлен за Илиодора, то совесть моя будет меня мучить, что я не отстоял его перед Вашим Величеством. Для государственного человека нет большего проступка и большего греха, чем малодушие.

Мое же самое глубокое и искреннее убеждение состоит в том, что интересам Вашего Величества в этом деле будет соответствовать лишь наличие общественного сознания, что решение Вашего Величества о замене обер-прокурора другим лицом принято вне зависимости от обстоятельств преходящих.

Поэтому я думаю, и мнение свое осмеливаюсь представить Вашему Величеству, что для выполнения угодной Вам перемены, без истолкований, спокойно, без возбуждения, желательно было бы выждать месяца два-три, до весны или начала лета.

Вашего Императорского Величества верноподданный П. Столыпин.

Примечание: 1. *Сергей Михайлович Лукьянов* (1855–1935) — выдающийся ученый-физиолог, государственный деятель. Возглавлял институт экспериментальной медицины. В 1902–1905 годах — товарищ министра народного просвещения. В 1908–1911 годах — обер-прокурор Святейшего синода. Являлся противником Распутина. За антираспутинскую позицию и действия против иеромонаха Илиодора был снят с должности с оставлением членом Государственного совета и сенатором.

2. *Иеромонах Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов)* (1880–1958) — активный участник черносотенного движения. Получил широкую известность благодаря ораторскому таланту и умению влиять на аудиторию, что привлекало к нему массы верующих.

Его призывы к насилию и обличение, наряду с революционерами и евреями, государственной власти стали причиной перевода из столицы в Царицын, где Илиодор занял еще более экстремистскую позицию, грозившую началом массовых волнений (о чем свидетельствовали начавшиеся столкновения его сторонников с полицией). Илиодор следующим образом характеризовал свое мировоззрение: «Я — революционер. Таким революционером был и Христос. Таким революционером, бунтовщиком, разбойником и я желаю быть. Я — ученик Христов. Хочу подражать Ему».

По предложению Лукьянова Синодом было принято решение об

удалении Илиодора из Царицына, но тот вскоре добился высочайшего разрешения вернуться с «испытательным сроком». С конца 1911 года начал активную деятельность против Распутина, хотя ранее был его рьяным сторонником.

Вторично удален из Царицына в январе 1912 года, в конце года лишен сана и расстрижен, после чего создал собственную религию «Солнца и разума». Находясь в эмиграции в Норвегии, написал антираспутинскую книгу «Святой черт», рукопись которой у него пыталось выкупить МВД.

После революции участвовал в большевистской атеистической пропаганде, но был выслан из РСФСР в 1922 году. Умер в Нью-Йорке.

Речь на открытии Совета по делам местного хозяйства

11 марта 1908 года

Открывая сегодня впервые Совет по делам местного хозяйства, я приветствую вас, Милостивые Государи, в уверенности той большой пользы, которую принесут труды людей земли в разработке начинаний Министерства внутренних дел и в полной надежде на успех вашей работы. Как вам известно, учреждение Совета по делам местного хозяйства предшествовало предначертаниям Государя Императора относительно изменения строя наших высших законодательных учреждений. Эти крупные реформы, крупные преобразования заставили забыть или во всяком случае отодвинули на задний план мысль о Совете местных деятелей, и многие думали, что Совет этот останется мертворожденным и во всяком случае обречен при новом строе существовать лишь на бумаге. Я думал иначе и в настоящее время убежден в противном. Моя мысль зиждется на том положении, что при громадном пространстве Российской империи, при разных условиях местностей, входящих в ее состав, между учреждениями исполнительными, которые разрабатывают законопроекты теоретически, и между законодательными учреждениями должно стоять еще промежуточное учреждение, промежуточная среда, оживотворяющая, вливающая живую силу в выработанные Министерством предположения. Эта мысль мне кажется тем более основательной, что при том громадном законодательном материале, который вносится в Государственную думу и в Государственный совет, эти учреждения могут осилить физически этот материал только если он чрезвычайно тщательно разработан и всесторонне освещен и проверен. Такой порядок, несомненно, целесообразен, и я

думаю, что со временем он станет необходимым фактором подготовительной законодательной работы в законодательном нашем строе, который должен развиваться, конечно, по своему собственному, своеобразному руслу. Я при этом разумею только законодательство, касающееся местного самоуправления, так как законопроекты иного характера касаются учреждений других министерств. Конечно, был бы другой путь для получения мнений с мест. Это путь запросов органам местного самоуправления. Но опять-таки при громадном пространстве Российской империи этот путь мне кажется громоздким и медлительным. Я убежден, что только при живом сношении с теми лицами, которые составляют законопроекты, при словесном разъяснении недоразумений, при сношении между собою лиц, представляющих самые разнообразные интересы, может быть всесторонне и правильно освещено дело. Для работ Государственной думы и Государственного совета образование предцумия без всякой политической окраски, на чисто деловых основаниях, не может не иметь большого значения. Я совершенно не отрицаю необходимости в некоторых случаях запрашивать по вопросам крупного местного значения органы местного самоуправления, но я полагаю, что это целесообразно не во всех случаях и притом лишь после того, как вопрос будет обсужден в Совете по делам местного хозяйства. Совет не должен смущаться тем, что он не имеет решающего значения. Хотя он не связывает свободу решений министерства, но мнение Совета обязательно представляется в законодательные учреждения.

В настоящую сессию вам придется обсудить некоторые вопросы очень большой принципиальной важности. Как вам известно, перед открытием Второй думы Министерство внутренних дел разработало целый ряд законопроектов, целую схему преобразования нашего внутреннего устройства. Ход думской работы показал, во-первых, что целесообразность работы, добросовестность ее исключает поспешность и что поэтому переустройство наших местных учреждений не может последовать в порядке исключительной быстроты, а во-вторых, что реформы в отраслях одного ведомства затрагивают и соседние отрасли. Вот это и побудило министерство выработать известную последовательность в проведении реформ для того, чтобы приблизить время проведения их в жизнь без потрясений, и для того, чтобы логически во времени развить одну реформу из другой. Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо всё оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способствовать улучшению местного строя. Правительство убеждено, что, прекращая всякие попытки к

беспорядкам, безжалостно прекращая их физической силой, оно обязано всю свою нравственную силу направить к обновлению страны. Обновление это, конечно, должно последовать снизу. Надо начать с замены выветрившихся камней фундамента и делать это так, чтобы не поколебать, а укрепить постройку. Порядок и благоустройство в селах и волостях — вот вопиющая нужда в деревне. Никто не будет отрицать, что интересы членов сельских обществ, связанные совместным владением земель, не поглощают интересов того же села по вопросам благоустройства; а чем больше село, тем больше в нем посторонних жителей, тем больше расчленяются эти интересы, тем меньше получают удовлетворение интересы благоустройства. Наши крупные села, наши железнодорожные поселки представляют из себя нечто хаотическое — какое-то накопление человеческого жилья без всяких признаков порядка и благоустройства. Но кроме интересов, ограничивающихся сельской и усадебной оседлостью, за пределами села и усадьбы имеются и другие интересы, соединяющие людей. Поэтому кроме проекта, идущего навстречу первой потребности, проекта о поселковом управлении, министерство должно было обратиться к удовлетворению нужд и интересов, о которых я уже упомянул. Это интересы, касающиеся мелких административных услуг, в которых нуждается каждый обыватель в волости, услуг по выполнению повинностей натуральных, денежных, воинской повинности, по принятию первоначальных полицейских мер, по ведению распорядка в местах скопления народа и т. п. Всем этим потребностям удовлетворяет в благоустроенных государствах мелкая административная единица. У нас эта единица — волость — имеет сословный крестьянский характер, но едва ли справедливо возлагать на одно сословие обслуживание нужд всех обывателей деревни. Отсюда и появилось предположение министерства о привлечении всех лиц, владеющих недвижимостью в волости, к выполнению волостных повинностей и, как следствие этого, к участию их в волостном управлении. Но так как нет страны достаточно богатой, чтобы параллельно, одновременно содержать и мелкую административную, и мелкую земскую единицу, то министерством предположено возложить на эту мелкую административную единицу и некоторые земские функции, некоторые поручения со стороны уездного земства. Я должен при этом оговориться, что министерство во всяком случае настаивает на необходимости иметь крепкую упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием исключительно одной мелкой земской единицы, на которую в качестве привходящей функции было бы возлагаемо

исполнение некоторых административных поручений. Правительственный законопроект исходит как раз из обратного построения, видит в этом необходимую гарантию порядка и сходится в этом с устройством большинства благоустроенных европейских государств.

Наряду с этим проектом о волости вам предстоит рассмотреть еще проект о правительственных участковых комиссарах, который находится в связи с внесенным в Государственную думу и рассматриваемым там проектом местного суда. Затем наличие мелкой административно-земской единицы вызывает необходимость пересмотра и вопроса о земском представительстве, о земском цензе, являющимся вопросом большого интереса. Почти все земские собрания в свое время уже заявляли министерству о необходимости уменьшения земельного ценза. Правительство соответственного проекта не вносило ни в Первую, но во Вторую Государственную думу, но первоначально предполагало обосновать земское представительство на цензе земельном, на цензе владения недвижимою собственностью, приурочив градацию его к цензу налоговому. По ближайшем, однако, рассмотрении, неоконченность земских оценочных работ привела министерство к убеждению в необходимости остановиться на прежних началах, т. е. на началах ценза, обусловленного владением известным пространством земли или соответственным имуществом. Во всяком случае, господа, я никогда не скрывал и не скрываю, что у правительства существует намерение настаивать на том, чтобы сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее, притом, привыкшего к земской работе, а именно — класса поместных землевладельцев.

Наконец, вам предстоит рассмотреть еще один вопрос настоятельной важности. Это вопрос о выделении крупных городов в самостоятельные земские единицы. С этим вопросом медлить нельзя, так как чем дальше, тем труднее будет развязать взаимоотношения крупных городов и земств. Этим, господа, исчерпывается та программа, которая предложена вашему рассмотрению и которая должна быть рассмотрена вами в течение ближайших четырех недель. Я полагаю осенью опять созвать Совет по делам местного хозяйства для предварительного рассмотрения вопросов материального права и расширения компетенции земств. В настоящее время я предложил бы вам разбиться на четыре комиссии, соответственно четырем крупным заданиям, изложенным мною в программе. Председательство в Совете я передаю товарищу своему, сенатору Крыжановскому. Но во всех тех случаях, когда будут рассматриваться важнейшие принципиальные вопросы, я с большой охотой лично приму

участие в ваших трудах. В заключение же позвольте мне еще раз пожелать полного успеха в ваших трудах и вашей работе.

Речь в Государственной думе 24 мая 1908 года по вопросу морской обороны

После всего, что было тут сказано по вопросу о морской смете, вы поймете, господа члены Государственной думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правительство не преклонится перед неизбежностью, почему не присоединится к большинству Государственной думы, почему не откажется от кредитов?

Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной думы не имеет основанием какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Думы хотело бы дать толчок морскому ведомству, хотело бы раз навсегда положить предел злоупотреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честного упорного труда, страницами воссоздания морской славы России. (Возгласы: верно; рукоплескания.)

Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагодарное дело отстаивать существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что всё обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли, или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет также понятно, что побудительной причиной к этому является не ведомственное упорство, а основания иного, высшего порядка.

Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет в этом деле то обстоятельство, что, кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда и во всём будут противостоять предложениям

правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле, и среди них есть еще лица, которые не поддались, может быть, тому чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной думы. Это дает мне надежду если не изменить уже предрешенное мнение Государственной думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд и что этот другой взгляд не безумен и не преступен.

Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство.

Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть.

Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно.

При этом правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен и можно ли с этим делом медлить.

На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного перехода к чтению отдельных номеров сметы морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости; это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию.

Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот.

Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и без крова, но когда налетает буря, чтобы противостоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого нового корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством. Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны, позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота.

Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой

блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неустройствам в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать. Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться от того чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах одной государственной пользы и государственной необходимости.

Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух (первых) задач.

Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота, невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом — флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу: на нем лежит обязанность оградить государство, во

всякую данную минуту, от всяких случайностей.

Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота.

Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков; я буду приводить вам простые данные, понятные, по-моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носящего кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая.

Это всё применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбродом; это будет отряд, неспособный не только на оперирование, но и на маневрирование.

Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых крейсеров, несколько миноносцев; между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасу, кто в китель, кто в мундир.

И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хоть некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало,

что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны фунтовые дороги, нужны почты и телеграфы, затронуто Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота.

Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его утверждению он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение».

Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное напряжение сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли.

Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника морского министра, что сняло с морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской генеральный штаб, было установлено новое, автономное устройство судостроительных заводов. Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие.

Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения которой в один миг может переустроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы

примириться с довольно продолжительной остановкой.

К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов, было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, всё то, что нельзя купить за деньги, всё то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, всё это должно пойти на убыль, всё это должно прийти в расстройство.

Член Государственной думы Львов говорил о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, который достигим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием остановки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил.

Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера, что можно обучать личный состав и нижних чинов, и офицеров на тех двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море.

Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверхкорабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России.

Вот, господа, те доводы, которые побудили нас испрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4 броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем Востоке. Таким образом, от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба.

Останавливаясь на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11250000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматического, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом избавить морское ведомство от одержимой им болезни.

Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы.

Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя всё же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях.

Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин, лучшие, быть может, силы флота лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас?

Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства?

Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дожидаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроенных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. (Продолжительные рукоплескания.) Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства.

Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми».

Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеделанию. (Смех слева.) Ведь, господа, для лукавых рабов ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. (Смех слева.) Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. (Смех слева; возгласы справа: браво.) А вы делаете нечто подобное с флотом (рукоплескания справа и в центре)... и, может быть, делаете худшее.

Вы хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич, — этим и ничем более. Вы станете выше партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не сетуйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определенно.

Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него гибельной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». (Рукоплескания справа и в центре.)

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. СТОЛЫПИНА

1862, 2(14) апреля — родился в Дрездене (Германия).

24 мая — крещен в православной церкви в Дрездене.

1862–1869 — жил в подмосковном имении Средниково.

1869–1874 — жил в имении Колноберже Ковенской губернии.

1874–1879 — учился в классической гимназии в Вильно.

1879–1881 — учился в классической гимназии в Орле.

1881, 3 июня — получил в гимназии аттестат зрелости.

31 августа — зачислен на естественное отделение Санкт-Петербургского Императорского университета.

1882, 7 сентября — умирает брат Михаил, смертельно раненный на дуэли князем Шаховским.

1884, 12 октября — окончил учебу в университете.

27 октября — женился на бывшей невесте брата Михаила Ольге Нейдгардт. Зачислен приказом на службу в Министерство внутренних дел.

1885, 7 октября — родилась дочь Мария.

29 ноября — получил в столичном университете диплом кандидата физико-математического факультета.

1886, 5 февраля — переведен на службу в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ.

21 февраля — получил чин коллежского секретаря.

1887, 26 января — назначен помощником столоначальника Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ.

1888 — получил звание камер-юнкера императорского двора.

1889, 18 марта — приказом виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора назначен в Ковно уездным предводителем дворянства и председателем съезда мировых посредников.

21 ноября — смерть матери.

1890, 1 апреля — приказом по Министерству юстиции назначен почетным мировым судьей Ковенского уезда.

6 июня — получил чин титулярного советника.

1891, 20 марта — родилась дочь Наталья.

2 июля — получил чин коллежского асессора.

1892, 15 декабря — родилась дочь Елена.
1893, 30 августа — награжден орденом Святой Анны 3-й степени.
1895, 15 марта — получил чин надворного советника.
19 августа — родилась дочь Ольга.
1896, 14 мая — награжден орденом Святой Анны 2-й степени.
Получил звание камергера императорского двора.
1897, 31 октября — родилась дочь Александра.
1898, 17 апреля — получил чин коллежского советника.
24 апреля — назначен ковенским губернским предводителем дворянства.
1899, 17 ноября — смерть отца.
1900, 8 октября — провел первое заседание ковенского общества сельского хозяйства.
1901, 6 декабря — получил чин статского советника.
1902, 30 мая — Высочайшим указом назначен исполняющим должность гродненского генерал-губернатора.
21 июня — прибыл в Гродно.
1903, 2 февраля — был принят министром внутренних дел Вячеславом Плеве.
15 февраля — Высочайшим указом назначен саратовским губернатором.
10 марта — был принят императором Николаем II.
15 марта — был принят министром внутренних дел Вячеславом Плеве.
26 марта — прибыл в Саратов.
20 августа — родился сын Аркадий.
1904, 2 марта — был принят министром внутренних дел Вячеславом Плеве.
4 марта — был принят императрицей Александрой Федоровной.
6 марта — был принят министром внутренних дел Вячеславом Плеве.
8 марта — был принят императором Николаем II.
31 мая — лично руководил проведением мобилизации в губернии.
28 июня — встретил на вокзале в городе Кузнецке императора Николая II и сопровождал его в поездке по территории губернии.
1 июля — встретил императора Николая II на обратном пути и имел с ним беседу.
6 декабря — получил чин действительного статского советника.
1905, 11 марта — получил Высочайшую благодарность за прекращение беспорядков в Балашовском уезде и Саратове.

18 марта — издал предписание аткарскому уездному исправнику о необходимости активных действий полиции при пресечении беспорядков.

23 марта — издал обязательное постановление о воспрещении ношения огнестрельного и холодного оружия.

24 марта — получил Высочайшую благодарность за прекращение беспорядков в Саратовском и Балашовском уездах.

6 июля — издал циркуляр земским начальникам о недопущении незаконных крестьянских собраний.

18 июля — в губернатора стреляют около села Турков.

21 июля — в городе Балашов лично выводил земских врачей из окруженного агрессивной толпой здания и получил ранение руки.

7 сентября — подписал обязательное постановление о запрещении продажи огнестрельных припасов.

20 октября — опубликовал объявление к населению о том, что разгромы и грабежи будут пресекаться силой оружия.

23 октября — подписал обращение к жителям Саратова о недопустимости насилия и грабежей и необходимости содействия властям.

22 ноября — убийство в губернаторском доме посланного для пресечения беспорядков генерал-адъютанта Виктора Сахарова.

1 декабря — издал циркуляр земским начальникам и уездным исправникам о недопустимости «уклонения от законности».

6 декабря — награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

19 декабря — издал обязательное постановление о запрещении иметь и носить огнестрельное оружие, патроны, холодное оружие и взрывчатые вещества.

1906, 4 января — получил благодарственную царскую телеграмму за подавление беспорядков в Новоузенском уезде Самарской губернии.

7 января — издал обязательное постановление о запрещении продажи нелегальной литературы.

16 января — издал циркуляр полицмейстерам и уездным исправникам об отмене с 1 февраля временного запрещения общественных собраний.

18 февраля — издал обязательное постановление о воспрещении самовольного вторжения в чужие помещения, вымогательства, а также воспрепятствования исполнению работ.

24 апреля — был принят в Санкт-Петербурге председателем Совета министров Иваном Горемыкиным.

25 апреля — был принят императором Николаем II.

26 апреля — Высочайшим указом назначен министром внутренних дел.

29 мая — послал циркулярную телеграмму генерал-губернаторам и губернаторам о необходимости решительных действий при подавлении беспорядков.

1 июня — был принят императором Николаем II.

3 июня — издал циркуляр губернаторам и градоначальникам о необходимости решительного пресечения аграрных и еврейских погромов.

9 июня — был принят императором Николаем II.

10 июня — принял участие в заседании Совета министров, на котором было рассмотрено предложение министра внутренних дел о введении чрезвычайной охраны в ряде городов. Издал циркуляр генерал-губернаторам и губернаторам о необходимости немедленного ареста революционных агитаторов.

14 июня — издал циркуляр о землеустроительных комиссиях.

15 июня — был принят императором Николаем II.

19–24 июня — встретился с лидером кадетов Павлом Милюковым по вопросу его участия в формировании Совета министров.

23 июня — был принят императором Николаем II.

8 июля — был принят императором Николаем II. Ночью участвовал в составлении манифеста о роспуске I Государственной думы. Высочайшим указом назначен председателем Совета министров с сохранением должности министра внутренних дел.

9 июля — провел первое заседание Совета министров.

10 июля — был принят императором Николаем II.

12 июля — послал циркулярную телеграмму генерал-губернаторам и губернаторам о недопустимости «огульных репрессий» при пресечении революционной деятельности.

15 июля — был принят императором Николаем II. Встретился с Дмитрием Шиповым и Георгием Львовым по вопросу их возможного вхождения в правительство.

16 июля — встретился с членом ЦК «Союза 17 октября» Александром Гучковым.

17 июля — встретился с членом ЦК «Союза 17 октября» Петром Гейденем, сенатором Анатолием Кони по вопросу их возможного вхождения в правительство.

18 июля — встретился с членом ЦК «Союза 17 октября» Александром Гучковым.

19 июля — был принят императором Николаем II. Встретился с сенатором Анатолием Кони.

20 июля — подал доклад императору Николаю II о необходимости

усиления столичного гарнизона для недопущения революционных выступлений.

24 июля — был принят императором Николаем II.

4 августа — был принят императором Николаем II.

9 августа — был принят императором Николаем II.

10 августа — был принят императором Николаем II.

12 августа — покушение на жизнь председателя Совета министров на Аптекарском острове.

16 августа — был принят императором Николаем II.

17 августа — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о порядке учреждения военно-полевых судов. *18 августа* — из-за опасности покушений переехал жить в Зимний дворец.

22 августа — был принят императором Николаем II. Провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По проекту правил о предназначении казенных земель для расширения крестьянского землевладения».

26 августа — встретился с членом ЦК ПНС Алексеем Мухановым по вопросу легализации партии кадетов.

5 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О разрешении главноуправляющему землеустройством и земледелием обратить на выдачу ссуд переселенцам 180000 руб., состоящие в депозитах переселенческого управления».

6 сентября — издал циркуляр генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам об организации военно-полевых судов.

8 сентября — был принят императором Николаем II.

9 сентября — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О мерах предупреждения побоев арестантов» и «Об отмене некоторых ограничений и лиц других бывших податных сословий».

15 сентября — издал секретный циркуляр губернаторам о мерах по предотвращению революционных беспорядков.

23 сентября — был принят императором Николаем II. Встретился с членом ЦК «Союза 17 октября» Александром Гучковым.

26 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О разрешении владельцам заповедных, временно заповедных, ленных имений отчуждать крестьянские участки из состава принадлежащих им имений».

30 сентября — был принят императором Николаем II.

6 октября — был принят императором Николаем II. Издал циркулярное распоряжение московскому градоначальнику о

недопустимости использования университетских помещений в революционных целях.

7 октября — провел совещание о реформе местного самоуправления.

9 октября — встретился с членом ЦК «Союза 17 октября» Петром Гейденом.

10 октября — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О понижении платежей заемщиков Крестьянского поземельного банка и об изменении условий выпуска государственных свидетельств названного банка» и «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

12 октября — издал циркуляр губернаторам и градоначальникам о порядке применения военно-полевых судов.

14 октября — был принят императором Николаем II.

26 октября — издал циркуляр генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицмейстеру о недопустимости проведения массовых собраний с революционными целями.

27 октября — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О порядке отпуска в 1907 г. кредитов на расходы по землеустройству сельского населения и по переселенческому делу» и «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев».

30 октября — был принят императором Николаем II.

1 ноября — издал циркулярное разъяснение губернаторам о расширении сферы деятельности крестьянских учреждений.

4 ноября — послал разъяснение генерал-губернатору Степного края Ивану Надарову о недопустимости причисления «Союза 17 октября» к противоправительственным партиям.

7 ноября — был принят императором Николаем II.

15 ноября — был принят императором Николаем II.

17 ноября — был принят императором Николаем II.

23 ноября — был принят императором Николаем II.

29 ноября — был принят императором Николаем II.

1 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати».

6 декабря — получил звание гофмейстера императорского двора. Награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

8 декабря — был принят императором Николаем II.

13 декабря — утвердил прошение Главного управления Отдельного

корпуса жандармов с просьбой разрешить полицейской страже применять оружие для пресечения беспорядков.

15 декабря — был принят императором Николаем II.

20 декабря — издал циркуляр губернаторам и градоначальникам о порядке производства выборов в Государственную думу.

22 декабря — был принят императором Николаем II. Провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об установлении главных начал устройства местного управления».

1907, 1 января — Высочайшим указом назначен членом Государственного совета. Получил Высочайший рескрипт с благодарностью. 6 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об установлении главных начал местного управления».

8 января — был принят императором Николаем II.

15 января — был принят императором Николаем II.

26 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о введении всеобщего начального образования.

27 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен проект Министерства внутренних дел «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений».

30 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о введении всеобщего начального образования.

31 января — был принят императором Николаем II.

1 февраля — был принят императором Николаем II.

3 февраля — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен проект Министерства внутренних дел «О свободе совести».

9 февраля — был принят императором Николаем II. Провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о сокращении применения закона о военно-полевых судах.

15 февраля — издал циркуляр губернаторам о необходимости применения решительных мер для недопущения беспорядков.

17 февраля — был принят императором Николаем II.

20 февраля — присутствовал на открытии II Государственной думы.

3 марта — был принят императором Николаем II. Провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По проекту положения о землеустройстве» и предложение Министерства внутренних дел «Об издании правил для поддержания порядка в общежитиях для учебных заведений».

6 марта — выступил в Государственной думе с декларацией

правительства.

9 марта — выступил в Государственной думе по продовольственному вопросу.

10 марта — был принят императором Николаем II.

13 марта — выступил в Государственной думе о временных законах, изданных в периодах между Думами.

19 марта — был принят императором Николаем II.

20 марта — выступил в Государственной думе по вопросу о государственной росписи.

26 марта — был принят императором Николаем II.

6 апреля — был принят императором Николаем II.

11 апреля — на встрече с рядом депутатов Государственной думы проинформировал о мерах правительства по недопущению еврейских погромов.

14 апреля — был принят императором Николаем II.

15 апреля — принял председателя II Государственной думы Федора Головина.

16 апреля — принял председателя II Государственной думы Федора Головина.

17 апреля — был принят императором Николаем II.

19 апреля — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По проекту правил о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений».

30 апреля — был принят императором Николаем II.

4 мая — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о сооружении Амурской железной дороги распоряжениями и средствами казны.

10 мая — выступил в Государственной думе по вопросу об устройстве быта крестьян и о праве собственности.

17 мая — был принят императором Николаем II.

22 мая — издал циркуляр о праве жительства евреев в отдельных местностях.

23 мая — был принят императором Николаем II.

27 мая — был принят императором Николаем II.

1 июня — на закрытом заседании Государственной думы заявил о преступной деятельности некоторых депутатов.

3 июня — был принят императором Николаем II в Петергофе. Инициированным председателем Совета министров Высочайшим указом была распущена II Государственная дума.

4 июня — издал циркуляр генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам о недопущении беспорядков после роспуска II Государственной думы.

7 июня — был принят императором Николаем II.

11 июня — издал циркуляр генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам о недопущении противогосударственной деятельности органов печати.

14 июня — был принят императором Николаем II.

22 июня — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об утверждении пересоставленных смет расходов на производство изысканий Амурской железной дороги».

26 июня — был принят императором Николаем II.

4 июля — был принят императором Николаем II.

12 июля — был принят императором Николаем II.

16 июля — послал циркуляр губернаторам по переселенческим вопросам.

27 июля — был принят императором Николаем II.

10 августа — был принят императором Николаем II.

16 августа — был принят императором Николаем II.

26 августа — послал разъяснение генерал-губернаторам и губернаторам о политике правительства в крестьянском вопросе.

5 сентября — был принят императором Николаем II.

6 сентября — был принят императором Николаем II.

20 сентября — был принят императором Николаем II.

8 октября — был принят императором Николаем II.

17 октября — был принят императором Николаем II.

25 октября — был принят императором Николаем II.

1 ноября — присутствовал на открытии III Государственной думы.

2 ноября — был принят императором Николаем II.

7 ноября — был принят императором Николаем II.

16 ноября — выступил в Государственной думе с программным заявлением правительства.

17 ноября — был принят императором Николаем II.

26 ноября — был принят императором Николаем II.

3 декабря — был принят императором Николаем II.

12 декабря — был принят императором Николаем II.

18 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен проект преобразования земских и городских учреждений.

29 декабря — был принят императором Николаем II.

31 декабря — составил тезисы относительно отмены черты оседлости.

1908, 1 января — Высочайшим указом назначен статс-секретарем Его Императорского Величества.

12 января — был принят императором Николаем II.

18 января — был принят императором Николаем II.

26 января — был принят императором Николаем II.

1 февраля — принял участие в заседании Совета государственной обороны, на котором рассматривался вопрос строительства военного флота.

5 февраля — был принят императором Николаем II.

9 февраля — присутствовал на заседании думской комиссии по обороне.

11 февраля — был принят императором Николаем II.

15 февраля — издал циркуляр губернаторам о необходимости особого внимания к правительственным мероприятиям по крестьянскому вопросу.

19 февраля — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О порядке переселения за Урал в 1908 г.».

27 февраля — был принят императором Николаем II.

3 марта — выступил в думской комиссии по обороне по вопросу расходов на военный флот.

5 марта — был принят императором Николаем II.

13 марта — был принят императором Николаем II.

19 марта — был принят императором Николаем II.

29 марта — был принят императором Николаем II.

30 марта — издал циркуляр губернаторам о необходимости созыва особых совещаний из представителей земских и городских общественных организаций.

3 апреля — был принят императором Николаем II.

5 апреля — провел заседание Совета по делам местного хозяйства.

11 апреля — был принят императором Николаем II.

21 апреля — присутствовал на венчании дочери Марии.

26 апреля — был принят императором Николаем II.

5 мая — выступил в Государственной думе по вопросу Великого княжества Финляндского.

7 мая — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос об управлении Дальним Востоком.

8 мая — был принят императором Николаем II.

14 мая — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О порядке направления финляндских дел, касающихся интересов Империи».

24 мая — выступил в Государственной думе по вопросу морской обороны.

29 мая — был принят императором Николаем II.

30 мая — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О продлении срока действия представленных начальникам некоторых губерний и областей особых полномочий по охранению общественного порядка и спокойствия во вверенных им местностях».

31 мая — выступил в Государственном совете по вопросу строительства Амурской железной дороги.

3 июня — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О кредите на постройку стратегических путей на Дальнем Востоке».

5 июня — провел заседание Совета министров, на котором было рассмотрено представление Министерства внутренних дел «О распространении действия Высочайших Манифеста и Указа 3 ноября 1905 года об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения на горнозаводское население и на некоторые другие разряды сельских обывателей». 13 июня — выступил в Государственном совете по вопросу деятельности Морского министерства.

16 июня — был принят императором Николаем II.

17 и 19 июня — провел заседания Совета министров, на которых были рассмотрены проекты законоположений об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании их от несчастных случаев, о присутствии по делам страхования рабочих и о совете по тем же делам.

28 июня — был принят императором Николаем II.

16августа — был принят императором Николаем II.

19 августа — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О кредите на постройку стратегических путей на Дальнем Востоке».

31 августа — провел совещание по вопросам государственной обороны.

2 сентября — был принят императором Николаем II.

12 сентября — разослал министрам и главноуправляющим ведомствами циркуляр относительно их общения с периодической печатью.

21 сентября — был принят императором Николаем II.

30 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О кредите на постройку стратегических путей на Дальнем Востоке».

9 октября — был принят императором Николаем II.

14 октября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об условиях кредита на землеустроительное дело и о продлении росписания личного состава землеотводных партий в Европейской России».

18 октября — был принят императором Николаем II.

21 октября — провел совещание с министрами иностранных дел, финансов и военным о возможном развитии инцидента в Касабланке, чреватого возникновением европейской войны.

27 октября — был принят императором Николаем II.

10 ноября — был принят императором Николаем II.

11 ноября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос о планирующихся выступлениях министров в Государственной думе. Провел совещание с министрами иностранных дел, финансов и товарищем военного министра по персидским делам.

20 ноября — открыл вторую сессию Совета по делам местного хозяйства.

21 ноября — был принят императором Николаем II.

25 ноября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О перенесении на места ближайшей разработки вопроса землеустройства и улучшения крестьянского хозяйства».

2 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об учреждении совета по судостроению».

5 декабря — выступил в Государственной думе по вопросу земельного закона и землеустройства.

10 декабря — был принят императором Николаем II.

16 декабря — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены проекты Министерства внутренних дел «Положение о поселковых и волостных управлениях» и «Правила приведения в действие означенных положений».

18 декабря — был принят императором Николаем II.

29 декабря — был принят императором Николаем II.

30 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос об учреждении штатов центральных органов и управлений по строительству железных дорог Министерства путей сообщения.

31 декабря — подал доклад императору Николаю II о ходатайстве аэроклуба по сбору капитала на учреждение воздушного флота.

1909, 8 января — был принят императором Николаем II.

9 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О выдаче предсметных ссуд для улучшения крестьянского землепользования».

13 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По проекту Министерства внутренних дел о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний с образованием из них особой Холмской».

16 января — был принят императором Николаем II.

21 января — провел заседание правительства, на котором выступил относительно предстоящего думского запроса по делу Азефа.

23 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По поводу составленного в комиссии Государственной думы по судебным реформам проекта основных положений по преобразованию Правительствующего Сената». Был принят императором Николаем II.

28 января — был принят императором Николаем II.

11 февраля — выступил в Государственной думе по делу Азефа.

12 февраля — был принят императором Николаем II.

23 февраля — был принят императором Николаем II.

29 марта — награжден орденом Белого орла с Высочайшим рескриптом.

22 апреля — был принят императором Николаем II.

27 апреля — был принят императором Николаем II.

4 мая — был принят императором Николаем II.

8 мая — выступил в Государственном совете по вопросу о выборах членов Государственного совета от девяти западных губерний.

13 мая — был принят императором Николаем II.

22 мая — выступил в Государственной думе по законопроекту о вероисповеданиях.

28 мая — был принят императором Николаем II.

30 мая — выступил в Государственной думе по вопросу порядка выборов членов Государственного совета.

3 июня — был принят императором Николаем II.

4 июня — участвовал во встрече российского и германского императоров на яхте «Штандарт».

17 июня — был принят императором Николаем II.

23 июня — провел заседание Совета министров, на котором было принято решение об учреждении Комитета по заселению Дальнего Востока.

24 июня — вместе с императором Николаем II отбыл в Полтаву и Киев для участия в торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы, в которых участвовал до 28 июня.

7 июля — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О бесплатной перевозке переселенцев и ходоков в 1909–1910 гг.»

9 июля — был принят императором Николаем II.

11 августа — внес в Сенат для опубликования Высочайшее распоряжение о принятии аэроклуба под покровительство императора.

22 августа — был принят императором Николаем II.

1 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О дальнейшем оставлении в исключительном положении Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний».

5 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О дальнейшем оставлении Херсонской губернии в исключительном положении».

23 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О дальнейшем оставлении в исключительном положении Таврической губернии, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, Екатеринбургского и Верхотурского уездов Пермской губернии, а также некоторых местностей Закаспийской области». Провел совещание по персидским делам.

6 октября — произнес речь на открытии третьей сессии Совета по делам местного хозяйства.

10 октября — присутствовал на открытии третьей сессии Государственной думы. Провел совещания по персидским и финляндским делам.

22 октября — провел совещание по персидским делам.

26, 27 и 28 октября — был принят императором Николаем II.

11 декабря — выступил в Государственной думе по вопросу об увеличении содержания чинам губернских правлений и канцелярий губернаторов.

21 декабря — был принят императором Николаем II.

28 декабря — был принят императором Николаем II.

29 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об оставлении города Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии на положении чрезвычайной охраны».

30 декабря — провел заседание Совета министров, на котором было отвергнуто предложение Вашингтона о выкупе железных дорог в

Маньчжурии.

1910, 5 января — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены представление Министерства внутренних дел «По делу о распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую и Подольскую губернии» и ряд вопросов по улучшению положения крестьян и помощи переселенцам.

7 января — был принят императором Николаем II.

13 января — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По проектам устава и штата Императорских российских университетов».

18 января — был принят императором Николаем II.

20 января — провел заседание комитета по заселению Дальнего Востока.

27 января — был принят императором Николаем II.

3 февраля — провел заседание Совета министров, на котором выступил по вопросу «О выборе направления восточной части Амурской железной дороги».

5 февраля — был принят императором Николаем II.

12 февраля — был принят императором Николаем II.

24 февраля — выступил в Государственном совете по вопросу о тарифных сборах.

26 февраля — был принят императором Николаем II.

2 марта — провел совещание по вопросу о праве застройки.

5 марта — издал циркуляр о пределах использования чрезвычайного положения.

9 марта — был принят императором Николаем II.

15 марта — выступил в Государственном совете по вопросу о праве выхода крестьян из общины.

22 марта — был принят императором Николаем II.

23 марта — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об обследовании состояния профессионального образования в России».

26 марта — выступил в Государственном совете по вопросу о крестьянской семейной собственности.

31 марта — выступил в Государственном совете по вопросу прерогатив правительства в деле организации вооруженных сил.

1 апреля — был принят императором Николаем II.

6 апреля — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О командировании на Урал межведомственной

комиссии для выяснения и принятия необходимых мероприятий по обеспечению быта рабочего населения уральских горных заводов» и «О предоставлении поселкам права взимать дополнительный к промысловому налогу сбор».

9 апреля — был принят императором Николаем II.

14 апреля — издал циркуляр губернаторам, градоначальникам, начальникам областей о политике правительства по отношению к сектантским съездам.

22 апреля — был принят императором Николаем II.

27 апреля — провел заседание правительства, на котором были рассмотрены вопросы «О преобразовании управления городов в губерниях Царства Польского» и «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель».

4 мая — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О прекращении усиленной охраны в некоторых местностях Области войска Донского и Пермской губернии».

6 мая — издал циркуляр губернаторам о выделе надельной земли.

7 мая — выступил в Государственной думе по вопросу законопроекта о введении Земского положения 1890 года в шести губерниях Западного края. Был принят императором Николаем II.

15 мая — выступил в Государственной думе по вопросу о количестве польских гласных в западных земствах.

19 мая — был принят императором Николаем II.

21 мая — выступил в Государственной думе по вопросу положения в Великом княжестве Финляндском.

27 мая — провел совещание по Черноморскому флоту с участием министров и членов Государственной думы.

28 мая — был принят императором Николаем II.

8 и 11 июня — выступал в Государственном совете по вопросу положения в Великом княжестве Финляндском.

18 июня — издал циркуляр об образовании сельских обществ из хуторян.

19 июня — издал два циркуляра губернаторам о применении закона о крестьянском землевладении.

4 июля — был принят императором Николаем II на яхте «Штандарт».

3 августа — провел заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос «Об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных».

11 августа — был принят императором Николаем II.

19 августа — 19 сентября — поездка в Сибирь, Степной край и приволжские губернии.

23 сентября — на Комендантском аэродроме около Санкт-Петербурга совершил полет на биплане «Фарман», пилотируемом капитаном Львом Мациевичем.

28 сентября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос преобразования Главного управления землеустройства и земледелия.

6 октября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об усилении нашего военного положения на Черном море и на Кавказе».

13 октября — издал циркуляр губернаторам, начальникам областей, градоначальникам об отношении к сектантским собраниям.

15 октября — провел совещание по персидским делам.

19 октября — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О правительственном надзоре за русскими владениями на Камчатке и Чукотском полуострове» и «О порядке ходяческого движения за Урал в 1911 г.».

4 ноября — был принят императором Николаем II.

9 ноября — выступил на открытии пятой сессии Совета по делам местного хозяйства.

11 ноября — был принят императором Николаем II.

16 ноября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О некоторых мероприятиях к ограждению интересов русского по происхождению населения в будущих волостях Юго-Западного и Северо-Западного края».

18 ноября — был принят императором Николаем II.

23 ноября — принял участие в представлении членов Совета по делам местного хозяйства императору Николаю II.

24 ноября — был принят императором Николаем II.

25 ноября — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О дополнениях законопроекта о преобразовании управления городов губерний Царства Польского».

1 декабря — выступил в комиссии Государственного совета по вопросу о реформе местного суда.

9 декабря — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «О мерах к улучшению положения горнозаводского дела на Урале», «О мерах поощрения русского сельскохозяйственного машиностроения».

10 декабря — был принят императором Николаем II.

11 декабря — у морского министра участвовал в совещании министров и членов Государственной думы по вопросам военного флота.

14 декабря — утвердил Положение об общеземском съезде по народному образованию.

16 декабря — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «Об изменении Устава о воинской повинности и о вызываемых такой мерой расходах», «О сооружении индоевропейского транзитного пути».

23 декабря — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «По вопросу о допущении иностранцев к занятию нефтяным промыслом в России».

29 декабря — был принят императором Николаем II.

1911, 12 января — был принят императором Николаем II.

15 января — подал записку в Совет министров о необходимости противодействия панисламскому и пантуранскому влиянию среди мусульман России.

20 января — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «Об открытии новых высших учебных заведений и о расширении существующих», «О мерах к развитию телефонных сообщений в России».

21 января — был принят императором Николаем II.

28 января — был принят императором Николаем II. Выступил в Государственной думе по вопросу земских учреждений в Западном крае.

29 января — провел заседание Совета министров, на котором представил проект о создании потешных полков (системы начальной военной подготовки для юношества).

7 февраля — выступил в Государственном совете по вопросу о земских учреждениях в Западном крае.

3 февраля — был принят императором Николаем II. Провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы «Об установлении на финляндских железнодорожных путях чрезвычайной охраны», «О порядке ходаческого движения за Урал в 1911 г.», «О порядке действия наших охранных судов в северных водах Тихого океана».

5 февраля — провел заседание комитета по Дальнему Востоку.

7 февраля — был принят императором Николаем II.

16 февраля — был принят императором Николаем II.

17 февраля — провел заседание Совета министров, на котором были рассмотрены вопросы об устройстве телефонных сообщений и сооружении

железных дорог в Западной Сибири и Северном Туркестане.

19 февраля — сопровождал императора Николая II при приеме в Зимнем дворце волостных старшин.

25 февраля — был принят императором Николаем II.

4 марта — выступил в Государственном совете по вопросу о национальных отделениях в будущих земствах Западного края.

5 марта — был принят императором Николаем II и подал прошение об отставке в связи с вопросом введения земств в Западном крае, которое было отклонено.

10 марта — был принят императором Николаем II.

12 марта — провел заседание Совета министров, на котором был рассмотрен вопрос «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернию».

18 марта — был принят императором Николаем II.

23 марта — был принят императором Николаем II.

24 марта — провел заседание Совета министров, на котором заявил о необходимости в ближайшее время дать объяснения по использованию ст. 87 Основных законов для принятия закона о земстве в Западном крае.

1 апреля — выступил в Государственном совете с разъяснением об использовании ст. 87 Основных законов.

4 апреля — был принят императором Николаем II.

6 апреля — выступил в Государственном совете с разъяснением об использовании ст. 87 Основных законов.

10 апреля — награжден орденом Святого Александра Невского с Высочайшим рескриптом.

19 апреля — был принят императором Николаем II.

27 апреля — выступил в Государственной думе с разъяснением об использовании ст. 87 Основных законов.

21 мая — провел заседание Советов министров, на котором был рассмотрен вопрос «Об устройстве кредита для городов и земств». *23 мая* — был принят императором Николаем II.

3 июня — был принят императором Николаем II.

3 августа — был принят императором Николаем II.

4 августа — подал записку в Совет министров об образовании курсов по изучению ислама и издании специального журнала по этому вопросу.

25 августа — выехал в Киев для участия в торжествах по случаю открытия памятников императору Александру II и святой княгине Ольге.

28 августа — прибыл в Киев. Присутствовал на торжественном

молебне и освящении Педагогического музея имени цесаревича Алексея, принял ряд делегаций.

29 августа — встретил императора Николая II на киевском вокзале. Присутствовал на литургии в Софийском соборе, встретился с членами Киевского военно-исторического общества, посетил Киево-Печерскую лавру

30 августа — посетил Михайловский монастырь, присутствовал на освящении памятника императору Александру II, принимал участие в торжественных мероприятиях.

31 августа — присутствовал на маневрах, принимал делегации. Вечером был на концерте в саду Купеческого собрания.

1 сентября — встретился с министром финансов Владимиром Коковцовым. Принял делегацию клуба русских националистов. Присутствовал на смотре потешных на ипподроме. Вечером был тяжело ранен террористом Дмитрием Богровым на спектакле в городском театре.

5 сентября — смерть Петра Аркадьевича Столыпина.

9 сентября — похоронен в Киево-Печерской лавре рядом с могилами Искры и Кочубея.

1962 — по распоряжению Н. С. Хрущева было снесено надгробие с могилы П. А. Столыпина, а ее место заасфальтировано.

1989 — найдено уцелевшее надгробие с могилы, и она восстановлена в первоначальном виде.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. I–II. М., 2004.

Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991.

Аврех Л. Я. Столыпин и Третья Дума. М.: Наука, 1968.

Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.) // Материалы по истории крестьянских движений в России / Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичеты, В. М. Фриче. М.; Л., 1924. Вып. 4.

Аксаков А. П. Высший подвиг. СПб.: Изд-во Всероссийского национального клуба, 1912.

Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Нью-Йорк, 1962.

Архангельский П. Г. Очерки по истории земельного строя России. Казань: Госиздат, 1921.

Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М.: Новая деревня, 1925.

Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999.

Богров В. Дм. Богров и убийство Столыпина. Разоблачение действительных и мнимых тайн. Берлин, 1931.

Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004.

Бурцев В. В погоне за провокаторами. М.: Современник, 1989.

Вел. Кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж: Иллюстрированная Россия, 1933.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. III: 17 октября 1905–1911: Царствование Николая II. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994.

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991.

Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998.

Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина / Сост. Е. В. Варпаховская. СПб.: Изд-во составителя, 1911. Ч. I–III.

Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957.

Государственная дума. Стенографические отчеты. За период 1906–1911. СПб.: Гостипография, 1906–1911.

Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008.

Государственный Совет. Стенографические отчеты. За период 1906–1911. СПб.: Гостипография, 1906–1911.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра временного правительства. М., 1993.

Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996.

Записки П.А.Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Публ. Д. Ю. Арапова/ Восток. 2003. № 2. С. 124–144.

Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1957.

Зырянов П. Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992.

Из воспоминаний А. И. Гучкова // Последние новости. 1936. 16 сентября.

Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954.

Извольский А. П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.

Изгоев Л. П. А Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912.

Кисин С. Петр Столыпин. Последний русский дворянин. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1.

Колоколов Б. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М.: Молодая гвардия, 2009.

Кольшко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009.

Кофод А. А. 50 лет в России (1878–1920) / Пер. с дат. М.: Права человека, 1997.

Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

Красильников Н. П. А. Столыпин и его деятельность в первой, второй и третьей Государственной думе. СПб., 1912.

Крестьянское движение в России. Июнь 1907 — июнь 1914. Сборник документов / Ред. А. В. Шапкарин. М.; Л.: Наука, 1966.

Кривошей К. А. А. В. Кривошей (1857–1921 гг.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, без г. в.

Курлов П. Г. Гибель Императорской России. Берлин: Изд-во Отто Кирхнер и К⁰, 1923.

Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг, 1923.

Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.

Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы, Политический сыск в России. 1649–1917. СПб., 1992.

Маевский Вл. Борец за благо России. Мадрид, 1962.

Милюков П. И. Воспоминания (1859–1917). Т. I–II / Под ред. М. М. Карповича, Б. И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Париж: YMCA-Press, 1947.

Могилевский К И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: РОССПЭН, 2008.

Могилевский К И., Соловьев К. А. П. А. Столыпин: личность и реформы. М.: РОССПЭН, 2010.

Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914.

Николаевский Б. И. История одного предателя. Берлин, 1932.

Николаевский Б. И. Конец Азефа. Берлин: Петрополис, 1931.

Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912. Ч. 2. Законодательная деятельность / Сост. Канцелярией Гос. Думы. СПб.: Гостипография, 1912.

Оболенский А. В. Мои воспоминания и размышления. Брюссель, 1961.

Ознобишин А. А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж, 1927.

Ольденбург С. С. 25 лет перед революцией. Вашингтон, 1981.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1.4. 1.

Белград, 1939; Ч. 2. 1939; Т. II. Ч. 3, 4. Мюнхен, 1949.

Особые журналы Совета министров за 1906–1911. СПб.: Гостипография, 1906–1911.

П. А Столыпин. Жизнь и смерть за царя. М.: Рюрик, 1991.

П. А. Столыпин. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011.

П. А. Столыпин: Грани таланта политика. М.: РОССПЭН, 2012.

Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Пг, 1922.

Первая Государственная Дума: Сборник статей. СПб.: Общественная польза, 1907. Вып.1. Политическое значение первой Думы.

Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000.

Петр Столыпин: Сборник / Сост. Г И. Лысцов. М.: Новатор, 1997.

Пожигаило П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М.: РОССПЭН, 2007.

Пожигаило П. А., Демидов И. И., Соколов Р. И., Шелохаев В. В. П. А. Столыпин: Переписка. М.: РОССПЭН, 2004.

Пожигаило П. А., Демидов И. И., Соколов Р. И., Шелохаев В. В. П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М.: РОССПЭН, 2006.

Пожигаило И А., Демидов И. И., Шелохаев В. В. П. А. Столыпин. Биохроника. М.: РОССПЭН, 2006.

Пожигаило П. А., Могилевский К. И., Шелохаев В. В. П. А. Столыпин глазами современников. М: РОССПЭН, 2008.

Пожигаило П. А., Шелохаев В. В. Петр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2011.

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2001.

Прайсман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001.

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов / Авт. — сост. Л. Т. Сенчакова. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Рейн Г. Е. Из пережитого, 1907–1918. Т. I–II. Берлин, 1933.

Рыбас С. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2009.

Рыбас С, Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.

Сидоровнин Г. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002.

Скворцов А. И. Аграрный вопрос и Государственная дума. СПб., 1906.

- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.
- Столыпин А. П. П. А Столыпин. 1862–1911. Париж, 1927.
- Столыпин И. А. «Нам нужна Великая Россия...» Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1991.
- Струков Д. Б. Столыпин. М.: Вече, 2012.
- Табачник Д. В., Воронин В. Н. Крестный путь Петра Столыпина. Харьков: Фолио, 2012.
- Табачник Д. В., Воронин В. Н. Убийство Столыпина. Харьков: Фолио, 2010.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 78.
- Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1910.
- Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.
- Тэри Эд. Россия в 1914 г. Экономический обзор. Париж: YMCA-Press, 1986.
- Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991.
- Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк: Телекс, 1989.
- Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Т. I–II. СПб.: Лимбус пресс, 2002.
- Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907; 1917–1922 гг. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 1997.
- Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923.
- Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007.
- Шубинской Н. П. Памяти П. А. Столыпина. М.: Типография Мамонтова, 1913.
- Шульгин В. В. Выборное земство в Юго-Западном крае. Киев, 1909.
- Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1990.
- Шульгин В. В. Размышления. Две старые тетради // Сборник: Неизвестная Россия. XX век / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М.: Историческое наследие, 1992.

Иллюстрации

Стальтин

Святой благоверный князь Михаил Черниговский. В. М. Васнецов.
Роспись Владимирского собора в Киеве. 1890-е гг.

Герб рода Столыпиных с родовым девизом «Бог — моя надежда».

Генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин. *Неизвестный художник Начало XIX в.*

Аркадий Дмитриевич Столыпин и его супруга Наталия Михайловна.
1880-е гг.

Братья Петр и Александр Аркадьевичи Столыпины. 1866 г.

Петр Аркадьевич Столыпин — учащийся Виленской гимназии. 1876 г.

Петр Аркадьевич Столыпин — студент Санкт-Петербургского университета. 1881 г.

Дом в Колноберже.

Петр Аркадьевич Столыпин с супругой Ольгой Борисовной и дочерью Марией. 1889 г.

Дети Столыпиных. Слева направо: Наталья, Елена, Александра, Мария, Аркадий, Ольга. Саратов. 1905 г.

Вячеслав Константинович фон Плеве.

Сергей Юльевич Витте.

Русская делегация на переговорах в Портсмуте. 1905 г.

Петр Аркадьевич Столыпин — саратовский губернатор.

Генерал-адъютант Виктор Викторович Сахаров.

П. А. Столыпин беседует с крестьянами села Булгаковка Вольского

уезда Саратовской губернии.

Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения Александр Васильевич Герасимов.

Секретный сотрудник охранного отделения Евно Фишелевич Азеф.

Дача Столыпина на Аптекарском острове после взрыва. 12 августа 1906 г.

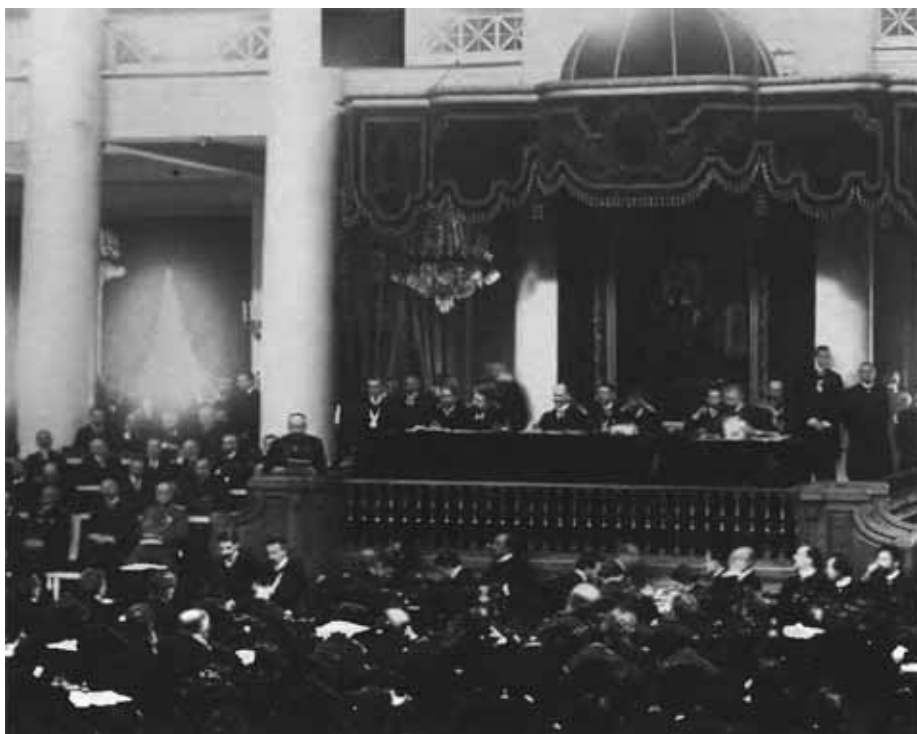

Павел Николаевич Милюков.

Иван Логгинович Горемыкин.

Выступление председателя Совета министров П. А. Столыпина с программной декларацией во II Государственной думе. 6 марта 1907 г.

Владимир Николаевич Коковцов.

Александр Иванович Гучков.

Поднесение адреса и хлеба-соли П. А. Столыпину на хуторах близ

Москвы. Август 1910 г.

Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1909 год.

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянами близ Москвы. Август 1910 г.

Павел Григорьевич Курлов, товарищ министра внутренних дел (1909–1911).

Заведующий Охранной агентурой Александр Иванович Спиридович.

П. А. Столыпин и киевский генерал-губернатор А. Гирс перед Высочайшим смотром «потешных» в Киеве, за шесть часов до трагической катастрофы. *1 сентября 1911 г.*

Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершкович) Богров после покушения на П. А. Столыпина.

Билет в городской театр, полученный Богровым от Киевского охранного отделения. Верхний левый угол надорван при входе охраной.

Самое популярное орудие политических покушений начала XX века — пистолет FN/Browning M.1900.

П. А. Столыпин скончался. 5 сентября 1911 г.

Перенесение гроба с телом П. А. Столыпина из частной хирургической больницы.

Дети П. А. Столыпина. Слева направо: Наталья, Елена, Ольга, Александра и Аркадий. 1915 г.

Восстановленное надгробие над могилой Петра Аркадьевича Столыпина в Киево-Печерской лавре.

Памятник Петру Аркадьевичу Столыпину в Киеве, открытый 6 сентября 1913 года перед зданием Киевской городской думы.

---

notes

Примечания

Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970) — выдающийся русский социолог и правовед, один из создателей социологии права (отрасль социологии, изучающая вопросы функционирования права как социального института). Автор классических трудов «Преступления против религии», «Преступное возбуждение масс» (в котором антигосударственная революционная деятельность исследовалась с точки зрения права), «Теория социологии», «Введение в социологию права» и ряда других. Считал основой государственного и культурного развития России христианскую цивилизацию. Умер в Нью-Йорке.

В переводе с латыни «безболезненный, нечувствительный к боли».

Душ, обложенных податями. То есть только мужчины.

Происходит от латинского слова *servitus* — подчиненное положение. Означает право ограниченного пользования чужим земельным участком.

Так в оригинале.

Всеобщая истерика (фр.).

Чтобы хоть немного уменьшить риск покушения на шефа МВД.

Группа польских депутатов в Думе во главе с Романом Дмовским.

Имеется в виду создание по личной инициативе Столыпина отдельной Холмской губернии из нескольких уездов Седлецкой и Люблинской губерний с целью снижения польского влияния в крае.